БЫЛОГО СЛЫШУ ШАГ

БИБЛИОТЕКА «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

ЕГОР
ЯКОВЛЕВ

БЫЛОГО СЛЫШУ ШАГ

МОСКВА

«ИЗВЕСТИЯ» ● 1985

ББК 84Р7
Я 47

Художник В. СМИРНОВ

Я $\frac{4702010000—035}{074(02) — 85}$ 77—85 подписное

Да здравствуетъ русская революція!

[25 X.1917]

КОНСТИТУЦИЯ

1918

Взгляд сквозь годы

АПРЕЛЬ

Свою биографию писал лишь однажды — весной 1917 года.

«Зовут меня Владимир Ильич Ульянов.

Родился я в Симбирске 10 апреля 1870 года. Весной 1887 г. мой старший брат, Александр, казнен Александром III за покушение (1 марта 1887 г.) на его жизнь. В декабре 1887 г. я был первый раз арестован и исключен из Казанского университета за студенческие волнения; затем выслан из Казани.

В декабре 1895 г. арестован второй раз за социал-демократическую пропаганду среди рабочих в Питере...»

А дальше чистый лист бумаги, как говорится в комментариях к изданию, на этом рукопись обрывается.

Лениным написано более трех тысяч печатных листов, пятьдесят пять томов занимает собрание его сочинений, и только эти строки — сколько их, пять, десять? — посвящены самому себе, своей жизни. Впрочем, не появились бы и эти строки, не обратись весной 1917 года солдаты 8-й конноартиллерийской батареи с вопросом: кто же он такой, Ленин?

В России тогда победила Февральская буржуазная революция. Ленин вернулся из эмиграции на Родину. О первых же выступлениях Владимира Ильича заговорили повсюду. Имя его упоминали все газеты, а по тому, в каком тоне это делалось, какими эпитетами сопровождалось, можно было судить о направлении каждого издания. Вот и просили солдаты: расскажите правду о Ленине. Они не знали, очевидно, что сама эта фамилия — Ленин всего лишь псевдоним, один из многих, под которыми приходилось скрываться рево-

люционеру Владимиру Ульянову. По-разному, бывало, подписывал свои работы, обманывая охранку, стараясь обойти российскую цензуру: Ленивцын и Мейер, Ивановский, Куприянов и Базиль, Якоб Рихтер и Вильям Фрей, Ив. Петров, просто Иван и Иванов, Ильин и Дядя, Карпов, Тулин, Карич, Мирянин, Осипов, Перючев, Силин, Старик. Случалось, ставил и такие подписи — Не-депутат, или Не-либеральный скептик... А в 1902 году брошюру «Задачи русских социал-демократов» впервые подписал — Н. Ленин и все последующие годы чаще всего следовал этому псевдониму. Даже в печати обычно упоминался либо В. Ульянов, или же Н. Ленин.

Итак, весной семнадцатого солдаты 8-й конноартиллерийской батареи писали с фронта в Петроградский Совет: «Ввиду того, что между солдатами батареи происходит много трений относительно Ленина, просим не отказать нам дать скорейший, по возможности, ответ. Какого он происхождения, где он был, если он был сослан, то за что? Каким образом он вернулся в Россию и какие действия он проявляет в настоящий момент, т. е. полезны ли они нам или вредны? Одним словом, просим убедить нас своим письмом так, чтобы после этого у нас не было никаких споров, не теряли бы напрасно время и другим товарищам могли бы в состоянии доказать».

Это письмо и передали Владимиру Ильичу. Он взялся было за перо, написал солдатам, что готов ответить на все их вопросы, «кроме последнего, ибо только вы сами можете судить, полезны вам мои действия или нет». Но не закончил, оборвал на полуфразе. Был занят, недоставало времени? Да, шла весна семнадцатого. Как руководитель большевиков, Ленин боролся за перерастание революции буржуазной в революцию социалистическую. Как редактор газеты «Правда», ежедневно работал над ее материалами, писал статьи, случалось, и по две-три в номер. Как русский человек, стремился всей грудью вдохнуть ветер свободы, который принесла Февральская революция.

1 Мая семнадцатого года, вспоминала Н. К. Крупская, Ленин был вместе с демонстрантами, выступал на Дворцовой площади, на Марсовом поле, на Охте. «Когда Ильич вернулся, меня поразило его взволнованное лицо. Живучи за границей, мы обычно ходили

на маевки, но одно дело — маевка с разрешения полиции, другое дело — маевка революционного народа, народа, победившего царизм...»

Но как бы то ни было, одной лишь нехваткой времени не объяснить, пожалуй, историю с неоконченным ответом на солдатское письмо. Задумываешься над ней — и возникают вопросы. Начал писать ответ и прервал работу, более того, словно выкинул ее из памяти, отринул от себя, никогда к ней вновь не возвращался. Был занят, не счел себя обязанным ответить на вопросы солдат? И это в то время, когда повсюду распускались небылицы о большевиках, о самом Владимире Ильиче? Нет, такого быть не могло. Но не существует же иного ленинского документа, кроме этого наброска, кроме этих нескольких строк лишь начатой рукописи!

Солдатские письма, подобные тому, которое передали Ленину, не были редкостью. И коль уж отвечать на них, то конечно же на страницах большевистской газеты «Солдатская правда». Письмо, переданное Ленину, датировано мартом. Посмотрим же номера газеты за последующие месяцы, перелистаем пожелтевшие, рыхлые, словно вспученные временем, страницы газеты. И вот рассказ о Владимире Ильиче, написанный Крупской,— на первой полосе «Солдатской правды», 26 мая 1917 года. Нет, Ленин не забыл о просьбе солдат: на рукописи Крупской — ее удалось разыскать в архиве — редакторские пометки, сделанные рукой Владимира Ильича. И прервал, не закончил ответ солдатам конечно же не оттого, что отвлекали иные дела. Скорее испытывал чувство неудобства, не имея привычки рассказывать о себе; написал первые строки, а дальше продолжать не захотел.

Написанные Надеждой Константиновной страницы стали, очевидно, первой в России биографией Ленина. Свое повествование Крупская закончила рассказом о том, как приехал Владимир Ильич в Петроград, как встречали его рабочие и с какой злобой обрушилась на него буржуазия. «Для них он был олицетворением того перехода власти к рабочим, который грозит всему существующему порядку, всем привилегиям сытых и так недавно еще господствующих... Класс против класса! Ленин с тем классом, передовым борцом которого он был всю жизнь».

Здесь Крупская поставила точку, поскольку написала все, что было известно к тому моменту. А последующее — без чего немыслима ныне всемирная история — Великая Октябрьская социалистическая революция, Декреты о мире и о земле, об образовании рабоче-крестьянского правительства, рождение Республики Советов — тогда все это еще было в будущем...

Спустя годы Крупская не раз возвращалась к мысли о том, чтобы продолжить начатую прежде работу· создать биографию Владимира Ильича.

Один из старейших большевиков, Г. И. Петровский, писал в своих воспоминаниях: «Последний раз я видел Надежду Константиновну и разговаривал с ней за два года до ее смерти, когда меня перевели с Украины на работу в Москву. Мы встретились в Кремле, у порога здания Совнаркома. Печально смотрели на меня ее милые грустные глаза. Но говорила она о деле, о работе. Я сказал ей, что она обязательно должна написать полную биографию Владимира Ильича, что лучше ее никто этого не сделает. Надежда Константиновна ответила тогда мне, что по ее плану она должна прожить еще пять лет, что через два года она примется за это дело и в два года напишет.

Не удалось Надежде Константиновне выполнить свой план. Через два года, в 1939 году, ее не стало».

* * *

В пятницу, 10 апреля 1870 года, на Волге вскрылся лед, писали «Симбирские губернские ведомости». И тогда же «Московские ведомости» публиковали известие из Петербурга: «Нева прошла мимо Зимнего Дворца; лед остановился подле Сената». Обычные сообщения газет звучат теперь символически — в этот день в Симбирске родился Владимир Ульянов-Ленин. Революция, которую он возглавит, изменит российский календарь, и для нас эта дата станет двадцать вторым апреля.

В тот день газеты больше всего занимала охота императора Александра II: «Его Величество Государь Император с Великим Князем Владимиром Александровичем изволили выехать в 10 часов из Петербурга и прибыли в 12 ч. 25 мин. к месту охоты. Охота была удачна: убиты два медведя; один застрелен Его Величеством, другой — Великим Князем». Медведь, поверженный самодержцем, лежит под его сапогом, как и

вся Россия... Но тогда же — 22 апреля 1870 года - Виктор Гюго запишет в своих заметках: «Будущее отныне принадлежит двум типам людей: человеку мысли и человеку труда. В сущности, они оба составляют одно целое». И, будто продолжая запись, спустя сорок семь лет таким же апрельским днем 1917 года Ромен Роллан пометит: «Ленин считается мозгом всего революционного движения».

Апрель 1870-го. Годом раньше скончался последний декабрист, оставшийся в Сибири,— Иван Иванович Горбачевский. Больной одинокий старец писал незадолго до смерти: «В моей жизни, кроме скуки, горя, ничего не вижу и не предвижу лучшего; никого при мне нет близкого — все это разъехалось, разлетелось, все бегут из Завода, одни по охоте, другие по надобностям. Я один остаюсь на месте, как гнилой верстовой столб, мимо которого мелькают люди и происшествия. Прощайте...»

Ходят в рукописных списках, передаются из рук в руки стихи поэта, которого уже больше трех десятилетий нет в живых,— действует цензурный запрет на стихи Пушкина, посвященные декабристам:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Совсем недавно — всего лишь три месяца назад — умер в изгнании А. И. Герцен. В 1870 году истекает семилетний срок каторги Н. Г. Чернышевского. И тогда же его препроводят в Якутию — еще на 13 лет. На все просьбы облегчить участь Чернышевского Александр II неизменно отвечает: «Пока я жив, Чернышевский не выйдет из Сибири».

«Пока я жив...» Спустя одиннадцать лет двадцатипятилетний Игнат Гриневицкий бросит бомбу в Петербурге: смертельно ранит себя, но будет казнен по приговору «Народной воли» император Александр II — удачливый охотник на медведей.

Минует еще немало лет, и, оглядывая путь русской революции, Ленин напишет:

«Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского

и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс».

Весной 1870 года Карл Маркс писал Фридриху Энгельсу, «что нынешнее положение в России не может дольше продолжаться, что отмена крепостного права в сущности лишь ускорила процесс разложения и что предстоит грозная социальная революция». Маркс и Энгельс верили в русскую революцию и с нетерпением ожидали ее: «...при благосклонности матери-природы мы доживем до этого торжества!» — писал Маркс, когда ему было пятьдесят девять лет. Писал ровно за сорок лет до Великой Октябрьской социалистической революции. Нет, история распорядилась иначе, и революция в России произошла позже, чем предполагали Маркс и Энгельс. «Но *такие* ошибки гигантов революционной мысли,— напишет спустя годы Ленин,— поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач,— в тысячу раз благороднее, величественнее и *исторически ценнее, правдивее,* чем пошлая мудрость казенного либерализма, поющего, вопиющего, взывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы...»

...22(10) апреля 1870 года «Симбирские губернские ведомости» не выходили. А на другой день опубликовали статью «О состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии». В конце ее подпись — И. Ульянов. Автором этого обстоятельного и прогрессивного по тем временам исследования был Илья Николаевич Ульянов — педагог по призванию, инспектор, а затем и директор народных училищ Симбирской губернии — по службе. Получил генеральскую должность — действительного статского советника,— право на потомственное дворянство и остался шестидесятником по убеждениям, был одним из тех русских интеллигентов, кто и в самые тяжкие времена не принимает в расчет собственное благополучие, не замыкается в своем достатке, стремится разделить со своим народом его боль и его надежды. Это и определяло нравственный уклад семьи Ульяновых.

Илья Николаевич Ульянов трудился во имя просве-

щения. Дети посвятили себя социальной революции. И придет день, когда Ленин скажет: «Мы боремся лучше, чем наши отцы. Наши дети будут бороться еще лучше, и *они победят*».

Дети победят... Вернувшись из эмиграции апрельской ночью семнадцатого года в Петроград, после торжественной встречи, приветствий, митингов, речей Ленин поехал — уже следующим днем — на Волково кладбище, к могиле матери. «Он позвонил мне и просил прислать автомобиль, и я знал, что первой его поездкой в Петрограде будет поездка на Волково кладбище на могилу матери,— писал В. Д. Бонч-Бруевич.— Всегда сдержанный, всегда владевший собой, всегда серьезный и задумчивый, Владимир Ильич не проявлял никогда, особенно при посторонних, интимности и задушевности своих чувств. Но мы все знали, как нежно и чутко относился он к своей матери, и, зная это, чувствовали, что тропинка на Волковом кладбище, туда, к этому маленькому холмику, была одной из тяжелых дорог Владимира Ильича».

О чем думал Владимир Ильич в тот апрельский день, в самый канун своего сорокасемилетия, склонившись над могилой Марии Александровны? Вспоминал детство, юность, семью? Продолжал мысленно беседовать с матерью, как делал это в долгие годы разлуки?.. На долю Марии Александровны выпало самое страшное, что дано испытать матери: страдание детей. Все они ушли в революцию, каждого ждали аресты, допросы, тюрьмы, Александра — эшафот. Все это выстрадала вместе с детьми Мария Александровна, может быть и надеясь, но так никогда не узнав, что судьба ее детей станет судьбой победителей.

Нет, ни Илья Николаевич, ни Мария Александровна не были революционерами. Они стремились привить своим детям те жизненные правила, те нравственные качества, которые отличают порядочного человека: честность, справедливость, трудолюбие, скромность, правдивость. Но именно это воспитание заложило в душе детей чувство гражданской совестливости, обостренной совестливости, которая и подвигнула их на борьбу. Не случайно же, не просто к слову, а основываясь на взглядах семьи, опыте всей своей жизни, Ленин не однажды скажет: каждый порядочный человек должен быть революционером.

Выступая на процессе по делу 1 марта 1887 года, в своей знаменитой речи Александр Ульянов говорил: «Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь».

Обращался ли мысленно к кому-нибудь в эту минуту Александр Ильич? Быть может, и нет. Но представления о своем народе, родине начинаются с твоего дома, семьи, с тех, кто окружает тебя. Со временем Горький напишет о Владимире Ильиче очень близкое по смыслу к тому, что говорил когда-то его старший брат. Горький писал о мужестве Ленина: «...это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента-революционера, непоколебимо убежденного в возможности на земле социальной справедливости, героизм человека, который отказался от всех радостей мира ради тяжелой работы для счастья людей».

* * *

Выстроившись в ряд, поднялись на столе одиннадцать томов — всюду закладки. Стоят прочно: страниц шестьсот-семьсот в каждом. «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника» — здесь день за днем, час за часом, а порой минута за минутой собрано все, что известно о жизни Владимира Ильича: о каждом принятом решении и совершенном поступке, о каждой написанной строке, состоявшейся встрече, прочитанной книге, о заседаниях и выступлениях. Работа над этим изданием еще продолжается. Уникальный труд не одного поколения советских ученых.

А закладки в томах оттого, что стараюсь взглянуть сквозь годы: каким был апрель в жизни Ленина, что происходило, какими событиями на протяжении десятилетий был заполнен весенний день его рождения? Но почему именно день 22 апреля? В конце концов, лишь совпадением с датой рождения отличается он от многих других. Да, наверное, можно было выбрать и другую точку отсчета, но, согласитесь, однако, по тому, как из года в год встречает человек этот день, где оказывается и чем занят, можно составить в какой-то мере представление о всей его жизни.

...10 (22) апреля 1887 года Владимиру Ульянову исполнилось семнадцать, если кто и поздравил его в то утро, то лишь младшие — сестры и брат; старшие — Александр и Анна были в тюрьме, а Мария Александровна хлопотала об их судьбе в Петербурге. Как раз в это время гимназист Ульянов писал сочинение «Причины благосостояния народной жизни». Просмотрев его, директор гимназии Ф. М. Керенский недовольно заметил: «О каких это угнетенных классах вы тут пишете, при чем это тут?» Кто мог тогда предположить, поверить, что тридцать лет спустя, тоже весной, но 1917 года, бывший симбирский гимназист Ульянов будет выступать на I Всероссийском съезде Советов, утверждая: «Мы приближаемся быстрыми шагами к тому времени, когда не будет в России никакой власти, кроме власти крестьянских и рабочих выборных». А сын директора Симбирской гимназии А. Ф. Керенский, министр, а потом и глава Временного правительства, выслушав эту речь, лишится чувств. «Кто-то потом рассказывал, что Керенский после этой речи пролежал без сознания три часа»,— писала Крупская.

...Свой день рождения в 1896 году Владимир Ильич встретил в одиночной камере Петербургского дома предварительного заключения: писал первомайскую листовку. Вспомнил ли об этом 23 года спустя, когда 22 апреля 1919 года в Кремле, в своем кабинете, просматривая проект лозунгов к первомайским праздникам, «Под красное советское знамя, против черного знамени Колчака, капиталистов и помещиков!.. Рабочий не хочет командовать мужиком: он хочет помочь мужику и получить от него помощь», пометил на полях: *«Я за»*.

Жизнь предопределяет каждый наш день, а из них — этих дней — и слагается ее неповторимый путь. Вот и эти апрельские дни о многом свидетельствуют в судьбе Владимира Ильича. И все-таки иной, возможно, заметит: совпадение. Ну что же, жизнь, вместившая в себя грандиозные исторические сдвиги, всегда богато одарена удивительными совпадениями, неожиданна и стремительна, как сама революция. Совпадения никогда не смущали историю. Вспомните ту же Петропавловскую крепость. На ее кронверке повесили декабристов. Через ее казематы прошли петрашевцы, народовольцы, большевики. И именно отсюда, из Пет-

ропавловской крепости, 25 октября 1917 года был подан условный сигнал: зажгли на мачте красный фонарь, дали выстрел из сигнального орудия. И тогда на «Авроре» скомандовали: «Пли!..»

* * *

Мария Александровна обычно писала сыну: «Дорогой Володя! Поздравляю тебя со днем рождения, дорогой мой; будь здоров весь следующий год и не было бы у тебя таких неудач и неприятностей с твоей литературной работой, как нынешний год... Твоя *мама*».

В самый канун двадцатидевятилетия в Шушенское пришла посылка — долгожданное ружье. И так был этому рад, что сразу же написал матери: «Большое merci за хлопоты. Ружьем я доволен... Заряды в $2^3/_4$ мерки мне показались велики,— отдает ружье, и я стал класть $2^1/_2$ мерки». Впрочем, подарки бывали редко.

А годы разлуки набегали один на другой, захватывали все большую часть жизни. И в 1915 году в письме к младшей дочери Мария Александровна грустно заметит: «Написала вчера Володе, я и позабыла о дне рождения его. Аня напомнила, и ты вспомнила, поздравила его и от тебя».

Крупская вспоминала: «У нас в быту сложилось как-то так, что в дни его рождения мы уходили с ним куда-нибудь подальше в лес и на прогулке он говорил о том, что его особенно занимало в данный момент. Весенний воздух, начинающий пушиться лес, разбухшие почки — все это создавало особое настроение, устремляло мысль вперед, в будущее хотелось заглянуть».

Где только не встречал свой день рождения Владимир Ильич! В Красноярске, Шушенском, Пскове. В Красноярске — следуя к месту ссылки. В Шушенском — находясь в ней. В Пскове — вернувшись после трех лет Сибири. Пятнадцать раз в эмиграции. В Мюнхене, Лондоне, Женеве, Стокгольме, Париже, Кракове, Берне, Цюрихе. Мало ли пришлось сменить мест за долгие годы скитаний по чужбине. Пишет Владимир Ильич из Парижа сестре Анне Ильиничне, и вдруг вырвалось строчкой: «Бедует здесь эмиграция чертовски».

Ленин говорил о товарищах, но и сам в полной мере разделял с ними трудности эмигрантской жизни.

Крупская рассказывала, как, уезжая из Парижа, оставляли они квартиру какому-то краковскому регенту. Тот расспрашивал Ленина о хозяйственных делах: «А гуси почем? А телятина почем?» Ильич не знал, что сказать: «Гуси?? Телятина почем??» Мало имел Ильич отношения к хозяйству, но и я ничего не могла сказать о гусях и телятине, ибо в Париже ни того, ни другого мы не ели, а ценой конины и салата регент не интересовался».

Впрочем, жизненные запросы Ульяновых были настолько скромными, что и сами представления о материальных затруднениях были в их глазах весьма относительными. Со временем Крупская заметит: «Расписывают нашу жизнь как полную лишений. Неверно это. Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Разве так жили товарищи эмигранты? Бывали такие, которые по два года ни заработка не имели, ни из России денег не получали, форменно голодали. У нас этого не было. Жили просто, это правда. Но разве радость жизни в том, чтобы сытно и роскошно жить?»

В словах этих — голос простой русской женщины, которая в ответ на обращенное к ней — ох и досталось же вам за все годы — отвечает: я-то хорошо прожила, другие больше бедовали. Есть здесь и отчетливое соизмерение своей жизни — нет, не с тем, как благополучно она могла бы сложиться,— соизмерение с жизнью товарищей-революционеров, однажды избравших свой путь.

Свое решение — стать революционером — Владимир Ильич принял рано. И у него было немало времени, поводов для осмысления того, что ждет его в ближайшем и просто обозримом будущем. Современники говорили о Ленине, что он променял «карьеру, быть может, выдающегося ученого или профессора на деятельность подпольного организатора нового мира, вынужденного почти всю жизнь проводить в нужде и лишениях...». Теперь выражение «променял карьеру» по отношению к Владимиру Ильичу звучит странно: он совершил на своем веку то, что едва ли было под силу кому-нибудь другому. И все-таки самые обыденные представления о карьере, об устройстве собствен-

ной жизни достаточно точно передают всю реальность выбора, который пришлось в свое время сделать Владимиру Ильичу — еще в юности, лишь вступая на самостоятельный путь.

«Гибель старшего брата дала, несомненно, большой толчок Владимиру Ильичу в смысле его стремления заняться революционной работой»,— вспоминает М. И. Ульянова. Так оно и было, но Мария Ильинична исходит из воззрений своей семьи, утвердившихся в ней героических традиций.

Заключенные в тюрьму, молодой революционер и его товарищи — те, кто принимал участие в замышлявшемся посягательстве на жизнь государя императора,— уже не были опасны, их могли там содержать пожизненно. Казнь революционеров была предпринята, как это обычно и делается, в назидание другим. Для кого же особенно мучительным стало это изуверское назидание? Прежде всего для тех, кто любил погибших, был бесконечно им предан,— для их близких. И с точки зрения так называемой житейской мудрости не только казнь Александра, но уже и арест его должен был остановить других членов семьи, стать на всю жизнь предостережением от революционного пути. Произошло обратное.

Александр Ульянов без малого четыре года оставался студентом Петербургского университета, шагал в колоннах демонстрантов, имел столкновения с полицией. Многое успел понять, продумать, пережить раньше, чем почувствовал себя готовым к активным действиям. А младший брат не пробыл в Казанском университете и четырех месяцев — принял участие в студенческих волнениях, стал одним из организаторов студенческой сходки. Он пришел на первый курс с уже принятым решением — был готов посвятить себя революционной борьбе. Прошло полгода после гибели старшего брата, и Владимира Ульянова арестовывают, высылают из Казани, подвергают негласному надзору полиции. Какое неотразимое подтверждение того, что репрессии, проводимые для устрашения революционеров, не могут их остановить! Вопреки замыслам устроителей репрессий они производят впечатление больше всего на тех, кто и без этого никогда бы не решился навлечь на себя гнев власть имущих.

Минует еще десять лет, и министр юстиции статс-секретарь Муравьев станет докладывать императору «о преступной деятельности в Петербурге тайных кружков лиц, именующих себя «социал-демократами». Назовет в связи с этим Владимира Ульянова. Не тогда ли впервые услышал это имя Николай II? Быть может, и поинтересовался: не брат ли казненного? Так было или иначе, но спустя два десятилетия, скажем, зимой, в канун восемнадцатого года, у экс-императора будет немало поводов вспомнить тот день, когда выносил приговор: «Государь император... высочайше повелеть соизволил» выслать Владимира Ульянова под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь.

Трехлетняя ссылка — суровая мера. И он томился в Шушенском, страдал от того, что оторван был, как казалось, там, в Сибири, от всего мира, тосковал и писал письма родным. «Получили мы, Маняша, твое письмо и были ему очень рады. Взялись сейчас за карты и начали разглядывать, где это — черт побери — находится Брюссель... Да, завидую тебе. Я в первое время своей ссылки решил даже не брать в руки карт Европейской России и Европы: такая, бывало, горечь возьмет, когда развернешь эти карты и начнешь рассматривать на них разные черные точки».

А лишь вернувшись из ссылки, сразу же принялся за создание революционной общерусской рабочей газеты «Искра». И в день своего тридцатилетия — апрель 1900 года — был занят делами, связанными с ее выпуском. В том же 1900 году полицейский агент писал, конечно же не подозревая, что высказывает в своем донесении истину всего XX века: «...крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого».

Апрель, как и любой другой месяц, свидетельствует о том, как постоянно велась слежка за Владимиром Ильичем. В апреле 1894 года, например, она была возложена на чинов 8-го участка полиции Московской части Петербурга. Весной 1895 года департамент полиции вносит имя Ленина в список лиц, за которыми необходимо установить наблюдение. А в апреле 1897 года вышло предписание енисейского губернатора о гласном надзоре полиции. И в те же дни, но 1907 года судебный следователь 27-го участка Петербурга предложил начать розыск Ульянова. В апреле 1909 года заведующий заграничной агентурой в донесении из

Парижа информировал директора департамента полиции о деятельности Ленина.

И не раз — далеко не раз — приходилось Владимиру Ильичу смотреть смерти в глаза. Так было и в годы подполья, и после победы Октября.

* * *

Восемнадцатилетие Владимир Ильич отметил в Кокушкине. «Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани»,— вспомнит со временем. Прочел все, что публиковал Чернышевский в «Современнике», начал изучение трудов Маркса, Энгельса...

Долгие годы представления об удобствах, условиях жизни в том или ином городе определялись для Владимира Ильича тем, какова здесь библиотека.

21 апреля 1902 года пишет заявление на имя директора Британского музея:

«Сэр!

Обращаюсь к Вам с просьбой о выдаче мне билета на право входа в читальный зал Британского музея». Подпись — Якоб Рихтер. Под этим именем жил Владимир Ильич в Лондоне.

В письме к сестре Марии Ильиничне из Кракова 22 апреля 1914 года Ленин приносит извинения за долгое молчание, замечает, что здесь библиотека «плоха и архинеудобна», впрочем, и в Париже работать неудобно — национальная библиотека «налажена плохо», и «не раз мы вспоминали Женеву, где работалось лучше, удобная библиотека, менее нервна и бестолкова жизнь. Из всех мест моего скитания я бы выбрал Лондон или Женеву, если бы оба не были так далеко».

В апреле 1916 года Владимир Ильич обращается в полицейское управление Цюриха — просит выдать ему и Надежде Константиновне разрешение на жительство в городе, которое необходимо для того, чтобы пользоваться местными библиотеками. И вновь в письмах к родным рассказывает о своих занятиях: «Мы с Надей очень довольны Цюрихом; здесь хороши библиотеки...», «Озеро здесь очень нам нравится, а библиотеки много лучше бернских, так что пробудем еще, пожалуй, дольше, чем хотели».

Работал в библиотеках, не пропуская ни одного часа: приходил к открытию, трудился до полудня, обедал и снова садился до вечера. Кстати, и о Февральской революции в России Ульяновы узнали в Цюрихе, когда собрались было идти в библиотеку. Заглянул кто-то из эмигрантов, взволнованно воскликнул: «Вы ничего не знаете? В России революция!»

Надежда Константиновна и Владимир Ильич поспешили на берег озера — туда, где обычно прогуливаются горожане и под навесом вывешиваются газеты, телеграфные сообщения. Владимир Ильич несколько раз перечитывал одни и те же строчки, пока мысль не унесла далеко от этих мест, от библиотек, читальных залов, книг, выписок — на родину, в Россию, к тому, о чем мечтал, готовился, склонясь над печатной страницей, проводя в библиотеках дни, месяцы, годы...

В апреле 1918 года Владимиру Ильичу исполнилось сорок восемь. Он работал в кремлевском кабинете. И с каждым днем здесь появлялось все больше книг. Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов... Смотришь на корешки томов и думаешь об их авторах. Великие писатели России, мечтатели, философы и бунтари, кто из вас мог представить путь, который пройдет страна, народ, а с ним и ваши книги, оказавшись в этом кабинете?

* * *

Шли годы жизни, отмеченной трудом и трудами. Следишь всего лишь за одним днем в каждом году, но сколько же бессмертных ленинских работ сходится на нем!

В день своего двадцатичетырехлетия Владимир Ильич завершает работу над первым выпуском книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Спустя ровно десять лет в типографии печатается ленинская работа «Шаг вперед, два шага назад». 10 апреля 1908 года пишет статью «Блок кадетов с октябристами?», а через год, в этот же день, занят изданием своей книги «Материализм и эмпириокритицизм». В апреле 1913 года выходит журнал «Просвещение», где публикуются ленинские статьи, среди них «Три источника и три составных части марксизма».

Сквозь годы видишь отчетливо, как нерасторжимы Ленин и революция — ее история и его жизнь. В ап-

реле го в Мюнхене, в апреле 1902-го и в апреле 1903-го в Лондоне Владимир Ильич занят «Искрой». В апреле 1905-го отстаивает идею созыва III съезда партии. На следующий год встречает день рождения в Стокгольме: открылся IV (Объединительный) съезд РСДРП. В апреле 1907-го занят подготовкой V съезда. В апреле 1912 года запрашивает в письме, когда выйдет первый номер «Правды»: «Известите скорей насчет ежедневной газеты. Какой будет формат? Какого размера статьи можно посылать?»

Минуло еще пять лет — и снова апрель, теперь семнадцатого года. Ленин возвращается из эмиграции. В ночь с 3 на 4 апреля репортер на Финляндском вокзале наспех записывал строки — на следующий день их прочтут в «Правде»: «В 11 ч. 10 м. подошел поезд. Вышел Ленин, приветствуемый друзьями, товарищами по давнишней партийной работе. Под знаменами партии двинулся он по вокзалу, войска взяли на караул... Идя дальше по фронту войск, шпалерами стоявших на вокзале и державших «на караул», проходя мимо рабочей милиции, Н. Ленин всюду был встречен восторженно...»

Свергнуто самодержавие. И все, кто боролся с царизмом, вправе обнять друг друга — отчего не назвать себя товарищами по партийной борьбе. Нужно ли вспоминать, кто и какими путями шел к этой победе, теперь у всех на устах запрещенное слово: «Свобода!» И в царских покоях Финляндского вокзала меньшевик Чхеидзе — председатель Петроградского Совета — приветствует большевика Ленина. Еще не сказаны, не произнесены слова, они лишь продуманы, написаны Лениным, но еще не обнародованы: «Никакой поддержки Временному правительству...», «Никаких уступок «революционному оборончеству», «Не парламентарная республика, а республика Советов рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов».

Тот миг, когда к человеку возвращается все, что было пережито и понято, приходит на высшем пике сознания, таланта, воли, высвечивая немыслимые прежде горизонты, мы называем озарением. Этот миг всегда поражает. Апрельская ночь 1792 года вдохновила когда-то Руже де Лиля. Безвестный капитан инженерного корпуса — «маленький скромный человек:

он никогда не мнил себя великим художником», напишет о нем Стефан Цвейг,— берет перо, записывает первые строки:

Вперед, сыны отчизны милой!
Мгновенье славы настает! —

и рождается бессмертная «Марсельеза».

Но не только художникам дана великая сила озарения.

Постарайтесь разделить чувства человека, который возвращается домой после пятнадцати лет эмиграции. Ему не довелось слышать победных маршей Февраля. Из писем и газет выуживал известия — такие краткие, такие противоречивые. И апрельской ночью, под стук колес, пишет с точностью свидетеля событий — нет, не то, что было,— что будет, произойдет, свершится в ближайшие полгода. Пишет Апрельские тезисы: своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства; Советы есть единственно возможная форма революционного правительства... И уверен, он абсолютно уверен, что это именно так.

«Марсельеза» стала маршем Великой французской революции, она владела чувствами ее героев. Апрельские тезисы Ленина овладели мыслями, поступками, действиями тех, кто совершил первую социалистическую революцию. Стали ее «Марсельезой»...

А пока меньшевик Чхеидзе публично приветствует большевика Ленина, кажется, готов обнять. Оркестр играет «Марсельезу». Еще не сказано то, что бесповоротно решил Владимир Ильич. Но, уже выйдя на привокзальную площадь, обратившись к рабочим, солдатам, матросам, Ленин закончит свою речь словами: «Да здравствует социалистическая революция!»

И репортер — он тоже на привокзальной площади — все пишет и пишет свои строки: «На улице, стоя на броневом автомобиле, тов. Ленин приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших нача-

ло социальной революции в международном масштабе...

Вся толпа массою пошла за мотором до дворца Кшесинской, где митинг и продолжался».

...Нижегородская и Боткинская улицы, за ними Сампсониевский проспект, Финляндский... Уходящие в бесконечность проспекты Петербурга, призраки дворцов в ночи. И колонны рабочих, солдат, матросов. Лучи прожекторов с бастионов Петропавловской крепости... Все тот же Петербург.

Здесь, в Петербурге, на Сенатской площади, безучастная толпа окружала восставших декабристов...

Здесь, на Семеновском плацу, совершалась гражданская казнь над Чернышевским, и лишь немногие, столпившиеся у эшафота, разделяли с ним и гнев, и боль, и мысли. А дальше лица, изуродованные гримасой любопытства, зеваки, взгромоздившиеся на табуреты, скамьи, повисшие на заборах,— как бы не пропустить чего, получше разглядеть...

Здесь, на Невском, когда грохнул взрыв, пронеслось волной: убили Александра II. Бежали толпы людей. Многие рыдали, проклиная злоумышленников. Но один из тех, кто был на Невском, заметил: «И все-таки народ понял, что царь не вечен, он может быть убит...»

Здесь, в Петербурге, отбыв год в одиночной камере, услышав приговор о трех годах ссылки, Владимир Ильич вместе с товарищами по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» зашел в фотозаведение Везенберга и К^{0}. Всех их ждала Сибирь, когда еще встретятся вновь — фотография на память. Их семь на этом снимке. Всего лишь семь, но и из них лишь немногим довелось дойти до победы...

И многотысячные колонны «простых людей» в апрельскую ночь семнадцатого года. И Ленин. Буря — это движение самих масс... «Ленин не мог бы стать таким, каким он был, если бы он жил в другую эпоху, а не в эпоху пролетарской революции...» — писала Крупская.

...Прошло семь дней жизни в Петрограде. Владимиру Ильичу исполнилось сорок семь лет — и был это его обычный рабочий день. Утром вышел из дома на Широкой улице — здесь, в квартире Елизаровых, сест-

ры Анны Ильиничны и ее мужа Марка Тимофеевича, поселились на первых порах Ульяновы. День был теплый, совсем весенний, и, возможно, отправился пешком на Кронверкский — хоть немного продышаться после бессонной ночи.

Пришел в особняк Кшесинской, поднялся на второй этаж, сел за письменный стол — уже успел привыкнуть к нему. Еще раз просмотрел выпущенный накануне номер «Правды», в нем опубликована статья Ленина «О двоевластии». Вновь, наверное, перелистал рукопись только что законченной брошюры. Из типографии принесли пачку гранок, надо быстрее прочесть: завтра выходит двадцать девятый номер «Правды». Потом участвовал в заседании ЦК партии. Потом поехал на митинг в Измайловский полк, выступал перед солдатами. Потом... Да, это был обычный рабочий день, он стал обычным, потому что за неделю, минувшую после приезда, многое было сделано.

Ленин выступал в Таврическом дворце, на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов с докладом о задачах пролетариата в данной революции (Апрельские тезисы). Приступил к обязанностям редактора центрального органа партии большевиков — газеты «Правда», работал уже над четырьмя ее номерами. Участвовал в заседаниях исполкома Петросовета — Ленина ввели в его состав. Подготовил к публикации Апрельские тезисы. Написал статьи «Как мы доехали», «Два мира», «Луиблановщина», «Письма о тактике», «О двоевластии». Начал рукопись брошюры «Политические партии в России и задачи пролетариата». Программа объявлена, все карты открыты — у большевиков нет тайных целей. Временное правительство надо свергнуть. Его нельзя свергнуть, ибо оно держится соглашением с Советами. «Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону...» Иного пути к власти пока нет. Пока — Ленин выделяет это слово: «...*пока* нет насилия над массами...»

И все это на протяжении одной недели. Написанное Лениным в семь первых петроградских дней занимает в 31-м томе его Полного собрания сочинений более семидесяти страниц. На этих страницах определены пути развития революции, их подтвердит история; по-

ставлены задачи перед партией, она выполнит их и придет к власти.

...Спустя год встретит свой день рождения, став главою рабоче-крестьянского правительства, председательствуя на заседании Совнаркома. Впрочем, заседание началось накануне вечером, но, как всегда, в повестке дня много вопросов. И обсуждение затянулось далеко за полночь. Расходились, когда над Москвой занимался новый день, и вряд ли кто сообразил тогда же поздравить Владимира Ильича с сорокавосьмилетием.

Минуло лишь три года. Подкралась болезнь, а Ленин, как и прежде, продолжал заниматься делами. Родные просили его, старались убедить поменьше работать. В ответ на уговоры Владимир Ильич отвечал: «У меня ничего другого нет».

И не ищите в этих словах ни горечи, ни жалобы на свою долю — Ленин говорит лишь о том, что было на самом деле. Он совместил свою жизнь с революцией: ее ритмы стали его дыханием, ее будущее — его судьбой.

* * *

Дни рождения свои, скорее всего, не праздновал. Исключением, и, пожалуй, единственным, стало пятидесятилетие...

В апреле 1870 года «Московские ведомости» сообщили о рабочих волнениях в Париже, все тревожней становилось в его предместьях. «Большое счастье будет для нас,— писала газета,— если буря, угрожающая нам с этой стороны, не грянет...» Буря грянет спустя всего год: 72 дня Парижской коммуны — от победы до расстрела коммунаров на кладбище Пер-Лашез...

Минует полвека — и в Москве в апреле двадцатого года выйдет номер газеты «Известия». Заголовок во всю первую полосу: «50 лет назад, в 1870 году, за год до Парижской Коммуны, родился великий мститель за священную кровь коммунаров — Ленин».

Номер газеты смотрелся празднично, и Владимир Ильич прочел его, очевидно, утром в своем кабинете.

В дни юбилеев принято вспоминать пережитое. Но было ли для этого время? Начался и пошел без остановки рабочий день Председателя Совнаркома. Двигался бесконечный поток бумаг, требующих подписи,

визы, распоряжения. Телеграммы в Пермь — принять необходимые меры для вывоза соли с верховьев Камы. Телеграмма всем губпродкомам — снабжать рабочих и служащих почты, телеграфа, радио и телефона наравне с фабрично-заводскими рабочими. Протокол Малого Совнаркома — на подпись.

С шести часов вечера председательствовал на пленарном заседании СТО. Закончилось — и началось заседание Совнаркома, снова председательствовал. И уже несколько раз напоминали: очень просят приехать на коммунистический вечер, организованный Московским комитетом партии в честь пятидесятилетия Владимира Ильича.

К этому вечеру мы еще вернемся. А сейчас скажем лишь, что приехал к самому концу и сразу же поднялся на трибуну. В тот вечер Ленин говорил: «Мы должны понять, что решения нашего последнего съезда партии во что бы то ни стало должны быть проведены в жизнь, а это значит, что нам предстоит громаднейшая работа и потребуется приложить труда много больше, чем требовалось до сих пор».

* * *

Выстроились в ряд, поднялись на столе тома «Биографической хроники». В них все набрано одним шрифтом: скажем, пометка, сделанная Владимиром Ильичем на подвернувшемся под руку конверте, и сообщение о победе Великой Октябрьской социалистической революции. В этом и радость для исследователя, и непременные трудности — суметь отличить главное.

Рассказывая о Ленине, мы пропускали многие страницы этой хроники, старались в каждом году выделить лишь один день, сосредоточиться на нем, а значит, и размышляли порой лишь над деталями и штрихами биографии Владимира Ильича. Делали это не только потому, что сегодня жизненный путь Ленина известен бесчисленному множеству людей. Не прошло и семи десятилетий с тех пор, как в апреле семнадцатого года, помните, солдаты 8-й конноартиллерийской батареи писали с фронта в Петроград, просили ответить им: кто же он такой, Ленин?

А теперь задумайтесь, читатель, постарайтесь вспомнить: доводилось ли вам на вашем веку повстречать человека, который бы прежде не слышал о Ленине?

БРАТ

Из воспоминаний Н. К. Крупской

Брат (Александр.— *Ред.*) был естественником. Последнее лето, когда он приезжал домой, он готовился к диссертации о кольчатых червях и все время работал с микроскопом. Чтобы использовать максимум света, он вставал на заре и тотчас же брался за работу. «Нет, не выйдет из брата революционера, подумал я тогда,— рассказывал Владимир Ильич,— революционер не может уделять столько времени исследованию кольчатых червей».

Из воспоминаний В. В. Кашкадамовой[1]

В марте месяце 1887 г. я получила письмо от родственницы Марьи Александровны — Песковской, в котором она сообщала о событии в Петербурге, об участии Александра в заговоре, об аресте его и Анны Ильиничны, и просила известить об этом Марью Александровну, предварительно подготовивши ее. По получении письма, я тотчас же послала в гимназию за Володей, который был тогда в последнем, восьмом классе, чтобы посоветоваться с ним. Я сообщила ему содержание письма и дала его прочитать... Передо мной сидел уже не прежний бесшабашный, жизнерадостный мальчик, а взрослый человек, глубоко задумавшийся над важным вопросом: «А ведь дело-то серьезное,— сказал он,— может плохо кончиться для Саши».

АРЕСТ

1 марта 1881 года по приговору Исполнительного комитета «Народной воли» казнен император Александр II. Спустя шесть лет, 1 марта 1887 года, «Террористической фракцией партии «Народная воля» было подготовлено покушение на жизнь императора Александра III.

Сообщение «Правительственного вестника» 4 марта 1887 года

1 сего марта на Невском проспекте около 11 часов утра задержаны три студента С.-Петербургского уни-

[1] В. В. Кашкадамова — симбирская учительница, коллега И. Н. Ульянова.

верситета, при коих по обыску найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды по осмотре их экспертом оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином.

Министр внутренних дел — Александру III, 5 марта 1887 года

Дальнейшим расследованием обстоятельств дела о разрывных снарядах, задержанных 1-го сего марта, выясняется, что ...во главе преступного предприятия стояли студенты: Шевырев, Говорухин и Ульянов, из которых последние двое в действительности находились под наблюдением полиции.

Александр III — на донесении министра внутренних дел

На этот раз бог нас спас, но надолго ли? Спасибо всем чинам и агентам полиции, что не дремлют и действуют успешно.

Из воспоминаний Е. И. Яковенко[1]

Несмотря на широко развитый шпионаж, этот террористический заговор был раскрыт полицией лишь случайно, благодаря слежке за Андреюшкиным, одно из писем которого, наведшее на подозрение, незадолго перед тем было перехвачено. В первый момент ареста полиция не знала, что настигла террористический заговор, можно сказать на месте действия, за несколько часов или даже минут до приведения его в исполнение... Заговорщики уже несколько дней ходили с бомбами по Невскому, поджидая царя.

Адрес С.-Петербургского университета Александру III, 6 марта 1887 года

Три злоумышленника, недавно сделавшись, к великому несчастию для С.-Петербургского университета, его студентами, своим участием в адском замысле и

---

[1] Е. И. Яковенко — студент Петербургского университета, участник революционных кружков, знакомый А. И. Ульянова, сосланный в Восточную Сибирь в 1888 году.

преступном сообществе нанесли университету невыносимый позор. Тяжко, скорбно, безвыходно! И в эти горестные дни С.-Петербургский университет, в целом его составе, все его профессора и студенты ищут для себя единственного утешения в милостивом, Государь, дозволении повергнуть к священным стопам Вашего Величества чувства верноподданнической преданности и горячей любви.

Александр III — на адресе С.-Петербургского университета

Благодарю С.-Петербургский университет и надеюсь, что на деле, а не на бумаге только он докажет свою преданность и постарается загладить тяжелое впечатление, произведенное на всех участием студентов в преступном замысле.

Директор департамента полиции — министру внутренних дел, 12 марта 1887 года

Имею честь представить Вашему Сиятельству копию гектографированной прокламации по поводу произнесенной 6 сего марта Ректором С.-Петербургского Университета Профессором Андреевским речи. Прокламации эти рассылаются из Петербурга по почте в разные города Империи.

Прокламация Союза соединенного с.-петербургского студенчества

Вчера, 6 марта, С.-Петербургский университет был опозорен... Он холопски пополз вслед за своим ректором к стопам деспотизма и сложил у его ног свои лучшие знамена. Он забрызгал несмываемою грязью свои лучшие традиции, которые были его украшением, его силою...

Мы же, со своей стороны, спешим всем нашим товарищам заявить и всему русскому обществу, что мы не выражали своего согласия на поднесение адреса, что мы не отступались и не отступимся от наших традиций, освященных тысячами жертв, что всегда стремились и будем стремиться к воплощению правды в общественные формы, как мы ее понимаем, и всегда будем учиться находить, понимать и любить ее; что никогда мы не порицали и не будем порицать и оплевывать погибших борцов, наших товарищей по делу и

братьев по сердцу, но преклонимся перед их нравственной высотой и будем учиться, как нужно любить и бороться.

Показания студента С.-Петербургского университета Александра Ульянова 20—21 марта 1887 года. Рассмотрены Александром III в Гатчине 22 марта 1887 года

...Мне, одному из первых, принадлежит мысль образовать террористическую группу, и я принимал самое деятельное участие в ее организации, в смысле доставления денег, подыскания людей, квартир и проч.

Что же касается до моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, т. е. все то, которое доставляли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений.

Программа террористической фракции партии «Народная воля», написанная Александром Ульяновым по памяти в Петропавловской крепости

По основным своим убеждениям, мы — социалисты. Мы убеждены, что материальное благосостояние личности и ее полное всестороннее развитие возможны лишь при таком социальном строе, где общественная организация труда дает возможность рабочему пользоваться всем своим продуктом и где экономическая независимость личности обеспечивает ее свободу во всех отношениях. Только тогда государство выполнит свою задачу — доставит человеку возможно больше средств к развитию и только в таком обществе, при отсутствии конкуренции и борьбы интересов, будет возможно беспредельное нравственное развитие личности...

Александр III — на «Программе террористической фракции партии «Народная воля»

Это записка даже не сумасшедшего, а чистого идиота.

Из протокола Заседания Особого присутствия Правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях, происходившего с 15 апреля 1887 года... при закрытых дверях

Новорусский, Андреюшкин, Генералов и Ульянов защитников иметь не пожелали.

Из воспоминаний И. Д. Лукашевича[1]

Судило нас особое присутствие Сената с сословными представителями. Выстроив нас в длинную вереницу на коридоре, причем меж каждыми двумя подсудимыми в цепи стоял жандарм, нас повели в суд. Председатель Дейер сразу же проявил свою придирчивость к нам, закричав: «Без рукопожатий!», когда увидел, что я здороваюсь с Ульяновым и другие делают то же... Когда я увиделся в первое заседание с Ульяновым на суде (он сидел рядом со мной на первой скамье), то он, пожимая мне руку, сказал: «Если вам что-нибудь будет нужно, говорите на меня» — и я прочел в его глазах бесповоротную решимость умереть...

Из воспоминаний М. В. Новорусского[2]

Это желание принять на себя вину другого сквозило так явно во всех его показаниях до суда и на суде, что даже прокурор стал недоверчиво относиться к ним.

ОДНАЖДЫ ИЗБРАННЫЙ ПУТЬ

В речи на суде Александр Ульянов заявил, что сама история зовет на борьбу за изменение общественного строя России.

Из речи А. И. Ульянова на суде 18 апреля 1887 года

Я могу отнести к своей ранней молодости то смутное чувство недовольства общим строем, которое, все более и более проникая в сознание, привело меня к убеждениям, которые руководили мною в настоящем случае.

Из воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой

Тяжела была Саше гимназическая лямка. Все время прохождения курса он не видел в гимназии ничего положительного, а смотрел на нее только как на не-

---

[1] И. Д. Лукашевич — студент Петербургского университета, народоволец, участник «дела 1 марта 1887 года». С 1887 по 1905 год был заключен в Шлиссельбурге.

[2] М. В. Новорусский — кандидат Петербургской духовной академии, участник «дела 1 марта 1887 года».

обходимый мост в университет... Убежденный в необходимости этой лямки, он не жаловался и не заикался о возможности какого-либо иного выхода. Он только еще больше замкнулся в себе, а его всегда грустные глаза стали еще грустнее. Т. е. он не скрывал, конечно, от домашних, что ему тяжело и все в гимназии не нравится, но он вел себя с самого начала как мужчина.

Аттестат зрелости А. И. Ульянова

...За все время обучения его в Симбирской Гимназии поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ отличная, прилежание усердное и любознательность ко всем предметам, особенно к латинскому языку и математике большая...

А. И. Ульянов — И. Н. и М. А. Ульяновым из Петербурга в Симбирск, 27 сентября 1883 года

Милые мои мама и папа!

...Университет произвел на меня очень хорошее впечатление; профессора все читают хорошо, кабинеты тоже хорошие и богатые, кроме того, есть две библиотеки. Сегодня были похороны Тургенева. Мы с Аней тоже ходили, видели процессию, массу венков и народа и гроб под золотым балдахином, убранным венками и зеленью; но на кладбище пройти было нельзя.

Из воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой

Чуть ли не первым нашим впечатлением были похороны привезенного из-за границы тела И. С. Тургенева. Вся погребальная процессия была сжата тесным кольцом казаков. На всем лежал отпечаток угрюмости и подавленности. Ведь опускался в землю прах не одобряемого правительством, «неблагонадежного» писателя... На кладбище пропускали немногих, и мы не попали в их число.

Из воспоминаний Д. И. Ульянова

Это было в Симбирске (Ульяновске) летом 1885 года, за полгода примерно до смерти отца... Мне было тогда 11 лет. Отец с братом гуляли по средней аллее сада. Гуляли очень долго и говорили о чем-то тихо и

чрезвычайно сосредоточенно... В настоящее время я совершенно убежден, что описанный разговор был на политические темы... Иначе и не могло быть в те годы, когда только что завершилась героическая борьба народовольцев с самодержавием. Если принять во внимание, что у отца с Александром Ильичем были — судя по всем данным — самые близкие товарищеские отношения, что отца чрезвычайно интересовали все переживания брата, нельзя допустить ни в коем случае, чтобы он мог скрыть от отца свои политические убеждения. Другой вопрос, насколько оформился у него к тому времени взгляд на террор.

Мои предположения вполне подтверждаются словами отца, сказанными Анне Ильиничне, уезжавшей в Питер: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас».

Из речи А. И. Ульянова на суде 18 апреля 1887 года

...Я убедился, что единственный правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом. Но по мере того, как теоретические размышления приводили меня все к этому выводу, жизнь показывала самым наглядным образом, что при существующих условиях таким путем идти невозможно.

Начальник Петербургского охранного отделения — в департамент полиции, 17 ноября 1886 года

Получено мною сведение, что сего числа, в час дня, предполагается общестуденческая панихида на могиле Добролюбова (на Волковом кладбище), по случаю 25-летия со дня кончины его. По сведениям, соберется до 1000 человек, причем собирающиеся предполагают после панихиды произвести демонстрацию.

Из воспоминаний М. А. Брагинского[1]

Мне никогда не приходилось наблюдать Ульянова в таком состоянии, в каком я увидел его на демонстрации 17 ноября. В продолжение всей демонстрации — а она длилась с утра до поздних сумерек — Ульянов был в сильно приподнятом настроении... Его настроение достигло крайней степени возбуждения, когда огромная толпа демонстрантов, с революционными пес-

нями продвигавшихся к Казанской площади... была остановлена цепью конных казаков... и когда вскоре затем перед демонстрантами появился градоначальник генерал Грессер... С побледневшим лицом, с загоревшимися гневом глазами, Ульянов с криком: «вперед!», увлекая за собою других и пролагая себе путь сквозь гущу демонстрантов, устремился навстречу к подходившему к нам градоначальнику...

Из прокламации «17 ноября в Петербурге», написанной А. И. Ульяновым

...Всякое чествование сколько-нибудь прогрессивных литературных и общественных деятелей, всякое заявление уважения и благодарности им, даже над их гробом, есть оскорбление и враждебная демонстрация правительству. Все, что так дорого для каждого сколько-нибудь образованного русского, что составляет истинную славу и гордость нашей родины, всего этого не существует для русского правительства...

Грубой силе, на которую опирается правительство, мы противопоставим тоже силу, но силу организованную и объединенную сознанием своей духовной солидарности.

Цензор С.-Петербургского почтамта — товарищу министра внутренних дел, 23 ноября 1886 года

Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству найденные сегодня на почте 85 кувертов с прокламацией под заглавием «17 ноября в Петербурге».

Примите, м. г., уверение в отличном моем почтении и преданности.

Из воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой

Как я, так и многие другие, знавшие брата, писавшие о нем, считают добролюбовскую демонстрацию с ее результатами сильным толчком, подвигнувшим его на террор.

Из речи Александра Ульянова на суде

Наша интеллигенция настолько слаба физически и

[1] М. А. Брагинский — студент Петербургского университета, знакомый А. И. Ульянова.

неорганизованна, что в настоящее время не может вступать в открытую борьбу и только в террористической форме может защищать свое право на мысль и на интеллектуальное участие в общественной жизни.

Из воспоминаний С. А. Никонова[1]

...В студенческой массе пошли толки о необходимости ответить на расправу с мирными манифестантами и показать правительству, что нельзя безнаказанно давать волю полицейскому произволу. Шли разговоры о террористическом акте, причем некоторые называли градоначальника, другие находили нужным прибегнуть к «центральному террору», направив его против царя, как главного виновника и лица, ответственного за всю реакционную политику... Александр Ильич один из первых пришел в ноябре 1886 г. к убеждению о невозможности борьбы с правительством иными средствами, кроме террора, и... вступил в организацию, замышлявшую покушение.

Из воспоминаний О. М. Говорухина[2]

Первый шаг был сделан. Затем Александр Ильич пошел так быстро по этому пути, проявил такую энергию и страсть к революционному делу, что все, знавшие его прежде, удивлялись такой резкой перемене.

Из речи обер-прокурора на процессе по делу 1 марта 1887 года

Во второй половине декабря начинает уже ходить составленная при участии Ульянова программа «Террористической фракции партии «Народная воля».

Из речи А. И. Ульянова на суде 18 апреля 1887 года

Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданны своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастья своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело.

---

[1] С. А. Никонов — студент Петербургского университета, состоял в партии «Народная воля».

[2] О. М. Говорухин — студент Петербургского университета, член «Террористической фракции партии «Народная воля».

КАЗНЬ

Героическое поведение на процессе Александра Ульянова и его товарищей стало примером для всей революционно настроенной молодежи. Петербургские студенты писали в прокламации: «Мы глубоко запечатлели их славные имена в своих сердцах и будем воспитывать на их примере себя и лучших детей своей земли».

Приговор Особого присутствия Правительствующего Сената 1887 года апреля 15/19 дня

По изложенным основаниям Особое присутствие Правительствующего Сената определяет: 1) подсудимых: Шевырёва, 23 лет, Ульянова, 21 года, Осипанова, 26 лет, Андреюшкина, 21 года, Генералова, 20 лет... лишив всех прав состояния, подвергнуть... смертной казни через повешение...

М. А. Ульянова — Александру III, 28 марта 1887 года

Милосерднейший Монарх!

Горе и отчаяние матери дают мне смелость прибегнуть к Вашему Величеству, как единственной защите и помощи...

Слёз нет, чтобы выплакать горе. Слов нет, чтобы описать весь ужас моего положения...

Около года тому назад умер мой муж, бывший директором народных училищ Симбирской губернии. На моих руках осталось шесть человек детей, в том числе четверо малолетних. Это несчастие, совершенно неожиданно обрушившееся на мою седую голову, могло бы окончательно сразить меня, если бы не та нравственная поддержка, которую я нашла в старшем сыне, обещавшем мне всяческую помощь и понимавшем критическое положение семьи без поддержки с его стороны.

Он был увлечен наукой до такой степени, что ради кабинетных занятий пренебрегал всякими развлечениями. В университете он был на лучшем счету... А между тем, он так тяжко обвиняется и, без сомнения, у обвинительной власти должны быть веские доказательства для обвинения.

Я не знаю ни сущности обвинения, ни данных, на которых оно основано. Но, сопоставляя самый факт

обвинения в тягчайшем государственном преступлении с фактами относительно воззрений моего сына в самом недавнем прошлом, преданности его науке и интересам семьи,— я вижу непримиримую несообразность, представляющуюся чем-то совершенно необъяснимым.

Милости, государь, прошу милости! В таком отчаянном несчастии, как мое, может быть только помощь Всевышнего да милость Царская.

Александр III — на письмо М. А. Ульяновой

Хорошо она знает сына!

А что же до сих пор она смотрела!

Мне кажется желательным дать ей свидание с сыном, чтобы она убедилась, что это за личность — ее милейший сынок и показать ей показания ее сына, чтобы она видела, каких он убеждений.

Министр внутренних дел — директору департамента полиции

Нельзя ли воспользоваться разрешенным Государем Ульяновой свиданием с ее сыном, чтобы она уговорила его дать откровенные показания, в особенности о том, *кто, кроме студентов*, устроил все это дело. Мне кажется, это могло бы удаться, если бы подействовать поискуснее на мать.

Из воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой

Мать рассказывала мне... о своих свиданиях с Сашей. На первом из них он плакал и обнимал ее колени, прося простить причиняемое ей горе; он говорил, что, кроме долга перед семьей, у него есть долг и перед родиной...

После суда, в доме предварительного заключения, убитая горем мать долго убеждала и просила его подать прошение о помиловании.

— Не могу я сделать этого после всего, что я признал на суде,— ответил Саша...

Он говорил ей о Шлиссельбурге — единственно возможной для него замене смертной казни,— об ужасе вечного заключения — ведь там и книги дают только духовные; ведь эдак до полного идиотизма дойдешь. Неужели ты бы этого желала для меня, мама?

Из воспоминаний В. В. Кашкадамовой

Марья Александровна говорила: «Я больше не настаивала, не уговаривала, видя, что ему было бы тяжело».

Из воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой

Последнее свидание с братом мать имела в Петропавловской крепости. Она рассказывала мне о тягостной обстановке этого свидания за двумя решетками, с расхаживающим между ними жандармом. Но она говорила также, что в этот раз она явилась повидать брата, окрыленная надеждой. Распространились слухи, что казни не будет... Передать об этом при суровых условиях свидания она не могла, но, желая перелить в брата часть своей надежды и бодрости на все предстоящие ему еще испытания, она раза два повторила ему на прощание:

— Мужайся!

Так как надежды ее не сбылись, то вышло, что этим словом она простилась с ним, она проводила его на казнь...

Министр внутренних дел — Александру III, 8 мая 1887 года

...Осужденные, ввиду перевода их в Шлиссельбургскую тюрьму, предполагали, что им даровано помилование...

Из воспоминаний М. В. Новорусского

Три дня ушли на подготовку эшафота, который был сооружен за пределами тюремного двора и перенесен сюда в разобранном виде. Здесь, во дворе, у входа в это старое здание, его установили без рубки и без стука...

Комендант Шлиссельбурга — начальнику штаба корпуса жандармов, 8 мая 1887 года

...Перед исполнением сего числа приговора Особого присутствия Правительствующего Сената... над пятью государственными преступниками приглашен был к ним... священник,— но все преступники отказались принять его.

Правительственное сообщение о деле 1 марта 1887 года

Приговор Особого присутствия Правительствующего Сената о смертной казни через повешение над осужденными Генераловым, Андреюшкиным, Осипановым, Шевыревым и Ульяновым приведен в исполнение 8-го сего мая 1887 года.

Г. В. Плеханов в статье «Внутреннее обозрение»

Мужество людей вроде Ульянова и его товарищей напоминает нам мужество древних стоиков: вы видите, что при данных взглядах на вещи, при данных обстоятельствах и при данной высоте своего нравственного развития эти люди не могли действовать иначе.

ПАМЯТЬ

Царизм казнил молодых революционеров, надеясь устрашить других; брат Александра Ульянова — Владимир Ульянов стал вождем Великой Октябрьской социалистической революции.

Из воспоминаний Н. К. Крупской

Судьба брата имела, несомненно, глубокое влияние на Владимира Ильича. Большую роль при этом сыграло то, что Владимир Ильич к этому времени уже о многом самостоятельно думал, решал уже для себя вопросы о необходимости революционной борьбы. Если бы это было иначе, судьба брата, вероятно, причинила бы ему только глубокое горе или, в лучшем случае, вызвала бы в нем решимость и стремление идти по пути брата. При данных условиях судьба брата обострила лишь работу его мысли, выработала в нем необычайную трезвость, умение глядеть правде в глаза, не давать себя ни на минуту увлечь фразой, иллюзией, выработала в нем величайшую честность в подходе ко всем вопросам.

Из воспоминаний М. В. Новорусского

Место погребения А. И. Ульянова я узнал только в 1906 г. после освобождения из Шлиссельбурга... На этом месте в 1919 г. я соорудил на средства Петроградского Исполкома гранитный памятник с именами всех, кто сложил здесь свои головы в промежуток между 1884 и 1905 гг...

Из воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой

Вспоминаю, как Владимир Ильич, которому я показала в его последнее посещение моей квартиры фотографический снимок памятника жертвам, замученным царским самодержавием в Шлиссельбурге, сказал: «Надо бы размножить этот снимок, его следовало бы иметь в каждом рабочем клубе, а то у нас плохо знакомы с историей нашей революционной борьбы, с тем, скольких жертв она стоила».

Из каталога «Библиотека В. И. Ленина в Кремле»

Галерея шлиссельбургских узников. Под ред. Н. Ф. Анненского и др. Спб., 1907.

Шлиссельбург и его мученики (к открытию памятника шлиссельбуржцам, 22 января 1919 г.). Пг., 1919.

В. Б—ъ. Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х годов.— Вырезки из журнала «Минувшие годы», 1908, № 10, с. 169—197; № 11, с. 168—188.

Лукашевич И. Д. 1 марта 1887 года. Воспоминания. Пб., 1920.

Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца. 1887—1905. Пб., 1920.

Новорусский М. В. Из размышлений в Шлиссельбурге.— Вырезки из журнала «Минувшие годы», 1908, № 3, с. 280—308.

Новорусский М. В. Путеводитель по Шлиссельбургу. М.— Пг., 1923.

Панкратов В. С. Жизнь в Шлиссельбургской крепости. 1884—1898. Пг., 1922.

Поляков А. С. Второе 1 марта. Покушение на императора Александра III в 1887 г.— М., «Голос минувшего», 1919.

Последние слова казненных (В. А. Осинского, А. А. Квятковского, А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича, С. Л. Перовской, А. И. Ульянова, И. П. Каляева и др.). Спб., 1906.

В. И. Ленин в «Докладе о революции 1905 года»

Они (террористы.— *Ред.*) проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомнен-

но, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть.

Штрихи биографии

ВРЕМЯ

Характер Владимира Ильича, его нравственный облик, все, что сделано, написано и сказано им,— неотделимо от целей борьбы, которую вел. Это о нем скажет меньшевик Дан: «...нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка справьтесь с ним». Сам же Владимир Ильич не раз повторит: надо торопиться жить, чтобы все силы отдать революции.

Когда-то мне довелось работать над документальным фильмом, посвященным Владимиру Ильичу. Предназначался он не для нашей страны, делался по просьбе одной коронованной особы. Тот монарх слыл человеком образованным,— надо полагать, относился к Ленину с интересом, очевидно, и уважением, признавая в нем выдающегося мыслителя, а главное — блистательного политика, популярнейшую фигуру эпохи. Вот и попросил монарх снять для него фильм «Ленин-гуманист».

Идея сама по себе была привлекательна: почему бы в той далекой и очень отсталой стране не рассказать с экрана о революции и ее вожде? Но позже пришли и пожелания, лишь при исполнении которых монарх мог согласиться на демонстрацию фильма. Требовалось, чтобы наш рассказ был посвящен только гуманизму, человечности, отзывчивости Ленина, тому, как внимательно и сердечно относился он к простым людям и как много сделал для их образования, для развития науки и культуры. Заказчик, надо полагать, был не так уж прост. Он и сам ратовал за открытие новых школ, давал аудиенции простым крестьянам и ремесленникам, покровительствовал ученым, художникам, артистам. И,

как можно предположить, хотел погреться у чужого камелька, надеясь, очевидно, что такой фильм был бы небесполезен для возвышения его самого. Главное же — киторассказ ни кадром, ни словом не должен подрывать устои самодержавия; в нем не следует упоминать о революционных идеях и действиях Ленина, ни в коем случае не говорить о старшем брате, участвовавшем в покушении на жизнь царя, и о том, что сам Владимир Ильич посвятил себя борьбе за революционное установление подлинного народовластия.

Надо ли говорить, что эти пожелания оказались невыполнимыми. Как рассказывать о душевном внимании Ленина к простым людям, не упоминая о его глубокой ненависти к эксплуататорам? Как говорить о положительных переменах в стране, в том числе в области культуры, народного образования, если возможность этих перемен Владимир Ильич видел как результат коренных революционных преобразований?

«У него нет общего и частного, нет общественной жизни и личной жизни,— писал о Ленине В. В. Воровский.— Он и в этом выкован из одной глыбы. В общественную жизнь он ушел весь без остатка, спаяв с нею и свое личное существование. Вся его личная жизнь — рабыня его общественной деятельности. Здесь нет места внутренним противоречиям, трагедиям, компромиссам — всему тому наследию мещанства, которое разбило не одну жизнь интеллигента-революционера».

Ленин обосновал в трудах, подтвердил всем опытом жизни, что в мире, сотканном из социальных противоречий, нравственности вообще — универсальной для всех и на все времена,— как и морали, гуманизма, свободы, не существует и существовать не может. Такие милые и привычные душе русского интеллигента рассуждения о нормах «общечеловеческих» и проблемах вселенских, о благе для всех и цивилизации вообще были чужды Владимиру Ильичу. «Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем». Непременно разоблачаем: во все времена проповедь о нравственности, существующей в людях независимо от окружающего их мира, о нравственности самой по себе произносится во имя того, чтобы обезопасить себя, ограничиться пусть и благородными устремлениями, но лишь по отношению к

самому себе, кругу близких людей, а там, за этим кругом, можно поступать иначе, руководствуясь иными идеалами.

Знаменательны в этом отношении наблюдения, которыми делится один из приближенных бывшего президента США Ричарда Никсона — Джеб Стюарт Магрудер. Он раздумывает о дорогах, приведших к Уотергейтскому делу: «Мы были морально устойчивыми людьми в личной жизни, но не имели понятия о морали гражданской. Вместо того чтобы руководствоваться в государственных делах принципами своей личной морали, мы приняли принципы политического поведения, продиктованные президентом, и результат был трагичным для него и для нас».

Впрочем, стоит ли вновь рассуждать на тему личного, общественного, гражданского? Лучше, пожалуй, вспомнить, что было сказано Н. Г. Чернышевским в его статье «Русский человек на rendez-vous»:

«Если из круга моих наблюдений, из сферы действий, в которой вращаюсь я, исключены идеи и побуждения, имеющие предметом общую пользу, то есть исключены гражданские мотивы, что останется наблюдать мне? в чем остается участвовать мне? Остается хлопотливая сумятица отдельных личностей с личными узенькими заботами о своем кармане, о своем брюшке или о своих забавах».

В известной речи на III съезде комсомола, значительная часть которой была посвящена размышлениям о нравственности, Ленин говорил: «Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше...»

Классовая борьба пролетариата, его диктатура — ступени этого восхождения. И коммунисты вовсе не стремятся задерживаться на какой-либо из этих ступеней дольше того, чем требуют этого условия борьбы... Весной 1921 года в Москве собрался Всероссийский съезд транспортных рабочих. Приехал на съезд и Ленин. По дороге в зал внимание Владимира Ильича привлек плакат: «Царству рабочих и крестьян не будет конца». Поднявшись на трибуну, он сказал: «...когда я прочитал этот странный плакат, я подумал: а ведь вот относительно каких азбучных и основных вещей существуют у нас недоразумения и неправильное понимание. В самом деле, ежели бы царству рабочих и кре-

стьян не было конца, то это означало бы, что никогда не будет социализма, ибо социализм означает уничтожение классов, а пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор остаются разные классы, и, следовательно, ие может быть полного социализма».

Спустя несколько месяцев, в том же 1921 году, Владимир Ильич получил письмо, написанное на бланке «Военный комиссар штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии». К Ленину обращался комиссар С. С. Данилов: «Уважаемый Владимир Ильич! Вопрос, о котором я пишу Вам, давно интересует меня, и я давно уже собирался писать Вам». В конце письма читаем: «Мне немного нездоровится, и я, вероятно, путано формулирую свою мысль». Несмотря на болезнь, он взялся за перо, а может быть, благодаря ей и выпала минута написать Ленину. Комиссар штаба Красной Армии писал об альтруизме.

Но познакомимся прежде с автором письма. Нам помогут в этом воспоминания Е. Я. Драбкиной. В книге «Черные сухари» она передает историю, которую «слышала от Степана Степановича Данилова — на редкость милого человека, которого все старые товарищи по партии любовно звали «Стакан Стакановичем». Суть же истории в следующем. В 1919 году Данилов возглавлял Комиссию по борьбе с дезертирством (организацию весьма суровую — отметим для себя). Однажды он узнал, что начальник Мобилизационного отдела Народного комиссариата путей сообщения пустился во все тяжкие, чтобы уберечь от армии своего сотрудника. Данилов доложил об этом на заседании Совета Обороны. «Владимир Ильич аж побелел от бешенства,— рассказывал Данилов,— но и бровью не повел. Говорит: «Предлагаю следующее постановление: «Заслушав сообщение товарища Данилова о неправильном возбуждении ходатайства об отсрочке такому-то, поручить ВЧК арестовывать начальника Мобилизационного отдела НКПС имярек в течение ближайших пяти воскресений».

Так было в девятнадцатом, а спустя два года, в сентябре двадцать первого, Данилов писал Ленину:

«В обстановке жестокой гражданской войны, голода, нужды, тяжелых лишений мало было места альтруизму, любви даже внутри класса, среди трудящихся.

Сейчас мы получили передышку. С военного фронта центр тяжести переносится на борьбу с разрухой, с

голодом, на работу по упорядочению и облегчению обыденной жизни.

Нельзя ли в этой мирной работе сделать одним из движущих рычагов альтруизм, чувство сострадания и любви к старому и малому, к слабому и больному, к беспомощному, голодному?

Я далек от мысли, что нам пора перековать штыки на косы и серпы, но думаю, что пора уже призывать к любви, состраданию, взаимной помощи внутри класса, внутри лагеря трудящихся».

Ленин ответил: «И «внутри класса» и к *трудящимся иных* классов развивать чувство «взаимной помощи» и т. д. безусловно *необходимо*».

...У каждого поколения свой путь к Ленину и свои отношения с Владимиром Ильичем — речь идет о времени: оно конечно же отступает перед памятью потомков, но и памяти вне времени не существует.

«Моему поколению,— писала Мариэтта Шагинян в книге «Четыре урока у Ленина»,— выпало величайшее счастье наблюдать слово Ленина в его мгновенном превращении в дело. Я разумею его первые декреты в первые дни и месяцы революции, когда многие из нас, потрясенные до глубоких основ, не чувствовали устойчивой почвы под ногами».

Но и Мариэтта Сергеевна, современник Октябрьской революции, очевидец непосредственной деятельности Владимира Ильича, работая над книгой о нем, вдруг задается тревожным вопросом: что произошло с ней самой за несколько десятков лет, если начинает воспринимать Ленина как нечто надчеловеческое, с кем нельзя сравнивать никого другого?

Шагинян задумалась как-то над речью Горького, произнесенной в день пятидесятилетия Владимира Ильича. Алексей Максимович вспоминал о Колумбе, сравнивая великого открывателя новых земель с первооткрывателем социальным — с Лениным. И это Шагинян показалось еретическим: «Сравнение Ленина — Ленина! — с Христофором Колумбом. Кто такой Христофор Колумб, чтоб сметь его сравнивать с Лениным...» И долго беспокоили обида, негодование по адресу Горького. Пока не случилось поговорить со старой женщиной, большевичкой, хорошо знавшей Владимира Ильича. Услышав об этом горьковском сравнении, она рассмеялась: «Горький — большой писатель, занесся, конечно,

размахнулся,— он всю жизнь размахивается. Христофор Колумб — выдумал тоже Алексей Максимович!» На нее — человека, сохранившего в памяти живой облик Ленина,— это сравнение произвело впечатление прямо противоположное: почудилось смешное преувеличение, гипербола, размах. И Шагинян вновь обращает к себе тревожный вопрос: «Что произошло со мною, человеком восьми десятков лет, потерявшим ощущение живого бытия настолько, что воспринимаю просто живое как ересь, возрождаю понятие «еретический»? Начинаю возводить условности, участвовать в создании мифа, делать из фактов жизни мифологемы? Это к о р к а, сказала я сама себе очень громко, потому что мне захотелось выговорить свою мысль вслух».

Но что же сказать тогда о моем поколении, о тех, кто вступал в самостоятельную жизнь с началом пятидесятых годов? Фигура Ленина предстала перед нами в граните и бронзе, в строчках поэзии и томах прозы, в игре артистов театра и кино — и все это само по себе уже было осенено крылом классики. Эпоха Ленина, время революции — все, что связано с этим, происходило, как объясняли нам, лишь в одном, единственно правильном варианте. И не оттого, что история признает в конечном счете лишь один вариант — тот, который торжествует; просто все свершалось согласно однажды продуманному плану; и наступления, и отступления — все двигалось по однажды проложенной дороге...

Гениальность Владимира Ильича, его мужество, сила воли, принципиальность и скромность — все это подтверждено опытом старших поколений, стало выводами их жизни. Но выводы, как известно, лишь венчают путь самостоятельных раздумий. Путь же этот должен пройти каждый, кто хочет располагать собственными убеждениями.

Мы слышали, читали о Владимире Ильиче с тех пор, как помнили себя и уразумели алфавит. Как ответить, например, когда впервые услышал о Ленине? Поди-ка скажи, когда увидел белый свет. Были годы учебы, были и конспекты. К одному занятию штудировали «Шаг вперед, два шага назад», к другому — «Три источника и три составных части марксизма». Читали основополагающие ленинские работы, порой лишь несколько страничек из них, заботливо указанные в плане занятий. Иногда приходилось и зубрить: запомни-ка черты двоевла-

стия — пункт за пунктом,— когда вокруг тебя давно установившаяся жизнь. А встреча с Владимиром Ильичем была все еще впереди — встреча с собеседником, которую сам ищешь потому, что многое не дает покоя, многое надо понять и только у него найдешь ответы.

Сегодня для близкого знакомства с Владимиром Ильичем — именно близкого — мы имеем, пожалуй, бóльшие возможности, чем его современники. Заботливо сохранено все, что можно собрать,— каждое слово и каждая ленинская строка. «Образ Владимира Ильича,— писала Л. А. Фотиева,— так многогранен, так колоссально значителен, что только общими силами, только коллективной работой лиц, близко знавших его, собирая все новые штрихи и новые детали его облика, жизни и деятельности, можно создать этот образ». В немалой степени это сделано.

В 1920 году по постановлению IX съезда РКП(б) было начато издание первого собрания сочинений В. И. Ленина. Рассказ о проделанной с тех пор работе мог бы стать темой не одной книги. Пятьдесят пять томов Полного собрания сочинений Владимира Ильича, почти сорок томов ленинских сборников. Сотни томов воспоминаний о Ленине, тома «Биографической хроники В. И. Ленина»... Да, мы знаем сегодня о Владимире Ильиче больше, чем многие его современники: они не располагали таким богатством. Выполнено то, к чему призывал старый большевик П. Н. Лепешинский: «...сделать все возможное, чтобы подлинный живой облик Ильича не был бы окончательно утерян для будущих поколений и чтобы его интереснейшая индивидуальность не стерлась от времени, не растворилась бы в море легенд, которые, несомненно, будут в огромной мере накапливаться около его имени...»

Легендам противостоят факты, но их надо знать. Между тем повторение общеизвестного рождает ощущение, что все достойное внимания давно уже познано, и, пользуясь терминологией Шагинян, создается корка.

Случается, приводишь эпизод из самых, пожалуй, известных воспоминаний, говоришь об этом не с первым встречным — с человеком читающим, а в ответ: «Интересно... Я никогда об этом не слышал...»

...Меня поразил когда-то монолог Старшины из «Оптимистической трагедии» Вишневского. Навсегда вошел

в память, соединился с личными представлениями о революции. Я не сразу понял, почему именно эти слова произвели такое впечатление. Теперь, пожалуй, могу объяснить.

Сколько было коммунистов в годы гражданской войны в рядах Красной Армии и Флота? — спрашивает Старшина и сам отвечает: «Двести восемьдесят тысяч. Половина партии. Каждый второй коммунист был под огнем на фронте. Каждый оставшийся был под огнем в городах, в степях и в лесах, ибо тыла не существует в классовой войне. И в списках раненых коммунистов — Владимир Ленин, а среди убитых — Володарский, Урицкий, двадцать шесть комиссаров, целые губкомы и начисто вырезанные организации...»

Старшина говорит: каждый коммунист — и Ленин. Каждый, кто был под огнем,— и Ленин. Список раненых коммунистов открывает Ленин, но это список!.. В моем восприятии сказывалось, очевидно, и личное: в биографии, написанной отцом, есть строчка: «В 1919 г. остался для подпольной работы в Одессе, был схвачен деникинцами, приговорен к расстрелу и бежал». Путь Ленина и тот, что пришлось пережить отцу, соединялись для меня и во времени, и в существе своем. Но было и другое — более общее, а потому и более важное.

Герои прошлого обычно предстают перед нами словно фигуры на авансцене, высвеченные прожекторами. Время скрадывает лица тех, кто был рядом. Остается герой и его подвиг... Старшина в своем монологе не стремится отличить Ленина от других, поднять его над всеми коммунистами. Величие Владимира Ильича он видит как раз в другом — в том, что вождь революции разделил испытания со всеми, кто был в те годы в партии большевиков.

В этих заметках мы не раз обратимся к Алексею Максимовичу Горькому. То, что написано им о Владимире Ильиче, по глубокому убеждению многих, лучшее в Лениниане. Это как бы само собой разумеется, и потому мы не задумываемся обычно: что же определило успех писателя? Сказался его талант. Да, но не только это. Горький был хорошо знаком с Лениным, располагал многолетними наблюдениями. Да, но не только это.

Алексей Максимович дружил с Владимиром Ильичем, относился к нему как равный к равному. «Я его

любил и — люблю,— писал Горький вскоре после кончины Владимира Ильича.— Любил с гневом. Говорил с ним резко, не щадя его. С ним можно было говорить так, как ни с кем иным...»

Отсюда и свобода выражений, или, как сказали бы мы теперь, формулировок: стоит фертом; великое дитя окаянного мира сего; принимал странную и немножко комическую позу, в этой позе было что-то удивительно милое и смешное, что-то победоносно-петушиное...

Отсюда и притягательная достоверность портрета — Ленин во всем величии и простоте, потрясающе доступный и для его современников, и для нас, нынешнего поколения советских людей.

Современники вспоминают, что Владимира Ильича раздражали задернутые шторы, он не позволял ими закрывать окна кабинета, как будто шторы отделяли его от внешнего мира и это было для Ленина невыносимо. Стремление «раздвинуть шторы» приходит и к нам — свободно взглянуть из настоящего в прошлое, самим увидеть и услышать Владимира Ильича, стать свидетелями его мгновенной и такой непосредственной реакции на каждый факт и событие окружающей жизни.

Чувство это, пожалуй, близко к тому, что испытываешь в кремлевском кабинете Ленина. Здесь он работал — вот за этим столом. Деловая разумность обстановки говорит о многом. Но чтобы почувствовать себя не в музее, а в кабинете, где пишет, беседует, читает, чему-то радуется и чем-то возмущается Владимир Ильич, постарайтесь взглянуть на каждый предмет его глазами. Пузырек с резиновым наконечником называл гуммиарабиком с «носом». Бумаги, уходя из кабинета, сдвигал, по своему обыкновению, на середину стола и клал поверх ножницы, что означало «трогать не сметь». Секретари раскладывали на его столе папки для различных бумаг, а Ленин собирал нужные ему письма в одну папку и уносил ее с собой, при этом жаловался: «Вот у такого-то все бумаги в порядке, а я никак этому научиться не могу». Ящики стола обычно были заперты, но левый верхний и сейчас, наверное, открыт: Владимир Ильич складывал в него исполненные бумаги и секретари забирали их по нескольку раз в день. К письменному столу приставлен еще один; это Ленин

распорядился: «Достаньте простой человеческий стол, за которым можно было бы сидеть и писать». Часто поглядывал на календарь — висел над диваном; цифры были крупные, хорошо видны, и Владимир Ильич удивлялся: «У нас это умеют сделать? Удивительно». И так же удивлялся, когда на следующий день приносили заказанную им книгу: «Вчера только написал, а сегодня уже получил». Указатель железных дорог, на нем — собственноручная пометка: «Экз. Ленина». Прежде был другой, но кто-то взял и не вернул, а в указателе было много пометок Владимира Ильича, и он просил узнавать у каждого, кто у него бывал: не взял ли — обещая отдать взамен другой экземпляр. Быть может, он и лежит теперь на столе?

Массивные часы, что стояли подле двери, ведущей в зал заседаний Совнаркома, имели дурную привычку «убегать» — в сутки минут на пятнадцать. Ленин не признавал часы, которые грешат хоть на минуту, а эти сменить не соглашался. «Другие будут такими же»,— отмахивался нехотя.

Представьте себе, как тускло светит в ночную пору лампочка в шестнадцать свечей под зеленым абажуром. Желтое пятно ложится на стол, бумаги, склонившегося над ними Владимира Ильича. И может быть, вам удастся почувствовать невероятное напряжение мысли, творчества, сосредоточенности, царившее здесь. Исчезнут звуки, которые пришли вместе с вами, и сквозь толщу десятилетий к вам проникнет тишина... Быть может, вам не только придет на память эпизод, рассказанный когда-то Фотиевой, но вы сможете и пережить его внутренне.

Давно опустели, словно вымерли, сводчатые коридоры Совнаркома. А в кабинете Владимира Ильича все еще горела лампа под зеленым абажуром. Ленин продолжал работать, не замечая ни времени, ни вошедшего в кабинет секретаря. Фотиева бесшумно собрала нужные бумаги и вдруг, неловко повернувшись, задела стеклянный абажур. Раздался резкий, все пронизывающий, словно по живому рубящий звук. И Ленин вздрогнул всем телом, побледнел...

Еще раз обратиться к первоисточнику ленинской мысли и слова, услышать голоса тех, кто находился рядом с Владимиром Ильичем, был свидетелем его решений и участником действий,— желание это естест-

венно. Оно продиктовано и стремлением глубже осмыслить облик Ленина, и скромной надеждой хоть в какой-то мере приблизить свое бытие к идеалам и принципам того, кто, по словам Ромена Роллана, еще при жизни «вылил свою моральную фигуру в бронзу, которая переживет века».

Представить себе Ленина во всей неповторимости его личности — стремление это у каждого, очевидно, рождается по-своему. Меня оно не оставляет уже многие годы, и толчком, как мне кажется теперь, послужил документ — записка, наскоро начертанная Лениным в июле 1917 года. Его выслеживали агенты Временного правительства, его «ловили» — так брал в кавычки это слово сам Владимир Ильич. В письме Я. М. Свердлову замечает: «На пленуме мне, видно, не удастся быть, ибо меня «ловят». Кровавая расправа шла за ним по пятам. И Владимир Ильич пишет:

«Entre nous: если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная... Условие: все сие абсолютно entre nous!»

Впервые увидев документ, подумал: что это — завещание? Да нет конечно же. Скорее, распоряжение, просьба — по ходу дела, по ходу борьбы, которой настолько поглощен человек, что все остальное, в том числе и жизнь его самого, отходит на второй план. По отношению к Ленину это может показаться кому-то и само собой разумеющимся. Но мало ли знала история героев жеста и фразы, кто на редкость смело вершил судьбами других и оказывался ничтожным, оберегая самого себя...

А как запечатлелась в этих строках ленинская непосредственность: не только отсутствие какой-либо позы, но и опасение, чтобы никто не заподозрил в ней. Отсюда ироническое «укокошат» вместо торжественного, скажем, «погибну», отсюда и условие: все это абсолютно между нами.

Наконец, спокойствие и трезвость человека, который в самые критические минуты сохраняет абсолютно реальный взгляд на развитие исторических событий и на свое место в них. Минует всего лишь несколько дней. Ленин скроется в Разливе, и к нему приедет Г. К. Орджоникидзе. Среди питерских новостей Серго передаст разговоры-предположения о том, что не позже авгу-

ста — сентября власть перейдет к большевикам, а председателем правительства будет Ленин. И Владимир Ильич ответит на это с такой серьезной уверенностью, которая поразит даже его собеседника: «Да, это так будет». Уверенность не покидала Ленина и когда писал он записку: что бы ни произошло, революции суждено развиваться и большевики придут к власти, даже если не станет его — руководителя этой партии. Партия большевиков возьмет в свои руки управление страной, и потому очень важно, чтобы увидела свет тетрадка, та, что застряла в Стокгольме,— «Марксизм о государстве».

Так, вновь и вновь перечитывая эту записку в несколько строк, делал пускай незначительные для других, но свои открытия. И прежде существовавшее представление о мужестве Ленина обретало для меня новое подтверждение в результате моих раздумий над документом, который привлек мое внимание, и я попытался его осмыслить.

Впервые знакомясь с человеком, вы не можете сразу же составить представление о нем и подмечаете на первых порах особенности его поведения, образа мыслей, отношения к окружающим. Детали эти позволят в конце концов сложить собственное мнение. Оно может ничем не отличаться от того, что вы и прежде слышали об этом человеке, а может оказаться и несколько иным. Но, так или иначе, необходимы свои открытия, необходимо, я бы сказал, торможение деталей.

26 июля 1918 года Ленин берется за письмо Кларе Цеткин. Недавно разгромлен мятеж левых эсеров; он поставил под угрозу завоевания революции и был тяжелым личным потрясением для Владимира Ильича: гражданская война проникла в глубь страны. Ленин так и пишет: «Мы теперь переживаем здесь, может быть, самые трудные недели за всю революцию. Классовая борьба и гражданская война проникли в глубь населения: всюду в деревнях раскол — беднота за нас, кулаки яростно против нас. Антанта купила чехословаков, бушует контрреволюционное восстание, вся буржуазия прилагает все усилия, чтобы нас свергнуть». Казалось бы, все плохо, остается лишь надежда. «Тем не менее, мы твердо верим, что избегнем этого «обычного» (как в 1794 и 1849 гг.) хода революции и победим буржуазию».

Письмо закончено, а с ним и рассказ о том, как низ-

ко нависли свинцовые тучи над молодой Советской республикой. И вдруг неожиданно пробившийся луч солнца, луч радости — им освещен постскриптум письма: «Мне только что принесли новую государственную печать. Вот отпечаток». Самые безрадостные раздумья не могут заслонить пусть и незначительный, но ободряющий факт реальности. Да, все плохо, но социалистическое государство существует; это так же несомненно, как надпись на государственной печати: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» И Владимир Ильич спешит поделиться своей радостью — в этом тоже черта его характера. Он ставит печать в конце письма, скрепляет государственной печатью РСФСР письмо немецкой коммунистке: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Радость познания образа Ленина — в бесчисленности открытий, которые доступны заинтересованному читателю, ждут его. Но порой я спрашивал себя: оправданно ли такое внимание к деталям, пусть и приближающим нас к личности Ленина, но все-таки деталям, штрихам. Отчего не ограничиться знанием теоретических работ Владимира Ильича, его революционной стратегии и тактики, пониманием роли Ленина в создании партии и государства? Штрихи и детали помогают осмыслить облик Ленина-человека в его повседневных решениях и поступках, понять образ жизни Владимира Ильича, который служит примером для каждого из нас, всегда остается актуальным, как всегда актуальны для человечества его высшие нравственные постижения.

Мы часто говорим о современном значении ленинского наследия, а когда хотим проиллюстрировать это, стремимся порой совместить точка в точку прошлое и настоящее, словно накладываем кальку на чертеж. Ленин указывал, например, на необходимость освоения Курской магнитной аномалии — и вот теперь это сделано, говорим мы, подтверждая гениальность ленинского предвидения. Но представим себе на минуту, что эти залежи руды были бы обнаружены не на стыке XVIII—XIX веков, а значительно позже (скажем, как запасы тюменской нефти). Разве это меняет что-либо в существе ленинского подхода — поставить, и как можно быстрее, богатства страны на службу народу? В конце концов, электроплуг — им был увлечен Владимир

Ильич и на испытаниях его присутствовал — не получил пока распространения. Но дело же не в судьбе механизма, а в ленинской неустанной поддержке всего нового. И мы вновь возвращаемся к облику человека, к лаборатории ленинского мышления.

Известный офтальмолог М. И. Авербах, который не раз беседовал с Владимиром Ильичем, обращаясь к воспоминаниям о нем, говорил: «Жизненный опыт и изучение биографий великих людей учат, что личной жизнью их большей частью не следовало бы интересоваться. Не часто встречаются люди, которые везде были бы одинаковы — и на трибуне, и у себя дома, у которых общественная и личная жизнь составляла бы одно целое... В громадном большинстве случаев личная жизнь даже замечательных людей оказывается крайне неинтересной или стоит в полном противоречии с той общественной ролью, какую играет этот человек... Но в данном случае, по отношению к Владимиру Ильичу, я смело и, повторяю, с удовольствием стану рассказывать вам о его частной жизни. Я совершенно спокоен, что то, что вы услышите от меня, не только не умалит в ваших глазах его величия, а, наоборот, еще больше возвеличит его в вашем представлении...»

Штрихи и детали помогают нам понять индивидуальность Владимира Ильича, но в ленинской индивидуальности как раз и заключено общее: поступки, нормы отношений с людьми, образ мыслей Владимира Ильича — во всем этом воплощены нравственные идеалы созданной им партии.

«Ленин был не только носителем идеи пролетариата,— утверждает Мартин Андерсен-Нексе.— Он был больше этого. Он сливается воедино с этой идеей. Всемирная история знает очень мало примеров, когда духовное содержание социального класса, классового движения так счастливо воплощается в одном человеке».

Вот почему, говоря словами А. В. Луначарского, «биографическое в нем, интимное в нем тоже имеет огромную, общечеловеческую ценность».

Обращаясь к молодежи, М. И. Ульянова говорила, что учиться надо не только по большому литературному наследству, которое осталось от Ленина, надо знакомиться с Лениным — человеком и коммунистом. «В этом смысле вы можете очень многое для себя взять.

Это будет для вас очень полезно, чтобы вырасти стойкими коммунистами, достойной красной сменой нам, старым борцам».

И, казалось бы, совсем непосредственно на наши раздумья отвечает Н. К. Крупская. «Понять Ильича как человека,— пишет Надежда Константиновна,— значит глубже, лучше понять, что такое строительство социализма, значит почувствовать облик человека социалистического строя».

Выходит, что понять Ленина — это понять и почувствовать самих себя? А вместе с тем не от нашей же жизни, а от дел и предначертаний революционеров-демократов надо идти к симбирскому юноше Владимиру Ульянову, читающему Чернышевского. «Все напечатанное в «Современнике» я прочитал до последней строчки, и не один раз»,— скажет он позже. Герои Чернышевского были для него жизненным примером. Он не раз, очевидно, обращался к ним, обдумывая свою судьбу, складывая свои представления о дружбе, семье, об отношениях с близкими людьми. «Это вещь,— говорил о романе «Что делать?»,— которая дает заряд на всю жизнь».

Понять Ленина — это погрузиться во времена революции, почувствовать неповторимость эпохи не только в ее исторических свершениях, но и в самых обыденных, самых незначительных, казалось бы, мазках. В адрес Ленина приходит телеграмма из Липецка, от служащих Юго-Восточной железной дороги — просят разрешить им поставить иконы накануне пасхи на вокзале и в служебных помещениях. Владимир Ильич пишет, словно продолжая еще раздумывать: «По-моему, на вокзале **нельзя**». Но и сам еще не успел отвыкнуть от привычного календаря, поэтому указывает в расписке: «Отчет получил. *Ленин*... Пятница, перед пасхой 1919».

Но это все уже в прошлом. А Надежда Константиновна пишет, что понять Ильича как человека — это понять глубже, что такое строительство социализма, почувствовать облик человека социалистического строя...

Силой своих идейных убеждений и благородством целей, свободой от материальных предрассудков и размахом интеллекта Ленин был и остается человеком из будущего. Подумайте, как грандиозно изменились за последние полвека наши представления о человеческих

возможностях, давно и многократно перекрыты все мыслимые, да и немыслимые рекорды. С непостижимой стремительностью раздвигаются рамки информации, доступной человеку. Наши дети все решительнее, а главное, все раньше, нередко вызывая у нас этим тревогу, начинают ориентироваться в мире науки. Между тем ленинский интеллект, объем прочитанного Владимиром Ильичем, запас знаний, которыми он располагал,— и сегодня остается практически недостижимым. И сегодня нельзя не поразиться, что в томах Полного собрания сочинений В. И. Ленина упоминается свыше 16 тысяч книг, брошюр, статей, периодических изданий, документов и других источников. К тому же источники эти — на 20 различных языках.

Понять Владимира Ильича как человека — это представить себе личность, неотделимую от наших дел, от коммунистического строительства, которое мы ведем, осуществляя свободное развитие всех и каждого. Чем больше проходит времени, тем ближе нам облик Ленина-человека. Наше развитие движется от веры к знаниям, от аксиом — к теоремам, от преклонения перед Лениным — к осознанию значения совершенного им. И в стране, где открылись перед людьми мир книги и вселенная знаний, образ Ленина становится все ближе, понятнее. В конце концов, та же скромность в быту Владимира Ильича, очевидно, скорее всего поражает тех людей, кому малознакомы радости духовной жизни, а отказ от возможного обладания вещами был бы действительно подвигом...

Старейший деятель революционного движения М. С. Ольминский пишет: «Познать В. И. Ленина для нас означает познать самих себя», видя в этом «законное оправдание нашего интереса» к ленинской личности. Но отчего потребовалось Михаилу Степановичу подыскивать оправдание, да еще «законное», как подчеркивает он, для нашего, казалось бы, столь естественного интереса к личности Владимира Ильича?

Ольминский считает необходимым изучение всего, что раскрывает нам ленинскую личность, постольку, поскольку это содействует воспитанию новых поколений коммунистов. «Чем больше сделаем мы для ее изучения, тем больше двинем вперед знание истории нашей партии и понимание источника наших успехов и неудач, правильных шагов и ошибок».

Вместе с тем Михаил Степанович сознает, что писать о Ленине, вспоминать о нем можно лишь по-ленински, в точном соответствии с теми представлениями о роли личности в истории, которых всегда так четко придерживался Владимир Ильич. Нельзя переступать грань реального, за которой вздымается фигура сверхчеловека,— над ним всегда и от души потешался Владимир Ильич.

Но как почувствовать вовремя эту грань, как не допустить нескромности в разговоре о таком скромном человеке, каким был Ленин? О Владимире Ильиче писали и пишут тысячи и тысячи авторов, каждый по-своему решает эти вопросы — кто более, а кто менее успешно. Камертоном же для всех нас могут служить слова Крупской. Они передают то исключительное напряжение духа, в котором находилась Надежда Константиновна, работая над записками о Владимире Ильиче.

«У меня странное чувство бывает, когда я пишу свои воспоминания. С одной стороны, мне кажется, что я должна рассказать рабочим, молодежи все, что помню об Ильиче, а иногда у меня шевелится такое чувство, что Ильич, может быть, был бы недоволен моими воспоминаниями, он так мало говорил о себе».

Репортаж из года восемнадцатого

ПЕРЕДЫШКА

Ленин любил подняться на стены Кремля, взглянуть отсюда на Москву.

Весной восемнадцатого, приехав в Кремль, дважды обошел все стены — совершил долгий путь по этому удивительному проспекту истории государства Российского.

И в день первого советского праздника — 1 Мая восемнадцатого года — с кремлевской стены всматривался в колонны демонстрантов, в город, перепоясанный красными, упругими на ветру полотнищами, а кое-где прикрытый черным крепом — память о героях и мучениках русской революции.

Здесь все в том же восемнадцатом году встречал ранний июльский рассвет. Видел с кремлевской стены,

как светлело небо над Замоскворечьем. В робкую свежесть занимавшегося жаркого дня все ощутимей вплеталась пороховая горечь. Уже повсюду была передана ленинская телефонограмма: «Разбитые банды восставших против Советской власти левых эсеров разбегаются по окрестностям. Убегают вожди всей этой авантюры. Принять все меры к поимке и задержанию дерзнувших восстать против Советской власти. Задерживать все автомобили. Везде опустить шлагбаумы на шоссе». Мятеж был подавлен, и затихающим эхом недавней пальбы раздавались кое-где выстрелы.

Любил подняться на стены Кремля, взглянуть отсюда на Москву. Всегда холодная изнутри, старая кирпичная кладка башни. Быть может, это и есть леденящий полумрак минувшего. Стертые ступени, ведущие вверх, а над головой — квадрат неба весенней голубизны... И начинает казаться, что из прошлого поднимаешься к настоящему, продолжая восхождение предшествующих поколений. Плиты старой лестницы или ступени истории перед тобой?..

Ступень за ступенью, и ты выходишь из Сенатской башни в широкий разлет кремлевской стены; здесь не то что часовой — колесница пройдет, ни за что не задевая.

Непривычно, по-иному смотрится город с Угловой Арсенальной, или, как называют ее иногда, Собакиной башни. Словно с неба спущенные огромные прямоугольники зданий скрывают в тени старую Москву. Колышущимся под ветром костром предстает могила Неизвестного солдата, когда смотришь на нее сверху. С Троицкой башни как на ладони видна теснота Калининского проспекта в его старой, не разнесенной от края и до края воздвиженской части. Вытянулся плоский корпус Ленинской библиотеки, а подле него — затейливая роскошь бывшего Румянцевского музея. С высоты Боровицкой башни открывается Москва-река и невиданные прежде городские просторы.

Наконец, путь вдоль реки — от Водовзводной башни к Благовещенской и дальше минуя Тайницкую и Безымянные — стены здесь на удивление невысокие, кажется, перегнись, протяни руку — и дотянешься до косогора, покрытого травой и изрезанного тропинками. Земля подле самой стены всегда влажная, пахучая, точь-в-точь как у древних стен подмосковных монастырей. А уж

как доберешься до угловой Москворецкой башни, и стены и бойницы представляются игрушечными, все начинает казаться маленьким, ненастоящим перед квадратной махиной гостиницы «Россия».

Поражает безукоризненностью своей линия стены, протянувшаяся от Спасской башни до Никольской, вдоль Красной площади, словно натянули веревку и отметили ею прямую полосу. А дальше снова Угловая Арсенальная башня.

Отсюда, со стен Кремля, и начнем, пожалуй, наш репортаж из года восемнадцатого.

С Угловой Арсенальной башни хорошо видна гостиница «Националь». Уходит вверх от нее, горбатится улица Горького. Гостиница «Националь», Моховая улица, дом 17. Теперь этого адреса нет в московских справочниках. Да и сама гостиница на фотографиях восемнадцатого года выглядит весьма обшарпанно.

...Поезд запоздал, и в Москву прибыли в половине десятого вечера. На вокзале — ни оркестра, ни почетного караула, ни речей, ни цветов. Пустынный и темный перрон. Встречал лишь старый партиец Смирнов, он же Фома-питерец. Однако у вокзала дожидались машины — их прислали согласно условной телеграмме. С Николаевского вокзала сразу же поехали на Моховую, в гостиницу «Националь»,— Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Мария Ильинична.

Вечер, а вернее, немалая часть ночи прошла в беседах. «Нас чисто по-дружески — тогда еще о бюрократизме и комчванстве никто и слыхом не слыхал — посетили сейчас же вечером товарищи по партии, стоявшие в Москве во главе пролетарской революции,— вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич.— Мы очень хорошо провели время в обсуждении самых животрепещущих вопросов московской жизни, которая к тому времени далеко еще не утряслась...»

А в это же время, можно предположить, в типографиях Петрограда и Москвы заканчивалось печатание свежих номеров газет. «Известия ВЦИК» 12 марта 1918 года сообщили (не сразу и найдешь эту крохотную информацию на газетной странице): «Приезд Совета Народных Комиссаров. Вчера со специальным поездом прибыли из Петрограда в Москву члены Совета Народных Комиссаров, в том числе Вл. Ульянов (Н. Ленин)...»

Ульяновы поселились на третьем этаже, заняли

двухкомнатный номер гостиницы «Националь». Впрочем, в тот же вечер, ночь или уж во всяком случае на следующий день гостиницы «Националь» не стало: ее окрестили Первым Домом Советов. Первый Дом Советов — какое свое, понятное название для тех, кто совершал революцию, и ненавистное, отталкивающее — для тех, кто революцию не принял!

Сохранилось несколько метров кинопленки, снятой в те дни. Идут по Моховой, мимо гостиницы, матросы — в бушлатах и бескозырках, пулеметными лентами перепоясаны, ружья в руках, свободно развеваются клеши. Сегодня, когда видишь подле гостиницы изысканно одетых москвичей, нарядные машины, когда то и дело подъезжают, проглатывая солнце своими зеркальными окнами, экскурсионные автобусы,— эти кадры былого представляются удивительными. И все-таки нечто подобное нам и раньше было известно по фотографиям, картинам, наконец, кинофильмам. А вот людям из года восемнадцатого происходящее на Моховой, надо полагать, представлялось действительно невероятным.

От чопорности дорогой гостиницы в мгновение и следа не осталось. Именитые коммерсанты оставили роскошные, отделанные гобеленами номера. Теперь они и близко подходить сюда не решались: вон как бойко шагают матросы. Выехал, не знаю уж куда, «Нью-Йорк сити банк». Исчез внушительный швейцар в ливрее с галунами подле входных дверей. Оставшись без присмотра, двери мотались из стороны в сторону что было мочи, все громче дребезжали стекла с золотыми вензелями, вот-вот вылетят совсем, и тогда заколотят двери листами фанеры, надежно заколотят, чтобы не дуло.

За все отвечал, повсюду носился, обижал других и обижался сам комиссар Первого Дома Советов Алексей Окулов. Прежде он был комиссаром гостиницы «Астория» в Петрограде и с одним из первых эшелонов прибыл в Москву. Приезжали делегаты IVсъезда Советов, днем и ночью появлялись новые постояльцы — все требовали от Окулова крыши над головой.

Приспосабливались к временному жилью члены правительства. Здесь принимали посетителей, проводили совещания. И здесь же решали с женами, чем накормить детей; спрашивали все у того же Окулова, где раздобыть примус. Когда в путь отправляется так много людей, к тому же делается это столь поспешно, не обой-

тись без инцидентов и недоразумений. Окулову досталось еще в Петрограде, когда занимался отправкой вещей: то схватывался с чьей-нибудь престарелой мамашей — сует без разбора старый скарб, а то оборонялся от наседавшей с претензиями чьей-то молодой жены. Все это, и весьма красноречиво, комиссар опишет в своих воспоминаниях, связанных с переездом правительства в Москву, еще раз подтвердив истину, что на всякое событие каждый смотрит со своей колокольни; в данном случае — глазами хозяйственника. Но без этого взгляда не представить того, как было на самом деле.

Впрочем, в те дни никто не думал о воспоминаниях, за них возьмутся позже, много позже, стараясь восстановить в памяти, передать на бумаге и это время, и этот город...

От Угловой Арсенальной башни к Троицким воротам тянется над Александровским садом кремлевская стена. Узкий проезд между Манежем и Александровским садом. В нем, скорей всего, и появилась в полдень 12 марта 1918 года редкая по тем временам на московских улицах машина, двинулась в сторону Кутафьей башни. «Помню, как Яков Михайлович Свердлов и Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич первый раз повезли нас в Кремль смотреть нашу будущую квартиру»,— писала много лет спустя Крупская.

Под стены Кутафьей башни и повернула машина. Однако в Кремль ее не пустили, встали на дороге часовые, подошел командир:

— Кто едет?

— Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин.

Машина въехала в Троицкие ворота.

— Вот он и Кремль. Как давно я его не видел...— тихо сказал Ленин.

«Тогдашний Кремль, Кремль 1918 года,— по словам Крупской,— мало походил на теперешний. Все в нем дышало стариной. Около здания «судебных установлений» стоял окрашенный в розовую краску Чудов монастырь, с маленькими решетчатыми окнами; у обрыва стоял памятник Александру II; внизу ютилась у стены какая-то стародревняя церковь».

Ленин полюбит Кремль. В свободные минуты будет охотно прогуливаться подле Большого Кремлевского

дворца. Как говорила Крупская, «здесь было глазу где погулять». Станет часто спускаться вниз, к зелени Тайницкого сада,— там тихо, а главное, безлюдно. Вечерами будет листать книги и альбомы, узнавая с обычной для него основательностью об истории Кремля. И уже в первый свой приезд поведет речь о том, как сберечь ценности Кремля, сохранить его своеобразие. Освободить старорусский памятник от наслоений более поздних эпох, вернуть ему историческую достоверность — и это занимало Владимира Ильича.

Узнав, например, что во времена Николая I была заложена кирпичом и превращена в сарай проездная арка собора Двенадцати апостолов, заметил: «Ведь вот была эпоха — настоящая аракчеевщина... Все обращали в сараи и казармы, им совершенно была безразлична история нашей страны...» По его настоянию реставрационная комиссия возьмется за восстановление этой части собора и будут реставрированы фрески Успенского собора.

В первый приезд Владимир Ильич осмотрел свой будущий кремлевский кабинет, побывал и в квартире. «По старой каменной лестнице, ступеньки которой были вытоптаны ногами посетителей, посещавших это здание десятки лет, поднялись мы в третий этаж, где помещалась раньше квартира прокурора судебной палаты,— рассказывала Надежда Константиновна.— Планировали дать нам кухню и три комнаты, к ней прилегавшие, куда был отдельный ход. Дальше комнаты отводились под помещение Управления Совнаркома. Самая большая комната отводилась под зал заседаний... К ней примыкал кабинет Владимира Ильича, ближе всего помещавшийся к парадному ходу, через который должны были входить к нему посетители. Было очень удобно. Но во всем здании была невероятная грязь, печи были поломаны, потолки протекали. Особенная грязь царила в нашей будущей квартире, где жили сторожа. Требовался ремонт».

...И тогда же, в свой первый московский день, отправился Владимир Ильич в путь по стенам Кремля. Шагая от башни Троицких ворот к Боровицкой, наверное, взглянул на здание Румянцевского музея, вспомнил, быть может, как занимался здесь в 1897 году.

Осужденный к трехлетней ссылке, по дороге в Шушенское задержался на три дня в Москве: разрешили

встретиться с матерью. И все три дня провел в библиотеке Румянцевского музея — собирал материалы, которые нужны были для работы в ссылке. Просидел бы и дольше, да полицейские чины пригрозили арестом, потребовали немедленно отбыть из Москвы.

В марте покидал Москву, отправлялся в ссылку, в Сибирь, в неизвестное. Провожали всей семьей — мать, сестры, Марк Тимофеевич Елизаров, ехали с ним до самой Тулы.

И той же мартовской порой, но спустя двадцать один год, вернулся в Москву — глава правительства, Председатель Совета Народных Комиссаров.

Где они теперь, те полицейские чины, грозившие арестом, высылавшие из города? Все неузнаваемо изменилось. А заботы Владимира Ильича между тем остались прежними — ему и на этот раз прежде всего требовались книги. Как договориться с библиотекарями Румянцевского музея и университета? На каких условиях можно получать книги? — торопился разрешить Владимир Ильич беспокоившие его вопросы. Попросил об этом секретаря Государственной комиссии по просвещению. Тот поручил своему помощнику В. С. Богушевскому. Он навел справки и позвонил Ленину. Можно обращаться к главному библиотекарю Румянцевского музея, а в университете — к ректору либо в правление. И Ленин записал на листке:

«1) Проф. Готье

Румянц. музей.

2) Ректору Ун-та
или в правление Ун-та.»

Богушевский между тем продолжал: ему сказали в библиотеке, что Ленин может прислать за бланками и по этим заполненным и подписанным им бланкам будут выдаваться книги для Председателя Совета Народных Комиссаров.

— Ну спасибо, товарищ,— сказал Владимир Ильич, положил телефонную трубку и добавил еще две строки к сделанной прежде записи:

«(сохранить)
выписка книг.»

С просьбой к Богушевскому обратилась и Крупская: не мог бы он дать на время книги из своей библиотеки?

Само собой разумеется, они будут возвращены в полной сохранности.

— Владимир Ильич любит читать между делом стихотворения, особенно любит Пушкина и Беранже.

На следующий день Богушевский передал Крупской томик Пушкина — лирика, песни Беранже, а еще прибавил стихи Блока — это уже по своему разумению. Когда Надежда Константиновна возвращала книги, Богушевский, видно, большой поклонник Блока, не утерпел, спросил, понравились ли Ленину его стихи.

— Нет,— ответила Крупская,— Владимир Ильич не любит новых поэтов...

Он был творцом поразительных социальных перемен и отличался удивительным постоянством по отношению к самому себе: всегда, при любых ситуациях, оставался таким, каким и был. «Без всякой суеты принял он на себя огромную власть,— писала Луиза Брайант,— без суеты встретился лицом к лицу с мировой реакцией, гражданской войной, болезнями, поражениями и столь же невозмутимо относился даже к победам. Без шумихи он отошел на время болезни от дел и так же незаметно снова вернулся к своим обязанностям».

Надо иметь силы никогда не изменять самому себе, чтобы в суете и неразберихе переезда, в гостиничном номере, стены которого никогда не знали книжных полок, держать под рукой томик любимых стихов. Пусть глубокой ночью, после изнурительно долгого дня — а завтрашний, быть может, будет еще труднее — не торопясь открыть, скажем, Беранже, прочесть несколько строк... Такие знакомые, а всякий раз наполняются иным смыслом:

...И вот гляжу: летит Идея,
Всем буржуа внушая страх,
О, как была она прекрасна,
Хотя слаба и молода!
Но с божьей помощью, мне ясно,
Она окрепнет, господа!

...Когда идешь летним днем по кремлевской стене вдоль Москвы-реки, нагретые солнцем грозди рябины касаются лица. Осенью кружится пожухлый лист, укрывая вздрагивающим узором стену, а чуть потянул ветерок — и изменился узор; вдруг зашуршал, заговорил лист и поднялся, понесся вдоль стены... Зимой нещадно метет поземка. В сугробах Тайницкий сад, и од-

ногорбые сугробы натягивает ветер у подножий башен. Здесь ничто не меняется, все остается таким же, как было десять, сто и двести лет назад...

12 марта 1918 года, поднявшись на стены Кремля, Ленин видел Москву-реку, схваченную льдом, и дома, что и сегодня теснятся на другом ее берегу. Думал ли он в тот день, что ждет в ближайшем будущем этот город, москвичей, да и его самого? Не мог не думать...

В кремлевском кабинете Владимира Ильича хранится объемистая книга — «Красная Москва (1917—1920)». На форзаце надпись: «Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину) от Московского Совета Р. К. и К. Д.». Книга эта — в декабре 1920 года ее раздавали делегатам VIII съезда Советов — содержит цифры и факты. В городе жили в те времена два миллиона человек. А в главе «Чем занимается Москва» говорилось, что в 1918 году было зарегистрировано 262 443 безработных — каждый седьмой москвич. Другая глава — «Питание московского населения, по данным специальных обследований 1918—1920 годов». Все это время москвичи получали продуктов на 30 процентов меньше допустимой нормы, и в самые лучшие дни рабочим выдавали фунт хлеба, а остальным — три четверти фунта.

Сохранилось удостоверение, выданное Ленину в январе 1919 года Управлением делами Совета Народных Комиссаров в том, «что Председатель СНК Владимир Ильич Ульянов (Ленин) занимается умственным трудом неограниченное число часов, ввиду чего он имеет право пользоваться продовольственной и хлебной карточкой первой категории».

Еще одна глава книги — «Рост цен и спекуляция». В ней говорится, что цены росли подобно снежной лавине. С 1914 по 1920 год они увеличились: на пшено — в 15 тысяч раз, на ржаной хлеб — в 16 тысяч, на картофель — в 21 тысячу, на сахар — в 28 333 раза, на соль — в 125 тысяч раз.

Но в то же время, полное бед и лишений, московские рабочие вышли на свой первый субботник. И Ленин писал: «Если в голодной Москве летом 1919 года голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистической войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше...» Вопрос, обращенный к нам...

Вспоминая о первом московском дие Ленниа — самом первом, когда все еще было впереди, Бонч-Бруевнч писал: «Владимир Ильич внимательно н с видимым удовольствием рассматрнвал старниный город, в котором он давио ие бывал и в котором суждено было ему не только создавать рабочее государство, но н быть тяжело раненным, тяжко, неизлечимо заболеть, умереть здесь, поблнзости от Москвы, н быть похороненным иа ее исторической Красиой площади, у стеи седого Кремля».

...Чем ближе к угловой Москворецкой башне, тем лучше виден флаг над куполом Свердловского зала.

...Знаю,
        Марксу
                видeлось
                        видение Кремля
и коммуны
        флаг
                над красиою Москвой.

«Всем Совдепам, городскнм, уездным и губернскнм н всем, всем, всем: в понедельннк 11 марта Правительство отбыло в Москву. Всю почту, телеграммы н прочее присылать в Москву Совету Народных Комиссаров»,— передавалн московские телеграфнсты двенадцатого марта восемнадцатого года. Это был первый докумеит, подписанный в Москве Председателем Совета Народных Комиссаров.

Сверху хорошо видны террасы Мавзолея. За ннм могилы: Свердлов, Фрунзе, Дзержинский... Прекрасные это были люди — соратники Владимира Ильича. Из тюрем, ссылок, эмиграции шагнули онн к государствеиному управлеиию, на многие годы сохраиив суровую н простую обстановку жнзнн революционеров-профессионалов. Умелн постоять за свое мненне и спорилн друг с другом, быть может, дольше, чем принято обычно в правительственных кабинетах. А отзывы об нх работе были самыми противоречивыми.

«Конечно, онн не могут удержнвать власть постоянно, потому что это на редкость невежественные и недалекне люди, дети в политике, ие имеющне нн малейшего представления о тех колоссальных силах, с которымн они играют» — так писала амернкаиская «Нью-Йорк таймс» сразу после победы Октября.

А Герберт Уэллс, побывав в революционной России, утверждал: «Большевистское правительство — самое смелое и в то же время самое неопытное из всех правительств мира. В некоторых отношениях оно поразительно неумело и во многих вопросах совершенно несведуще... Но по существу своему оно честно. В наше время это самое бесхитростное правительство в мире».

Вернулся в 1918 году в Соединенные Штаты из России руководитель американской миссии Красного Креста полковник Раймонд Робинс (с ним мы еще встретимся на этих страницах) и заявил, что Советское правительство — это самое образованное правительство в мире.

И тогда же другой американец писал: «...единственная причина огромного успеха большевиков кроется в том, что они осуществили глубокие и простые стремления широчайших слоев населения, призвав их к работе по разрушению и искоренению старого, чтобы потом вместе с ними возвести в пыли падающих развалин остов нового мира...» Это слова Джона Рида. Он похоронен здесь же, у кремлевской стены.

Любуясь ясностью лазури,
На берегу, когда-нибудь,
Вы пожалейте тех, чья грудь
Встречала в море радость бури.

Отдайте честь им! С бурей споря,
В борьбе томительной устав,
Они погибли в бездне моря,
Вдали вам пристань указав...

Как знать, быть может, взгляд Владимира Ильича остановился и на этих строках Беранже в те первые вечера в гостинице «Националь».

Первый московский день Ленина был таким же, как и все последующие,— напряженным, многотрудным, долгим... Так пишу я теперь, обложившись томами, подшивками газет, сборниками документов,— суммирую все, что произошло в этот день. А ты, мой коллега, репортер из года восемнадцатого, писал об этом дне по мере того, как он разворачивался, передавал в газету одну информацию за другой.

Представляю тебя энергичным, подвижным. Ты и мгновения не можешь посидеть на месте. Если размышляешь, то вслух. Или летишь за информацией, или

диктуешь ее. (Мне повезло застать в «Московской правде» старого репортера. Он рассказывал, что в те времена, где бы ни находился, как только наступала середина дня — непременно торопился в редакцию: все садились за общий стол, вместе обедали. Хоть и не богато, да вместе.)

Ты знаешь толк в еде, но чаще всего голоден; любишь отдохнуть, но обычно мотаешься по городу без отдыха и сна. Твой костюм, твой воротничок, твой галстук и твой платочек, который неизменно торчит из кармана,— все это могло быть и посвежее, но тем не менее ты всегда в форме.

О том, что правительство приезжает в Москву вечером 11 марта, ты, скорее всего, не знал, иначе непременно появился бы на вокзале. Сам прочел об этом в газетах. А вот уже утром следующего дня сразу отправился на Моховую, к гостинице «Националь». Возьмем-ка теперь пятый том «Биографической хроники» Владимира Ильича и посмотрим, что ты успел в этот день, а какие события проскользнули мимо тебя.

Итак, читаем: «Ленин вместе с М. И. Ульяновой и В. Д. Бонч-Бруевичем едет осматривать Москву в направлении Таганки, где в одном из переулков жила знакомая М. И. Ульяновой (кто именно, установить не удалось)». Об этой поездке ты, очевидно, тоже ничего не слышал, иначе давно бы стало известно имя и адрес той, к кому в первый же московский день наведалась Мария Ильинична, да еще вместе с Владимиром Ильичем.

Потом, как мы знаем, поездка в Кремль. Не было тебя и среди тех, кто ходил с Лениным по Кремлю. Быть может, тебя просто не пустили. Но информацию тем не менее сумел передать: «Квартира Ленина. Весь верхний этаж здания судебных установлений, где помещалась канцелярия и квартира прокурора судебной палаты, отведен в распоряжение личной канцелярии Ленина и под его квартиру».

Ты еще не знаешь, очевидно, что означает это длинное название — Управление делами Совета Народных Комиссаров, оттого и пишешь: «личная канцелярия». Надо привыкать, однако, к новым названиям, в ближайшие дни ты услышишь их немало.

Из Кремля Ленин приехал на Большую Дмитровку, в Благородное собрание — нынешний Дом Союзов. Про-

вел здесь заседание Совнаркома. И отсюда ты успел передать информацию: «Во вторник в Москве проходило первое заседание переселившегося сюда Совета Народных Комиссаров. На заседании обсуждались лишь вопросы, касающиеся Петрограда. Все распоряжения были переданы в Петроград».

А теперь мимо Большого театра, скорее в гору, к Политехническому музею. Сюда на заседание Московского Совета должен приехать Ленин.

«Председатель заявил, что на собрание прибыл товарищ Ленин, который просит предоставить ему слово вне очереди,— написал ты в информации, как всегда стараясь передать все, что происходит.— Предложение было встречено аплодисментами. Председатель от имени собрания приветствовал товарища Ленина. Встреченный бурными аплодисментами, товарищ Ленин произнес речь».

И тогда, в Политехническом музее, ты впервые столкнулся с тем, что навсегда останется для тебя камнем преткновения: как записать выступление Ленина, как успеть пометить на бумаге все, что скажет Владимир Ильич? Признаюсь, задачу и старания твои могу разделить лишь умозрительно: в наши дни пулеметами строчат телетайпы, на их бесконечные бумажные свитки ложатся строки докладов и речей, рука же репортера касательства к этому не имеет.

А тогда, пожалуй, только ты и мог записать. Вот она лежит передо мной, та газета, в которой опубликована сделанная тобой запись выступления Владимира Ильича 12 марта 1918 года на заседании Московского Совета. Здесь — редкий случай! — велась стенограмма, и можно сравнить с ней твою запись. Абзацы переданы более или менее правильно. Однако как звучит по нашим временам это «более или менее». Когда цитируешь теперь Владимира Ильича, в голову не приходит и букву изменить. Беда же твоей записи в том, что один абзац есть, а три пропущено — нарушена логика речи, утрачено развитие мысли.

И так случалось всегда, хотя ты всякий раз старался. Брал с собой то маленький блокнот, а то целую амбарную книгу — в ней казалось удобнее записывать. Придумывал свою систему сокращений, условных значков. И все равно ничего не получалось: говорит доходчиво, все понимают, а фразу строит сложно.

(Мой знакомый из «Московской правды» — старый репортер — любил рассказывать, как довелось ему однажды оказаться в кабинете Дзержинского. Газета послала репортера на заседание ВСНХ, и — везет же! — он слово в слово записал выступление председательствующего — Феликса Эдмундовича. Речь опубликовали, а репортер был доставлен поутру в кабинет Дзержинского. «Кто из работников секретариата передал вам текст моего выступления?» — «До сегодняшнего дня я не был знаком ни с кем из ваших сотрудников».— «А каким же образом слово в слово опубликовано мое выступление?» — «Успел записать».— «Покажите блокнот».— Дзержинский был удивлен.)

И выпадали на долю твою дни, когда особенно не везло, по твоему адресу отпускались весьма неприятные выражения. «Неряшливые и малограмотные люди берутся записать «всю» речь и дают не запись, а ужас, вздор, стыд и срам, как последние невежды»,— писал возмущенный Владимир Ильич, не желая слушать никаких объяснений.

Но ты же был газетчик, был профессионал и никогда не мог смириться с тем, что завтра в газете не окажется материала, который все прочтут,— речи Ленина. Да делайте со мной что хотите, все равно запишу! И снова метался карандаш по страницам блокнота, а после этого начинались неприятности.

Владимир Ильич старался втолковать газетчикам: «Потому ли, что я говорю часто слишком быстро; потому ли, что я говорю часто очень неправильно в смысле стилистики; потому ли, что обычная запись речей делается у нас наспех и крайне неудовлетворительно,— по всем ли этим причинам и еще каким-либо другим, вместе взятым,— но факт тот, что ответственности за записанные мои речи я на себя текстуально не беру и прошу их не перепечатывать. Пусть отвечают те, кто составляет запись речи». И ты брал ответственность на себя, а возможно, и забывал о ней порой.

Честно говоря, существовал выход, который подсказал сам Владимир Ильич: «Вместо записи моих речей, если есть в том надобность, пусть печатают отчеты о них. Я видал в газетах такие отчеты о своих речах, которые бывали удовлетворительны». А ты продолжал рассуждать по-своему, скорее всего примерно так: можно и отчет опубликовать, тоже неплохо, но вся речь полностью — это документ, а ему иная вера.

И всякий раз, когда заканчивал свое выступление Владимир Ильич, тебе казалось, что уж на этот раз записал точно, все понял. Ворвавшись в редакцию, принимался уговаривать редактора (делать ты это умел): надо непременно опубликовать всю речь. А утром метался по кабинету редактор, ненавидя своего репортера, да и самого себя, за то, что поддался уговорам. «...Я ни единого раза не видал сколько-нибудь удовлетворительной записи моей речи»,— повторял Владимир Ильич.

Какие только меры не принимались в те времена, чтобы тебя обуздать! Однажды, было это уже в двадцать первом году, Владимир Ильич написал даже такую записку:

«Будучи вынужден еще раз «пострадать», прочитывая идиотское, неряшливое, малограмотное изложение своей речи, я должен заявить Вам, что обещанную речь в субботу согласен держать лишь на следующем условии: и председатель собрания и специально назначенное опытное в журналистике лицо должны мне дать к субботе, к 12 ч. дня, письменное обязательство представить толковое, грамотное изложение, вернее: *отчет* о речи для печати. Отвечают за грамотность они, и я вправе буду опубликовать их имена».

Коллега-репортер из года восемнадцатого, скажу тебе, правда сугубо между нами: это тот исключительный случай, когда я позволю себе не согласиться с Владимиром Ильичем. Ты поступал правильно, а если взамен твоих усилий, твоих конечно же неполных записей не предлагали ничего более совершенного — значит, не могли по тем временам. И спасибо тебе огромное, что старался всякий раз записать выступление Владимира Ильича, как умел, но записать. Это благодаря твоим стараниям, твоей преданности профессии мы имеем сегодня то, что иначе оказалось бы безвозвратно утраченным,— выступления Ленина в записях газетного репортера — цены нет этим записям...

Все это, однако, будет позже, мы же отвлеклись от первого московского дня, о котором ведем рассказ.

Двух часов не прошло, как начал Владимир Ильич выступать в Политехническом музее, а его машина уже появилась в Лефортове, остановилась подле манежа Алексеевского училища. Здесь собрались на митинг десять тысяч человек. Не стану выяснять, как ты поспел сюда,— это твои заботы и твои секреты. Но, войдя в

этот огромный, до краев наполненный зал, ощутив и разделив напряжение ожидания — сейчас появится Ленин (хотя уже не раз сегодня видел его),— для тебя вдруг раскрылся смысл происходящего, вырвался из оболочки обыденных забот, освободился от изнурительной беготни этого дня — смысл этого дня предстал перед тобою в той исключительной значимости, в какой видим его мы теперь, спустя многие десятилетия.

Ты отказался от таких привычных, безликих строк информации. Захотел вдруг и начал писать совсем иначе. Вот как ты писал в тот вечер:

«Колоссальный зал Алексеевского манежа, в котором обычно тонет масса людей, превращаясь в кучку, в незначительную толпу, наполнен людьми. «Да здравствует Ленин!» — раздается голос.

Тихо, медленно начинает свою речь Ленин. Но с каждой фразой его голос крепнет, с каждой фразой растет мощь его голоса. В речи его — бодрой, сознающей свои силы, твердой уверенностью, невольно тает усталость, зажигаются взоры, напрягаются мускулы, и светлая улыбка просится на уста, и жажда работать днем и ночью охватывает душу. Сплоченной, тесной массой сгрудились товарищи и слушают с величайшим вниманием и напряжением, которого уже не замечают, так оно легко далось. Настроение удивительное, бодрое».

Эти строки потребовали небывалых затрат души и чувств. Не потому ли ты прокараулил еще одно событие, которое произошло поздним вечером того же дня, точнее, в ночь на 13 марта? Московский репортер петроградской «Красной газеты» сумел передать о нем, а ты пропустил. Информация между тем заслуживала внимания: чем дальше уходят годы, тем представляется она все более сенсационной. Называлось это сообщение «Задержание тов. Ленина».

«Поздно ночью 12 марта патруль красноармейцев под командованием комиссара Городского района задержал автомобиль. При задержании патруль для острастки произвел несколько выстрелов в воздух. Один из седоков заявил, что он — Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин. Комиссар заявил, что он Ленина лично не знает, и предложил задержанному отправиться для выяснения личности в Благородное собрание. Там недоразумение выяснилось. Отпуская патруль, Ленин благодарил солдат за революционную службу».

Не сумел передать информацию об этом событии репортер из года восемнадцатого, а стоит ли и нам говорить об этом сегодня? Говорим о первой поездке в Кремль — командир у ворот не узнал Владимира Ильича. А теперь и того больше — задержали по незнанию. К чему такой подбор фактов, уж не хочет ли сказать автор, что москвичи не представляли, как выглядит Ленин? Хочу лишь повторить слова Крупской: «В то время Ильича в лицо мало кто знал; когда он ходил по улице, на него никто не обращал внимания». И напоминаю об этом потому, что всякий раз, стараясь, представить историю чуть лучше, на наш взгляд, чем была она на самом деле, мы неминуемо ослабляем подлинный конфликт, а с ним и значение личностей, которые действовали в нем.

В первый свой московский день Ленин переступил порог Благородного собрания под конвоем красногвардейцев. И спустя день, когда здесь открылся IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, репортер передавал из Благородного собрания, не столько обращаясь к читателю, сколько сам постигая Ленина:

«Этот человек с рыжей бородкой и лукавыми глазами, стоящий на трибуне, держа одну руку в кармане, чувствует себя в толпе в своей стихии. В этом его сила. Мартов, Чичерин, Покровский — хорошие, интересные и умные люди, но они чужие. Они никогда не сливаются с этой толпой. А Ленин даже на трибуне весь с ними. И они это чувствуют. Он не просит, не уговаривает: он думает вслух и убеждает. Он уверен, что толпа будет с ним, потому что он с толпой».

Так было в первые московские дни Владимира Ильича. А спустя шесть лет сюда, в Дом Союзов, прощаться с Лениным потянется вся Москва и с нею вместе вся страна...

Пройдет пятьдесят дней со времени переезда правительства из Петрограда в Москву, и наступит первомайский праздник. Первые пятьдесят московских дней Владимира Ильича. В самом начале их, на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, был ратифицирован архитяжелый, насильственный, позорный, поганый, похабный, унизительный — такими эпитетами наградил его сам Владимир Ильич — Брест-Литовский мирный договор с немцами.

Наступила передышка, и Ленин подчеркивал: «Необходимо крайнее напряжение всех наших сил, чтобы использовать предоставленную нам стечением обстоятельств передышку...» И, как всегда бывало, сам прежде всего достигал в работе этого крайнего, для нас теперь, скорее всего, непостижимого, напряжения сил.

«Поскольку вопрос о договоре с немцами был решен, Ильич считал, что настала передышка и надо использовать ее для широкого развертывания работы Советской власти внутри страны,— вспоминала Надежда Константиновна.— Он засел за писание брошюры «Очередные задачи Советской власти».

Выражение — засесть за писание брошюры, книги или, что особенно теперь часто бывает, диссертации — звучит по нашим временам однозначно: освободиться от всех других дел, заняться только этой работой, а если удастся, то еще лучше уехать куда-нибудь — подальше от служебных и семейных забот, телефонных звонков и приятельских соблазнов.

Надежда Константиновна говорила: Ильич засел за писание брошюры — и конечно же знала при этом, что лишь далеко за полночь приходила тишина, Ленин получал возможность взяться за перо, сосредоточиться, как писал он — «на важнейшей и труднейшей стороне социалистической революции, именно — на задаче организационной».

Брошюра была закончена в самый канун 1 Мая. А «Биографическая хроника» рассказывает нам о других делах, которыми был занят Владимир Ильич в то же время, все в те же пятьдесят московских дней... Участвует, например, в работе более 30 совещаний и председательствует на 33 заседаниях Совнаркома, где рассматривают вопросы о национализации внешней торговли и строительстве узкоколейки для подвоза хлеба Москве, об обороне Мурмана и распределении спичек. Выступает с докладами и речами более 25 раз и 65 раз берет слово на заседаниях Совнаркома. Пишет более 30 проектов правительственных постановлений, резолюций, подписывает и редактирует при этом 269 протоколов, постановлений, декретов, среди них и «Декрет о памятниках Республики» и постановление о передаче лошадей бывшей придворной конюшенной части в ведение Наркомзема. Отправляет

113 писем и телеграмм, подписывает 37 мандатов и удостоверений, принимает не менее 120 посетителей и в ответ на новые просьбы о приеме пишет: «Если экстренно и важно доклад, приму всегда. Ленин».

К тому же работа над «Очередными задачами Советской власти» давалась нелегко, как знать, быть может, эта рукопись — ее шестьдесят две страницы — были одной из самых трудных для Владимира Ильича.

В «Очередных задачах Советской власти» Ленин пишет: «Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*». Знаменитые, известные всем нам ленинские слова. А тогда предстояло ответить: как управлять Россией? И Ленин — в который уже раз за годы русской революции — принял на себя тяжесть исторического ответа.

В этой работе Ленин говорит, **как** наладить всенародный учет и контроль и **как** развивать социалистическое соревнование, **как** повысить производительность труда и **как** научить работать, **как** втянуть массы в общественную деятельность и **как** пробудить их сознательность, **как** организовать труд и **как** укрепить трудовую дисциплину — **как Советской Россией управлять.**

...Раз восемь, не менее того, принимался Ленин за план «Очередных задач Советской власти», дополняя, вписывая, перечеркивая и снова дополняя. Повсюду вставки, то обозначенные жирным крестом, а то «вожжами», соединяющими вновь написанный абзац с основным текстом. Набрасывает тезисы «Новая объективная обстановка и новая ступень нашей революции» и пишет план из тридцати пунктов. Потом уточняет его, начиная сразу с восьмого пункта,— очевидно, уже существуют первые страницы рукописи. Еще раз уточняет часть плана. Вновь берется за него и пишет с начала до конца. Опять делает еще одно уточнение. Наконец появляется четко отработанный вариант плана. А затем еще один — в нем блокируются позиции предыдущего плана, формулировка каждого пункта — это практически название главы — план, который становится в результате оглавлением: закончив работу над рукописью, Ленин проставляет

на полях плана номера страниц. «Международное положение и основные задачи социалистической революции. 1—4 (стр. 1—9)... Заключение: стр. 62—».

Владимир Ильич начал работать над рукописью, когда кремлевская квартира Ульяновых в здании судебных установлений все еще ремонтировалась, а семья располагалась временно, по-походному, в Кавалерском корпусе: в двухкомнатной квартире — Надежда Константиновна и Владимир Ильич, а по соседству с ними — Мария Ильинична. Вечерами заходил Свердлов, видел, как, низко склонившись над бумагой, сосредоточенно работает Ленин. Яков Михайлович предложил воспользоваться услугами стенографиста.

«Ильич долго не соглашался,— писала Н. К. Крупская,— наконец убедил его Яков Михайлович, прислал лучшего стенографиста. Дело, однако, не пошло, и как ни старался стенографист уговорить Ильича не стесняться, не обращать на него внимания, дело не шло. Ильич ведь как работал: напишет страницы две, а потом надолго задумывается над тем, как лучше сказать что-нибудь, и мешает ему присутствие чужого человека».

Между тем диктовка стенографисту заняла всю вторую половину марта — закончил лишь двадцать восьмого. И вариантом этим остался недоволен. Для окончания работы требовались еще дни, а быть может, месяц. Целый месяц! Но что значат подобные сроки теперь, когда мы знаем, что ленинский труд стал программой социалистического строительства на многие десятилетия вперед! Однако и тогда его работа определяла очередные задачи Советской власти, и тогда была нужна как руководство к действию. Задержка, естественно, беспокоила, огорчала Владимира Ильича. Но не устраивал и вариант, продиктованный стенографисту.

Чувство неудовлетворенности, по-видимому, было так велико, что буквально на следующий же день пишет на попавшем под руку конверте тезисы, как сам назвал — «тезисы (черняки)» — IV—XIII глав «Очередных задач Советской власти». Значит, работа продиктована, а все мысли по-прежнему заняты ею, и нет даже времени искать чистый лист бумаги — пусть на обратной стороне какого-то конверта, но

лишь бы быстрее записать то, что обрело вдруг законченные формулировки.

...Однако прервем ненадолго последовательность изложения отступлением-гипотезой. В Полном собрании сочинений В. И. Ленина опубликована запись, сделанная стенографистом; она называется «Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». Запись начинается, однако, лишь с IV главы, в примечании же указывается, что главы I, II, III, начало IV главы пока не разысканы. И поиски продолжаются. А было ли вообще начало у этой стенограммы, т. е. диктовал ли Ленин первые главы стенографисту?

Помните, идея об услугах стенографиста, по словам Крупской, возникла после того, как не раз заходил к Ульяновым Свердлов, видел, как «Владимир Ильич строчит свои работы». В это время Ленин занят был лишь «Очередными задачами Советской власти». Выходит, что стенографист появился после того, когда какая-то часть работы уже была написана. А расставшись с ним, Ленин пометит план той части работы, которой не удовлетворен,— пишет «тезисы (черняки)» IV—XIII глав. Начинает именно с IV главы. Отсюда и возникает предположение: Ленин диктует стенографисту с того места, где остановился в рукописи,— с IV главы...

Работу продиктовал стенографисту, а внутреннее освобождение не наступило. Почему? Можно было, в конце концов, выправить стенограмму. Владимир Ильич, однако, целиком отбросил ее — отказался от нескольких десятков машинописных страниц, хотя и торопился закончить работу.

В чем же дело?

Одна из причин— решение, принятое 7 апреля Пленумом ЦК ВКП(б). Ленин участвовал в его работе, выступая, говорил о том, что его заботило все последнее время: революция переживает «новый период». Пленум принял решение: «Предложить т. Ленину выработать тезисы, касающиеся данного момента, и представить ЦК».

Стенографисту Ленин диктовал раздумья партийного публициста. Теперь же стала необходима несколько иная статья. И Ленин вновь принимается за работу, помечая на первой странице рукописи: «Те-

зисы о задачах Советской власти в настоящий момент», а значит, берется самым непосредственным образом за выполнение того поручения, которое дал ему Центральный Комитет.

И все-таки есть еще одна причина, которая не позволила Владимиру Ильичу воспользоваться текстом стенограммы — причина глубоко творческая. Почему Ленин вновь обращается к плану работы? Неужели лишь оттого, что не смог до конца выговориться при чужом человеке? А быть может, в кабинете или за его стенами произошло нечто такое, что заставило Владимира Ильича срочно взяться за перо? Так и было. Жизнь шла в таком темпе, что материал для ленинских раздумий постоянно обогащался, беспрестанно вызывая все новые и новые толчки мысли.

Кончил диктовать 28 марта, а на следующий день прочел в «Правде» статью «Богаевский сдался в плен». Сдался в плен один из руководителей контрреволюционного казачества на Дону — очень характерный факт, еще раз подтверждается мысль, что задача подавления эксплуататоров в главном уже решена. И Ленин упоминает этот факт в своей работе.

Встретился в апреле с делегацией рабочих сормовских заводов, выслушал предложения о национализации промышленных предприятий. И, выступая в канун 1 Мая на заседании ВЦИК с «Докладом об очередных задачах Советской власти», сказал:

«И всякой рабочей делегации, с которой мне приходилось иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что́ вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком?»

На страницах этой работы Ленин не просто высказывает соображения и дает советы, как организовать, скажем, всенародный контроль или повысить производительность труда. Председатель Совнаркома Владимир Ульянов (Ленин) постоянно осуществляет на практике то, о чем размышляет на страницах рукописи, получая в процессе этого новый материал для раздумий.

Откроем газеты тех дней. В конце марта — начале апреля Ленин участвует в заседаниях ВСНХ. Обсуждается проект декрета о трудовой дисциплине, и Владимир Ильич настаивает: «В декрете необходимо определенно сказать о введении системы Тейлора... Без нее повысить производительность нельзя, а без этого мы не введем социализма». И в «Очередных задачах Советской власти» указывает на необходимость испытать и применить на практике то многое, «что́ есть научного и прогрессивного в системе Тейлора...»

Ленин знакомится на заседании ВСНХ с предложением группы инженеров и промышленников создать государственно-капиталистический металлический трест из 14 наиболее крупных предприятий.

Обсуждает формы управления промышленностью и в своей работе пишет о необходимости «*обобществить* производство *на деле*».

В «Известиях ВЦИК» 12 апреля читаем сообщение «Трестирование металлургической промышленности»:

«Вчера в гостинице «Метрополь» в 3 часа дня состоялось объединенное заседание представителей Высшего Совета Народного Хозяйства, Центрального Совета Профессиональных Союзов, Центрального Всероссийского Союза Металлистов... В заседании участвовал Председатель Совета Народных Комиссаров Н. Ленин... Тов. Ленин настаивал на полной национализации всех трестированных предприятий с тем, чтобы группа капиталистов, выдвинувшая проект, оказалась на службе государства».

Предлагает принять на государственную службу группу капиталистов и в «Очередных задачах Советской власти» отмечает, что «в дверь стучится эпоха использования пролетарскою государственною властью буржуазных специалистов для такого перепахивания почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия».

Продолжая начатое, стараясь соотнести ленинские дела того времени с положениями, выдвинутыми в «Очередных задачах Советской власти», мы убедимся, что все они на протяжении все тех же пятидесяти московских дней получили практическое развитие в действиях Владимира Ильича.

Диктовать закончил 28 марта и лишь спустя две недели — 13 апреля — взялся за написание «Очеред-

ных задач Советской власти». Тайм-аут, как сказали бы теперь. Прошло две недели — немалый срок для лаборатории ленинской мысли. За это время многое продумано, проверено, решено — и нет смысла править стенограмму, надо писать заново. Трудно было поставить точку там, где все лишь начиналось.

Он весь без остатка, с тем азартом, который, как писал Горький, был свойством его натуры, ушел в решение неотложных задач. А в то же время видел и задумывал далеко вперед. В этом и заключена внутренняя драматургия «Очередных задач Советской власти» — органическое соединение задач дня с задачами эпохи.

Поразительно, но в таком микроскопическом отрезке времени не только для истории, но и для жизни каждого из нас (50 дней!) вместилось, пожалуй, будущее социалистического строительства, все его последующие направления... Важнейшее из них — электрификация. Ленин занят ею уже с середины марта, он участвует в обсуждении проблем, связанных с электрификацией Северного и Центрального районов, планов строительства Волховской, Свирской, Шатурской электростанций...

Многое зависит от перевооружения сельского хозяйства. Во второй половине марта Ленин беседует с конструктором одного из первых отечественных тракторов, а в конце месяца занимается рассмотрением планов мелиорации Туркестана... Той же весной Ленин участвует в выработке «Плана развития экономических отношений между Советской Россией и Соединенными Штатами» — первый шаг к тому, что впоследствии он выразит в словах: «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой,— со всеми странами, но *особенно* с Америкой».

Выполняя поручение Владимира Ильича, Луначарский начнет переговоры с Академией наук. И тогда же «Известия ВЦИК» опубликуют письмо президента Академии наук Карпинского наркому просвещения Луначарскому:

«Милостивый государь Анатолий Васильевич. Письмо Ваше на мое имя было доложено Конференции Российской Академии наук, которая всесторонне его обсудила и поручила Комиссии для изучения естественных производственных сил... составить записку с

изложением того, к чему Академия могла бы приступить немедленно, развивая, расширяя и дополняя уже начатое ею... Прошу Вас принять уверение в совершенном почтении и преданности. Президент Карпинский».

Владимир Ильич прочтет это письмо 4 апреля, а уже через восемь дней предложение Академии наук — работать по учету естественных богатств Советской России — будет обсуждаться на заседании Совнаркома.

Все дальше уходит мысль Владимира Ильича... И так же непроизвольно, как пометил на конверте «тезисы (черняки)», создает «Набросок плана научно-технических работ». Пишет об обследовании учеными естественных производительных сил страны — тех сил, которые пришли к нам Курской магнитной аномалией, хибинскими апатитами, каскадом Волжских гидростанций. Предлагает составить план экономического подъема России, который воплотится со временем в плане ГОЭЛРО, в пятилетних планах развития народного хозяйства. Настаивает на рациональном размещении промышленности и рациональной ее организации, ставит задачу самостоятельно снабдить республику всеми главнейшими видами сырья и предлагает обратить особое внимание на электрификацию промышленности, транспорта, применение электричества в земледелии... Пишет для себя, всего лишь набросок плана, пишет для памяти, а создает один из самых поразительных документов научного предвидения.

«Этот набросок был мною на днях обнаружен при разборке архивов Владимира Ильича в Совнаркоме,— писал в 1924 году, после смерти Ленина, секретарь Совнаркома Н. П. Горбунов.— Точной даты на рукописи не указано. Очень приблизительную дату я могу установить по памяти — это апрель — июль 1918 г., момент знаменитой «передышки» после Брестского мира».

Мирная передышка была спасением от неминуемой гибели: немцы готовы были раздавить республику. Передышка позволила хоть в какой-то мере укрепиться Советской власти, собраться с силами. Но этим еще не исчерпывается ее историческое значение: весна восемнадцатого стала прологом великого и мирного

наступления социализма. Передышка позволила Владимиру Ильичу создать генеральный план социалистического строительства.

Недолгой была она, и Ленин торопился. Меньше чем за две недели написал шестьдесят две страиицы рукописи. Выходит, в среднем писал более пяти страниц в день, не отвлекаясь при этом от текущих дел. Всякий, кто знаком с литературным трудом, знает, как даются пять страниц в день, да и редок день, когда наберется их столько...

Но не только обилие дел было помехой в работе Владимира Ильича. Все труднее становилось сосредоточиваться на мирных заботах: с приближением мая и внутреннее и международное положение становится чрезвычайно тревожным. Ленин пишет об организационной задаче социалистической революции и организует оборону Севера от интервентов. Думает о самостоятельном историческом творчестве большинства населения и проводит экстренное совещание в связи с высадкой во Владивостоке японцев. Говорит о повышении производительности труда в общенациональном масштабе и отдает директиву об обороне Харьковской губернии от наступающих немецких войск и гайдамаков. Ставит перед народом во всем ее объеме задачу учиться работать и комментирует интервью французского посла, заявившего, что интервенция в Советскую Россию неизбежна.

Оптимизм — черта характера, которая встречается весьма часто. Но размышлять над мирными делами, когда все больше подступает неотвратимость военных действий, писать о необходимости учиться работать, когда ясна необходимость учиться воевать,— это мог Ленин. Все больше разгоняется маятник истории — быть или не быть? — а Владимир Ильич торопится, сидит ночами над планом мирного наступления социализма.

Да, историческая деятельность — не тротуар Невского проспекта. И уже в мае Ленин скажет, что «политическое положение чрезвычайно обострилось как в силу внешних, так и в силу внутренних причин...» Какая же судьба была уготована тем начинаниям, которые разрабатывались в «Очередных задачах Советской власти» и уже стали осуществляться на практике?

Вновь войдем в кремлевский кабинет Ленина. Современники говорили, что в этой комнате не было ни одной вещи, которая не имела бы какого-нибудь значения для Владимира Ильича. Дороги были Ленину и немногие подарки, собранные здесь,— чаще всего они присланы рабочими. Скромностью своей подарки передают дух эпохи. Напоминают о времени, когда не знали шариковых ручек и была высока культура чернильных приборов. Их не раз дарили Владимиру Ильичу: чернильный прибор из абрикосового дерева — работа мастеров аула Унцукуль; прибор, где чернильницы напоминают чашки изоляторов,— от рабочих завода «Карболит»; кстати, был еще один чернильный прибор, он хранится в Горках,— огромный, неподъемный, скорее всего никогда не употреблявшийся, где есть и кузнец, и молот, и наковальня, где собраны вообще все символы той поры,— подарок от устроителей сельскохозяйственной выставки.

Можно с интересом и подолгу рассматривать подарки, собранные в кабинете, Но если хотите понять отношение к ним Владимира Ильича, вспомните — появление каждой из этих вещей знаменует новые времена, крутые повороты в жизни страны. Они были присланы Ленину, когда настала пора вновь вернуться к плану социалистического строительства, которым был занят Владимир Ильич весной восемнадцатого. Вернуться, пережив гражданскую войну и интервенцию. Пережив и победив.

Пепельница и зажигалка из артиллерийского снаряда — подарок рабочих завода бывшего Михельсона, они делали снаряды в годы гражданской войны.

Распрямился кузнец, в руках у него молот. Удар — и расплющит мечи, стволы орудий, перекует их на орала — подарок с Урала, от рабочих Кусинского завода. «Большой коваль» прислан в 1920 году, а раньше и быть не могло: прежде лютовали в этих местах белогвардейцы и лишь теперь настала пора заняться мирным трудом, перековать мечи на орала...

И тогда же получил Владимир Ильич чугунный обелиск — он стоит на одной из «вертушек» подле письменного стола — подарок от рабочих Гурьевского завода. Обелиск отлит из первого чугуна первой восстановленной домны.

Владимир Ильич размышлял над проблемами элек-

трификации еще весной восемнадцатого. А принять план ГОЭЛРО удалось лишь в самом конце двадцатого. В стране стали зажигаться «лампочки Ильича», и рабочие завода «Карболит» прислали знакомый нам прибор: чернильницы в виде изоляторов, вместо свечей — подобие электрических столбов с лампочками...

Всякий, кто побывал в кабинете Ленина, наверняка помнит занятную статуэтку: обезьяна сидит на сочинениях Дарвина и с любопытством рассматривает человеческий череп. «Подарок американского коммерсанта Арманда Хаммера,— поясняет экскурсовод и всегда добавляет, зная наверняка, что вызовет улыбку собравшихся: — Обезьяна словно размышляет над эволюцией человеческого рода». Но давайте и мы задумаемся над эволюцией — эволюцией мировой политики; какой путь прошла она с октября семнадцатого, если к двадцатому, после военной интервенции и блокады Советской республики, к нам стали наведываться коммерсанты из-за океана!

Великая победа и великое торжество в этих скромных вещицах ленинского кабинета: революция выстояла!

...Работу над «Очередными задачами Советской власти» Владимир Ильич закончил к 26 апреля. И тогда же на заседании ЦК РКП(б) было решено опубликовать написанные Лениным «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент» в газетах «Известия» и «Правда».

На следующий день, в субботу, 27 апреля, «Правда» поместила объявление: «Воскресный номер «Правды» выйдет в увеличенном размере. В нем будут помещены тезисы В. Ленина: О задачах Советской власти в настоящий момент». В воскресенье, 28 апреля, публиковали тезисы и «Известия» — их первую страницу открывало сообщение: «При настоящем номере дается приложение — статья т. Ленина «Очередные задачи Советской власти».

28 апреля... Ровно четыре года спустя — день в день — Ленин закончит предисловие к брошюре «Старые статьи на близкие к новым темы». «Я пишу эти строки 28 апреля 1922 года...» В брошюру войдут работы, написанные Владимиром Ильичем весной восемнадцатого,— прежде всего «Очередные задачи Советской власти».

«Я был первоначально против переиздания старого, считая это старое устарелым»,— пишет в предисловии Владимир Ильич. Но, перечитав текст, Ленин убедился, «что в данном случае старое менее устарело, чем можно было ожидать». Статьи, написанные несколько лет назад, оказались удивительно близки к нынешним темам. «В большой своей части это старое в данном случае даже вовсе не устарело, хотя прошло четыре года необычайно бурного и быстрого революционного развития».

Миновали годы сражений, походов и атак. Пригласив сотрудников Управления делами Совнаркома, Владимир Ильич снял последний флажок с карты, висевшей в его кабинете. Вновь настало время передышки. И ленинский план мирного наступления социализма вновь стал очередными задачами Советской власти. Впрочем, в истории не бывает так, чтобы один период точно повторял другой. Неминуемы поправки времени. Накопились они и здесь за четыре года — поправки времени, познавшего террор и массовые расстрелы, когда города переходили из рук в руки, брат воевал в гражданской войне против брата, а значит, один стремился убить другого.

Велик счет, который мы предъявляем интервентам и белой гвардии за их зверства. На фронтах гражданской войны погибло более 50 тысяч коммунистов. Не счесть случайных смертей от шальной пули и неминуемых от голода и тифа, не счесть сожженных домов, разрушенных заводов, разграбленных хозяйств, истоптанных полей... Ко всему этому еще один счет, и тоже немалый. На годы отложен ленинский план социалистического строительства. И никогда уже не будет он воплощен в своем первоначальном виде, как мыслилось в апреле восемнадцатого: когда сопротивление контрреволюции в основном было подавлено, повышение производительности труда виделось первоочередной задачей,— решать ее, непременно привлекая буржуазных специалистов; и сама работа по выстраиванию социализма представлялась столь же бескровной, сколь и революция, открывшая к нему дорогу...

Однако и испытания и победы были еще впереди; наш же рассказ — о весне восемнадцатого.

28 апреля газеты публиковали «Очередные задачи

Советской власти», а на следующий день, в понедельник, Ленин выступал с докладом на заседании ВЦИК. И все, кто встречался с ним в эти дни, видели, в каком отличном расположении духа находился Владимир Ильич. Закончена большая работа, и Центральный Комитет партии полностью согласился с выдвинутыми в ней положениями, а время идет, вот уже и Первомай.

«Чтобы дать возможность московскому рабочему активу услышать доклад Ильича об очередных задачах Советской власти, доклад этот делался в Политехническом музее,— писала Крупская.— Ильича встретили бурной овацией, слушали с громадным вниманием, видно было, как этот вопрос близок был слушателям. С необыкновенной страстностью выступал там Ильич. И сейчас нельзя читать его речь без волнения. Ильич говорил в ней об особенностях нашей революции, о причинах ее победы, о трудностях социалистического строительства в обстановке мелкобуржуазной страны... крыл наших «левых коммунистов», поддавшихся этим влияниям, хотя и называл их все же нашими вчерашними, сегодняшними и завтрашними друзьями...»

Ленин закончил свое выступление, повторив лозунг ЦК партии, выдвинутый к 1 Мая: «...мы победили капитал, мы победим и свою собственную неорганизованность».

Так завершался апрель восемнадцатого. План социалистического строительства разработан и принят. Но истекают, кончаются дни, часы, мгновения мирной передышки... И все-таки прежде будет праздник. Первый праздник государства рабочих и крестьян. Первомайский праздник тех, кто победил, и тех, кто не дошел до победы.

«Накануне обыватели настроены зловеще. Рабочие не будут выступать! — говорят они со злорадной усмешкой... Эти россказни меня, как человека достаточно осведомленного, конечно, нисколько не волнуют,— пометит в записной книжке Анатолий Васильевич Луначарский.— Но волнует меня... небо... Признаюсь, я встал в 4 часа посмотреть, насколько враждебна к нашему празднику погода. Небо было ясно...»

Радостный и тревожный занимался первомайский рассвет над Советской Россией.

ХАРАКТЕР

Осенним ленинградским вечером оказался я на Сердобольской улице. Поднялся на третий этаж большого питерского дома. Открыл дверь бывшей квартиры Маргариты Васильевны Фофановой. На столе расстелен план Петрограда. Когда-то здесь лежала записка. Маргарита Васильевна прочла ее и присела в растерянности, не зная, что делать, как поступить. «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания.

Ильич».

...Мало осталось среди нас свидетелей той поры, тех событий, а уж непосредственных участников — почти совсем нет. И все же близко еще революционное былое, вплотную подходит к нашему времени, вплетается в судьбы моего поколения. И сегодня еще сидишь в самом обычном ленинградском учреждении — входит тетушка курьер, говорит: «Пакет из Смольного». Вздрагиваешь от неожиданности.

И еще совсем недавно можно было прийти на Суворовский бульвар — правая сторона от Арбатской площади,— шагнуть под кирпичную арку третьего, кажется, или четвертого дома от угла, подняться по лестнице — той, старомосковской, обшарпанной не то ногами, не то эпохами,— и дверь тебе открывала сама Маргарита Васильевна Фофанова.

Тебя приглашала войти невысокая располневшая женщина с той мгновенно располагающей добротой лица, которой награждает старость, лишая многого другого. Годы, казалось, давно растворили в себе представления о возрасте хозяйки, одна короткая стрижка — такую носили, скорее всего, в двадцатых годах — свидетельствовала о времени, когда в последний раз следовала моде Маргарита Васильевна. Это о ней писал Владимир Ильич: «И я и Надежда Константиновна знаем Фофанову, как честнейшую большевичку еще с лета 1917 года».

В этой старой московской квартире можно было опуститься в истертое, провислое, а оттого и удобное кресло, послушать Маргариту Васильевну. Рассказыва-

ла Фофанова охотно и просто, как умеют это делать старые русские женщины. Говорила о своей дружбе с Надеждой Константиновной и встречах с Владимиром Ильичем, вспоминала все новые истории, окрашивая их памятными ей подробностями. Сама агроном по образованию, работала, например, в хозяйстве Бутырского хутора. Отсюда по строжайше утвержденным спискам выдавала молоко лишь тем семьям членов правительства, где были маленькие дети. И звонил Владимир Ильич, говорил просящим голосом:

— У Михаила Николаевича Покровского маленьких детей нет. Но возраст преклонный, да и больной; может быть, и ему станем давать молоко?..

Маргарита Васильевна вспоминала об этом, между прочим, еще в те времена, когда имя Покровского упоминалось лишь в связи с ошибками в исторической науке. Рассказывала она и о том, как видела в последний раз Владимира Ильича. Работала в то время с Кржижановским, как раз и торопилась к нему, когда встретила на Воздвиженке Марию Ильиничну. Конечно же стала расспрашивать: как здоровье Ленина, обнадеживают ли врачи? Владимиру Ильичу стало заметно лучше, он мог бы сам и передвигаться, но вот беда — нужно кресло-каталка, а его нет. Мария Ильинична отправилась по объявлению в один состоятельный дом, там продается вполне подходящее кресло, но запрашивают такие деньги, каких у нее нет.

Фофанова приехала к Кржижановскому и сразу же рассказала о встрече с Ульяновой. Глеб Максимилианович принялся звонить Дзержинскому: «Феликс Эдмундович, как бы изыскать возможности, чтобы все-таки заполучить это кресло-каталку?..»

В свободный день Фофанова отправилась в Горки. Общаться с Лениным никому не было разрешено, украдкой наблюдала за Владимиром Ильичем: он сидел в плетеном кресле с большими, словно велосипедными, колесами на резиновом ходу. В этом кресле и сфотографировала Мария Ильинична Владимира Ильича — последние его фотографии...

О событиях же времен Октября Фофанова рассказывала реже,— быть может, потому, что здесь уже не вспоминала, а повторяла свободно, без запинки известные факты, словно перечитывая прежде опубликованное...

Горький писал, что он любовался азартом Владимира Ильича, тем азартом юности, каким он насыщал все, что делал. Азарт был свойством его натуры, утверждает писатель. Так оно и есть, если избавить слово «азарт» от обычно сопутствующего ему отрицательного звучания (опасаясь которого мы предпочитаем заменять слово «азарт», казалось бы самой своей упругостью передающее состояние духа, бесформенной — «увлеченностью»). Как бы то ни было, Ленин обладал способностью до конца, без остатка отдаваться тому, чем был занят в конкретное, а потому и неповторимое мгновение своей жизни.

«Весь, целиком, без остатка жил Ленин этот последний месяц мыслью о восстании, только об этом и думал, заражал товарищей этим настроением, своей убежденностью»,— вспоминала Н. К. Крупская.

Постоянно натянутая струна мыслей и чувств комуто представляется ненужной растратой сил: зачем отдавать каждому поступку столько страсти, для чего принимать так близко к сердцу каждое дело, которым занят? Но в той же мере и людям противоположного характера, для кого привычны высокие эмоциональные нагрузки, нестерпимо безразличие холодного расчета, спокойная отстраненность от всех дел — все это представляется для них почти смертельной остановкой...

Неотразимость Ленина — в силе убеждений, точности социальных целей, гениальности политического предвидения. Все это так. Но был и присущий ему темперамент, та взрывная сила, которая волной своей могла увлечь и одного собеседника, и многотысячный митинг.

Горький рисует портрет Ленина: «Иногда казалось, что неукротимая энергия его духа брызжет из глаз искрами и слова, насыщенные ею, блестят в воздухе».

Эта энергия духа, этот темперамент, эта взрывная сила — не берут ли они начало в совершенном и удивительном совмещении в общем-то противоположных черт характера Владимира Ильича, как рождает искру высокая разность потенциалов? Глубокая ненависть к эксплуатации сочеталась с жизнерадостностью, непосредственностью восприятий. Помните у Горького: «Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко

чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом».

Невзыскательная рациональность в организации личного быта — и полет мечты, фантазии в переустройстве общественной жизни. Однажды Владимир Ильич спросит с усмешкой: «Откуда же было в такой стране начать социалистическую революцию без фантазеров?»

Сердечное внимание к тем, с кем делил судьбу свою,— и страстная непримиримость в борьбе с идейными противниками, политическими врагами. Неиссякаемое трудолюбие — и умение активно отдыхать, быстро восстанавливать силы. Сопоставление это можно продолжить: черты ленинского характера как бы теснят друг друга, образуя единое, всегда наполненное энергией целое... Присущее Ленину умение диалектически подойти к каждому явлению жизни восходит как бы от диалектического совершенства его собственной личности.

Рассказ в документах

НАЗНАЧЕНИЕ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Начало 1921 года

Из доклада председателя Канского уездного исполкома Енисейской губернии В. Г. Яковенко «О применении новых методов при проведении продовольственных разверсток»

(Опубликован на правах рукописи)

...О том, что в период империалистической и гражданской войн сельское хозяйство пришло в упадок, говорить много не приходится.

Об этом лучше всего говорит резолюция VIII съезда Советов, констатирующая, что «засевы в последние годы сократились, обработка земли ухудшилась, животноводство пришло в упадок».

...Если наша продовольственная политика до сих пор главным образом напирала на «изъятия излишков», то все вышеперечисленные факты, всем известные и никем тоже не оспариваемые, должны заставить наших продработников считаться с ними. Если даже они и не будут с ними считаться, то через год-другой им самим придется столкнуться с крестьянским хозяйством, которое действительно не будет иметь излишков.

Если в 1917—1918 годах Советское правительство заготовило 35 млн. пудов хлеба, а —

в 1918—19		107 млн.	пудов	хлеба
в 1919—20		180 »	»	»
в 1920—21	(по 1 янв.)	200 »	»	»

то этими цифрами особенно обольщаться не следует.

Нет никакого сомнения, что в эти годы мы имели еще излишки (на окраинах довольно значительные, в центральной России уже совершенно небольшие), но такие ничтожные цифры, как 100 или 200 миллионов пудов хлеба, конечно, не смогут ослабить продовольственного кризиса в городах и фабрично-заводских районах.

Не следует забывать, что до войны из России вывозилось до 600 млн. пудов хлеба, а сейчас весь хлеб остается у нас.

Хлеб был. Хлеб был и в 1919 г. и в 1920 г., но мы не сумели взять его в полной мере. Но это еще полбеды.

Хуже то, что взятое нами взято такими способами, за которые нам часто приходилось и приходится краснеть, которые убили в крестьянине любовь к своей пашне, приучили его к небрежному отношению к своему хозяйству («все равно, дескать, возьмут» — это не голос контрреволюционеров, а голос многомиллионного мелкого хозяйчика, середняка, на которого мы бьем свою ставку, ибо кулак, как таковой, уже исчез в центре России и почти исчезнет в Сибири в 1921 г.).

Нашим продовольственникам следует подумать и хорошо подумать не о том, сколько можно путем кабинетных выкладок и расчетов наложить разверсток в следующем году, а о том, как поступить, чтобы поднять крестьянское хозяйство до того, чтобы государ-

ство могло оперировать не только такими цифрами, как 100 или 200 млн. пудов.

...Подесятинное обложение, объявленное заранее, заставит поневоле крестьянина заняться старательно своим посевом, побудит его к увеличению посевной площади...

Пометка В. И. Ленина на докладе В. Г. Яковенко

В папку о продналоге. Яковенко член ВЦИК, Канского уезда.

Март 1921 года

Из воспоминаний делегата X съезда РКП(б) И. М. Шера

...После решения съезда о замене продразверстки продналогом Владимир Ильич обратил внимание на то, что для успешного проведения в жизнь принятых съездом мероприятий нужны опытные люди, и просил делегатов указать ему крестьян, хорошо знающих сельское хозяйство и пользующихся авторитетом у населения, для привлечения их к работе в органы Наркомата земледелия.

Во время переговоров я вместе с другим делегатом от нашей организации, Н. Д. Леушиным, поднялся на трибуну и обратился к Владимиру Ильичу. Я назвал ему фамилию В. Г. Яковенко и стал рассказывать о том, какой популярностью и уважением он пользуется у крестьян Канского уезда, о большой работе, которая была им проделана, когда он руководил партизанским движением в Сибири, о его талантливом руководстве массами.

Владимир Ильич внимательно выслушал меня, а затем задал нам несколько вопросов. Мы сразу же поняли, что Владимир Ильич уже знает о В. Г. Яковенко и, возможно, даже о написанной им брошюре о недостатках продразверстки и улучшении взаимоотношений с крестьянством. Наши ответы нужны были Владимиру Ильичу для того, чтобы уточнить уже известные ему факты.

Меня это крайне порадовало. Трудно было понять, как это Владимир Ильич, выполняя огромную работу как глава партии и государства, в условиях страшнейшей разрухи, напряженного состояния в партии в связи с дискуссией о профсоюзах, при огромных трудностях связи с местами был так хорошо осведомлен не

только обо всем, что происходило в необъятной стране, в частности в Сибири, длительное время оторванной от Центра, но и об отдельных работниках.

...Надо не видеть «интригу» или «противовес» в инакомыслящих или инакоподходящих к делу, а ценить самостоятельных людей.

В. И. Ленин

В. Г. ЯКОВЕНКО О СЕБЕ

Из книги В. Г. Яковенко «Записки партизана»

...Житель села Тасеева. Отец занимался плотничностолярным делом. Оставшись 9-ти лет после смерти отца, до 19 лет прожил в батраках. Обзаведясь собственным хозяйством, имел 4-х лошадей, рогатый скот, 8 десятин пашни, но, вступив на военную службу в 1910 г., хозяйство ликвидировал. На военной службе пробыл 4 года в инженерной части и 3 года на фронте унтер-офицером, имел три Георгия, образования никакого не получил — самоучка. В первые годы войны был настроен «патриотически»...

АНКЕТНЫЙ ЛИСТ

делегата VIII Всероссийского съезда Советов
Рабочих, Крестьянских, Красноармейских
и Казачьих депутатов

Фамилия, имя и отчество
Яковенко Василий Григорьевич
Возраст
тридцати одного года
Национальность
русский
Какой партии Вы принадлежите?
Член Российской Коммунистической партии
От какого Совета делегированы?
Енисейского губ.
От какого количества избирателей?
1 200 000
Участвовали ли Вы в предыдущих съездах Советов: в 1-м, 2-м, 3-м, 4-м, 5-м, 6-м, 7-м?
не участвовал

Какое образование получили?

никакого

Какую советскую работу в настоящее время исполняете?

Член Енисейского губисполкома,
председатель Канского Уисполкома
и предс. Упарткома.

Пострадали ли Вы от контрреволюции?

после свержения в Сибири Советов был приговорен к смерти, но спасся в тайге. С ноября 1918 года за руководство партиз. восст. в Тасеевском районе Колчаком был объявлен вне закона, уничтожено все имущество, и за меня расстреляно много родственников.

20. XII. 1920 г. *Яковенко*

Больше выдвигать для новой проверки тысячи и тысячи рядовых трудящихся, испытывать их, систематически и неуклонно, сотнями, передвигать на высшие посты на основании проверки опытом.

В. И. Ленин

НУЖЕН НАРКОМ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ. ЕСТЬ КАНДИДАТУРА!

17 декабря 1921 года

Заместитель наркома земледелия И. А. Теодорович — В. И. Ленину

Дорогой Владимир Ильич!

Позвольте сказать несколько слов по вопросу о наркоме земледелия из крестьян.

В числе возможных кандидатов на этот пост разрешите назвать одну фигуру, на мой взгляд, имеющую к этому много данных. Это Василий Григорьевич Яковенко, сибиряк, крестьянин-старожил села Тасеевского, хлебнейшего села хлебнейшего в Восточной Сибири Канского уезда. По внешним данным, это мужик лет за 40, рослый, могучий, волосатый бородач от сохи, влюбленный в землю. Ныне он — председатель Канского Уисполкома. Работает на этом посту, подчиняясь приказанию Енисейского губкома, по склонности же своей рвется в деревню на землю.

Человек этот имеет интереснейшую биографию. В

период «первой» Советской власти в Сибири — он рядовой крестьянин. Во время колчаковщины в декабре 1918 года он примыкает к восстанию и избирается председателем Тасеевского волисполкома. Напомню в двух словах историю Тасеевского восстания. Тасеевская группа — единственная в Восточной Сибири, не побежденная Колчаком,— нанесла последнему ряд блестящих ударов и территориально захватила огромное пространство. Душой восстания и его организатором был Яковенко. Я имел — скажу прямо «счастье», будучи подчиненным Яковенко «партизаном», наблюдать его работу в течение года «партизанства» и полугода (в 20 г.— январь—август) при Советской же власти. Из бесед с Яковенко убедился, что он являлся в то время типичным представителем того «энтузиазма масс», о котором Вы как-то говорили в одной из последних своих речей. Безоговорочно преданный лозунгам Советской власти, дисциплинированный и трезвый, он удивительно умел сочетать вышеназванный «энтузиазм» с чисто мужицкой хозяйственностью и реалистичностью, сказавшимися в той налаженности партизанского «тыла», какой знаменит Тасеевский фронт против Колчака. Авторитет его среди крестьянства был поразительным. Вера в его личную честность и разумность — повсеместны.

За последний год моего пребывания в Москве я не знал, что сталось с Яковенко. Но на нашем земельном съезде я встретился с двумя делегатами из Енисейской губернии, Молчановым и Малаховым, очень крупными местными работниками. Они мне сообщили, что Яковенко — горячий сторонник новой экономической политики. Молчанов (предгубчека) сказал, что благодаря присутствию Яковенко в Канске все осложнения с крестьянством в этом уезде (осложнения, по его словам, могли быть крупного характера и угрожали Красноярску) были ликвидированы находчивостью, смелостью и личным влиянием Яковенко. То же подтвердил и Малахов, агроном по профессии.

Соколов (из Сибревкома) говорил мне, что пока Яковенко в Канске, Сибревком может быть спокоен за Канский уезд. Таково влияние среди крестьянства этого человека. На мой взгляд, он будет очень уместен на посту мужицкого наркома. Его дисциплинированность, преданность Соввласти — вне сомнения. Знание

мужицкой души, крестьянского быта, кровная связь с деревней, безупречность личная, героическое прошлое, окружающее его своеобразным ореолом борца против помещиков и генералов,— может быть использована наркомземским аппаратом для любой сельскохозяйственной кампании...

17 декабря 1921 года

В. И. Ленин — Л. Б. Каменеву [1]

Посылаю Вам это письмо в дополнение к нашей последней беседе. Считаю абсолютно необходимым, чтобы как можно больше цекистов познакомились на предстоящем съезде лично с Яковенко. Перешлите это письмо, пожалуйста, всем членам Оргбюро в первую голову, а потом ознакомьте других цекистов. Попросите Молотова[2], когда он прочтет это письмо, позвонить мне.

22 декабря 1921 года

В. И. Ленин — В. М. Молотову и всем членам Политбюро ЦК РКП(б)

Прошу ускорить ознакомление всех членов Политбюро с тем сообщением Теодоровича относительно сибирского крестьянина Яковенко, которое было мною Вам послано.

24 декабря 1921 года

В. И. Ленин — Е. М. Ярославскому [3]

Прошу Вас дать самому и собрать от всех находящихся здесь ответственных и влиятельных сибирских товарищей *отзывы* о крестьянине *Яковенко* (кажется, предуисполкома Канского, Енисейской губернии). Отзывы нужны поподробнее. На предмет обсуждения вопроса в ЦК о назначении Яковенки *наркомом земледелия.*

Возраст? — Около 40 лет.

Опыт? — Непосредственное знакомство с советской работой.

Уважение крестьянства? — Большое.

---

[1] Л. Б. Каменев — в то время член Политбюро ЦК РКП(б).

[2] В. М. Молотов — в то время секретарь ЦК РКП(б).

[3] Е. М. Ярославский — в то время секретарь ЦК РКП(б) — вписал ответы в машинописную копию письма В. И. Ленина.

Знание хозяйства? — Середняк, очень большого хозяйства не вел.

Твердость? — Властный, твердый человек.

Ум? — Умный, сметливый.

Преданность Совласти? — Преданность доказал и в период партизанства и позже.

Очень прошу провести это *быстро* и как следует.

25 декабря 1921 года

Из книги записи приемов у В. И. Ленина

И. Н. Смирнов должен дать сведения о Громове и др. крестьянах и подтвердить письменно, что Яковенко крупнее Громова.

25 декабря 1921 года

В. И. Ленин — В. М. Молотову для Политбюро ЦК РКП(б)

Прошу поставить на голосование всех членов Политбюро постановление немедленно вызвать в Москву Яковенко, поручив Чуцкаеву или другим сибирским делегатам в той же телеграмме вставить распоряжение об его временном заместительстве. Вызов предлагается на предмет ознакомления с ним и возможности назначения его на должность наркома. Основание — отзыв Теодоровича, уже разосланный членам Политбюро, и три отзыва сибиряков, которые прилагаю.

Отзыв о В. Г. Яковенко бывшего председателя Енисейского губревкома А. П. Спундэ

Яковенко был, бесспорно, лучшим по идейности сибирским партизаном. Я не знаю нигде случая, чтобы крестьянское движение настолько близко соприкасалось с партийными организациями (хотя и с заметно «под мужика» подкрашенным направлением). Но и эта подкраска, хотя и не совсем полиняла, смягчилась при нашем приходе в Енисейскую губернию. Яковенко умеет сохранять постоянную, прямо-таки интимную связь с крестьянством. Как организатор Яковенко с *уездом*, бесспорно, справился выше среднего. Его уезд все время шел впереди по хлебу, был наиболее спокойным по настроению и т. д.

Яковенко человек самостоятельный и сильный характером. Его можно было бы поставить *для связи*

и **авторитета** перед мужиком и на крупную, пожалуй, всероссийскую работу...

31 декабря 1921 года

Телефонограмма дежурного секретаря М. И. Гляссер

Сообщаю по поручению Владимира Ильича, что сегодня он виделся с т. Яковенко, который произвел на него хорошее впечатление. Владимир Ильич высказывается за его назначение и просит членов Политбюро уделить хотя бы полчаса для разговора по телефону с Яковенко (в самое ближайшее время, ввиду того что Яковенко пробудет в Москве недолго). О результатах В. И. просит ему сообщить. Вызвать Яковенко по телефону 3860, через коменданта общежития делегатов.

Изучать людей, искать умелых работников. В этом суть теперь; все приказы и постановления — грязные бумажки без этого.

В. И. Ленин

НАРКОМОМ УТВЕРДИТЬ

9 января 1922 года

Решение Президиума ВЦИК

Утвердить В. Г. Яковенко народным комиссаром земледелия.

16 февраля 1922 года

«Известия ВЦИК». Корреспонденция «У крестьянского наркома»

...Доступ к тов. Яковенко простой: принимает без задержки. Вид — крестьянин,— «наш брат Исакий».

Товарищ Яковенко только что входит в курс, разбирается с делами. По ряду земельных вопросов он имеет немногословные, без тезисов, соображения, но совершенно ясные и вполне практичные.

Страшно занят, но весьма приветлив, как говорится, рад человеку.

— По вопросу об устроении земли должен вам сказать, что нами принимаются все меры к удовлетворению землею всех нуждающихся. Но дальнейший дележ

и без того небольших земельных наделов вряд ли желателен, да это заняло бы много спецов, каковыми в данное время Наркомзем не располагает. Остается переселение...

Нами в Сибирь послано сведущее в деле переселения лицо, которое хорошо знакомо с Дальним Востоком и Амуром. Ждем хороших результатов, а пока, по возможности воздерживаясь от мелкого дробления, будем углублять земледелие повышением урожая хлеба с той же земли, не покладая рук работая над переселением... дабы не допустить междоусобия, похода деревни на деревню, брата на брата. Словом, все сделаем, чтобы удовлетворить батрацкую нужду.

Сельскохозяйственные комитеты хотелось бы видеть учреждениями не канцелярскими, а нашими, крестьянскими, чтобы они тесно были связаны с батраком, держали курс на батрака...

Так же я смотрю и на сельскохозяйственные курсы. Затеваются они сейчас среди голода и разрухи. Не за всеми курсами обеспечены пайки. Теперь слушатели курсов чаще всего крестьяне: в одно ухо влетит, в другое вылетит. Нужно, чтобы каждые курсы печатали все, что у них говорится на уроках, тогда с такою карманною книжечкой за пазухой слушатель-крестьянин будет чувствовать себя прочнее и бодрее...

Для батрака, быть может, мы пустим показательные поезда, в которых будут музеи, выставки, образчики, инструктора, лектора, библиотеки,— как только немного улучшится транспорт, топливо и продовольственный вопрос. В особенности таковые нужны для Сибири.

Что касается проекта массового обучения крестьянской молодежи за границей на опытных фермах и крестьянских хозяйствах, то должен вам сказать, что, конечно, в этом проекте много хорошего; у нас мало учебных заведений, немногому в них учат, да всю Россию в школы не загонишь, сразу не обучишь; может быть, мы к этому способу и подойдем, не все же Европа на нас будет рогатиться, обернется и она к нам лицом, поймет и она, что забота о русском батраке не только выгодна нам, но и ей...

...Мы убеждены в том, что с каждым шагом Советской власти будет выделяться все большее и большее

количество людей, освободившихся до конца от старого буржуазного предрассудка, будто не может управлять государством простой рабочий и крестьянин. Может и научится, если возьмется управлять!

В. И. Ленин

Штрихи биографии

ПОЗИЦИЯ

Было это на заседании Совнаркома вскоре после переезда правительства в Москву. Председатель Главторфа И. И. Радченко просил отпустить средства на строительство бараков на месте торфяных разработок стоимостью по четыре тысячи рублей за каждый — таков расчет. Однако с возражениями поднялся представитель Наркомфина: четыре тысячи за барак слишком много, следует предусмотреть не более двух тысяч.

Каждый отстаивал свое, а Владимир Ильич тем временем писал записки; сперва — Радченко: «Вы когда-нибудь строили бараки? Твердо ли знаете, что надо 4000 р.?» Радченко ответил сразу же, на том же клочке бумаги: конечно, строил. Следующая записка — представителю Наркомфина: а вы строили бараки? Тот пожал плечами: само собой разумеется, нет.

Когда дебаты были закончены, Ленин вновь повторил свои вопросы, на этот раз вслух: приходилось строить бараки — да или нет? Радченко — да, представитель Наркомфина — нет. Ставя вопрос на голосование, Владимир Ильич формулировал его следующим образом:

— Есть два предложения. Автор первого, имеющий опыт в строительстве бараков, считает необходимым выделить на постройку одного барака четыре тысячи рублей, автор второго, не имеющий такого опыта, предлагает выделить две тысячи рублей...

Конечно же члены Совнаркома поддержали первое предложение, как сделал бы, очевидно, каждый из нас, окажись на их месте.

Знаменательный эпизод, свидетельствующий, как свободно проникал всякий раз государственный взгляд Владимира Ильича в самую суть вопроса. Ленина не

могли смутить никакие условности, он всякий раз высмеивал заклинания-убеждения: это так, потому что это так и иначе быть не может. Вы настаиваете на своей точке зрения — прекрасно, обоснуйте экономически, а главное, покажите, что реально выигрывает на этом государство, трудящиеся, все же остальное — от лукавого... Между прочим, когда случается беседовать с хозяйственниками, всякий раз рассказываю историю со строительством бараков, и, признаться, она пользуется большим успехом.

Потратить на строительство барака две тысячи вместо четырех — предложение весьма соблазнительное, и отстаивающий его предстает рачительным хозяином, который больше других печется об интересах государства. Но позвольте, не ему же строить. А значит, можно с еще большей легкостью предложить, скажем, по тысяче рублей за барак и в результате предстать еще более государственным человеком. Между тем строительство бараков стоит ровно столько, сколько оно стоит. И если отпустить лишь половину средств, то и бараков окажется в два раза меньше. Но можно и постараться, подумать, вывернуться, наконец? Можно и вывернуться: заплатить, например, строителям меньше, чем они заработали, или, скажем, лишить барак тех удобств, которые все-таки в нем предусмотрены, хотя он и барак. Скорее всего, произойдет и то и другое, а значит, и в том и в другом случае средства будут сэкономлены за счет трудящихся: экономия государственных средств, продиктованная в данном случае соображениями весьма умозрительными (есть ассигнования — сократи их), достигается вполне реальным ухудшением условий жизни людей.

И когда Владимир Ильич проявляет столь живой интерес к строительству бараков — обменивается записками, задает вопросы вслух и, наконец, весьма своеобразно формулирует суть спора — все это не случайно. Ленин выступает против практики, которая ему чужда абсолютно: интересы социалистического государства не должны противостоять интересам трудящихся.

Известно, например, с какой чрезвычайной осторожностью подходил Владимир Ильич к декретам, которые могли нанести ущерб какой-либо группе населения.

«Помню, у нас была большая возня с залогами ссудной казны,— вспоминал член коллегии Наркомфина Я. С. Ганецкий.— Залоги не выкупались, и ссудные кассы необходимо было ликвидировать, а залогов лежало десятки тысяч. При каждой выдаче необходимо было производить оценки по «современной» стоимости, так как полагалось по декрету выдавать лишь до 10 тысяч рублей. Здесь, естественно, возможны были всякие ошибки, злоупотребления, а уж выдача в таких случаях всегда затягивалась». И не раз высказывались предложения: не пора ли передать все заклады в казну? К тому же сама практика заклада вещей представлялась по тем временам несовместимой с новой жизнью. А Владимир Ильич возражал, более того, помогал тем, кто никак не мог договориться с ссудными кассами.

«28/IV 1919

т. Крестинский (или т. Ганецкий),

Подательница имеет просьбу, касающуюся заложенных вещей. Очень прошу *как можно скорее* рассмотреть ее просьбу и разрешить дело без промедления.

Пр. СНК *В. Ульянов (Ленин)*».

Ленин всегда и первым выступал против попыток подстроить жизнь к пропагандистской фразе, представить многообразие окружающего нас мира в том идеальном порядке, который столь дорог сердцу политической посредственности. Известно, что во времена профсоюзной дискуссии Троцкий выступал с утверждением, что профсоюзы не нужны, поскольку у нас нет буржуазии, а значит, и защищать рабочий класс незачем и не от кого. Вот она столбовая дорога фразы: если так, то этак — и никак иначе. Ленин же говорил, что мы имеем государство с бюрократическими извращениями, от которых, несомненно, страдают трудящиеся. Заявление же о том, что в защите материальных и духовных интересов рабочего класса профсоюзам делать нечего, обойдутся, мол, и без них,— это рассуждение «переносит нас в область абстракции или идеала, которого мы через 15—20 лет достигнем, но я и в этом не уверен, что достигнем в такой именно срок,— говорил Владимир Ильич в самый канун 1921 года.— Перед

нами же действительность, которую мы хорошо знаем, если только мы не опьяняем себя, не увлекаемся интеллигентскими разговорами, или абстрактными рассуждениями, или тем, что иногда кажется «теорией», а на деле является ошибкой...»

Человек, возглавивший величайший социальный эксперимент, тот, кто, по словам Горького, так помешал людям жить привычной для них жизнью, как никто до него,— этот человек умел отделить желаемое от действительного.

Ленин заметил как-то: «Торопиться случалось каждому из нас». Он нередко торопился сам и умел подгонять других. Торопил, к примеру, членов комиссии ГОЭЛРО, желая поскорее получить проект плана электрификации. Или, решив однажды — настала пора «создать словарь *настоящего* русского языка» от Пушкина до Горького,— тут же и предлагал: «Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?»

И называл совсем иные, исторически продолжительные сроки, когда заходила речь о явлениях социальных, об изменениях в жизни общества. Говорили, скажем, о борьбе с бюрократизмом, и Ленин отмечал: «Борьба с бюрократизмом потребует десятилетий». Касаясь совершенствования государственного аппарата, подчеркивал, что «едва ли не самой вредной чертой этой работы будет торопливость». Напоминал, что и в вопросах культуры «торопливость и размашистость вреднее всего». Диктуя свои последние статьи, советовал: «Надо вовремя взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д.». И весной восемнадцатого года, когда так велики еще были ожидания мировой пролетарской революции и кому-то казалось — до коммунизма рукой достать, Ленин говорил: «Путь организации — путь длинный, и задачи социалистического строительства требуют упорной продолжительной работы и соответственных знаний, которых у нас недостаточно. Едва ли и ближайшее будущее поколение, более развитое, сделает полный переход к социализму».

Ленин любил людей, а не идеи, утверждал Горький. «Я — знаю, что он любил людей, а не идеи, вы знаете, как ломал и гнул он идеи, когда этого требовали инте-

ресы народа»,— писал Алексей Максимович вскоре после кончины Владимира Ильича.

Ленин не был слугой идей, они, эти идеи, служили ему, были его оружием в переустройстве жизни. Ему чужды были опасения, «как бы не пострадала возлюбленная теория в ее столкновении с практикой». Беседуя с тем же Горьким, Владимир Ильич говорил: «Теория, гипотеза для нас не есть нечто «священное», для нас это — рабочий инструмент».

Оглядывая путь Владимира Ильича, понимаешь, что самые ожесточенные идейные схватки и самые изнурительные политические бои он вел именно с теми, кто хотел бы из «рабочего инструмента» превратить теорию в самоцель, для кого безукоризненное воплощение идеи становилось важнее ее самой. Вспомните борьбу за заключение Брестского договора, споры с «левыми коммунистами» весной восемнадцатого, наконец, как трудно далось Владимиру Ильичу утверждение новой экономической политики. Ленин выступал против тех, кто хотел бы парить над грешной землей, не считаясь с реальной жизнью. Он с горечью спрашивал: «...Что сделалось с этими людьми, как они могут из-за обрывков книжки забыть действительность?»

Только реальная степень достигнутого может быть, в конце концов, неопровержимым аргументом в споре. И Ленин чрезвычайно ценил все, что удалось отвоевать у жизни, утвердить в ней. На V Всероссийском съезде Советов, где принималась первая Советская Конституция, он говорил: «Прошли и для России, я уверен, безвозвратно прошли, те времена, когда спорили о социалистических программах по книжкам. Ныне о социализме можно говорить только по опыту».

На четвертом месяце существования Советской власти Ленин принял корреспондента французской газеты «Le Temps» Л. Нодо, дал ему интервью:

«Англичане говорят: «Чтобы узнать, каков пудинг, надо его попробовать». Говорите что хотите о социалистическом пудинге, но только все народы пробуют и будут все больше пробовать это блюдо. Мы не говорим, что это прекрасно. Мы сами подчеркиваем многие недостатки. Но это пудинг, который есть и его можно попробовать, а все остальное — рецепты для поваренной книги. Сколько ни листай ее — сыт не будешь».

Н. К. Крупская пишет: «Иногда, вспоминая, как Ильич занимался мелочами, товарищи говорят: «Не берегли мы Ильича-то, мелочами его загружали, не надо было приставать к нему со всеми этими мелкими делишками».

Сегодня мы говорим об удивительном внимании Ленина к так называемым «мелочам».

Вспоминая о том, как работал Ленин, старый большевик, организатор партийной печати Н. Л. Мещеряков пишет, что не было числа вопросам и просьбам, с которыми шли к Владимиру Ильичу, и как-то он пожаловался своему собеседнику, кивнув на телефонные аппараты: «Из-за всякого пустяка обращаются ко мне».

Ленин всегда конкретен — в каждой своей статье, каждой записке, в любом решении. Немало, очевидно, было дел, которыми он занимался без всякой охоты, да и не по своей воле — обстоятельства к тому понуждали. «Обязанности часового при Председателе Совета Народных Комиссаров» Владимир Ильич напишет собственноручно. Но кто иной мог составить эту памятку, если датирована она 27 октября 1917 года?

И не доставляло Ленину радости, порой возмущало, что многие вопросы никак не решались без его вмешательства.

Сегодня подписал телеграмму насчет 1.2 млн. пуд. сена Москве.

Мне думается, что неправильно давать *все* подобные телеграммы на подпись мне. Надо — может быть, постепенно, но все же надо переходить и *перейти* к тому, чтобы научить людей (в том числе губисполкомы) слушаться и без моей подписи — нормально слушаться, а не только экстраординарно слушаться».

Все сходилось к Председателю СНК, и даже заместитель у него появится впервые лишь к концу 1921 года. В декабре заместителем Председателя СНК и СТО станет А. Д. Цюрупа. А когда заместителей станет трое, Ленин будет стремиться как можно полнее распределить между ними обязанности, не раз раздумывая над вариантами этого распределения.

Вернемся, однако, к воспоминаниям Крупской. Товарищи сожалеют, что загружали Ленина мелочами. Надежда Константиновна не возражает: так оно и было. Но объясняет это не только всевластием времени.

Важнее другое: Владимир Ильич сам «считал, что необходимо внимание к мелочам, что только внимание к ним сделает советский аппарат подлинно демократическим, не формально демократическим, а пролетарски-демократическим».

В этих словах — социальная направленность, политическая суть ленинского стиля работы.

Чаще всего, когда мы пишем о внимании Ленина к «мелочам», то берем это слово в кавычки или же оговариваемся: к так называемым мелочам. Иначе и не может быть: Владимир Ильич прежде всего был внимателен к людям, их запросам, а это мелочью не назовешь. Откуда, собственно говоря, берутся наши представления о «мелочах»? Во многом, пожалуй, от буржуазно-бюрократического аппарата управления. По своей классовой сути он не мог быть обращен к человеку, видел в нем ту соринку, ту мелочь, которая не заслуживает внимания, а лишь отвлекает от высших целей управления.

«Машина советской администрации должна работать аккуратно, четко, быстро,— писал Владимир Ильич.— От ее расхлябанности не только страдают интересы частных лиц, но и все дело управления принимает характер мнимый, призрачный». Вот она задача: аккуратно, четко, быстро. Практикой решений, всем стилем своей работы Ленин утверждал уважение к людям, подавая в этом пример в первую очередь тем, кто окружал его.

Управлением делами СНК было подготовлено объявление:

«По распоряжению тов. Ленина объявляется, что все товарищи, имеющие к нему какие-либо дела (к работам съезда непосредственно не относящиеся), в том числе и просьбы о приеме, должны обращаться не непосредственно к нему, но к следующим товарищам... Товарищи, обращающиеся непосредственно к тов. Ленину и тем отвлекающие его от работы съезда, предупреждаются, что просьбы их будут оставаться без последствий».

Обычное деловое объявление; текст его, очевидно, ни у кого не вызовет замечаний. Но вот как выглядело оно после поправок, которые внес Владимир Ильич:

«По поручению тов. Ленина (в первоначальном тексте — «по распоряжению».— *Е. Я.*) объявляется, что все товарищи, имеющие к нему какие-либо дела (к работе съезда непосредственно не относящиеся), в том числе и просьбы о свидании (в первоначальном тексте — «о приеме».— *Е. Я.*), должны обращаться не непосредственно к нему, но к следующим товарищам... (А дальше уже ничего общего с первоначальным текстом: никто не «предупреждается» и ничьи просьбы не собираются оставлять «без последствий».— *Е. Я.*) Тов. Ленин убедительно просит иметь в виду, что при передаче записок или документов не через названных товарищей, которые аккуратно все сохраняют, записывают поручения, следят за исполнением, нельзя обещать ни сохранности передаваемого, ни аккуратности исполнения».

Надо полагать, что такое же сравнение текстов этих двух документов сделали в свое время и работники аппарата Совнаркома, получив тем самым наглядный пример того, как следует в общении с людьми использовать более уважительный и менее безапелляционный тон.

Ленин умел взглянуть на факт в упор, увидеть его таким, каков он есть сам по себе. И, получив во времена мобилизации коммунистов на борьбу с Колчаком письмо от члена партии — как понять, что стоит за назначением его начальником политотдела? — Владимир Ильич пишет в ответ: «Понимать так, как есть: решение ЦК. *Времена военные*. Все *на наиболее трудное*».

Одна из самых известных историй: комендант санатория Горки срубил дерево в парке и был за это примерно наказан специальным постановлением Председателя Совета Труда и Обороны.

«Протоколом тт. Беленького, Иванычева и Габалина установлено, что по распоряжению заведующего санаторией тов. Вевера срублена 14 июня 1920 г. в парке санатории совершенно здоровая ель.

За допущение такой порчи советского имущества предписываю подвергнуть т. Вевера, заведующего санаторией при советском имении Горки,

аресту на 1 месяц...»

А дальше в постановлении подробнейшим образом говорилось, каким образом срок наказания может

быть сокращен, как привести приговор в исполнение, не помешав при этом сельскохозяйственным работам.

Что же поражает в этой истории? Сознательно или не отдавая себе отчета мы как бы соединяем это дерево, эту срубленную ель, со многими другими, словно переносим его в бескрайний лес, и оно сразу же теряется там, утрачивая свою конкретность, а с ней и ценность. Отсюда и удивление: судьба всего лишь одного дерева так взволновала Ленина! Между тем дерево, которое спилили в парке, было для него абсолютно конкретно. Соображения о том, что существует много подобных деревьев, которые порой без всякого разрешения рубят и пилят, никак не снижало в глазах Владимира Ильича ценности уничтоженного и не умаляло вины того, кто это сделал.

Очевидцы вспоминали, что, узнав о постановлении, Вевер умолял окружающих походатайствовать за него перед Владимиром Ильичем. «Легче год, два отсидеть, чем одну неделю по распоряжению тов. Ленина. Готов что угодно сделать, только чтобы не быть наказанным Лениным». И Ленина уговаривали отменить приговор, но напрасно: заведующий отбыл наказание.

Ленин не торопился ни сравнивать факт с ему подобными, ни типизировать его, ставя в один ряд с другими, а значит, и обезличивая. Удивительно отчетливо видел он и лес, и деревья.

Та же конкретность была присуща Ленину в устройстве дел многих людей, которые обращались за помощью. Владимир Ильич не задавался всякий раз вопросом: а все ли располагают на сегодняшний день тем, в чем испытывает нужду тот, кто к нему обратился? (Вопрос, на который трудно дать точный ответ, но за которым очень удобно укрыться: если не все еще имеют, так и этому просителю не положено.) Ленин решал по существу: действительно ли нужно помочь и как это сделать. И тут же набрасывал одну из своих знаменитых записочек. Когда в них шла речь о помощи кому-либо, то начинались они обычно со слова «прошу».

«Очень просил бы перевести тов. Колесникову — жену расстрелянного товарища, ответственного работника, из занимаемой ею теперь комнаты во 2-м Доме Советов (549), которая очень мала и главное *очень*

сыра, в другую, сухую комнату (у Колесниковой двое детей, один хворает малярией)».

«Прошу оказать всяческую помощь моему товарищу по ссылке в Сибири Ивану Лукичу Проминскому, смазчику вагонов при Иннокентьевском депо... Затем прошу передать ему по телеграфу мой привет и, наконец, прошу перевести его на Алтайскую железную дорогу на лучшее место. Он уже стар. Телеграфируйте, что сделали».

«Прошу непременно предоставить комнату в 1 Доме Советов тов. *Цецилии Самойловне Бобровской*, которую я знаю хорошо как старого партийного работника. Она живет сейчас в совершенно невозможных условиях, и доктора велят ее немедленно перевести в один из Домов Советов... Я знаю Бобровскую с эпохи до 1905 года и знаю, что она способна бедствовать и молчать чрезмерно. Поэтому ей надо помочь быстро». Последнюю фразу Ленин написал от руки, желая усилить свою просьбу...

Знакомясь с документами, которые просматривал Ленин как Председатель Совнаркома, обращаешь внимание, что на очень многих бумагах — записках, предложениях, информациях — Владимир Ильич сплошь и рядом оставлял весьма лаконичную резолюцию: «В архив». Можно еще понять, например, когда, получив от редколлегии журнала «Книга и революция» предложение к сотрудничеству, Ленин пишет на письме: «В архив». Прочел — принял к сведению. Но вот письмо председателя ревкома Азербайджана о продовольственных затруднениях в республике. Это просьба о помощи, и сообщению необходимо, как сказал бы канцелярист, «дать ход». А резолюция все та же: «В архив». Скажем, обращается к Владимиру Ильичу член коллегии Наркомата путей сообщения с предложениями: «В каком виде должны быть восстановлены русские железные дороги». Он конечно же ждет ответа, а Ленин помечает: «В архив». Наконец, докладная записка о тяжелых условиях жизни и работы академика Павлова; здесь необходимы самые неотложные действия. Резолюция, между тем: «В архив». Но, позвольте, известно, что уже на следующий день, как получил Владимир Ильич это сообщение, были приняты меры для создания нормальных условий труда и жизни ученого. Ленин прочел письмо и сразу же вызвал нужных на этот

раз людей, дал указания. Тут-то и заключен, скорее всего, ответ на наши недоуменные вопросы. Всякий раз, когда вместо того, чтобы «давать делу ход», представлялось возможным решить его, Владимир Ильич делал это. И решение его чаще всего было настолько исчерпывающим, что исходные бумаги оставалось лишь направить в архив.

В повседневной работе нас пугает обычно многочисленность вопросов, неравнозначность и разноплановость их. Мы стараемся отодвинуться хотя бы от части из них, боясь погружения в болото «текучки». Вполне реальна и другая опасность: руководитель, стремящийся вникнуть в каждый вопрос и самостоятельно принять решение, может подменить специалистов, тех, кто согласно своей профессии досконально знаком с проблемой.

Начнем с последнего. Лишь энциклопедически образованный человек, каким и был Ленин, может со всей отчетливостью представить всю глубину и разветвленность знаний, не переоценивая того, что удалось приобрести ему самому. Как бы ни был увлечен Владимир Ильич той или иной проблемой социалистического строительства, он ищет ее решение в своей профессиональной сфере — решение политическое.

Еще раз о плане ГОЭЛРО. Ленин — его автор. Но лишь в том и очень высоком смысле, что этот план, пользуясь словами самого Владимира Ильича, вторая программа партии. И в политической разработке, пропаганде этого грандиозного по тем временам мероприятия для Ленина не могло быть второстепенных деталей, не существовало мелочей; пример тому и карта электрификации, которую монтировали в Большом театре.

Совсем иначе относился Ленин к непосредственной разработке проекта. За одиннадцать месяцев до открытия VIII съезда Советов он писал Г. М. Кржижановскому — инженеру-энергетику, руководителю Государственной комиссии по электрификации России: «Примерно: в 10 (5?) лет построим *20 — 30* (30 — 50?) станций...

Я думаю, подобный «план» — повторяю, не технический, а государственный — проект плана, Вы бы могли дать.

Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне *научной* в основе) перспективой: за работу-де, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем *электрической*. Доработаемся до **стольких-то** (тысяч или миллионов лошадиных сил или киловатт?? черт его знает) машинных рабов и проч.».

В плане ГОЭЛРО Ленин видит то звено, за которое должна быть вытянута вся цепь социалистического возрождения страны. А вот сколько следует построить станций — 20—30 (30—50?), в 10 (5?) лет,— которые доработаются до тысяч или миллионов лошадиных сил или киловатт,— все это предстоит решать специалистам на вполне научной основе.

Теперь о страшилище, именуемом «текучкой». Она берет верх там, где не хватает умения, порой решимости, для того, чтобы вникнуть в суть дел, а значит, и реально повлиять на их ход.

Вспоминая о том, как работал Владимир Ильич, Н. П. Горбунов приводит список ленинских поручений в январе — феврале 1921 года. Вот два из них:

«— Выяснить, почему коллегия Нефтеуправления дала рабочим по 8 аршин мануфактуры вместо отпущенных 30 аршин.

— Выписать из Америки, Германии и Англии литературу по тейлоризации и научной организации труда. Заняться этим вопросом».

Внимание к «мелочам» и непреходящий интерес к науке управления. Частное и общее в перечне поручений следуют одно за другим, в деятельности Владимира Ильича это сочеталось органически. Увидеть факт таким, какой он есть, осмыслив его, подняться к обобщениям, выводам и начать действовать, изменяя само русло привычного потока,— ленинский стиль работы. Мы могли в этом уже убедиться, обращаясь к «Очередным задачам Советской власти». В самом представлении «очередные задачи» для Ленина соединялись задачи дня с перспективой десятилетий.

...Закончу эту тему еще одним отступлением — историей, давно уже меня занимавшей; решение же ее пришло неожиданно, лишь теперь, когда собрал вместе то, о чем думал прежде.

В письме к Н. К. Крупской, написанном 16 мая 1930 года, А. М. Горький рассказывает о посещении

Горок: «...жил я в то время вне политики, по уши в «быту» и жаловался В. И. на засилие мелочей жизни. Говорил, между прочим, о том, что, разбирая деревянные дома на топливо, ленинградские рабочие ломают рамы, бьют стекла, зря портят кровельное железо, а у них в домах — крыши текут, окна забиты фанерой и т. д. Возмущала меня низкая оценка рабочими продуктов своего же труда. «Вы, В. И., думаете широкими планами, до вас эти мелочи не доходят». Он — промолчал, расхаживая по террасе, а я — упрекнул себя: напрасно надоедаю пустяками. А после чаю пошли мы с ним гулять, и он сказал мне: «Напрасно думаете, что я не придаю значения мелочам, да и не мелочи это — отмеченная Вами недооценка труда, нет, конечно, не мелочь: мы — бедные люди и должны понимать цену каждого полена и гроша... Но — как обвинишь рабочего за то, что он еще [не] осознал, что он уже хозяин всего, что есть? Сознание это явится — не скоро, и может явиться только у социалиста». ...Говорил он на эту тему весьма долго, и я был изумлен тем, как много он видит «мелочей» и как поразительно просто мысль его восходит от ничтожных бытовых явлений к широчайшим обобщениям. Эта его способность, поразительно тонко разработанная, всегда изумляла меня...»

Ленин говорит о сознании социалиста, которое может прийти к рабочему лишь вместе с чувством хозяина всего, что есть в его стране, и мысли эти очень близки к тому, о чем пишет Владимир Ильич в «Великом почине». Эта работа словно продолжает беседу в Горках: коммунистические субботники необыкновенно ценны как фактическое начало коммунизма, который начинается там, где проявляется забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об интересах общества в целом.

Беседа в Горках носила теоретический характер. Но вот сама жизнь рождает коммунистические субботники. И теоретические рассуждения обретают практическую основу. Так и хочется одно подверстать к другому!

Удивительно соблазнительно, а подверстать тем не менее нельзя. В этом и была загвоздка, это и порождало мои вопросы. Горький пишет: «Очень ярко вспомнился визит мой в Горки, летом, кажется 20-го г...». А первые

субботники состоялись в мае 1919 года, и «Великий почин» датирован 28 июня того же года. Значит, все это происходило за год до беседы Ленина с Горьким, и разрушается вроде бы так удачно сооруженная конструкция.

Но отчего же тогда, разговаривая с Горьким, Владимир Ильич подчеркивает, что сознание социалиста явится у рабочих не скоро? Почему не упоминает о коммунистических субботниках, начатых еще год назад, которые как раз и служат примером рождения социалистического сознания трудящихся? А быть может, Алексей Максимович неточен в дате? Пишет же он, что был в Горках «летом, кажется, 20-го г.». Нет, специалисты не видят оснований, чтобы брать под сомнение указанное в письме время. Ответ скрыт в чем-то другом. А не во мне ли самом, в таком обыденном стремлении непременно все выстроить по идеальной прямой?

Откроем вновь «Великий почин»: коммунистические субботники — начало необыкновенной важности. Но это только начало. И подобные ростки — громадная тогда редкость... И не было необходимости для Владимира Ильича непременно упоминать коммунистические субботники, как бы противопоставляя позитивное начало тому, что беспокоило Горького. Они говорили о необозримом поле общественного сознания, которое предстояло возделать. Коммунистические субботники были лишь первыми ростками, поднявшимися на нем.

Ленин так и пишет в своей работе: «Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные. Если японский ученый, чтобы помочь людям победить сифилис, имел терпение испробовать 605 препаратов, пока он не выработал 606-ой, удовлетворяющий известным требованиям, препарат, то у тех, кто хочет решить задачу более трудную, победить капитализм, должно хватить настойчивости испробовать сотни и тысячи новых приемов, спо-

собов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них».

Велико было внимание Ленина к событиям и явлениям жизни, которые свидетельствовали о рождении нового, социалистического. Ничем не скрываемой радостью по поводу того, что состоялись первые коммунистические субботники, пронизана каждая строка «Великого почина», отсюда и публицистический подъем этой блистательной работы. Вместе с тем Ленин был чрезвычайно далек от того, чтобы абсолютизировать события и даже явления, какими бы обнадеживающими и многообещающими они ни были, видеть в них рецепт для решения всех задач и панацею от всех бед.

Вспоминая о встрече с Лениным, Горький пишет: «Не знаю человека, у которого анализ и синтез работали бы так гармонично».

Репортаж из года восемнадцатого

ПРАЗДНИК

Ленин приехал из гостиницы «Националь» в Кремль и начал работать в своем кабинете. Это было 19 марта 1918 года.

Мы не знаем, в какое время впервые вошел в свой кабинет Владимир Ильич — было это днем или под вечер, какие принес с собой бумаги, кого первым принял здесь. Комендант Кремля рассказывал, что мебель для кабинета собирали попроще, зная ленинскую нетерпимость к роскоши. Сохранилось лишь одно свидетельство о личной просьбе Владимира Ильича — записка, в которой торопит с установкой телефонов в кабинете Председателя Совета Народных Комиссаров. Телефонные аппараты на краю письменного стола, которые так хорошо видны на фотографиях, появятся позже. Вначале приходилось всякий раз вставать, подходить к аппарату, который висел на стене.

Ленин сам сделает чертеж этажерок-вертушек подле стола, на которые удобно ставить книги. Объяснит, как нужно наклеить карты, а когда их наклеят косо, усмехнется: «Это вещь трудная, гладко наклеить на полотно, где уж нам сейчас это сделать!»

Почти пять лет работал в кремлевском кабинете Владимир Ильич. В его жизни не было другого кабинета, в котором он работал бы большее число лет. Такая уж судьба выпала на долю революционера Владимира Ульянова: то гласный надзор полиции, то ссылка, то эмиграция; приезд в Россию и снова скитания по заграницам...

Ленин привык к своему кабинету и любил его. В тишине и сосредоточенности проводил здесь ночные часы, склонившись над книгой или рукописью. А бесконечно устав и не поборов бессонницу, протягивал руку, чтобы взять с полки роман Толстого, томик стихов Пушкина или сочинения Достоевского. Эти книги всегда были под рукой, мог пользоваться ими по ночам, никого не беспокоя.

При ярком свете солнечного дня, при тусклом мерцании настольной лампы и когда поднимающийся из-за Москвы-реки рассвет струился по холщово-серому небу — здесь, в кремлевском кабинете Владимира Ильича, дни и ночи, час за часом, в повседневном изнурительном труде создавалось то, что определяет сегодня наше бытие и наши устремления, наши взгляды и наши поступки, наши представления о нравственном и благородном,— все, что мы ныне подразумеваем под нашим образом жизни.

С годами менялась обстановка ленинского кабинета. Убрали зеркало в простенках между окнами, повесив на это место карту путей сообщения. Карт становилось все больше: на столе, на креслах — повсюду. А потом пришло время, когда надобность в оперативных картах военных действий отпала. Прибавлялись шкафы с книгами. Наконец кабинет стал таким, каким мы видим его сегодня, каким был, очевидно, 12 декабря 1922 года, когда в последний раз работал в нем Владимир Ильич. Невозвратимо лишь одно — сосредоточенность, ленинская сосредоточенность, которую привнес он сюда и которая не могла не уйти вместе с ним.

То поразительное, чаще всего непостижимое напряжение мысли, которое давало возможность Владимиру Ильичу, проглядывая столбцы цифр в «Ежегоднике Министерства финансов, выпуск 1 за 1869 год», на одной из страниц пометить: «Ошибка в итоге сделана здесь, очевидно, потому что цифры, относящиеся

к Закавказскому краю и Сибири, сосчитаны дважды». Сравнивать первые русские переводы Маркса с немецким оригиналом, делая при этом к словам «прирожденного человеческого права» сноску: «В подлиннике: «врожденных прав человека».

Работая уже в этом кабинете, просит для справок на один день, на вечер, на ночь с обязательством: **«Верну к утру».**

«I. Два *лучших*, наиболее полных, словаря *греческого* языка, с греческого на *немецкий*, французский, русский или английский.

II. Лучшие *философские* словари, словари философских терминов: немецкий, кажется, Эйслера; английский, кажется, Болдвина (Baldwin); французский, кажется, Франка (если нет поновее); русский, какой есть из новых.

III. История греческой философии

1) *Целлер*, полное и самое новое издание.

2) *Гомперц* (венский философ): «Griechische Denker».

И все это лишь для справок — на день, на вечер, на ночь...

Получив оперативное сообщение с Южного фронта, что нашими войсками взяты Переездная и Лоскутовка, находил время проверить по атласу эти названия, исправить их в телеграмме. По картам рассчитывал расстояние. И, написав «В печать», пометил внизу: «Примечание. Лоскутовка — в 13 в. от Камышевки и в 22 в. от Попасной». Хотите убедиться своими глазами — откройте подшивку «Известий» за девятнадцатый год, номер от 24 декабря. Там напечатано: «Наши успехи в Донецком районе. Из реввоенсовета Южного фронта...» — информация и ленинское примечание.

Мой собеседник рассказывает, вспоминает, шутит. Заложив за спину руки, подходит к книжным полкам, скользит взглядом по корешкам томов. Он весьма подвижен, как всегда энергичен — и в своем кабинете, и здесь.

— Сегодня я все время возвращаюсь к одному из сюжетов доброго сказочника Андерсена,— произносит он. — Ребенок в детстве увидел комету и спустя много

десятилетий, уже в преклонном возрасте, вновь наблюдал ее...

Пересекает комнату и надолго останавливается подле окна, всматриваясь в арку Троицких ворот. Я же думаю о том, как велика жизнь человека, как много дано ей вместить.

Ему было девять, когда семья переехала в Берн. Отец поступил в университет: в России он получил юридическое образование, а здесь, используя время вынужденной эмиграции, решил стать врачом. Они часто бродили по окрестностям Берна: поднимались на гору Гуртен, гуляли по лесу Бремгартен и непременно пили воду из холодного ручья Глясcбруннен — места эти были любимы не одним поколением русских эмигрантов.

Однажды в дом пришел незнакомый мальчику человек. Его увидели еще через стекло входной двери — небольшого роста, крепкий, с круглой головой. То ли ложились блики от стекла входной двери — было оно оранжевого тона,— или же так падали лучи заходящего солнца, но в детской памяти осталось: и волосы, и лицо незнакомца представлялись багряными, словно он долго стоял у печи.

Гость оказался приветливым, усадил ребенка на колени, спросил родителей:

— Как его зовут?

— Фаней.

А вскоре мальчишка тормошил гостя расспросами: приходилось ли ему путешествовать когда-нибудь на Северный полюс, а если нет, то когда поедет? И, окончательно осмелев, стал задавать вопрос за вопросом, невольно раскрывая те разговоры, которые постоянно слышал в семье, где отец — издатель нелегальной литературы — совсем недавно вернулся из тюрьмы. Скоро ли свергнут в России царя? Когда Россия станет свободной? Когда же водрузят над землей «красное знамя труда»?

Гость слушал мальчика, не перебивал и наконец ответил: «Вырастешь, Фаня,— узнаешь, все расскажу тебе сам». Он несколько раз повторил, вставляя имя мальчугана, эту знакомую некрасовскую строку.

Отец сел к роялю, хотел было по своей обычной привычке передать в словах, объяснить смысл

вещей, которые собирался исполнить, но гость попросил:

— Если можно, то, пожалуйста, без комментариев.

В тот вечер звучали сонаты Бетховена, лились звуки шопеновского полонеза, гремел «Лесной царь» Шуберта — Листа...

Тихий июльский вечер. Берн 1913 года. Не пройдет и пяти лет, как все это предстанет бесконечно далеким — и для Владимира Ильича Ленина, и для тех, кто принимал его в тот вечер: для семьи Михаила Сергеевича Кедрова.

Тихий летний вечер в провинциальном Берне — он если и всплывет в памяти, то словно из другой жизни, когда под руководством Владимира Ильича Кедров станет одним из организаторов вооруженного восстания в Петрограде. И позже, когда возглавит оборону нашего Севера от интервентов. И еще позже, став председателем специальной и полномочной комиссии по борьбе с сыпным тифом, Кедров приедет в Челябинск. Чтобы попасть в помещение эвакопункта, ему придется подниматься по приставной лестнице к окнам второго этажа: в здании, рассчитанном на три тысячи человек, скопилось пятнадцать тысяч больных сыпняком: заполнены палаты, коридоры — любое пространство, и войти можно лишь через... окна.

Так было ли вообще это время, когда близился к концу долгий-долгий летний день, медленно опускалось солнце, Михаил Сергеевич играл сонаты Бетховена и Владимир Ильич сидел, слушал музыку, никуда не торопясь?

«Вырастешь, Фаня,— узнаешь, все расскажу тебе сам...» Сын Кедрова теперь академик — Бонифатий Михайлович Кедров. Весной восемнадцатого он начал работать в «Правде» техническим секретарем Марии Ильиничны Ульяновой. И тогда же, четырнадцати лет от роду, вступил в партию с рекомендацией Марии Ильиничны.

— В «Правде» я недолго был,— рассказывал Бонифатий Михайлович,— пока работал там — делал вырезки из газет, занимался почтой. Грамотный человек по тем временам очень ценился... С Марией Ильиничной мы сидели в одной комнате. Она — за большим столом с телефонами, а я — подле, за маленьким. Ког-

да Мария Ильинична выходила, отвечал на телефонные звонки...

И в те же четырнадцать лет Кедров-младший уехал к отцу — командующему Северо-Восточным участком, стал связным.

— Доставлял пакеты в Москву. Добираться приходилось когда на паровозе, когда в тамбуре, а когда и на подножке — лишь бы побыстрее отвезти донесение... Приезжаю в Москву и сразу же в Кремль. Часовой у Троицких ворот разглядывает пакет. На нем написано: «Ленину. Секретно. В собственные руки». Пропускает. В здании правительства — еще часовой. Тоже вертит пакет в руках и тоже пропускает. Так, без особых препятствий, дохожу до кабинета Председателя Совнаркома. Говорю секретарю: у меня, мол, срочное донесение для Владимира Ильича. «Давайте я передам».— «Нет,— говорю,— это я должен передать пакет, здесь так и написано: в собственные руки».

Секретарь возражал. Кедров настаивал. Наконец нашли выход. «Садитесь на мое место,— предложил секретарь. — Вот дверь в кабинет товарища Ленина. Отсюда вам будет видно, как я передам пакет Владимиру Ильичу».

Ленин разорвал конверт, расписался на нем, стал просматривать бумаги. Секретарь вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь...

Бонифатий Михайлович показывает пакет, вернее, обрывок его. Четко и ясно написано на нем: Ленин. Знакомым почерком, синим карандашом — словно вчера.

Нет, не вчера, а шесть десятилетий назад. И порог кабинета Владимира Ильича Кедров перешагнул через шестьдесят лет — только теперь впервые вошел сюда, словно до сих пор подчиняясь тому давнишнему запрету строгого секретаря, о котором вспоминает теперь с улыбкой.

...Сменяются годы, скользят вслед за ними десятилетия, и то, что было когда-то впервые, неминуемо становится привычным. И все меньше среди нас тех, кто был свидетелем и участником начала начал, когда закладывались наши праздники и наши будни.

Первый праздник первого в мире государства рабочих и крестьян был 1 Мая 1918 года. В этот день Бонифатий Михайлович Кедров вошел на Красную площадь с колонной газеты «Правда». Вызвался было нести знамя, да оказалось не под силу. Тяжелые были тогда знамена — бархатное полотнище, толстое древко — подростку и поднять его было трудно...

Если когда-нибудь напишут историю праздников, то этот, пожалуй, предстанет самым удивительным. Он был первым публичным торжеством власти рабочих и крестьян. На площадях и улицах Москвы, Петрограда, других городов происходило то, над чем спустя годы станут размышлять исследователи, утверждая, что дореволюционная маевка, которая была символом будущей свободы, стала реальным переживанием этой свободы в советском массовом празднике...

«Декрет о памятниках Республики», или, как еще именовали это решение — «Декрет о снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции», был принят Совнаркомом 12 апреля 1918 года. Он гласил: «Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день 1 Мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и поставлены первые модели новых памятников на суд масс. ...Спешно подготовить декорирование города в день 1 Мая»...

Писали лозунги и транспаранты, рисовали плакаты — тогда и соединились впервые в эскизах художников серп и молот. Энтузиасты раскрашивали во все цвета радуги торговые павильоны в Охотном ряду. Кто-то вздумал даже разрисовать стволы деревьев в Александровском саду, что до крайности возмутило Владимира Ильича. Он потребовал «смыть эту паршивую краску с деревьев». Но как ни старались — вызвали даже в Александровский сад кремлевскую воинскую часть,— смыть краску до 1 Мая так и не смогли.

Впрочем, это не остановило энтузиастов, и в следующий раз они придумали сказочное убранство для сквера на Театральной площади, подле Большого те-

атра. Деревья были закрыты лиловой кисеей, дорожки покрашены голубоватой краской, хоть и отдаленно, но напоминающей лунное свечение. И над всем этим развевалась бахрома из красных, раздуваемых ветром лент. Такими необычайными, ни с чем не сравнимыми представлялись тогда — в восемнадцатом году — и новая эпоха, и вновь рождающийся мир.

Из круга жизни, из мира прозы
Мы вброшены в невероятность.

И все, что связано с этим первым праздником, отмечено революционной романтикой, героической возвышенностью, передает неповторимость времени, где каждый шаг и каждый поступок совершаются впервые.

«Трудовым массам всех стран, всем Совдепам, всем, всем... и за границу» — таков адрес первомайского обращения ВЦИК. В нем говорилось: «В день 1 Мая мы, советские граждане Социалистической Республики, свое первое слово должны обратить к нашим братьям в других странах. Нас охватывают плотным кольцом империалистические грабители всех стран. Наша борьба неимоверно тяжела. Мы истекаем кровью. Наши братья — рабочие во всех странах должны прийти к нам на помощь. Мы взвалили на свои молодые, еще не окрепшие плечи неимоверно тяжелую ношу. Они должны разделить ее с нами». И таким же взволнованным было первомайское обращение ВЦИК к рабочим и крестьянам, гражданам РСФСР: Россия «одна посреди всеобщего рабства и человекоубийства, провозгласила право труда и объявила мир всему миру. В ней одной в этот торжественный день 1 Мая правительство будет выступать не против народа, как во всех остальных странах, а идти вместе с рабочими и крестьянами под складками красного знамени».

В Моссовете под председательством П. Г. Смидовича работала комиссия, занятая организацией празднования 1 Мая. Она постановила: «Все заводы, учреждения в этот день не работают, за исключением лиц, занятых на ж. д., электрических станциях, хлебопекарнях, на водопроводе. Усиленно работают артисты, электротехники, шоферы, милиция, оркестры и хоры...»

А Москва осталась все такой же, как и прежде, разноликой. Красной, пролетарской. «Рабочие массы в Москве приняли Совет Народных Комиссаров с энтузиазмом»,— сообщили газеты вскоре после переезда правительства. И была Москва купеческая, мещанская, настороженная и напуганная, ловящая слухи и разносящая их. Крупская писала о тех днях, что старая Москва с ее охотнорядскими лавочниками, резавшими когда-то студентов, красовалась вовсю.

Уже в день праздника, вспоминает Б. М. Кедров, неожиданно вспыхнуло большое красное полотнище, свисавшее с трамвайных проводов. И сразу же понеслось по толпе, запричитали: «Божье знамение», «Божье знамение».

— «Какое же божье знамение? — помнится, заспорил я тогда,— рассказывает Бонифатий Михайлович.— Это же от трамвайных проводов загорелось, наверняка короткое замыкание произошло...» И тотчас же ко мне обернулся молодой человек в студенческой фуражке, произнес с укором: «Юноша, это индуктивный ток, а от него ничего и никогда загореться не может». С тех пор все никак не соберусь проверить, прав ли был тот студент,— усмехается академик...

День 1 Мая в тот год был за четыре дня до пасхи, приходился на среду. И в специальном послании Всероссийского священного собора православной церкви, принятом в связи с «намерением Совета Народных Комиссаров устроить в день 1 мая н. ст. политическое торжество с шествием по улицам в сопровождении оркестров музыки», говорилось: «В скорбные дни страстной седмицы всякие шумные празднества и уличные шествия независимо от того, кем и по какому случаю они устраиваются, должны рассматриваться как тяжелое оскорбление, наносимое религиозному чувству». В самый канун праздника враждебная Советской власти газета «Заря России» извещала: «Вчера, во время всенощной, по распоряжению патриарха Тихона во всех храмах столицы священники произносили проповеди, в которых призывали православный люд великую среду проводить в молитве и посте, а не развлекаться гуляньями и советскими торжествами».

В те же дни на прием к Владимиру Ильичу попросились представители особой соборной комиссии: они

хотели в пасхальную ночь устроить в кремлевских соборах богослужение. Представителей церкви принял помощник наркома имуществ республики Е. В. Орановский. Он знал, что по городу уже давно ходят слухи, будто из кремлевских соборов и дворцов все вывезено, раскрадено. Орановский, рассказывая Ленину о беседе с церковниками, советовал разрешить им провести в соборах Кремля пасхальное богослужение. Владимира Ильича беспокоило лишь одно: не пострадают ли от большого наплыва народа памятники старины. Напомнив помощнику наркома, что вся ответственность ложится на него, Ленин пообещал назавтра же оформить официальное разрешение.

И на четвертый день после пролетарского праздника в полночь поплыл над Кремлем колокольный звон. В ворота Кремля повалил народ. «Наступила одна из тревожнейших ночей моей жизни,— писал в воспоминаниях Е. В. Орановский.— Меры охраны были приняты самые суровые, но открытая зона была совершенно свободна, и могло произойти всякое. Гудели колокола Ивана Великого. Стрелки в оцеплении пускали боевые световые ракеты. Кремль поминутно озарялся голубым сиянием. Все было усыпано огнями пасхальной иллюминации. Убедившись, что все необходимые меры приняты, я прошел к дверям Успенского собора к моменту выхода процессии с хоругвями и издали смотрел, как в последний раз (это было несомненно) совершался древний «языческий» обычай... «Последний раз ходят»,— услыхал я вблизи знакомый голос Владимира Ильича. Он с некоторыми товарищами также пришел посмотреть на последний выход пасхального церковного парада из Успенского собора. Все кончается. Кончилась и эта тревожная ночь, и кончилась благополучно».

Во второй половине апреля в кабинете Владимира Ильича побывал глава американской миссии Красного Креста в России полковник Раймонд Робинс. И во время этой встречи речь тоже шла о первомайских празднествах. Отнюдь не враждебно настроенный к русской революции, Робинс выполнял дипломатические поручения, осуществляя связь между США и РСФСР. Теперь он пришел затем, чтобы дать добрый совет Владимиру Ильичу:

— Я хотел поговорить с вами относительно празднования Первого мая. Мне говорят, что в этот день произойдут большие беспорядки. Я думаю, было бы лучше не устраивать парадов и шествий. Все это будет стоить больших средств, а Россия ведь бедная и голодная, и, кроме того, будет стрельба и жертвы. Да и вообще, какое это имеет отношение к организации труда?

Ленин удивленно взглянул на Робинса:

— Мы не отказываемся от труда, но мы не откажемся и от празднования Первого мая. Всегда в день Первого мая в течение многих лет мы выступали во имя грядущей революции. Теперь Советская республика в первый раз будет праздновать Первое мая во имя свершившейся революции. Мы должны праздновать и устроить шествие. Многие из нас, быть может, будут маршировать босиком, но все-таки мы будем маршировать...

И еще раз пожаловал к Владимиру Ильичу американский полковник — в самом конце апреля. Робинс вновь высказал опасения:

— Видите, как я говорил, так оно и есть. Первого мая обязательно произойдут беспорядки. Я могу вам привести один пример. Мои служащие заметили из окна, что в один дом по улице, где будет проходить манифестация, вносили гроб. Через некоторое время другой гроб внесли в то же здание. Они продолжали следить и всего насчитали семь гробов. Кому-то из них удалось заглянуть в тот дом, и оказалось, что в гробах — пулеметы. Вот видите, что готовится Первого мая.

Ленин сейчас же что-то записал.

Приказ военного комиссара Москвы, публиковавшийся газетами в канун праздника, гласил:

«Праздник Интернационала, объединение трудящихся всего мира, праздник 1 Мая есть светлый, красный, революционный праздник духа...

Не должно быть нигде ни единого выстрела!

Пусть у стройных военных колонн винтовки будут мертвы и немы целый день!..

И пусть ни один негодяй не стреляет из-за угла, из окон или крыш: он и домовый комитет будут беспощадно наказаны».

«Да, празднование Первого мая было официальным. Его праздновало государство...— продолжает зна-

кому нам уже запись А. В. Луначарский.— Но разве не упоительна сама идея, что государство, доселе бывшее нашим злейшим врагом, теперь — наше и празднует Первое мая как свой величайший праздник...» В этом и была суть: из подпольного праздник стал государственным. Это и было внове — для его устроителей, для его участников и для Владимира Ильича...

Солнце поднялось над Замоскворечьем, шагнуло через Москву-реку, проскользнуло между зубцами кремлевской стены, прошло дозором по склону Тайницкого холма, высветив все, что еще недавно было в тени, и утонуло, растворилось в позолоте куполов. Двумя светлыми полосами — от окон через всю комнату — легли солнечные лучи в кабинете Владимира Ильича... Так бывает каждый день, так было и в тот, далекий. Поднялось солнце, и начался праздник.

Нет, он начался еще раньше — в полночь. Ровно в двенадцать часов над темным, казалось бы, надежно заснувшим Кремлем поднялась ракета. Ударили медные тарелки, и полилась величественная мелодия «Интернационала». В самом центре Кремля, перед зданием судебных установлений, выстроился головной революционный латышский отряд с оркестром музыки впереди. Это им принадлежала идея встретить 1 Мая сразу же с наступлением новых суток.

Поднялась ракета и погасла. Кто-то поздравил в темноте латышских стрелков с праздником трудящихся, кто-то предложил встретить праздник «пролетарской молитвой — «Интернационалом». Громовое «Ура!» покрыло эти слова. Загремел оркестр, взвилась ракета, наступил праздник — праздник бедноты, праздник рабочих»,— сообщали московские газеты.

По-разному приходилось Владимиру Ильичу встречать этот день. В Петербурге, в одиночной камере дома предварительного заключения, переправив на волю текст первомайской листовки. Встречал праздник в богом забытом Шушенском. Вместе с Надеждой Константиновной, двумя другими политическими ссыльными отправились за околицу, прихватив с собой собаку Женьку. Идти надо было вдоль речки Шуши. По реке шел лед. Женька забиралась по брюхо в ледяную

воду и вызывающе лаяла по адресу мохнатых шушенских сторожевых собак, не решавшихся войти в такую холодную воду. Когда поднялись на сухой пригорок, один из ссыльных товарищей вытащил из кармана красный носовой платок, расправил его на земле, встал на голову. И много пели.

День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь раздайся удалая!
Забастуем в этот день!

«А вечером мы с Ильичем как-то никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых мы когда-нибудь примем участие...»— писала Крупская, вспоминая Первое мая в сибирской ссылке.

В годы второй эмиграции шел, бывало, в первомайских колоннах по парижским мостовым. Скромно одетый, невысокий и неприметный на первый взгляд русский эмигрант шагал в ногу с французскими рабочими.

Майский номер «Парижского вестника» за 1911 год извещал, что в пятницу 12 мая, накануне русского 1 Мая, на авеню де Круази, 190, состоится митинг — выступит Ленин. И здесь же — сообщение о том, что эмигрантской кассой устраивается литературно-музыкальный вечер на бульваре Распай, 93, с участием Гастона Монтегюса. Они и познакомились на таком вечере — Ленин и любимец рабочих кварталов, озорной и мужественный шансонье Монтегюс.

Парижские газеты писали, что свои песни он исполняет нервами. А вот портрет Монтегюса, который оставил нам Ю. М. Стеклов в своей книге, посвященной, как писал он сам, «певцам трудового царства Франции»:

«Это настоящий сын Монмартра, истый парижанин, нервный, жилистый, сухопарый, дерзкий на язык и чертовски смелый... Выступает он обыкновенно в костюме парижского гамена, в духе и на жаргоне которого написаны его произведения, а еще чаще в костюме солдата дисциплинарного батальона, печальную долю которого он воспевает. Все это в связи с его выразительной мимикой, живой жестикуляцией, грудным, то

глуховатым, то резким голосом, а главное — с содержанием его песен, так понятных и близких массе и по сюжету, и по стилю, производит на слушателей сильнейшее впечатление».

Ленин и раньше бывал на концертах Монтегюса, любил напевать его песню «Салют вам, солдаты 17-го полка» — обращение к солдатам, отказавшимся стрелять в стачечников. А встретившись друг с другом, они сидели до глубокой ночи, говорили о мировой революции. Крупская писала: «Сын коммунара и русский большевик — каждый мечтал об этой революции по-своему».

Революция победила в России, и велики ожидания мировой революции. А Монтегюс давно уже перестал быть певцом рабочих кварталов — изменил им. Впрочем, песни его остались. И быть может, первомайским утром восемнадцатого года Ленин повторил вновь: «Салют, салют...» Как бывало уже прежде, взялся за деловое письмо, написал: «Salut, salut à vous...» — и словно вспышкой памяти осветилось то, что было дорого: «Эх, послушал бы я теперь Montégus'a».

Вспомнил или нет — кто поручится теперь. Но, наверно, подумал — не мог скорее всего не подумать — о тех, кто не дошел до этого дня. Одни пали жертвой реакции. Другие не выдержали, отошли, иные — теперь враги...

Нам неизвестно, как начал это утро Владимир Ильич: зашел ли в кабинет посмотреть газеты, почту, а быть может, сразу же из квартиры спустился вниз... Об этом ленинском дне известно во многих подробностях с той минуты, когда он вышел из парадного подъезда здания судебных установлений. Не было еще десяти часов. Возможно, Ленин намеревался пройтись до начала празднеств, взглянуть на Замоскворечье с вершины Боровицкого холма.

Оказавшись, однако, на улице, Владимир Ильич увидел, что на площади собралось много народу. И все они двинулись к памятнику С. А. Романову. Свидетелем этого эпизода был В. Д. Бонч-Бруевич, в своих воспоминаниях он писал:

«Я говорю о низвержении небольшого памятника ненавистному как в Москве, так и во всей трудовой России великому князю Сергею Александровичу, уби-

тому в 1905 г. бомбой И. П. Каляева на Сенатской площади в Кремле...

И вот, когда настал радостный красный праздничный день Первого Мая 1918 г... прежде чем идти на демонстрацию на Красную площадь, рабочие, красноармейцы и служащие кремлевских учреждений, собравшись вместе и готовые строиться в колонны, вдруг по чьей-то инициативе двинулись к памятнику Сергея Александровича, где-то достали веревки, веревками обвили эту небольшую колонну и приготовились его низвергнуть...

— Что это такое? — спросил Владимир Ильич.

— Да вот, наши товарищи решили очистить площадь от этого ненужного памятника, — ответил кто-то Владимиру Ильичу.

— Это прекрасно! — сказал Владимир Ильич. — Давно пора было бы убрать отсюда этот никому не нужный хлам».

Автор воспоминаний не претендует, очевидно, на буквальное воспроизведение слов Владимира Ильича: он пишет спустя много лет. Но смысл передан, надо полагать, верно. Об этом же эпизоде рассказал и архитектор Н. О. Виноградов. Он вспоминал, что Ленин обратился с укором к коменданту Кремля Малькову, указывая на памятник: «Хорош! До сих пор не убрал это безобразие».

Ленин взялся за веревку. И все собравшиеся одним сильным рывком сдвинули памятник с места. Колонна опрокинулась и разбилась на несколько кусков.

В газетах же тех дней читаем: «К $9^1/_2$ утра группа сотрудников Всероссийского Центрального Комитета и Совета Народных Комиссаров, построившись в колонны, двинулась с пением песен на Красную площадь».

Владимир Ильич поднялся на кремлевскую стену. Отсюда были видны приближающиеся к Красной площади колонны демонстрантов, был виден празднично украшенный город.

Красные зори,
Красный восход,
Красные речи
У Красных ворот
И красный — на площади Красной
Народ.

Первого мая Владимира Ильича видела на кремлевской стене Зельма Микелевна Бауде — тогда десятилетняя дочь помощника коменданта Кремля.

«Мама, мой брат и я приехали вслед за отцом из Петрограда,— рассказывает Зельма Микелевна.— Папа был латышским стрелком, его избрали помощником коменданта товарища Малькова. А мы жили вместе с ним в Кремле. Самой большой ценностью нашей семьи была швейная машина — мама еще прежде ее купила. Теперь мама шила на этой машинке флаги. И первым был сшит, я думаю, флаг, который укрепили над Екатерининским залом Кремля, над куполом этого зала, где и сегодня поднят государственный флаг.

Первого мая отец постриг свои усики, прикрепил красный бант и надел шапку — ее он тоже обвил красной лентой. Отец был готов идти на праздник... А мы побежали вместе с братом через длинные коридоры Совнаркома на кремлевскую стену. И там увидели Владимира Ильича. Родители не разрешали нам подходить к Ленину, запрещали его беспокоить во время прогулок. Но обычно, увидев ребят, Владимир Ильич сам подзывал нас к себе. На этот раз Ленин нас не заметил. Он шел по стене совсем один, останавливался, смотрел в глубокой задумчивости на площадь, шел дальше, опять останавливался и все время о чем-то думал...»

А праздничные колонны вступали в то утро не только на Красную площадь. Двигались они и по Петрограду. «К Марсову полю потянулись ленты процессий. Город был роскошно декорирован,— сообщали «Известия ВЦИК». — Вдоль всего Невского проспекта, по всем мостам через Неву тянулись гирлянды красных флагов. Памятники бывших царей закрыты полотнищами красной материи... По постановлению Центральной Управы Петербургского Продовольственного Совета хлебный паек увеличивается 1 мая до четверти фунта на человека».

Праздновал Витебск. «1 Мая состоялась грандиозная манифестация войск всех родов оружия и рабочих. Настроение праздничное. Гордо колышутся плакаты с советскими лозунгами. В воздухе парят аэропланы, украшенные красными лентами».

Праздновал Златоуст. «В городе идут манифестации, устроенные уездным Совдепом. Правые эсеры и меньшевики участия не принимают. Накануне по городу распространились прокламации — долой большевиков. Успеха они не имели».

Вязьма. «На знаменах лозунги коммунистов о полной поддержке Советской власти. Черные контрреволюционные силы в этот день рабочего праздника себя ничем не проявили».

Красноярск. «Манифестировали все профессиональные союзы, революционные войска и социалистическая организация военнопленных. Основан фонд постройки дворца Коммунистического Интернационала».

...Ленин шел по стене совсем один, останавливался, смотрел в глубокой задумчивости на площадь, шел дальше, опять останавливался и все время о чем-то думал... «В многой мудрости — много печали» — слова эти Горький обратил к Владимиру Ильичу. И он же писал, что Ленин мог и умел смотреть на настоящее из будущего. Он, как никто другой, умел предвидеть то, что должно быть. Он умел и мог делать это потому, что половиною великой души своей жил в будущем, предвидя отдаленное будущее в формах совершенно конкретных, реальных формах. Какой видел Владимир Ильич в то первомайское утро праздничную Москву будущего, Москву конца XX века, к которой мы привыкли сегодня?

Бонифатий Михайлович Кедров вошел на Красную площадь с колонной газеты «Правда». Сперва двигались к Театральной площади, потом шли через Воскресенскую (теперь площадь Революции) и поднялись к Моссовету — на Скобелевскую площадь. Здесь выступали ораторы, а следом появились артисты в костюмах разных национальностей, вышла крестьянка, выбежали мальчишки с граблями, серпами и встали по краям воины с красными знаменами.

Еще спускаясь по Тверской-Ямской, пели песни. А на Красной площади слышно лишь, как играет оркестр «Вы жертвою пали». Прямо над трибуной по кирпичу стены плакат: «1 Мая 1918. Слава павшим борцам пролетарской революции». Лобное место затянуто

черной материей. Колонны движутся вдоль кремлевской стены, братских могил, и здесь склоняются знамена.

Кедров еще долго оставался на площади. Слушал выступление Владимира Ильича, стал свидетелем и такого эпизода:

— Спустившись с трибуны, Ленин сел в машину, где были Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Они, очевидно, собирались ехать дальше,— рассказывает Кедров.— Машина уже было тронулась, когда откуда-то появился худющий молодой человек. Подбежал к автомобилю, вскочил на подножку и принялся кричать. Произошло это очень неожиданно, и все как-то растерялись. Я видел, что только Владимир Ильич пытался в чем-то урезонить молодого человека. Но тот продолжал кричать и размахивать фуражкой. Тогда Ленин положил ему руки на плечи, очевидно, чуть нажал, и молодой человек соскользнул с подножки. Машина сразу же уехала... На другой день я спросил у Марии Ильиничны, что происходило на площади. «Там был какой-то ненормальный,— ответила Мария Ильинична.— Вы знаете, что он придумал? Приказывал шоферу: «Поезжайте, а я буду кричать: «Да здравствует вождь мировой революции!» Посудите сами, кто, как не сумасшедший, мог вообразить такое».

...В кремлевской квартире Ульяновых хранится альбом — собрание фотоснимков тех лет. Аккуратно наклеены на серые листы большого формата фотографии, четко выведены подписи под ними. Альбом открывается снимками, сделанными 1 мая 1918 года. Проходят по Красной площади войска. Марширует отряд интернационалистов — строки газетного репортажа могли бы стать подписью к этой фотографии: «Среди однообразной массы дефилирующих войск выделяется отряд военнопленных в несколько сот человек. Стройно проходят они мимо могил, обнажив головы. Стяг их салютует павшим борцам за свободу. Единодушный крик «Ура!» вырывается из груди тысяч зрителей, окружающих плотным кольцом Красную площадь...»

На фотографиях в альбоме — демонстранты подле Большого театра; группа детей, а рядом учитель, над всеми транспарант: «Да будет наше будущее светло

и ясно, как весенний день»; запруженные народом площади.

В разных концах города побывала в этот день машина Владимира Ильича, пробираясь по улицам, ставшим тесными от праздничных колонн. В центре машину остановили рабочие Сущевско-Марьинского района. «На Неглинном проезде они встречаются с автомобилем Ленина,— писала «Правда».— Ленина поднимают на руки, и он произносит коротенькую речь о значении международного праздника».

Отсюда — на самую окраину Москвы, почти за город — на Ходынское поле. Здесь 1 мая восемнадцатого года должен был состояться парад Красной Армии.

«Огромное Ходынское поле по краям установлено шеренгами Советской Армии. Линия войск начинается у ангаров и, идя параллельно Петроградскому шоссе, сворачивает прямым углом на высоте Всесвятской рощи и идет параллельно лагерю.

В центре поля группа штатской и военной публики. В середине виднеется приземистая фигура в барашковой шапке и шубе с барашковым же воротником.— Это Народный Комиссар В. И. Ленин. Ленин пошел. За ним двинулась толпа. В толпе снуют фотографы и щелкают затворами, запечатлевая на пластинках представителей народной власти».

В толпе снуешь и ты, мой коллега, репортер из года восемнадцатого, это твои строчки повторяю я сейчас. Тебе, как и всем собравшимся на Ходынском поле, все здесь внове. Даже название — Красная Армия. Посмотри, ты впопыхах написал в своем репортаже — Советская, неожиданно предугадав, как она станет называться потом, четверть века спустя. Ты любил детали, старался передать читателю то, что видишь; заметил черный барашковый воротник — так и написал: «барашковый». А мне интересно сегодня узнать, что весна в восемнадцатом году, очевидно, выдалась поздней, если и 1 мая Владимир Ильич был одет по-зимнему.

Пройдет еще немало лет, пока ты усвоишь истину: журналист, как и сапер, ошибается лишь однажды. А тогда ты мог позволить себе весьма вольное обращение с протоколом — вместо «Председатель Совета

Народных Комиссаров» писал: «Народный Комиссар В. И. Ленин». И на следующий день, на планерке очередного номера, тебе, наверное, не пришлось давать объяснений. На оплошность эту, скорее всего, никто не обратил внимания, иначе исправили бы еще в гранках...

Вижу, как поспешаешь ты с Ходынского поля. В редакции, сев за «Ундервуд», примешься отстукивать двумя пальцами свой первомайский репортаж. И не будет минуты задуматься, что репортаж этот — первый в истории репортаж о первом советском празднике... Какая уж тут история: прибежал снизу метранпаж, торопит, грозится выбросить из полосы. И ты, не успевая выправить материал (хоть бы пропущенные буквы вставить!), будешь бегать, кряхтя и чертыхаясь, в наборный цех, бросая в его пасть по страничке.

...В дни праздников мы тоже торопимся в редакцию — как бы не нарушить график выпуска номера. Машины со специальными пропусками поджидают нас недалеко от площади. Надо побыстрее внести поправки, уточнить праздничный репортаж — он написан несколько дней назад в точном соответствии с программой предстоящего мероприятия. Теперь надо отразить те изменения, которые внесла жизнь,— иногда заметные, а чаще жизнь полностью согласуется с программой. Еще надо поспеть в бюро проверки — в книгах, газетах, журналах найти подтверждение фактам, о которых напишешь... Очевидно, коллега, ты работал как-то иначе над своим репортажем: в каждом слове — накал времени, в каждой фразе — дух эпохи.

«Задорно несутся звуки «Интернационала», звенят, возбуждают. Как рокот грядущей грозы, как намеки надвигающейся мировой бури где-то вдали гремит «Красное знамя». Присматриваюсь к толпе. Она не пестрая, не празднично фланирующая, она из тех, кто не на словах, а на деле кидает вызов старому миру насилия и гнета. Песни, знамена, лица, взоры, процессии — все напоено мыслью о мировом счастье, о коммунизме, все звучно, красочно поет гимн пролетарскому идеалу, зовет к борьбе, сеет надежды на конечную победу».

Так писал мой коллега — репортер из года восемнадцатого. Лихо писал!

И было в этот день еще одно событие, о котором пора рассказать.

«Комиссариат Кремля совместно с культурно-просветительной Комиссией Головного Революционного отряда латышских стрелков и Коммунистическим отрядом латышских стрелков устраивают в день 1 Мая в Екатерининском зале (здание судебных установлений) *концерт-митинг.*

...Начало в 8 часов вечера.
Вход бесплатный.
Организаторы».

Ленин, наверное, только вернулся с парада на Ходынском поле, когда к нему пожаловала делегация латышских стрелков. Владимир Ильич обещал прийти на митинг-концерт. Появился вместе с Крупской, а с ними и Свердлов. Пришли в Екатерининский зал, который после кончины Якова Михайловича станет носить его имя. В Свердловском зале вручают теперь международные Ленинские премии «За укрепление мира между народами» — здесь и встречал Владимир Ильич праздник международной солидарности трудящихся.

Об этом вечере написано много воспоминаний. Известна программа концерта. Певец В. А. Люминарский исполнял «Вниз по матушке по Волге», и Ленин долго аплодировал ему. Выступала М. М. Блюменталь-Тамарина. Известная латышская актриса, тогда еще совсем молодая, Паула Балтабола читала стихи Райниса «День страшного суда». Читала по-латышски. А Ленин так внимательно слушал актрису, что ей казалось — Владимир Ильич понимает каждую строчку и каждое слово.

Ленин произнес на вечере короткую речь — по крайней мере третью за этот день: на Красной площади, в Неглинном проезде и теперь, в Екатерининском зале... Речь Владимира Ильича никто не записывал, но собравшиеся запомнили ее. У Ленина не было другого такого выступления: в тот вечер Владимир Ильич говорил о себе, вспоминал, рассказывал, как приходилось, бывало, встречать первомайский праздник. Говорил о Шушенском. «...Пошли за околицу, прихватив с собой собаку Женьку... По реке шел лед... Много пе-

ли в тот день... А вечером никак не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых примем когда-нибудь участие...»

Каким же взволнованным, трогательным до слез должен был быть этот день — 1 Мая восемнадцатого года, чтобы на излете его Ленин заговорил о себе! По наблюдению современников, он, как никто другой, умел молчать о тайных бурях своей души.

«Вечером в здании судебных установлений состоялся бесплатный митинг-концерт,— сообщали на следующий день газеты.— С речью выступил Ленин, Свердлов и ряд ораторов на латышском языке. Вечер закончился пением «Интернационала» и «Марсельезы».

Поздним вечером этого же дня Владимир Ильич заглянул в свой кабинет, присел за стол или облокотился, прикрыв ладонью лоб. Старался сосредоточиться, пригасить впечатления от бесконечно яркого минувшего дня, подумать о главном...

«Поющая Москва... поющий Ленин»,— пометил в записной книжке Джон Рид. Ленин любил революционную песню, любил слушать и пел сам. Как много песен было спето сегодня! Революционная песня — всегда мечта, всегда надежда на победу. А сегодня знакомые слова звучали, пожалуй, иначе.

Здесь она, в кабинете, как и в минувшие годы, вместе с ним, эта небольшая, повидавшая виды книга. Сколько дорог пройдено с ней! Эжен Потье, французское издание. В этой книжечке впервые опубликован «Интернационал». Издание 1887 года. 1887-й—казнь брата... «В декабре 1887 г. я был первый раз арестован»,— напишет о себе Владимир Ильич. Минуло три десятилетия — и слова «Интернационала» сегодня звучали иначе. «Мы наш, мы новый мир построим...» Строительство нового мира началось. «Кто был ничем, тот станет всем...» Они встали в колонны демонстрантов, пришли на Красную площадь — те, кто стали всем. И никто не решился им помешать: они разрушили мир насилия, разрушили до основания...

Мысль стремительно рождает действие. Где же перо? И набрасывает записку своей крупной, несущейся вперед скорописью. (Бисерный почерк, ровные строчки — на страницах рукописи словно каждая буква заключает в своей оболочке заряд сосредоточенности,

напряжение мысли. А крупная скоропись — когда все очевидно, само собой разумеется, не надо тратить и минуты на размышление, можно писать, не отрывая пера от бумаги.)

Записка, которую набросал в тот вечер Владимир Ильич, была адресована заместителю наркома имуществ республики П. П. Малиновскому.

«Почему, вопреки постановлению СНК и несмотря на безработицу (и несмотря на 1. V),

не начаты в Москве работы

1) по *хорошему* закрытию царских памятников?

2) по снятию царских орлов?

3) по подготовке *сотен* надписей (революционных и социалистических) на *всех* общественных зданиях?

4) по постановке *бюстов* (хоть временных) разных великих революционеров?»

И не поставил даты, даже не расписался в конце. Важно было именно сейчас, в эти последние мгновения уходящего дня, изложить на бумаге то, что беспокоило и возмущало, освободиться сегодня, чтобы не возвращаться к этому завтра поутру...

Глубоко уверен — все было именно так, но ручаться, к сожалению, не могу. Вы обратили внимание — записка осталась недатированной? В 50-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина, где публикуется этот документ, указываются даты: «Написано между 1 и 13 мая 1918 г.». Владимир Ильич пишет: «...несмотря на 1.V»,— следовательно, документ не мог появиться ранее 1 мая. А спустя две недели, 13 мая, Ленин по этому же поводу телеграфировал в Петроград Луначарскому, вновь упрекая в бездеятельности Малиновского, но теперь критикуя иже с ним и Анатолия Васильевича.

Таково обоснование этих дат — между 1 и 13 мая.

Мне же по-прежнему кажется, что записка была написана поздним вечером 1 мая,— она подводит своеобразный итог этому дню.

После митинга-концерта в Екатерининском зале Надежда Константиновна и Владимир Ильич отправились еще на один первомайский вечер — туда, где недавно жили — в I Дом Советов. Кстати, там исполнялись в концерте любимые Лениным песни Беранже — еще один повод вспомнить молодость, былое.

Возвращаясь ночью в Кремль, Ленин видел, как полощутся флаги, вздымаются от порывов ветра транспаранты. Словно алая заря стояла весь день над Москвой — столько было красных знамен, кумача.

Красные зори,
Красный восход...

Но вот и закончился день, который вобрал в себя и радость, и величие победы. Завтра утром Москва станет прежней. Но Москва не должна оставаться прежней — город победившей революции, столица рождающейся вновь страны.

Надписи на зданиях, памятники выдающимся революционерам — это могло бы в какой-то мере изменить лицо Москвы. Декрет о памятниках Республики приняли в Совнаркоме еще 12 апреля. Там, между прочим, говорилось не только о декорировании города к 1 Мая — с этим, слава богу, справились. Помните, предлагалось заняться памятниками — снять некоторые наиболее уродливые истуканы и поставить первые модели новых памятников на суд масс. А кроме этого — осуществить замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов новыми, отражающими идеи и чувства революционной России... Постановить постановили, а сделать — куда уж там! — почти ничего не успели...

Ежедневная, а нередко ежечасная забота о подвозе хлеба или, скажем, постоянная напряженная работа по созданию государственного аппарата — это были дела, о которых напоминала, с которыми торопила сама жизнь — сама подхлестывала и подгоняла. Но подобного не скажешь о ленинском плане монументальной пропаганды. Да и на нашей памяти мало ли примеров, когда энтузиасты подобных занятий вызывали раздражение, навлекали на себя упреки: не понимают задач первоочередной государственной важности, стараются уйти в сторону от неотложных дел — хоть и были эти дела, заметим, куда как менее неотложными, чем в первые годы нашей революции.

В жестоко трудном восемнадцатом году найти время, силы, средства для монументальной пропаганды, обратиться мысленно к утопии Томмазо Кампанеллы, к его Городу Солнца, где на стенах домов сделаны

надписи и рисунки,— все это могло быть результатом лишь глубоко личной инициативы Владимира Ильича, а значит, отражало ход его раздумий, состояние духа.

В тот поздний час первомайского вечера мысль Владимира Ильича сама собой обращается к Декрету о памятниках Республики. Ленинский план монументальной пропаганды и первые советские праздники — они изначально были вместе. В декрете говорилось о праздновании 1 Мая, а открытие памятников революционерам станет неотъемлемой частью первых советских праздников. Праздники эти были не только устремлены в будущее, они посвящались и памяти тех, кто не дошел до победы: «1 Мая 1918. Слава павшим борцам пролетарской революции». Памяти революционных мыслителей и борцов был посвящен прежде всего план монументальной пропаганды.

Самое тяжелое потрясение юности Владимира Ильича — казнь брата. И навсегда остались невысказанными эта боль и это горе. Откройте пятидесятипятитомное собрание сочинений Ленина, вы не найдете там упоминания о брате — ни в одной статье, ни в одном выступлении. Обвиняя царизм, Ленин никогда не вспоминал вслух об Александре; размышляя о революционной стратегии и тактике, говоря, наконец, о революционном мужестве, он никогда не приводил в пример брата. Слишком глубока была эта боль, велико горе, чтобы поминать о нем к случаю. Слишком суров и обширен был счет революции, чтобы подкреплять его гибелью одного человека, хотя и твоего брата, трагедией одной семьи, хотя и твоей...

Долог и тяжел был путь к победе. Сколько трагедий, слез, невозвратимых утрат на этом пути... Вспомните, повторите мысленно путь русских революционеров — и вам многое станет понятным, откроется величие и передастся радость того дня, когда и на их улицу пришел праздник...

Рука берет перо, и ложатся на бумагу строки ленинской скорописи: «...почему... не начаты в Москве работы... по *хорошему* закрытию царских памятников... по постановке *бюстов* (хоть временных) разных великих революционеров?»

Поздним вечером Ленин в своем кабинете. Давно уже смолкли песни и отгремели оркестры, кончился

день, к которому так долго шли. Но есть большее — любого дня и даже эпохи — память, благодарная память потомков.

Случается, что в нынешних сценариях, рассказах, статьях ленинское занятие делами монументальной пропаганды подается как некая исключительность характера Владимира Ильича: полюбуйтесь, мол, наряду с главными, архиспешными, неотложными важнейшими, первоочередными государственными заботами обращал внимание и на эту сторону жизни. Но правы ли мы, берясь расставлять дела государственные в строжайшем порядке алфавита — от «А» до «Я»? Порядок и значимость их определяет взгляд того, кто занят этими делами. Отдать почести героям и мученикам русской революции — немедленно, не ожидая наступления времен, когда будешь сыт и счастлив, а именно теперь, лишь поднявшись на первую ступень победы,— было чрезвычайно важно. Нет, не во имя павших, а ради живых, кому посчастливилось оказаться на празднике свободы. Во имя того, какими будут победители, что сочтут непременным для себя, а что окажется для них неважным. Именно в те времена, которым дано еще очень долго поражать человечество суровой однозначностью своих решений, именно тогда на обелиске в Александровском саду, где прежде красовались имена династии Романовых, появились имена революционных мыслителей: рядом с Марксом и Энгельсом, Либкнехтом, Жоресом, Чернышевским, Бакуниным и Плехановым — Лассаль, Мелье, Прудон, чей жизненный путь сегодня представит себе, очевидно, не каждый наш современник.

Планом монументальной пропаганды называем мы предложения Владимира Ильича той поры. Но разве только этим исчерпывается их суть? Они отражают решающую черту нравственного облика самого Ленина — стремление отдать должное всем поколениям революционеров, всем, кто были прежде.

Изо дня в день, со свойственной ему настойчивостью будет добиваться Владимир Ильич выполнения декрета о памятниках Республики. «Удивлен и возмущен бездеятельностью... в деле подготовки хороших цитат и надписей на общественных зданиях Питера и Москвы...» — телеграфирует 13 мая Луначарскому. В июле вновь напомнит, что проволочка с этим делом

непростительна, потребует от Наркоматов просвещения и имуществ незамедлительно представить сведения о выполнении декрета. Еще одна телеграмма, в сентябре, Луначарскому. Ленин возмущен до глубины души: «...месяцами ничего не делается: до сих пор ни единого бюста, исчезновение бюста Радищева есть комедия. Бюста Маркса для улицы нет, для пропаганды надписями на улицах ничего не сделано». А вскоре не менее резко выскажется в адрес президиума Московского Совета, который никак не мог договориться с Наркоматом просвещения: «Если Комиссариат народного просвещения «не выдает бюстов» (когда Вы требовали? от кого? копия и документ? когда Вы обжаловали?),— Вы должны были *бороться за свое право*. А «снять с себя ответственность» — манера капризных барышень и глупеньких русских интеллигентов».

В конце концов дело сдвинулось с места. Открытия памятников революционерам были торжественны и многолюдны.

Ленин поднимается по ступеням Лобного места — здесь был поставлен памятник Степану Разину.

— Много жертв принесли в борьбе с капиталом русские революционеры,— скажет тогда Владимир Ильич.

Он распишется на металлической пластине, которую положат в основание будущего памятника «великому вождю и учителю пролетариата Карлу Марксу».

Ленин станет настаивать, чтобы уже в первую годовщину Октябрьской революции — именно в первую, а не позже — была открыта на Красной площади мемориальная доска. Эту доску выполнит С. Т. Коненков: темно-красное знамя и зеленую ветвь несет Гений. За его плечами поднимается солнце, и в лучах слова: «Октябрьская, 1917 революция. Павшим в борьбе за мир и братство народов».

Ленин снимет покрывало с этой мемориальной доски и скажет на митинге в честь ее открытия:

— Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием; эта почесть состояла в том, что по телам доблестно павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обеспечивших этим героизмом массы победу.

Прочтите еще раз эти слова: «Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием». Величайшей почестью для всех, кто шел когда-нибудь дорогой революционной борьбы, стала победа Октябрьской революции. Ей дано воплотить представления и мечты о достоинстве человека, его свободе и счастье. Подумайте сами, как это важно — очень ко многому обязывает.

В кабинете Ленина, на письменном столе, телефонный алфавит Владимира Ильича. Рукой секретаря записаны номера: Дзержинский — 00-7, «Правда» — 00-3. Телефон редакции «Правды» — он, очевидно, знаком Бонифатию Михайловичу?

Кедров задумывается.

— Нет... Я запомнил лишь коммутатор Моссовета: 64-20. Там работала моя мать, и я помню этот номер телефона.

Называя цифры, Бонифатий Михайлович сосредоточен и напряжен: ему хочется восстановить в памяти хоть один из давным-давно забытых телефонных номеров той поры.

Мальчик на коленях Владимира Ильича — четырнадцатилетний связной, доставивший в Кремль пакет с фронта,— сегодняшний ученый, физик, философ, историк науки... Непредсказуемо будущее в конкретной судьбе каждого из нас, но неповторимо и былое. Беседуешь сегодня с академиком, и никак не удается даже мысленно соединить с ним, представить себе того мальчугана, который тормошит расспросами Владимира Ильича.

Жизнь залегает словно бы пластами, и кажется, что один ни в чем не соприкасается с другим, надежно изолирован, и в этом, быть может, одна из форм самосохранения. А в то же время прошлое живет в тебе. В каждом из нас лежит не только груз, но концентрируется и энергия прожитых лет, это она приводит в действие память и во многом управляет разумом.

По-разному напоминает прошлое о себе — чаще всего неожиданно и властно. То появляется необходимость непременно вспомнить номер телефона, теперь, казалось бы, ничего не значащий. А то возникает не-

преодолимое желание вернуться туда, где был когда-то. Бонифатий Михайлович Кедров испытал подобное, приехав в наши дни с научной командировкой в Швейцарию. Нужно было заручиться помощью не одного, а многих людей, чтобы открыть двери, войти в старую квартиру Кедровых — Мульденштрассе, 57 (теперь и улицы такой в городе нет: переименована в Салиштрассе). И все-таки Бонифатий Михайлович открыл двери той квартиры. И оказался в совершенно чужой ему комнате — но когда-то же стоял посреди нее рояль отца. Взглянул на стену, оклеенную незнакомыми обоями,— но когда-то был подле нее диван, и на нем сидел в тот вечер Владимир Ильич.

Значит, все-таки не ушел в небытие тот тихий летний вечер в провинциальном Берне. О нем вспомнят, и не раз. Весну 1920 года Михаил Сергеевич Кедров встретит в Архангельске, совсем недавно освобожденном от белых. И 23 апреля «Известия Архангельского Губ. Ревкома и Губкома РКП(б)» будут публиковать материалы, посвященные пятидесятилетию Владимира Ильича, среди них статью Кедрова «Ленин и Бетховен». Михаил Сергеевич рассказывал о том, как во времена эмиграции бывал Владимир Ильич на музыкальных вечерах, приходил к товарищам-музыкантам, мог часами слушать Бетховена. «И музыкант, полагавший, что бетховенская музыка доступна только для избранных, и потому снабжавший всякое произведение вступительным, не всегда вразумительным, словом, вызывал обычно замечание Владимира Ильича: «Пожалуйста, без комментариев»... Кедров писал: «В товарище Ленине мне хотелось бы отметить одну черту, которую никто из касавшихся его биографии не указывал: отношение Владимира Ильича к музыке». Как утверждает известный исследователь С. Д. Дрейден, эта статья была первым упоминанием в печати о любви Ленина к музыке.

Мы не всегда замечаем, а значит, и не всегда задумываемся, как сказывается на каждом из нас однажды пережитое. Это и естественно: у человека нет ни времени, ни сил рассматривать сквозь увеличительное стекло каждый свой поступок. Пласты жизни, которые залегают в тебе, и без того непременно сомкнутся, напомнят о себе, регулируя поступки, определяя решения. Лишь бы не было нужды отделять один пе-

риод своей жизни от другого памятенепроницаемыми перегородками, лишь бы не было нужды видеть секрет самосохранения в том, чтобы не поминать былое... Как элементарно все это и очевидно, даже мыслью не назовешь, скорее всего аксиома. Но как бесконечно сложно происходит взаимодействие пластов жизни и в судьбе человека, и в судьбах поколений!

Штрихи биографии

ВСТРЕЧИ

Ленин часто встречался с рабочими, крестьянами, беседовал с самыми различными людьми,— это известно.

Тогда поговорим о том, как оберегал и отстаивал Владимир Ильич саму возможность для этих встреч. Руководителю мало лишь понимать необходимость общения с людьми — надо еще суметь реализовать это на практике.

Писал коменданту: «...я не раз уже требовал от коменданта Кремля и требую еще раз, чтобы был создан такой порядок, при котором *идущие ко мне, хотя бы без всяких пропусков*, имели возможность, *без малейшей задержки, созвониться и из ворот Кремля, и из подъезда Совнаркома*, с моим секретариатом и с телефонистками коммутатора III этажа».

Настаивал и сердился, отнюдь не оберегая свои удобства и свой покой,— добивался как раз обратного. Попросил как-то телефонистку того самого коммутатора третьего этажа — в то время работал над «Детской болезнью «левизны» в коммунизме» — часа три ни с кем не соединять. «Понимаете, ни с кем». А уже через полчаса в кабинете появилась телефонистка. «Я помню ваше приказание, Владимир Ильич, но там у ворот плачет женщина, она хочет говорить только с вами». И Ленин отложил перо. «Ну что же, соедините скорей».

И особенно строго следил за тем, чтобы никто не смел преследовать тех, кто обратился к нему за помощью. «По-видимому, Булатов арестован за жалобу мне. Предупреждаю, что за это председателей губис-

полкома, Чека и членов исполкома буду арестовывать и добиваться их расстрела».

Не раз приходилось читать о том, как умел избавляться Владимир Ильич от сопровождавшей его охраны. Комендант Кремля П. Д. Мальков, например, рассказывает в своих записках целую историю, как попытался было Владимир Ильич уехать в свободный день на прогулку без охраны и машину его не выпустили из ворот Кремля. И во всех этих рассказах попытки Ленина освободиться от охраны выглядят неким милым препирательством, почти шуткой. Но задумайтесь — и все предстанет в ином свете.

В первый день наступившего нового, 1918 года машина Ленина была обстреляна в Петрограде. И не успей Фриц Платтен рывком наклонить голову Владимира Ильича — неизвестно, что могло бы произойти. Ленина тяжело ранили на заводе бывш. Михельсона. Бандиты, остановившие в Сокольниках машину Владимира Ильича, приставили ему револьвер к виску. Да и в самом Кремле подле ленинского кабинета однажды, когда прошла смена караула, обнаружили надпись, сделанную карандашом на двери: «На часах стоял правый эсер». В руках Чрезвычайной комиссии не раз оказывались материалы, свидетельствующие о попытках заговорщиков совершить покушение на Ленина.

А Владимир Ильич при каждом удобном случае старается отказаться от охраны. Это делает человек, относящийся с глубочайшей серьезностью к каждому своему поступку, лишенный позы и даже намека на игру в риск. Значит, были к тому основательные причины.

И одна из них — можно смело предположить — это нежелание Ленина, чтобы заботы о безопасности его личности стали преградой для общения с людьми. Даже личная безопасность была для него слишком высокой ценой, чтобы лишить себя тех неожиданных и надолго запоминающихся Владимиру Ильичу встреч, которые так часто у него бывали...

Стремление к беседам и встречам, желание узнать о происходящем из первых рук — это сопутствовало Ленину на протяжении всей его жизни, до самых последних дней. 13 декабря 1922 года в истории бо-

лезни Ленина записали, что его удалось уговорить на время совершенно отказаться от работы. И в тот же день он диктует письмо о распределении работы между заместителями Председателя СНК и СТО. «Ввиду повторения болезни я должен ликвидировать сейчас всякую политическую работу и возобновить свой отпуск. Поэтому наши разногласия с вами теряют практическое значение».

В чем же суть разногласий Владимира Ильича с его заместителями? Прежде всего в том, как предлагали они организовать прием посетителей Председателем Совнаркома. На личный прием к Ленину посетители предварительно отбираются заместителями Председателя СНК или секретарем ЦК РКП(б). И Ленин не соглашается с этим, не может согласиться. В том же письме пишет, что против этого предложения выдвигает «прямо обратное — о полной свободе, неограниченности и даже расширении приемов». Во встречах с людьми — ничего отфильтрованного, выборочного, просеянного...

А теперь попробуем ответить себе, на чем основывался этот ленинский демократизм и ленинское доброжелательство, его готовность выслушать каждого рабочего и крестьянина. На соображениях, что именно так должен поступать каждый советский руководитель? Это конечно же имеет место. Но, исходя лишь из подобных соображений, мы утрачиваем главное — естественное начало в действиях Владимира Ильича: они были продиктованы непосредственным и глубоко личным интересом к беседам и встречам с простыми людьми. И снова вопросы. Старушка — случайная попутчица в вагоне, печник и сапожник в Горках, сторож лесной школы в Сокольниках — собеседники Владимира Ильича. Но могло ли общение с этими людьми искренне увлечь Ленина? Не приходилось ли ему чуть «пригибаться», как обычно делают это, беседуя с ребенком?

Не стоит смущаться вопросов, куда как полезнее понять, что́ их порождает. Мы читаем многочисленные воспоминания о том неизгладимом впечатлении, которое производило на людей общение с Владимиром Ильичем, встречи с ним — даже случайные, даже мимолетные.

«В моей памяти до сих пор сохранился случай при-

ема одной крестьянской делегации,— писала секретарь СНК С. Б. Бричкина.— Крестьяне очень волновались, примет ли их Владимир Ильич. Когда я пришла, чтобы проводить их в кабинет Владимира Ильича, на лицах крестьян появилось выражение необычайной напряженности. Перед дверью кабинета они приостановились, пригладили обеими руками волосы, одернули на себе одежду и робко, затаив дыхание, переступили заветный порог. Навстречу им поднялся Владимир Ильич, простой, обаятельный, понятный и человечный, пожал всем крепко руки, усадил вокруг себя, и робости их как не бывало».

Да, захватывающе интересно было беседовать с Лениным. Ну а Владимиру Ильичу, ему-то было интересно? Какое значение имели эти встречи — нет, не для старушки попутчицы, сапожника, сторожа, наконец, крестьян-ходоков — какие последствия имели они для Владимира Ильича?

Сторожем лесной школы в Сокольниках был Филипп Ильич Бодров — старинный знакомый Ульяновых. Член партии с 1894 года, он занимался в вечерней воскресной школе за Невской заставой, где учительствовала Надежда Константиновна, и тогда же бывал в социал-демократическом кружке у Владимира Ильича. А встретиться вновь довелось уже в Москве, весной девятнадцатого. Крупская недолго отдыхала в лесной школе, где и работал Бодров. «О жизни в деревне толковали мы много со сторожем лесной школы...— писала Надежда Константиновна.— Владимир Ильич тоже не раз толковал с ним, приезжая ко мне». И вот документ, свидетельствующий о результатах этих разговоров, письмо-распоряжение, написанное Владимиром Ильичем 7 апреля 1919 года.

«Крестьянин Филипп Ильич Бодров (живет в Москве, Сокольники, Лесная школа) — бывший питерский рабочий, в партии более 20 лет,— имеющий хозяйство в Веневском уезде Тульской губернии (около 20 живущих вместе неразделенных (неподелившихся) членов семьи, *«средний крестьянин»)*...» — пишет Ленин.

О многом надо было расспросить сторожа лесной школы, чтобы вот так, в несколько строк, изложить исчерпывающие сведения о нем, достигнув той концентрации информации, которой позавидует всякий

поклонник конкретных социологических исследований. Информация политическая: питерский рабочий, более 20 лет в партии. Значит, человек «наш», зря говорить не станет, к советам его можно прислушаться. Информация социальная: рабочий, который и сегодня связан с деревней, имеет хозяйство в Веневском уезде Тульской губернии.

Место, где находится хозяйство, показывает, с какой зоной знаком собеседник Владимира Ильича. Но значительно важнее, с каким слоем крестьянства он связан, чьи взгляды передает: около 20 живущих вместе неразделенных (неподелившихся) членов семьи. И представляешь эту семейную артель, в которой трудятся от зари до зари. Разумно, с толком трудится семейство, всего достигая своими руками. Не богатеи они — одна семья на всю деревню — и не бедняки, горем горьким иль по своему нерадению задавленные нуждой; они те накрепко вросшие в землю валуны, которые и определяют ландшафт.

«*Средний крестьянин*»,— пишет Ленин, словно заключая в графу переписи все вышесказанное и в то же время отмечая кавычками условность такого понятия.

Будь в письме Владимира Ильича только эти первые строки, мы все равно бы сказали, что встреча с Бодровым оказалась очень полезной, она позволила запечатлеть весьма характерный социальный тип. Но Владимиром Ильичем владеет на этот раз архипрактический интерес:

Бодров «уверяет меня, что возможен подвоз хлеба *гужом* в Москву на расстоянии до 200 верст от нее (его деревня в 180 верстах от Москвы). Хлеб-де есть у нас, есть и излишки.

Упущено-де зимнее время, но и *после посева* (кончается около Николы) останется свободного времени *около 1 месяца* (до вывоза навоза с неделю до Петровок). Надо-де его использовать».

Светлый апрельский вечер обрывается на границе подступающего леса — Сокольники в ту пору были скорее всего загородной местностью. На скамейке у ворот сидят Ленин и Бодров. Владимир Ильич внимательно слушает собеседника. А тот называет сроки полевых работ по передаваемому от деда к внуку крестьянскому календарю. Это теперь мне пришлось лис-

тать книги, чтобы выяснить: праздник святого Николы бывает в конце мая, а «неделя до Петровок» означает первую декаду июля,— тогда же календарь у всех был на памяти, и, словно подчеркивая достоверность услышанного, Ленин повторяет вслед за Бодровым: «около Николы», «с неделю до Петровок» — а вместе с тем, сохраняет аромат времени, его колорит.

Совет Бодрова заслуживает доверия по всем статьям. И Ленин дает указание. Нет, не о вывозе хлеба. Он настаивает на изучении вопроса, поднятого Филиппом Ильичом.

«Необходимо *срочно*, *немедленно* собрать сведения и справки и, если есть х о т ь м а л ы й ш а н с, осуществить эту меру, ибо с востока подвоза не будет».

Житейский опыт сторожа лесной школы оказался весьма полезным, Ленин с благодарностью воспользовался советом, который дал Бодров...

Результатом подобных общений оказывались часто и более общие суждения, помогавшие передать черты эпохи. Не было, скорей всего, для Ленина-публициста большей радости, как почерпнуть из уст простого человека слово, фразу, которые в осмыслении Владимира Ильича восходили к вершинам политического анализа, воплощали образ времени. И в этом умении услышать, запомнить, вернуться не раз к случайно, казалось бы, оброненному слову — Ленин конечно же продолжает традиции русской литературы, создатели которой всегда и чутко прислушивались к голосу народа.

Словосочетание «человек с ружьем» Владимир Ильич услышал от старой финской крестьянки, с которой вел разговор в вагоне по дороге в санаторий «Халила». А приехав, пометил темой для дневника публициста: «Теперь не надо бояться человека с ружьем», взяв в кавычки слова, услышанные в дороге. Спустя месяц, с трибуны III Всероссийского съезда Советов, Ленин скажет:

«Я позволю себе рассказать один происшедший со мной случай. Дело было в вагоне Финляндской железной дороги, где мне пришлось слышать разговор между несколькими финнами и одной старушкой. Я не мог принимать участия в разговоре, так как не знал финского языка, но ко мне обратился один финн и сказал: «Знаете, какую оригинальную вещь сказала

эта старуха? Она сказала: теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне».

Когда я это услыхал, я сказал себе: пускай сотни газет, как бы они там ни назывались — социалистические, почти-социалистические и пр., пускай сотни чрезвычайно громких голосов кричат нам: «диктаторы», «насильники» и т. п. слова. Мы знаем, что в народных массах поднимается теперь другой голос; они говорят себе: теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров».

Еще один пример того, как слова собеседника рождали образ в мышлении Владимира Ильича. Вспоминая о своей поездке в деревню Кашино, на торжественное открытие сельской электростанции, Ленин рассказывал:

«На улице был устроен митинг, и вот один из крестьян вышел и стал говорить речь, в которой он приветствовал это новое событие в жизни крестьян. Он говорил, что мы, крестьяне, были темны, и вот теперь у нас появился свет, «неестественный свет, который будет освещать нашу крестьянскую темноту». Я лично не удивился этим словам. Конечно, для беспартийной крестьянской массы электрический свет есть свет «неестественный», но для нас неестественно то, что сотни, тысячи лет могли жить крестьяне и рабочие в такой темноте, в нищете, в угнетении у помещиков и капиталистов».

А теперь о самом главном: общения, встречи с рабочими и крестьянами были необходимы Владимиру Ильичу для анализа политической линии, выработки последующих шагов.

Вернемся к июльским дням семнадцатого года, когда, как иронически заметил Владимир Ильич, благодаря особенно заботливому вниманию правительства Керенского ему пришлось уйти в подполье. Один эпизод в пересказе самого Ленина:

«Прятал нашего брата, конечно, рабочий. В далеком рабочем предместье Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: «Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. «Они» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба. Мы

забыли, было, и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб».

Меня поразила эта классовая оценка июльских дней. Моя мысль вращалась около политического значения события, взвешивала роль его в общем ходе событий, разбирала, из какой ситуации проистек этот зигзаг истории и какую ситуацию он создаст, как должны мы изменить наши лозунги и наш партийный аппарат, чтобы приспособить его к изменившемуся положению. О хлебе я, человек, не видавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы. К основе всего, к классовой борьбе за хлеб, мысль подходит через политический анализ необыкновенно сложным и запутанным путем.

А представитель угнетенного класса, хотя из хорошо оплачиваемых и вполне интеллигентных рабочих, берет прямо быка за рога, с той удивительной простотой и прямотой, с той твердой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко».

От фразы, оброненной рабочим,— к анализу психологии пролетариата в сравнении с мышлением интеллигенции. От слов, сказанных по конкретному поводу, вобравшему в себя приметы дня,— к обобщениям на многие годы вперед, подчеркивая, что и хорошо оплачиваемый и вполне интеллигентный рабочий отражает взгляды своего класса.

М. С. Ольминский писал, что этот рассказ вводит нас в сокровенную лабораторию ленинской мысли. Ольминский понимает, что конечно же не одной этой фразой рабочего о хлебе был решен вопрос о выборе лозунгов партии в те дни. «Но эта фраза сыграла свою роль — приблизительно такую же, какую, по преданию, сыграло падение яблока с дерева в открытии Ньютоном закона всемирного тяготения». Никто не скажет теперь, открыл бы Ньютон свой закон, не обрати он внимание на то, как падает яблоко. Но известно, что человек, открывший этот закон, наблюдал за падением яблока.

Завершая раздумья, Ольминский пишет: «И кто сможет счесть все яблоки, которые падали перед глазами Ильича с великолепного и вечно плодоносного дерева пролетарской мысли, чтобы облегчить ему на-

хождение простого и ясного ответа на сложнейшие политические вопросы?»

Встречи с рабочими и крестьянами были для Владимира Ильича естественной потребностью — столь же естественной, как раскрываем мы, например, книгу, чтобы узнать об интересующей нас проблеме.

«Величайшей в мире приемной» назвал кабинет В. И. Ленина в Кремле Альберт Рис Вильямс. И он же рассказал, как однажды, заговорившись с тамбовским крестьянином, Владимир Ильич изменил своим правилам, нарушил время приема посетителей.

«Конечно, имея за плечами университетское образование, много томов собственных сочинений, побывав во многих странах в годы эмиграции, Ленин теоретически знал несравненно больше тамбовского крестьянина,— пишет Вильямс.— Но, с другой стороны, крестьянин, прошедший тяжелую трудовую и жизненную школу, мог поделиться с Лениным своим богатым практическим опытом. Этот крестьянин накопил в себе народную мудрость. Все это крайне интересовало Ленина. Как все истинно великие люди, Ленин понимал, что даже у самого неграмотного человека можно кое-чему научиться.

...В повседневном общении с окружающими, во взаимоотношениях с ними скорее всего проявляется естественность человека — искренность его слов и непосредственность поступков. Для руководителя, для кого общение с людьми составляет практически основу деятельности, здесь таятся особенно коварные испытания. Велик соблазн позы, велико желание предстать добрее, проще, доступнее, чем есть ты на самом деле.

Хотел было написать, что в отношениях с людьми Владимир Ильич и по манере своей, и по сути был бесконечно естествен, но лучше, пожалуй, сказать об этом горьковским «прост, как правда».

Надо полагать, что сложнее правды нет ничего на свете. Примитивную ложь долго искать не приходится. А примитивной правды быть не может,— это уже полуправда, а она оборачивается порой похуже лжи.

Прост, как правда — приближается в моем пред-

ставлении к выражению «такой, как есть». Естественный человек. Ни грана надуманности, ни крупицы позы.

Рассказ в документах

ХОДОКИ

Со всех концов страны приезжали и пешком приходили в Москву к Ленину «ходоки», выбранные на крестьянских сходах. У Ленина был даже особый день для приема крестьянских «ходоков».

В назначенный час они являлись в Кремль в зипунах, в лаптях, с котомками за плечами, складывали в приемной на пол у стены котомки и, взволнованные, перешептываясь, ожидали, пока их пригласят к самому Председателю Совета Народных Комиссаров — к Владимиру Ильичу Ленину!

В. А. Карпинский

Чем велик Ленин?

А вот чем. Он не меня, конечно, слушал, как персону необыкновенную, а *через меня он слушал все крестьянство, и через меня он учел всю сложность обстановки на низах.*

Крестьянин *О. И. Чернов*

НА ПРИЕМ К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА

Мы должны постараться удовлетворить требования крестьян, которые не удовлетворены, которые недовольны, и законно недовольны, и не могут быть довольны.

В. И Ленин.

16 ноября 1920 года

Ленин беседует с делегатом от крестьян д. Филипково Сильковской волости Мосальского уезда (Калужской губ.) Н. С. Бодяковым по вопросу о продразверстке; во время беседы делает заметки о нуждах крестьян; пишет письмо наркому земледелия С. П. Середе и замнаркому продовольствия Н. П. Брюханову.

1) Сначала-де брали живым скотом — это вызвало крайнее недовольство крестьян. Говорили-де даже, что нас «грабят».

Потом-де (в X.1920) перешли к тому, чтобы брать не живым скотом, а мясом (13 фунтов с коровы, 26 фунтов с свиньи, 7 фунтов с овцы и т. д.). Крестьяне были очень довольны такой переменой.

Теперь-де опять стали брать живым скотом: опять недовольство и озлобление крестьян.

20 ноября

Ленин беседует с крестьянином д. Кашино (Волоколамский уезд, Московская губ.) С. А. Курковым, который рассказал о плане постройки районной электростанции...

В электроотдел Московского совнархоза

По сообщениям представителя от мест (т. Курков из д. Кашино), динамомашина могла бы быть изготовлена на заводе **«Динамо»** (у Симонова монастыря, около Москвы, за Спасской заставой) (1 верста от Москвы).

22 декабря

Ленин присутствует на совещании беспартийных крестьян — делегатов VIII Всероссийского съезда Советов... Ленин с большим вниманием следит за ходом прений, делает краткие записи выступлений крестьян.

Из заключительного слова на VIII Всероссийском съезде Советов

Я вчера имел удовольствие присутствовать, к сожалению, не столь долго, на небольшом частном совещании беспартийных делегатов нашего съезда — крестьян и вынес чрезвычайно много из их дебатов по самым больным вопросам деревенской жизни, по вопросам продовольствия, разорения, нужды, которые вы все знаете.

4 января 1921 года

Ленин проверяет, какие меры приняты по жалобе крестьян Султангуловской волости (Самарская губ.— *Е. Я.)* о невыполнимости установленной продразверстки. Узнает, что раскладка разверстки уменьшена для этой волости на 80 процентов.

Н. П. Горбунову сохранить и проследить (**потом**) исполнение.

4/I 1921. *Ленин.*

6 января

Ленин беседует с ходоком из д. Моденово Богородской волости Верейского уезда (Московская губ.); делает заметки о ходе выполнения продразверстки крестьянами этой деревни; читает письмо-заявление красноармейца 115-го запасного стрелкового полка Малеева с сообщением о тяжелом положении крестьян Моденова и просьбой о сокращении продразверстки; на конверте пишет записку Горбунову...

Тов. *Горбунов!* Это все из деревни Моденово (см. оборот). Рассмотрите и *помогите им*...

Просьба: сократить разверстку сена и хлеба (боимся отрядов).

30 января

Ленин беседует с крестьянином деревни Льгово Старицкого уезда Тверской губернии А. И. Гусевым, приехавшим в Москву по поручению губернской конференции беспартийных крестьян.

Пишет по просьбе крестьянина записку:

Товарищу Александру Ильичу Гусеву на память о беседе.

30.I.1921

В. Ульянов (Ленин)

2 февраля

Ленин беседует с уполномоченным Наркомзема по Сибири и членом Сибирского ревкома В. Н. Соколовым о положении в сибирской деревне после введения в 1920 году продразверстки и о предложении Соколова изменить форму разверстки, предоставив крестьянам право распоряжаться излишками хлеба...

8 февраля

Ленин на заседании Политбюро ЦК РКП(б), где рассматриваются вопросы о весенней посевной кампании и положение крестьянства, пишет «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян»:

Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом.

9 февраля

Ленин беседует с крестьянином Иркутской губернии О. И. Черновым, который читает свой доклад о

положении крестьянства и продразверстке в Сибири. Ленин просит его послать доклад в «Правду» для опубликования. Доклад был опубликован в «Правде» 11 февраля 1921 года — «Взгляды на сибирское крестьянство, как на социальный элемент».

Из воспоминаний О. И. Чернова

Когда я начал читать, то невольно как-то я наблюдал за ним, взглядывая на его лицо. Сперва оно как бы выдавало скуку, усталость — надоели, мол, вы мне с докладами,— но по мере чтения его лицо стало весьма заметно меняться, левый глаз стал часто прищуриваться, и несколько порывисто он оборачивался на меня, поглядит, прищурит глаз и опять, и к концу чтения я видел, что в этой голове решается вопрос величайшей важности, решается в несколько минут; я видел, как много было охвачено в эти минуты Владимиром Ильичем и отрезано недрожащей рукой.

14 февраля

Ленин беседует с тамбовскими крестьянами — два бедняка, два середняка, два кулака — о продразверстке, об отношении к Советской власти; пишет заметки о положении в Тамбовской губернии.

«Тамбовский пахарь», 27 февраля 1921 года. «Что сказал тов. Ленин крестьянам Тамбовской губернии»

«...Тов. Ленин просил передать всем крестьянам, что принял крестьян как любезных гостей и просит всех крестьян крепко держать свою рабоче-крестьянскую власть и выбирать в Советы самых честных людей из трудового крестьянства...

Я знаю, как трудно жить крестьянину, когда с них все берется и так мало им дают. Я знаю крестьянскую жизнь, люблю их и уважаю».

28 февраля

Ленин принимает крестьян села Фоминки Гороховецкого уезда Владимирской губернии И. А. Чекунова и Н. А. Ганявина, которые высказывают свои соображения об изменении порядка взимания мясной разверстки.

т. Осинский!

Повидал вчера Ивана Афанасьевича Чекунова. Оказалось, он у меня уже был в 1919 г...

Сочувствует коммунистам, но не идет в партию, ибо ходит в церковь, христианин (отвергаю-де обряды, но верующий).

Улучшает хозяйство. Объехал Нижегородскую и Симбирскую губернии. Крестьяне, говорит, потеряли доверие к Соввласти. Можно ли, спрашиваю, поправить налогом? Думает, что да. В своем уезде добился, при помощи рабочих, смены худой советской власти хорошею.

КОМАНДИРОВКА

1 марта 1921 года

Уфа, Председателю губисполкома

Прошу немедленно передать крестьянам села Бекетово, Булгаковской волости, Уфимского уезда (36 верст от Уфы по Оренбургскому тракту) Алексею Романовичу Шапошникову и Тарасу Григорьевичу Кондрову (имеется в виду Тарас Ильич Кондров.— *Ред.)* приглашение прибыть теперь же в Москву для совета по важным делам, касающимся крестьянства и крестьянского хозяйства. Срок пребывания в Москве — несколько дней. Командируйте для этого в Бекетово расторопного, дельного человека. В случае согласия немедленно устройте поездку в вагоне делегатов партсъезда, обеспечьте на дорогу продовольствием и всем необходимым, окажите всяческое внимание, заботливость. О последующем немедленно сообщите прямым проводом.

Предсовнаркома *Ленин*

Москва, Кремль, Предсовнаркома Ленину

3 марта 1921 года

На Вашу телеграмму за номером 157 уведомляю, что приглашение вместе с копией Вашей телеграммы послано нарочным. В случае согласия на поездку в Москву Шапошникова и Кондрова им будет оказано всяческое содействие. Вагон с делегатами на партсъезд уже отбыл, придется устроить их в другом порядке, в случае нужды пошлем сопровождающего.

Предгубисполкома *Котомкин*

Из воспоминаний М. В. Котомкина[1]

Получив такое поручение, я спешно вызвал указанных крестьян в Уфу. Вскоре они приехали и явились ко мне. По их встревоженным и настороженным лицам я понял, что они обеспокоены этим вызовом: не кроется ли здесь какой-либо каверзы по линии разверстки? Но когда я подробно объяснил крестьянам суть дела, они успокоились и с видимым удовольствием согласились поехать в Москву. Интересно здесь отметить, что по социальному положению они оказались представителями разных групп деревни: один из них был бедняком, другой — середняком, а третий — зажиточным. Впоследствии выяснилось, что этих крестьян еще раньше лично знал Александр Дмитриевич Цюрупа в бытность свою на работе в Уфимской губернии. Он, очевидно, и порекомендовал их Ленину. Я в точности выполнил указания Владимира Ильича и отправил крестьян в Москву, пожелав им счастливого пути.

Москва, Кремль, Предсовнаркома Ленину

Крестьяне села Бекетово Тарас Кондров, Илья Кондров, Алексей Шапошников согласно Вашей телеграммы выехали в Москву 10 марта.

Предгубисполкома *Котомкин*

А. Д. Цюрупа — М. В. Котомкину, 23 марта 1921 года

Дорогой Михаил Васильевич! Благодарю Вас за деятельное содействие крестьянам по поездке в Москву.

Я осведомлен о том, что Вами опубликованы телеграммы Ленина и моя, приглашающие крестьян в Москву. Это очень хорошо. Предлагаю Вам продолжать в том же духе.

Крестьяне виделись здесь и беседовали с тт. Калининым, Лениным, Осинским и мною. Были на заседании сессии ВЦИК во время принятия законов о продналоге и землепользовании (последний явился прямым следствием их приезда. По упорядочению трудгужповинности, на которую крестьяне очень жалуются, будет издано особое распоряжение).

[1] М. В. Котомкин (1885—1954) — член партии с 1904 года. В 1919—1922 годах председатель Уфимского губисполкома, чрезвычайный уполномоченный ВЦИК и председатель губпродсовещания.

Удостоверение А. Р. Шапошникову

Выдано настоящее удостоверение крестьянину деревни Бекетово, Булгаковской волости, Уфимского уезда, Уфимской губернии *Шапошникову* Алексею Романовичу в том, что он был вызван мною в Москву для беседы и совета по важному делу, касающемуся крестьянского хозяйства.

В данных им объяснениях и ответах гражданин *Шапошников А. Р.* обнаружил добросовестное и честное отношение к делу.

Предлагается всем советским властям РСФСР оказывать гражданину *Шапошникову А. Р.* всемерное содействие к возвращению его к месту жительства к мирному труду.

Председатель Совета
Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

ОТЧЕТ

Телеграмма заведующего Уфимским губростом

В Уфу возвратились ездившие в Москву по личному вызову Предсовнаркома тов. Ленина и Наркомпрода тов. Цюрупы для беседы по вопросам о нуждах крестьянского хозяйства беспартийные крестьяне селения Бекетово, Булгаковской волости, Уфимского уезда и губернии граждане Шапошников и двое Кондровых.

30 марта они сделали краткий доклад о своей поездке на губернской беспартийной крестьянской конференции, собравшейся для обсуждения вопроса о мерах укрепления крестьянского хозяйства и посевной кампании. Из бесед с ними и из доклада на конференции выяснилось, что поездкой в Москву они крайне удовлетворены. Москва, по их словам, встретила их очень гостеприимно. Они осмотрели всю Москву и получили массу впечатлений. Они поражены простотой приема их тов. Лениным и тов. Цюрупой, с которыми они долго беседовали. Также виделись они с Председателем ВЦИК тов. Калининым и участвовали на заседании ВЦИК, когда принимался закон о замене продовольственных разверсток — налогом. Как представители крестьянского населения такую замену они приветствуют.

Доклад Шапошникова и Кондрова заслушан конференцией с громадным интересом и вниманием...

Из протокола губернской беспартийной крестьянской конференции 30 марта 1921 года

Тов. Кондров. Товарищи, мы были вызваны телеграммой в Москву для личных переговоров с тов. Лениным и ездили к нему в Москву. Мы были приняты в Москве очень гостеприимно и виделись там с тов. Цюрупой и с тов. Лениным и беседовали с ним...

По какому случаю вызвали, мы не знаем. Берут со всех уголков России, чтобы знать, что делается на местах, а нас рекомендовал вызвать тов. Цюрупа, он и сообщил наш адрес.

Тов. Ленин спрашивал: какова жизнь на местах? Мы говорим: очень тяжела и невыносима для нас стала жизнь. Спрашивает: чем тяжела и невыносима стала жизнь? Говорим: разверстка и трудовая повинность совершенно невыносимы. Чем же, говорит, невыносимы разверстка и повинность и почему? Мы отвечаем, что 1) тем, что в разверстке с крестьянином не считаются с урожаем. Если на него пала разверстка, крестьянин отдал и к нему еще приходят второй и третий раз и до тех пор приходят, пока у него всего не выкачают. И также и со скотом — оставляют одну только корову и все отбирают. Ленин говорит: что такого распоряжения не было, которое делается на местах, но мы сказали, что мы не знаем, почему тогда так делается. Также и с трудовой повинностью: людей не кормят, а посылают работать, возить в зимнее время. Женщин и девушек гоняют дрова рубить, они приходят туда голы и босы, особенно татары, плачут. Что они там могут сделать? Ленин говорит, что это немыслимо, что не должно быть, что он таких распоряжений не давал.

Дальше он все выслушал, что мы ему говорили, и спрашивает, как же с этим быть и как это уничтожить. Мы говорим, что это воля Ваша. Тов. Ленин спросил, как же изменить хлебную разверстку. Мы сказали: нельзя ли ее уничтожить или хлеб Вам покупать. Но он говорит, что покупать мы не можем. Но мы ему сказали, что если Вы будете так поступать, Вы у нас всякое желание отбиваете работать. И тогда

он сказал, что они заменят хлебную разверстку натуральным налогом, который будет накладываться на крестьян, считаясь с урожаем и каждый крестьянин, который выполнит налог, он остальным может распоряжаться и девать куда хочет. Мы говорим, что это для нас будет легче; тут каждый крестьянин постарается, чтобы у него был лишний пуд хлеба: отдал, что на нем лежит налогу, остальное остается в его пользовании...

Тов. Шапошников. Товарищи граждане. Владимир Ильич спросил в том смысле нас, что получили ли мы землю от помещиков. Дали ответ, что получили. Он говорит, скажите пожалуйста, почему, когда земля была у помещиков, хлеба было много, отправляли его за границу и его хватало в России. В настоящее же время хлеба не хватает в России для прокормления. Мы отвечаем, что 1) весь молодой народ взят в Красную Армию, 2) остались только старый да малый и это люди отягчены повинностями. Земля переходит из рук в руки. А ведь земля есть наша кормилица, мать родная. Если мы землю не будем обрабатывать, то и хлеба не будет. Говорим ему, что нужно нас заинтересовать, чтобы мы могли обрабатывать свои земли, а мы не будем заинтересовываться до тех пор, пока земля не перейдет в собственное достояние народа. Тогда она нас будет привлекать и тогда ее будут обрабатывать и хлеба тогда прибавится. И тогда тов. Ленин и говорит, что нужно это дело обмозговать, нужно сделать новую ревизию.

Тов. Кондров. Я могу пояснить так: в нашей волости находится 15 *т* пахотной земли. К отъезду нашему в Москву землемер, который организует артели, коммуны и т. д., объяснил, что в 1919 году частная земля была оформлена за крестьянами. Мы еще не оформили до сих пор, никаких бумаг не имеем у себя на руках, а раз не имеете, он говорит, то значит это частный захват и если вы, говорит, эти земли не разовьете под трудовые коммуны и артели, то они перейдут к людям, которые захотят так строиться и земли... отдадут под совхозы.

Мы и говорим, если Вы, тов. Ленин, допустите это, то нас, старых жителей, согнут; мы не знали законов, мы разделили помещичьи земли и пришлось на душу по 16 с. Но он говорит, нет, у нас закон был дан так,

если земля крестьянами была переразделена, то она и считается за нами, а коммуны будут образовываться только на пустующих землях, а если она была разделена, говорит, то она считается за нами. Мы и говорим, что мы срок не соблюли, будьте добры оформить этот срок, чтобы нас не утесняли. Тут он нас отправил к тов. Осинскому, и комиссар земледелия объяснил так, что срок постановляется новый. Кто не оформил еще, должен оформить, а коммуны и артели не должны на этих землях открываться, а должны открываться там, где пустует земля. Мы и говорим, что нельзя ли нам разойтись на маленькие деревушки и работать всякий сам по себе, а коммунами и артелями работать не желаем. Он говорит: вполне допустимо, мы делаем так, как желает народ, а не как диктуют бумаги, и если вы желаете расселять на мелкие деревушки, то так и будет...

Относительно власти он говорит: почему у вас так поступают, и он говорит, что в центре власть желает хорошего, а на местах иначе поступают с вами...

С мест. Я хотел спросить, будет ли и дальше трудовая повинность применяться в сельском хозяйстве?

Кондров. Нет, он говорил, что все это нужно изменить вообще; как легковые перевозки пассажиров, то должны быть наемные лошади; как в Башреспублике, так и у нас должна быть выставка лошадей, которым и будет даваться фураж, а не так, как теперь: приезжают из деревни в деревню и требуют лошадей. Мы говорим, что не можем сразу наладить аппарат, чтобы и дрова пилить и возить, и пассажиров возить и все делать; говорим, что дрова пилить, так надо своевременно. И он спрашивал, когда удобнее крестьянину заготовлять дрова. И мы говорим, что в междупарье, а не зимой. В междупарье я могу напилить дрова и мне не потребуется ни одежды, ни обуви, а зимой совершенно это невозможно...

В. И. Ленин. Как крестьянина удовлетворить и что значит удовлетворить его? Откуда мы можем взять ответ на вопрос о том, как его удовлетворить? Конечно, из тех же самых требований крестьянства. Мы эти требования знаем.

Декрет ВЦИК 21 марта 1921 года

О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом.

...Разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом.

Штрихи биографии

РЕЗКОСТЬ

Революция — время самых обнаженных, самых очевидных и непосредственных взаимосвязей. Мир хижинам — война дворцам. Кто не работает, тот не ест...

И случай, точнее, эпилог истории с заговором Локкарта, всегда воспринимаю как пример подобных взаимосвязей. Английский разведчик Локкарт поверил, что ему удалось завербовать командира артиллерийского дивизиона латышских стрелков, которые несли охрану Кремля, коммуниста Берзина. И английский резидент передает Берзину 1 миллион 200 тысяч рублей. Заговор раскрыт, а чемодан с деньгами Берзин вносит в кабинет Свердлова. Как поступить с ними? Яков Михайлович распорядился создать из этих денег фонд пособий семьям латышских стрелков, павших во время революции. Поймать Локкарта с поличным сумел командир латышских стрелков — пусть же и переданные ему средства будут использованы для того, чтобы поддержать семьи латышских стрелков. В другое время, при другой ситуации эти деньги, наверное, были бы заприходованы государством вместе с другими средствами и использованы на другие нужды.

Ленин обронил однажды: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне». Задумайтесь над этой фразой — она во многом раскрывает те принципы, на которых Владимир Ильич строил отношения с людьми, ту непосредственность взаимосвязей, которую всегда утверждал в работе.

Однако фраза о том, что, «не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне», написана Лениным в 1909 году. В тот период философские бои, которые вел Владимир Ильич, приобрели особую остроту, от их исхода зависела практическая деятельность партии. Ее марксистское ядро отражало непрекращающиеся атаки группировок, течений, оппозиций. Потому и закономерно вполне для тех времен правило, которым,

по словам М. И. Ульяновой, руководствовался Владимир Ильич: мерилом в отношениях с людьми было — стоит человек на революционной точке зрения или свернул куда-нибудь.

Мы живем в иные времена, мы живем в обществе развитого социализма, где давно господствует марксистско-ленинская идеология. Справедливо ли проецировать в наши дни фразу, написанную почти восемь десятилетий назад? К тому же слова Ленина о сугубо деловом подходе в оценке людей, как может показаться ныне, не свободны от практицизма.

Представления о деловых качествах человека для Владимира Ильича были неотделимы от его нравственного облика. «В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»,— писал Владимир Ильич. И не раз повторял: надо торопиться жить, чтобы все силы отдать революции.

Нравственное начало Ленин видит в работе по укреплению и завершению строительства коммунизма. Мы заняты этим же сегодня — вот вам и вывод: деловые качества людей неотделимы от их нравственного облика. Не станем, однако, устраивать поединок, в котором оружием служат цитаты. И без них нетрудно понять, что дело, которому посвящает себя человек, не может быть для него бездуховно: так или иначе оно отвечает его запросам, представлениям о жизни и о своем месте в ней, а следовательно, отражает и нравственный его уровень. В том, как служит человек своему делу — непосредственной революционной работе или хозяйственному строительству, против чего восстает и с чем готов смириться, как представляет себе благополучие и как совмещает с ним свои жизненные цели — во всем этом и раньше, и теперь, и во веки веков проявляются нравственные принципы — утверждаются не на словах, а в действии, не в застольной беседе и не в речах, произнесенных с трибуны, а там, где проходят они проверку на практике.

Эти нравственные начала особенно четко проявляются в той мере ответственности, которую принимает на себя человек за порученную ему работу.

Остановимся на одной лишь истории, начало которой было положено 13 сентября 1921 года выступлением газеты «Известия ВЦИК». В корреспонденции «Ни-

щие миллиардеры» рассказывалось о том, что в начале 1918 года в Москву из Архангельска и Вологды эвакуировали металлургические грузы — около двух с половиной миллионов пудов. Они в беспорядке были выгружены в Симоновской слободе. «Под открытым небом вот уже третий год лежат без движения, разбросаны сотни тысяч пудов ценнейших цветных металлов и изделий: медь желтая и красная в чушках, кружках, прутьях, латунь, цинк, сурьма, олово, ферросплавы, никель, чугун, графит, алюминий, стальные полотна — около четырехсот тысяч штук, сортовое железо, транспортные принадлежности, точильные камни, различные инструменты, машины и др. Много гибнет от условий хранения. Многое расхищается от отсутствия учета и контроля»,— писал корреспондент.

В конце статьи сообщалось, что разговор не окончен и в следующей корреспонденции будут приведены еще более впечатляющие факты. Спустя четыре дня газета действительно опубликует следующее выступление на эту тему. Но Владимир Ильич не станет его дожидаться. Ему было достаточно первого сообщения, чтобы тут же направить запросы, потребовать немедленных объяснений. Шаг за шагом находит он тех, кто должен ответить за эту дикую бесхозяйственность.

И вот записка начальника Центрального управления государственных складов ВСНХ И. К. Ежова. Он пишет Владимиру Ильичу, что не может принять на себя ответственность за положение, которое сложилось со складским хозяйством: этот вопрос, «казалось бы, раз десять доводили до конца», но результатов добиться так и не удалось, по-прежнему процветает ведомственная неразбериха.

Владимир Ильич пишет в свою очередь Ежову: «Но в том-то и дело, что *ни разу* Вы не довели дело *до конца* без «казалось». И через несколько строк снова повторяет: «Вы ни разу не довели до конца».

Довести дело до конца... Приходилось ли вам хоть однажды, вслед за жалобой или критическим сигналом, пройти в поисках виновных по ступеням управления,— скажем, от рабочего места, цеха и до союзных организаций? Кому приходилось, тот знает, как мгновенно образуется цепь объективных, а потом и оправдывающих обстоятельств. Каждое звено этой цепи вроде бы выполнило все, что предусмотрено служебными обя-

занностями, а значит, и не несет ответственности. И вот уже нет ни начала ни конца у этой цепи, и нет уже сил разомкнуть ее. И не будет — до тех пор, пока не пройдут по ней нравственные токи, пока не взглянешь на происходящее с позиций гражданских, а не канцелярских.

Довести дело до конца... По мнению Ленина, начальник Центрального управления государственных складов ВСНХ не может быть освобожден от ответственности («В волоките я не могу не винить и Вас»), поскольку не предпринял со своей стороны следующих шагов:

«Конституцию РСФСР и устав РКП Вы знаете. До конца значит: до сессии ВЦИКа (раз нет съезда Советов). По партии — до пленума ЦК...

Вы опускали руки, а не боролись, не исчерпали всех средств борьбы».

Нравственность — всегда ответственность. Расчлененная ответственность — я-де отвечаю от сих до сих — всегда безнравственна.

«Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне»,— заметил Ленин вскользь, между прочим, затеряв эту фразу где-то в примечании к письму, написанному Горькому. Утверждение это для Ленина было само собой разумеющимся. Не понимая дела, которым был занят Владимир Ильич, нельзя понять и его самого.

Современники вспоминают о Ленине как о человеке простом и ясном в личных отношениях. Но это вовсе не означает, что он всегда был изысканно вежлив и исключительно приветлив. Сказывался ленинский темперамент. Если он дает себя знать буквально в каждой написанной им странице и произнесенной речи, то конечно же не мог не проявиться в общении с людьми. Нам известно по воспоминаниям, как бурно, не скрывая своего возмущения, негодовал порой Владимир Ильич. Мы читаем ленинские документы, нередко написанные в таком резком тоне, что и сегодня поеживаешься.

Сам о себе Владимир Ильич в заключительном слове на IV съезде Советов скажет: «И уж, конечно, товарищи, не мне возражать против резких слов. Никогда я против этого возражать не буду. Только, чтобы быть резким, нужно на это иметь право, а право на резкость дает то, чтобы слово не расходилось с делом».

И на том же съезде, говоря о бесчисленных вопросах, которые выдвигают левые эсеры, Владимир Ильич

заметит: «Удивительно легко иногда бывает вопросы ставить; только есть одно изречение,— оно невежливое и грубое,— которое про такие вопросы говорит,— из песни слова не выкинешь,— я напомню: один дурак может больше спрашивать, чем десять умных ответить».

В своих воспоминаниях Луначарский пишет: «Сердился Ленин, особенно в Совнаркоме, чрезвычайно редко. Но сердился крепко. Выражений он при этом не выбирал. С его уст слетали всякие слова, вроде: «советские сановники, у которых ум за разум зашел», «ротозейство», «головотяпство» и другие неприятные определения, которые попадаются иногда в его бумагах, телеграммах, телефонограммах и т. д.».

...Сегодня мы привыкли к тому, чтобы не нервничать самим и не нервировать других. Кому-то это удается. Мы дружно выступаем против грубости и резкого тона. Особенно если им грешит руководитель. Подчиненный не может ответить ему тем же, а если и решается, то совершает в наших глазах нечто приближающееся к гражданскому подвигу.

Мы согласны выслушать резкости и сами колкостей не опасаемся, пожалуй, лишь в одном случае — в дискуссии равного с равным, в споре по существу о деле, которым искренне увлечены...

В чей же адрес и по какому поводу не выбирал выражений Владимир Ильич?

Начнем со свидетельства Л. А. Фотиевой о том, что Владимир Ильич считал «гнусным, недостойным каждого советского человека, тем более коммуниста, быть грубым, невежливым с тем, кто стоит ниже по положению и потому не смеет ответить».

Для тех, кто готов был бы саму жизнь упорядочить согласно ступеням служебной лестницы, это высказывание Лидии Александровны покажется по меньшей мере странным: а кто, собственно говоря, мог посчитать себя с Лениным вровень — по положению все стояли ниже его, он был «главней» всех, а потому, казалось бы, никто не смел ни ответить ему, ни возразить, а уж тем более отстаивать свои суждения вопреки его.

А между тем атмосфера, которая складывалась всегда вокруг Владимира Ильича, была совсем иной. Откровенное выражение своего мнения, резкость оценок и горячность споров отнюдь не были прерогативой Владимира Ильича. Обращается, скажем, к Ленину глав-

ный инженер Волховстроя Г. О. Графтио, сообщает, что стройка идет в «условиях бюрократической безответственной неразберихи, а подчас — как будто умышленного противодействия», и здесь же, в письме к Председателю Совнаркома, замечает: «Волховское строительство мама обронила».

Выступая на вечере, посвященном пятидесятилетию Ленина, Ольминский рассказывал, что Владимир Ильич никогда не придавал значения резким словам, произнесенным в его адрес. Ленин брал из разговоров или писем только то, что касалось политики, а всякие резкости для него не существовали... Заметьте, однако, Ольминский говорит: Ленин не придает значения резким словам, сказанным именно в его адрес. Но он совсем иначе реагировал, когда бестактность, пускай и на словах, допускалась по адресу государства, его установлений. Когда один из руководителей в Архангельске назвал в телеграмме распоряжение центральной Советской власти — нелепым, Ленин телеграфировал ему: «Я объявляю Вам официально выговор за это и заявляю, что если Вы не возьмете обратно столь недопустимого выражения, то я подниму вопрос о предании Вас суду, ибо если мы добросовестно учим дисциплине рабочих и крестьян, то мы обязаны начать с самих себя».

...Так в чей же адрес и по какому поводу не выбирал выражений Владимир Ильич?

«Такой беспощадный, яростный гнев вызывали в нем обычно не действия классовых врагов: к ним в его душе горел ровный огонь постоянной ненависти,— пишет Е. Я. Драбкина.— Взрывы гнева чаще всего бывали у него порождены случаями бездушного бюрократизма и невнимания к народным нуждам и к делу революции со стороны некоторых советских работников».

Узнает, например, что в Москве пытаются защитить руководителей, которые допускали злоупотребления с распределением жилья, и пишет, что фактически послабляют «преступникам-коммунистам, коих надо вешать... Верх позора и безобразия: партия у власти защищает «своих» мерзавцев!!»

Недовольство, которое так или иначе выражал Владимир Ильич, всегда касалось дела, компетентности и разумности его осуществления. «Вчера мной обнаружено, что данный мною Фотиевой срочный документ...— пишет Владимир Ильич в Управление делами

Совнаркома,— оказалось, пошел «обычным», т. е. идиотским, путем и опоздал на долгие часы, а без моего вмешательства второй раз опоздал бы на дни.

Такая работа канцелярии недопустима, и, если еще хоть раз обнаружится подобная типичнейшая волокита и порча работы, я прибегну к строгим взысканиям и смене персонала».

Рассказывая о том, как сердился порой Владимир Ильич в Совнаркоме, Луначарский утверждает: «Но никто никогда не обижался за «проборку» от Ленина. Коммунист или вообще советский человек, «обижающийся» на Ленина,— это... просто невероятная фигура».

Анатолий Васильевич судит, очевидно, по себе и других наделяя своей чистотой. Наверное, обижались,— конечно же были и такие. Но именно здесь, в том, какова была истинная реакция на замечания Владимира Ильича, и проявлялось главное — кто кому служит: человек делу или наоборот. Обижался тот, кто не мог превозмочь себя, поставить интересы дела превыше всего. Тут уж ничего не поделаешь: от всех и ожидать нельзя такого беззаветного служения, которое отличало Владимира Ильича или того же Луначарского.

...Мы все за то, чтобы не нервничать самим и не нервировать других. Кому-то это удается. А чем же я сейчас занят? Хочу во что бы то ни стало обосновать право Ленина на резкость? Уж не стараюсь ли я обезопасить Владимира Ильича от нападок? Да нет, просто от души разделяю и колкости, и издевки, которых немало в ленинских документах. И не будь всего этого, образ Ленина лишился бы, как мне кажется, очень важных, привлекательных, естественно принадлежащих ему черт.

Резкость Владимира Ильича направлена против того, что и сегодня еще мешает жить, против безответственности, комчванства, против невнимания к людям, бесхозяйственности и ротозейства. Против тех явлений, по отношению к которым и сегодня не стоило бы выбирать выражений.

Репортаж из года восемнадцатого

МУЖЕСТВО

Из кабинета Владимира Ильича в зал заседаний Совнаркома ведет высокая двустворчатая дверь, вы-

крашенная белой масляной краской, с медной, всегда начищенной и заметно истертой ручкой.

В зале — длинный, покрытый зеленым сукном стол. Во главе его — там, где место председательствующего,— легкое плетеное кресло.

Сегодня заседание Совнаркома назначено на девять вечера. Сейчас откроется левая створка двери и, как всегда быстро, выйдет Владимир Ильич. Притворит за собой дверь и подойдет к столу... Минуло пять месяцев, как переехало правительство в Москву,— 30 августа 1918 года значится на перекидном календаре — и уже успели привыкнуть к заседаниям в этой тесноватой, но гордо именуемой «красным залом» комнате. Комната всего лишь в два окна, а вмещает между тем и членов Совнаркома, и приглашенных докладчиков. Пройдет почти три года, прежде чем соединят эту комнату еще с одной,— образуется зал заседаний Совнаркома в четыре окна.

Первое, на что обращает обычно внимание Владимир Ильич,— это открыта ли форточка. Сегодня приоткрыто окно, и он, заметив это, очевидно, одобрительно кивнет. Быть может, где-то по ходу заседания, сделав знак, чтобы не прерывали обсуждение, присядет на подоконник, вдохнет прохладу вечера, в которой ощущается уже сыроватая свежесть приближающейся осени.

Прежде чем начать заседание, Ленин не торопясь проверит, все ли наркомы на месте. Еще в декабре прошлого года были введены штрафы за опоздание на заседания Совнаркома: на полчаса — пять рублей, более получаса — десять. Впрочем, отделаться десяткой было бы и лучше, чем получить внушение от председателя — когда устное, а бывало, и письменное: «Объявляю строгий выговор с предупреждением, что при повторении виновные будут отданы под суд:

Тт. *Шпекторову* (НКвоен), *Войкову* (НКвторг), *Гольцману* (ВЦСПС) за неявку на заседание Комиссии СТО... *В. Ульянов (Ленин)»*. К тому же сами члены Совнаркома приняли решение — вынести на сессию ВЦИК список членов правительства, опаздывающих на заседание Совнаркома. А сессия избрала комиссию, а комиссия предложила: отстранять от работы и запрещать занятие ответственных должностей тем, кто опоздал на заседание более трех раз... Сегодня опоз-

давших не видно, кажется, все уже в сборе, Сейчас должен выйти Владимир Ильич — сам-то он никогда не задерживается.

Ленин непременно обратит внимание,— нет ли лишних людей. Да, лишних: вызовут докладчика к началу заседания, а вопрос его слушается в самом конце — вот и сидит, попусту теряя несчетное число часов. («Здесь сидят, видимо, лица, приглашенные на *иной* вопрос.

Выгонять их не надо.

Но Вам и другим секретарям объявляю выговор: сто раз говорено, что приглашать можно *лишь* на соответственный вопрос».

«...Теперь докладчики получают вызов на заседа ние вообще и ждут часами.

Это безобразие и дикость...»)

Быстро, очень быстро растет аппарат управления, сперва десятки, сотни, а теперь уже и тысячи людей только в центре заняты им. И как сложно объяснить даже собравшимся в «красном зале», нет, объяснить не трудно, скажи — и тебя услышат — о деловитости, аккуратности, уважении к людям — услышат и, скорее всего, поймут, но как же велика мера времени и сил, сколько раз надо повторить однажды сказанное, чтобы от слов перейти к делам. («Но в том-то и суть, что одно дело — расписаться в согласии с этой истиной, побожиться, что разделяешь ее, губами признать ее, другое дело — уметь провести ее в жизнь».) Чтобы слова об ответственности каждого стали общей мерой отношения к делу, а из призывов к деловитости утвердился деловой стиль и взамен постоянных заявлений об уважении к человеку пришло бы подлинное уважение, обогащенное и расширенное практикой. Велика мера — много требуется и времени и сил, чтобы ленинские представления о работе советского аппарата стали общими, деловым почерком.

Сев в плетеное кресло, Владимир Ильич достанет часы. Сразу же смолкнут разговоры, начнется заседание. («Владимир Ильич вел заседания так, что его примеру следовало бы подражать всем». *Н. А. Семашко)* А закончится оно, скорее всего, далеко за полночь, когда лицо председательствующего сделается серым от усталости. (Он «страшно утомлялся, когда приходи-

лось на заседаниях Совнаркома решать самые мелкие дела». *А. И. Ульянова-Елизарова)*

И может случиться — под самый конец заседания, как бывало не раз, когда неудачное выражение докладчика, порой всего лишь слово, вызывает смех,— кто-то не выдержит, прыснет первым, засмеется сосед, и начнут хохотать все без исключения. Не сможет сдержать улыбку и Владимир Ильич, оборвет, закроет заседание, отметив при этом: беспричинный смех — самое убедительное доказательство всеобщей усталости.

Впрочем, бывало, что смеялись и по ходу заседания — в этих стенах не раз раздавался дружный хохот. («Ленин добродушно принимался хохотать, когда ловил кого-нибудь на курьезном противоречии, а за ним смеялся и весь длинный стол крупнейших революционеров и новых людей нашего времени — над шутками самого ли председателя, который очень любил сострить, или кого-либо из докладчиков». *А. В. Луначарский.)* Отчитывается, скажем, о сокращении штатов представитель Комиссариата земледелия и сообщает, что они вдвое сократили число летчиков-наблюдателей. «А сколько же их было?» — «Двое». Ленин смотрит прищурившись на докладчика. Пауза и общий смех. («Но сейчас же после этого бурного смеха наступала вновь та же бодрая серьезность и так же быстро-быстро текла река докладов, обмена мнений, решений». *А. В. Луначарский.)*

Скорее всего, Владимир Ильич начнет заседание с проверки, как выполняются ранее принятые решения. («Становилось жарко на заседании от того, как Ленин распекал за волокиту и просто за неряшливое отношение к проверке исполнения». *А. А. Андреев.)* Ленин сразу же сосредоточится, потребует того же от всех присутствующих. («Секретарям, дежурящим на заседаниях СНК и СТО.

Поручается вам следить строго за тем, чтобы на заседаниях не велось частных разговоров, и останавливать разговаривающих».)

И сколько бы часов ни продолжалось заседание — никаких разговоров, хотите обменяться мнениями — пишите записки, их количество никем не регламентировалось. *(«...во время заседаний* СНК **только** записки подавать, а разговаривать запрещено».)

Как только начнется заседание, так сразу же, наверное, возьмется за перо Г. В. Чичерин — он многие вопросы успевает таким образом решать. Пишет Ленину А. Д. Цюрупа. (Цюрупа — Ленину: «В. И.! Как решен вопрос об использовании армии для борьбы для взятия хлеба? И если он решен утвердительно, то как это дело будет оформлено — в порядке ли соглашения с комиссариатом военным или в порядке издания декрета...» Владимир Ильич подчеркивает слова «в порядке ли соглашения с комиссариатом военным». Ленин — Цюрупе: «Именно в таком порядке...

Сейчас только я написал Шляпникову, чтобы он ехал на Кубань. Он *сегодня* должен договориться с Вами. Советую *сегодня же* назначить его от СНК». Цюрупа — Ленину: «Сталин согласен ехать на Северный Кавказ. Посылайте его. Он знает местные условия. С ним и Шляпникову будет хорошо». Ленин — Цюрупе: «Я согласен вполне. Проводите обоих *сегодня*».)

Не на каждом заседании Совнаркома бывает Луначарский: значительную часть времени находится в Петрограде. Ну а когда бывает, происходит постоянный обмен записками с Владимиром Ильичем.

Ленин — Луначарскому: «Я сегодня говорил с *Виноградовым*. Производит хорошее впечатление.

Он обещал сговориться с Вами.

Говорил ли с Вами?

Сговорился ли?

Если не сговорился, то в чем?»

Луначарский — Ленину: «Еще не говорил с Виноградовым. Если правда, что сговоримся, то — хорошо»

Ленин — Луначарскому:

«Когда вы едете?

День и час?»

Луначарский — Ленину: «Завтра в 12 ночи».

Ленин — Луначарскому: «Можете ли созвониться с Виноградовым и назначить ему свидание завтра?»

Луначарский — Ленину: «Конечно».

Ленин — Луначарскому:

«*Имеете его №*»?

Луначарский — Ленину: «Узнаю у Малиновского».

Ленин — секретарю:

«*Виноградову* позвоните от моего имени:

почему он не сговорился с Луначарским? Луначарский здесь».

А случалось, Владимир Ильич вел одновременно несколько таких диалогов; делал пометки на повестке дня («Отложено»); записывал выступающих — фамилии, время, а когда и слова, фразы, сказанные ими; редактировал проекты постановлений, писал на них: «Утверждено. *В. Ульянов (Ленин)»*, сам предлагал формулировки решений, быстро проговаривал их, все время спрашивая: «Записали? Успели записать?»; словом, репликой, часто выступлением — их бывало по два, по шесть, по десять на заседании — участвовал в рассмотрении вопросов... («В Совнаркоме царило какое-то сгущенное настроение, *казалось, что самое время сделалось более плотным,* так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую данную минуту». *А. В. Луначарский)*

И вновь пишет записки. Правда, порой переписка носила и не столь деловой характер. Как-то Владимир Ильич получил записку: «Начался перелет перепелов. Надо срочно поехать на охоту, чтобы не пропустить лет». Ленин прочел, вздохнул и написал в ответ: «Я рад бы в рай, да...» (Только в 1922 году — «узнав от врачей, что такое раздвоение внимания вызывает сильное утомление и может снова ухудшить состояние здоровья Владимира Ильича, я попросила товарищей посылать ответы на записки Владимира Ильича мне, с тем, что я буду передавать их ему после заседания. На первом же заседании, не получая ответов и заметив скопление записок на столе секретаря, Владимир Ильич написал мне шутливую записку: «Вы, кажись, интригуете против меня? Где ответы на мои записки?» Пришлось отдать ему записки». *Л. А. Фотиева)*

Вынув часы в начале заседания, Ленин будет держать их весь вечер в левой руке — следит за временем выступления каждого докладчика. Оттого и записывает не только фамилию выступающего, но и время, когда предоставили ему слово. Позже установят строгий регламент («...1. Докладчикам *10* минут.

2. Ораторам 1-ый раз — 5, 2-ой раз — 3 минуты.

3. Говорить не > 2-х раз.

4. К порядку 1 за и против по 1 минуте...») А пока, заметив, что докладчик грешит общими фразами, Ленин говорит: «Тут, товарищи, не митинг; агитацией заниматься нечего, нужно говорить только дело». А если кто-нибудь попытается схитрить, выиграть время, попросив слово к порядку ведения, Ленин заметит: «Извините, это не к порядку, а к беспорядку».

Правда, не всякого докладчика удавалось унять. Иногда все-таки приходилось выслушивать. В этих случаях Владимир Ильич слушал не о чем говорит докладчик — здесь полезного не почерпнешь,— а как говорит. Ленин назвал это занятие «размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях», написав однажды в ходе заседания страничку «Об очистке русского языка» («Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы? ...Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?» Для себя написал, чтобы не терять попусту времени, а прочтут эти заметки много позже, разбирая бумаги Владимира Ильича...)

Короче, как можно короче, только по делу — все время напоминает Владимир Ильич: всякий раз в повестке заседания до сорока вопросов. Так и сегодня на очереди вопросы о финансировании заводов, изготавливающих военное снаряжение, и распределении спичек; о строительстве железных дорог для подвоза продовольствия — их так и называют: продовольственные железные дороги — и о создании фонда детского питания и об открытии столовых для детей...

Сегодня заседание Совнаркома назначено на девять часов. Сейчас откроется левая створка двери и в зал Совнаркома быстро войдет Владимир Ильич. Какие вопросы сегодня будут решены?

Нет, Владимир Ильич не выйдет из своего кабинета. Заседание Совнаркома сегодня, 30 августа 1918 года, не состоится.

Политику делают люди, и в ней есть сходное с обыденной жизнью: например, беда здесь тоже не ходит в одиночку.

«Лето 1918 года было исключительно тяжелое. Ильич уже ничего не писал, не спал ночей»,— вспомина-

ла Крупская. В мае голодом были охвачены Москва и Петроград, население всех промышленных центров Республики,— «мучительным голодом»,— подчеркивал Ленин. Недостаток топлива все пагубнее сказывался на работе заводов, железных дорог. Стремительно нарастала безработица. «Время не терпит: за непомерно тяжелым маем придут еще более тяжелые июнь и июль...» — предупреждал Ленин.

И мало этого. В середине мая Ленин говорил: «Мы присутствуем при таком положении, когда бушующие волны империалистической реакции, империалистической бойни народов, бросаются на маленький остров социалистической Советской республики, которые готовы, кажется, вот-вот затопить его...»

И мало этого. Восстание белочехов создало еще один фронт — чехословацкий. Кулацкие мятежи в Тамбове, Саратове, Ярославле. «...Всюду в деревнях раскол — беднота за нас, кулаки яростно против нас».

И мало этого. 6 июля убит германский посол Мирбах, начался мятеж левых эсеров. Пришлось взяться за оружие против тех, с кем еще недавно отправлялись одним этапом, сидели в одних и тех же тюрьмах. Мятеж разгромлен, но это не из тех побед, которые радуют. Победа одержана, а с ней еще выше поднялась мера ответственности — ответственность единственной оставшейся в стране революционной партии. «Авантюра левых эсеров привела к чрезвычайному ухудшению положения Советской власти...» Германское правительство потребовало ввести в Москву для охраны своего посольства батальон немецких солдат. В требовании было отказано: «...правительство Советской республики никогда не упускало из виду, что есть пределы, за которыми даже самые миролюбивые трудящиеся массы будут вынуждены встать и встанут, как один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой».

И мало этого. Участились террористические акты против советских работников. В конце июня эсерами убит редактор «Красной газеты» Володарский. А сегодня пришла весть из Петрограда об убийстве председателя Петроградской ЧК Урицкого, и туда по настоянию Ленина срочно выехал Дзержинский. После расправы над Володарским Владимир Ильич говорил: «Конечно, быть может, им удастся убить и еще нескольких ак-

тивных деятелей Советской власти, но это только укрепит ее в массах...»

Сколько уговаривали Владимира Ильича отказаться сегодня от выступлений на заводах. Звонили из Московского комитета — предлагали перенести на другое число. Упрашивала не выезжать в этот тревожный день из Кремля Мария Ильинична. Владимир Ильич все-таки уехал.

Заседание Совнаркома назначено на девять вечера. Уже десятый, а Ленина все еще нет,— это тревожно. Он выступает на заводе бывш. Михельсона. Но Ленин никогда не задерживается. А его все еще нет — и это очень, очень тревожно. Боже мой, да о чем же кричит эта женщина?

— Доктора! Доктора! — кричала одна из сотрудниц Совнаркома, вбежав в зал заседаний.

В тот день, когда произошло это трагическое событие, ты, мой коллега — репортер из года восемнадцатого, конечно же писал о нем на страницах газеты. Я же обращаюсь к тем же событиям спустя шесть десятилетий.

Могу представить себе — в тот вечер ты был на заводе бывш. Михельсона. Расположившись в гранатном цехе, где-то поближе к Владимиру Ильичу, ты вновь старался записать его выступление. И когда прозвучали сказанные в заключение слова: «У нас один выход: победа или смерть!», ты их записал, как все предыдущие, торопясь и не представляя, что спустя несколько минут они приобретут почти роковой смысл.

«У нас один выход: победа или смерть!» — закончил выступление Владимир Ильич, и его сразу же окружили тесным кольцом. А тебе лишь бы поскорее выбраться на улицу. Взглянул на стоящую неподалеку машину Ленина — и скорее в редакцию.

О случившемся узнал позже, когда понеслась страшная весть по коридорам редакции, заполнила все кабинеты. После одиннадцати ночи пришло обращение ВЦИК, оно пошло в номер, было передано по радио: «Всем Советам рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем.

Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина».

И с этих минут все твои мысли были прикованы к случившемуся, только к нему. Вместе со всеми ловил всякое известие о том, что говорят врачи, как чувствует себя Владимир Ильич. Наступал свободный час — ехал в кузове грузовика по Москве, раздавал в протянутый лес рук только что отпечатанный бюллетень о состоянии здоровья Ленина.

Спешил с одного митинга на другой, стараясь передать в газете то, о чем говорят люди. «Ты будешь жить, такова воля пролетариата»,— единогласно постановили собравшиеся на рабочий митинг. «Предложение выразить соболезнование т. Ленину собранием отклонено, ибо т. Ленин в таком не нуждается и ему приятнее дела, чем выражение сочувствия».

Ты жил событиями, торопился рассказать о них, старался предугадать, какое они приобретут развитие... Я же обращаюсь теперь к тому, что давно уже из события стало фактом истории.

Тебя поражало: откуда нашлись эти люди, как смогли шагнуть за преступную грань, взяться за оружие, решиться на неслыханное — стрелять в Ленина! А нам всегда было известно: такие люди существовали.

Вместе с обращением ВЦИК ты читал бюллетень № 1 о состоянии здоровья Ленина на 23 часа: «Констатировано 2 слепых огнестрельных поранения; одна пуля, войдя над левой лопаткой, проникла в грудную полость, повредила верхнюю долю легкого, вызвав кровоизлияние в плевру, и застряла в правой стороне шеи, выше правой ключицы; другая пуля проникла в левое плечо, раздробила кость и застряла под кожей левой плечевой области, имеются налицо явления внутреннего кровотечения...» И ты хотел проникнуть за эти строки, понять больше, чем было сказано в них, узнать то, что никому в ту ночь не было известно: справится ли, выживет ли Владимир Ильич. Мы же помним о том, что спустя 18 дней после покушения — 17 сентября 1918 года — Ленин вновь будет председательствовать на заседании Совнаркома.

О чем же рассказывать мне, решившему сегодня вести этот репортаж? Мой коллега, репортер из года восемнадцатого, писал о том, что случилось,— это было из ряда вон выходящим. И его конечно же не привлекало обыденное — зачем писать о том, что в поряд-

ке вещей. Но именно это — что было когда-то в порядке вещей, обыденные условия — и поражает теперь особенно.

Привычным для того времени, скажем, было то, что в этот тревожно начавшийся день, занятый множеством дел, понимая опасность выступления на митингах,— слишком взволнованно уговаривали его не выезжать из Кремля, чтобы не понимать,— Ленин успевает прочесть очередную жалобу. Начальник летучего отряда Московского военного округа Иванов-Кавказский отобрал письменные принадлежности, захватив при этом и стол, у начальника станции Бирюлево. Ленин посылает начальнику отряда обычную для себя телеграмму: «На Вас поступила жалоба, что Вы реквизировали письменные принадлежности, в том числе стол у начальника станции. Возвратите вещи тотчас. Пришлите свои объяснения по телеграфу... Требую лояльности к железнодорожникам».

...Три выстрела прозвучало на заводском дворе. Две пули поразили Ленина. «Товарищи, спокойствие! Держитесь организованно...» — успел произнести Владимир Ильич. Местная детвора бросилась за убегающей террористкой. Над упавшим Лениным склонился шофер Степан Казимирович Гиль. «Поймали его или нет?» — спросил Ленин, думая, что в него стрелял мужчина... Какими же в общем-то беззащитными, открытыми для любого нападения были они на этом быстро опустевшем заводском дворе, если, увидев вдруг бегущего к ним человека с рукой, опущенной в карман, Гиль решил отстреливаться! «В эту секунду поднимаю голову и вижу, что из мастерской бежит к нам какой-то мужчина в матросской фуражке. Левой рукой он неистово размахивал, а правую держал в кармане...

— Стой! — закричал я изо всех сил, направив на бежавшего револьвер...— Стреляю!

Не добежав нескольких шагов до Владимира Ильича, он круто повернул налево...»

А к Гилю в это время бросилась женщина: «Что вы делаете?! Не стреляйте!» Увидев человека с револьвером, склонившегося над Лениным, она была уверена — он хочет застрелить Владимира Ильича.

...Владимира Ильича усаживают в машину. Садятся провожатые. Едут. Владимир Ильич жалуется на сильную боль. Нельзя ли посмотреть, что с рукой?

«Снимаю с Ильича пальто, пиджак...— писал несколько лет спустя один из провожатых, Иван Васильевич Полуторный.— Рукав рубашки весь в крови. Разрываю его, вижу рану, из которой сочится кровь. Как остановить кровь? Едем уже по Большой Полянке... Вот дом Иверской общины, где имеется приемный покой. Не лучше ли, говорю, заехать сюда, в общину? Тут сделают перевязку».

Ленин слабеет от потери крови. Но он не знает, что может последовать за этими выстрелами, что происходит в городе. «Нигде не остановлюсь, еду прямо в Кремль». И Полуторный, случайно обнаружив у себя в кармане кусок бечевки, старается перетянуть им руку Ленина выше раны.

...Машина, не сбавляя хода, минует Троицкие ворота, не останавливается подле парадного подъезда здания судебных установлений, подъезжает к боковому входу. Владимиру Ильичу помогают выйти из машины. «Мы вас внесем, Владимир Ильич». — «Я пойду сам... Снимите пиджак, мне так легче будет идти...» В этой лестнице — пятьдесят две ступени. Одолеешь их быстрым шагом — и сбивается дыхание. Пятьдесят две ступени прошел дважды раненный Ленин, поднимаясь на третий этаж.

...В Кремле — ни врача, ни медицинского пункта. Единственный оказавшийся в ту минуту медик — и тот из бывших докторов — нарком социального обеспечения Александр Николаевич Винокуров приехал на заседание Совнаркома. Ульяновы хотели, чтобы Владимира Ильича сразу же посмотрел давно знакомый им доктор Обух, но его не нашли: как и все партийцы, он выступал в этот вечер на митинге.

...Рана продолжала кровоточить, и следовало часто менять повязку. А бинтов в достатке не было, и негде их взять в такой час. Одна из сотрудниц секретариата Совнаркома, оставшись на ночь в Кремле, не переставая стирала бинты.

...Крупская приехала позже. Гиль, встретив у подъезда, стал рассказывать, старался, видно, подготовить. Надежда Константиновна оборвала его: «Вы скажите только, жив Ильич или нет?» Двери в квартире были раскрыты настежь, всюду толпились люди. «Около вешалки стоял Яков Михайлович Свердлов, и вид у него был какой-то серьезный и решительный. Взглянув

на него, я решила, что все кончено. «Как же теперь будет?», — обронила я. «У нас с Ильичем все сговорено»,— ответил он. «Сговорено, значит, кончено»,— подумала я».

...Марии Ильиничне — она побежала по ступенькам лестницы вниз, встречая Владимира Ильича,— он сказал: «Успокойся, ничего особенного, немного ранен в руку».

Винокурову, который застал Ленина в спальне, раздевающимся у кровати: «Подкузьмили мне руку».

Надежде Константиновне, когда она вошла в комнату: «Ильичева кровать была выдвинута на середину комнаты, и он лежал на ней бледный, без кровинки в лице. Он увидел меня и тихим голосом сказал минуту спустя: «Ты приехала, устала. Поди ляг». Слова были несуразны, глаза говорили совсем другое: «Конец».

После первого же осмотра доктору Б. С. Вейсброду: «Скоро ли конец? Если скоро, то скажите мне прямо, чтобы кое-какие делишки не оставить».

Луначарскому, который, по словам Крупской, смотрел испуганными и жалостливыми глазами: «Ну чего уж тут смотреть».

Хирург В. Н. Розанов — его пригласили ранним утром следующего дня — вспоминает: «Беру Владимира Ильича за правую руку, хочу пощупать пульс, Владимир Ильич слабо жмет мою руку, очевидно здороваясь, и говорит довольно отчетливым голосом: «Да ничего, они зря беспокоятся»... Ищу пульс и, к своему ужасу, не нахожу его, порой он попадается, как нитевидный». И еще одна фраза, сказанная Розанову: «Ничего, ничего, хорошо, со всяким революционером это может случиться».

Покушение на Ленина вызвало гнев и осуждение миллионов. Низость и коварство этого поступка заставили содрогнуться, пересмотреть свои позиции и многих его противников.

Едет из Петрограда в Москву Горький. Он не встречался с Владимиром Ильичем со времени победы революции, «и даже издали его не видел», как писал сам Алексей Максимович. Еще недавно на страницах «Новой жизни» Горький рассуждал о «деспотизме полуграмотной массы», писал, как велико его подозрение «к русскому человеку у власти», наконец, обви-

нял Ленина в «безжалостном отношении к жизни народных масс». «Поворот в моих суждениях,— вспоминал Горький,— наступил, когда рабоче-крестьянская масса, как один человек, встала на защиту Ильича после покушения на него...» И в своем очерке «Ленин» Алексей Максимович пишет: «Я пришел к нему, когда он еще плохо владел рукой и едва двигал простреленной шеей».

Просторная комната с роялем — она подле той, где жила Мария Ильинична,— стала называться с тех пор «докторской». В ней поздним вечером 30 августа собрались врачи, они сказали друг другу то, о чем остерегаются говорить родственникам больного: «Жизнь Владимира Ильича на волоске от смерти».

Н. А. Семашко: «Ранение было исключительно тяжелое. Пуля, пронизавшая грудную клетку, залила ее кровью, порвав крупные сосуды. Пуля, попавшая в шею, прошла настолько близко от жизненно важных сосудов (сонная артерия и вена), что Владимир Ильич первые дни выделял с кашлем мокроту». В. Н. Розанов: «Тяжелое ранение, очень тяжелое, но он сильный».

И начался отсчет времени по новому летосчислению, от 30 августа,— первый день после ранения, второй, третий, четвертый...

В первый день после ранения газеты писали о том, как пришли в Кремль представители 1-го Московского стрелкового полка — три красноармейца. Только что закончился митинг, и им поручили передать Ленину принятую на нем резолюцию. Они выполнили поручение: вошли в комнату, где лежал раненый Владимир Ильич, и положили на кровать резолюцию полка: «Тысячами жизней должна заплатить буржуазия за покушение на вождя». Репортеру важно было передать то негодование, которое охватило красноармейцев, когда они услышали о покушении на Владимира Ильича. Само же появление бойцов у постели Ленина моего коллегу, скорее всего, не удивляет. А между тем в комнату, где лежит тяжело больной человек,— по нашим временам и родных бы не допустили,— входят трое красноармейцев, причем, появившись в квартире, они даже не думают раздеться — входят в комнату при полной экипировке. Представьте себе троих парней — в сапогах, шинелях, папахах — только что при-

бывших с митинга. И не силой же прорывались они,— получили, очевидно, разрешение дежуривших врачей. А ведь несколькими часами раньше Розанов не мог обнаружить пульс у Владимира Ильича, просил его лежать спокойно и не разговаривать. Позже один из этих красноармейцев, П. Новиков, писал, что они не расстались даже с оружием: «Ильич глазами поманил, чтобы я подошел поближе. Мне мешала винтовка, я ее отдал товарищу и подошел совсем близко, наклонившись к постели». Как могло все это произойти?— спрашиваешь теперь и не находишь ответа. Наверное, надо жить в том времени, разделить нормы тех отношений, проникнуться той близостью к людям труда, которая всегда отличала Ленина,— тогда только и сумеешь понять...

Листая страницы «Биографической хроники», воспоминания, газеты тех дней, узнаешь о просьбах, с которыми обращался Владимир Ильич сразу же после ранения, о делах, которыми, несмотря ни на что, продолжал заниматься. И возникает своеобразная — нет, не история болезни, а, скажем так — история болезни вопреки.

В первый день после ранения, как писали «Известия ВЦИК», «товарищ Ленин первым долгом потребовал газеты. Врачи категорически запретили ему читать».

О втором дне свидетельствует Я. М. Свердлов, отвечая на запрос из Петрограда: «Больной шутит, заявляет врачам, что они ему надоели, не хочет подчиняться дисциплине, шутя подвергает врачей перекрестному допросу, вообще «бушует».

Третий день после ранения. Владимир Ильич уже заговаривает о том, когда ему наконец вновь удастся выступать на рабочих митингах. Это передает в девять часов вечера по прямому проводу в Петроград Л. А. Фотиева.

И наконец, шестой день после ранения. В начале дня В. Д. Бонч-Бруевич передал в Петроград: «Сегодня утром Владимир Ильич попросил: «Давайте костюм, хочу вставать». И оказалось — не только попросил, но и встал — на шестой день после ранения. В 11 часов вечера в Петроград было передано сообщение: «Сегодня Владимир Ильич в первый раз поднялся с посте-

ли. Воспользовавшись отсутствием врачей, он попросил дежурного санитара помочь ему встать. Владимир Ильич встал и прошелся по коридору. Температура от этого поднялась, но Владимир Ильич чувствует себя победителем».

И уже на следующий день Ленин начинает работать — здесь, в своей комнате. «Красная газета» так и писала: «Вчера (6 сентября.— *Е. Я.*), в пятницу, в 1 час 10 мин. дня товарищ Ленин начал опять работать». Владимир Ильич пишет письмо наркому земледелия С. П. Середе — с трудом выводит буквы: «Очень жалею, что Вы не зашли. Напрасно послушались «переусердствовавших» докторов». А дальше спрашивает о том, как идут дела в Елецком уезде, и пишет, как им следовало бы идти. И тогда же В. А. Обух сообщит корреспонденту «Петроградской правды»: «Ильич и сейчас готов встать, все рвется к работе: дай ему газеты, подай ему тов. Мещерякова (что вернулся недавно из Англии), расскажи ему, что делается в ЦИК и в Совнаркоме, одним словом, проявляет живейший интерес к положению дел».

Идет тринадцатый день после ранения, и «Красная газета» сообщает: «Товарищу Ленину разрешили сидеть и читать». Спустя много лет автор книг о Владимире Ильиче, кропотливый исследователь всего, что связано с биографией Ленина, Ю. М. Юров обнаружит информацию, опровергающую это сообщение. Уже через неделю после ранения, 6 сентября, газета «Голос трудового крестьянства» публиковала: «ВРАЧИ РАЗРЕШИЛИ ТОВ. ЛЕНИНУ ЧТЕНИЕ. Спешим поделиться с товарищами радостным известием: редакция получила письмо с просьбой выдать комплект газеты с 30-го августа для тов. Ленина».

И все последующие дни Ленин принимает посетителей, отдает распоряжения. Получает телеграммы и отправляет свои. «Удивлен и встревожен замедлением операции против Казани, особенно если верно сообщенное мне, что вы имеете полную возможность артиллерией уничтожить противника». «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил».

На пятнадцатый день после ранения Ленин впервые выходит из дому, он слушает концерт народного

хора под управлением М. Е. Пятницкого. Пройдет еще два дня, и «Известия» опубликуют сообщение: «Члены Центрального Комитета, для которых появление Ильича было неожиданным, приятным сюрпризом, горячо приветствовали своего вождя и учителя, возвращающегося к любимой работе после вынужденного перерыва». На восемнадцатый день после ранения Ленин участвовал в заседании Совнаркома.

Строки этой своеобразной хроники освещены добрыми улыбками очень многих людей — родных Ленина, его сподвижников, врачей, журналистов — тех, кто в полной мере пережил ужас неотвратимого в первые часы после покушения, а затем безмерно был счастлив, узнав об успешном выздоровлении Владимира Ильича. Но если мы хотим понять самого Ленина — как реагировал на то, что произошло, насколько был готов к этому,— здесь, скорее всего, не обойтись без вопросов. Отчего, собственно говоря, Ленин так часто поступает болезни вопреки? Скромность, обычное нежелание привлекать внимание к своей персоне, воспитанность Владимира Ильича, не позволяющая делить свои личные беды с другими? Но здесь тот случай, когда поступки Ленина, скорее всего, доставили немало хлопот и переживаний врачам, медицинскому персоналу.

Ленин подчеркнуто не желает считаться с болезнью. А между тем можно было ожидать, что человек, вдруг оказавшийся у предела жизни и смерти, обратится мыслями к себе, станет по-иному смотреть на мир, не будет, наконец, противиться инстинкту самосохранения, сработавшему в ответ на неожиданно обрушившуюся беду... Но ведь подобное могло произойти и год, и месяц, и день, и час назад. И все это время, конечно же понимая реальность угрозы, Ленин жил, работал, не считая для себя возможным думать о ней. Теперь это произошло. Да, он сразу же осведомился, чем все может кончиться: если очень худо, надо бы привести в порядок кое-какие дела. Но вроде бы пошел на поправку. А если так, то нечего и в расчет принимать то, что никогда не принимал. Думай он, поступай иначе — и путь бы в жизни избрал иной.

Доктору Розанову Ленин сказал: «...со всяким революционером это может случиться».

Услышав от Горького слова возмущения по поводу предательских выстрелов, сказал неохотно, как говорят о том, что надоело:

— Драка. Что делать? Каждый действует, как умеет.

За два месяца до ранения Ленин писал о том, что революцию сравнивают с родами. «Возьмем описание акта родов в литературе,— те описания, когда целью авторов было правдивое восстановление всей тяжести, всех мук, всех ужасов этого акта, например, Эмиля Золя «La joie de vivre» («Радость жизни») или «Записки врача» Вересаева. Рождение человека связано с таким актом, который превращает женщину в измученный, истерзанный, обезумевший от боли, окровавленный, полумертвый кусок мяса. Но согласился ли бы кто-нибудь признать человеком такого «индивида», который видел бы *только* это в любви, в ее последствиях, в превращении женщины в мать? Кто на *этом* основании зарекался бы от любви и от деторождения?

Роды бывают легкие и бывают тяжелые. Маркс и Энгельс, основатели научного социализма, говорили всегда о *долгих муках родов,* неизбежно связанных с переходом от капитализма к социализму».

Да, что касается его личной судьбы, Ленин был готов ко многому...

Ленин ранен. Кабинет его пустует. Изредка там работает Свердлов. Но чаще никого нет. Однако горит на столе лампа под зеленым абажуром. Работает Совнарком. Дежурят секретари.

Свет от лампы невелик, чуть проступает сквозь стекло абажура. (Спустя полвека будут ломать голову, где бы отыскать такую же лампочку, обратятся со специальным заказом на завод — не делают в наши времена лампочек в шестнадцать свечей.) И еле различимы в темноте корешки томов, поднявшихся на книжных полках. Книг много, только в кабинете боле двух тысяч.

Здесь, в Кремле, на сорок девятом году жизни он впервые получил возможность собрать свою библиотеку. Возможность иметь под рукой, снять с полки нужную работу, отчеркнуть абзац, сделать пометку на полях своей книги. Здесь впервые пришла возможность собрать труды тех, чьи идеи постиг, чей гнев разделил,

чью борьбу продолжил. Собрал книги, а значит, получил возможность общения с их авторами. Вырвалось же как-то у Владимира Ильича: «Надо посоветоваться с Марксом».

Среди очень немногих книг, которые всю жизнь сопутствовали Владимиру Ильичу, прошли вместе с ним долгими дорогами эмиграции,— труды Маркса и Энгельса. Книги на русском и немецком языках, много раз прочитанные, испещренные пометками.

В кабинете Ленина — Собрание сочинений Н. Г. Чернышевского... В 1888 году, отбыв каторгу, приехал из Якутского улуса в Астрахань больной и измученный Николай Гаврилович Чернышевский. И Владимир Ульянов обратился к нему с письмом,— уходящему из жизни вождю революционных демократов писал юноша, которому суждено было стать вождем пролетарской революции.

Ленину было тогда восемнадцать,— значит, он уже знал произведения Чернышевского, уже произошло то, о чем Владимир Ильич сам говорил: *«Он меня всего глубоко перепахал»*. И номера журнала «Современник», опять же по рассказу самого Ленина, «прочитал до последней строчки и не один раз. Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом... Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли, и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса». Ленин всегда оставался благодарным читателем Чернышевского. Уже в годы эмиграции, услышав както в парижском кафе пренебрежительный отзыв о героях «Что делать?», Владимир Ильич сразу же встрепенулся:

— Отдаете ли вы себе отчет, что говорите? Как в голову может прийти чудовищная, нелепая мысль называть примитивным, бездарным произведение Чернышевского, самого большого и талантливого представителя социализма до Маркса? Сам Маркс называл его великим русским писателем.

В разговоре с Луначарским Крупская как-то делилась своими наблюдениями: вряд ли кого-нибудь Владимир Ильич так любил, как любил Чернышевского. Это был человек, которого он чрезвычайно уважал. «Я думаю,— говорила Надежда Константиновна,— что

между Чернышевским и Владимиром Ильичем было очень много общего».

И одним из самых первых советских изданий — еще в 1918 году — было Собрание сочинений Н. Г. Чернышевского. Тогда же увидело свет двадцатидвухтомное Собрание сочинений А. И. Герцена. Владимир Ильич писал, что Герцен «поднял знамя революции». Декабристы разбудили Герцена. «Пять виселиц сделались для нас пятью распятиями»,— писал он в «Полярной звезде» о казни декабристов. Герцен, Чернышевский... герои «Народной воли»... большевики.

Стоят на полках книги. «Книга,— писал Герцен,— это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить; приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место». Радищев, Герцен, Чернышевский — ссылка, эмиграция, каторга. В библиотеке Владимира Ильича — книги о Перовской, Желябове, Халтурине. Казнена, казнен, казнен...

И здесь же работы еще совсем молодых авторов — они станут героями и мучениками грядущих испытаний. Эрих Мюзам — «Земля в огне. Стихи». Предисловие к этой книге — «Узник крепости Нидершененфельд...» — автор писал, будучи заключенным немецкой контрреволюцией на 15 лет в тюрьму. Он первым в демократической поэзии XX века создал образ революционного героя. И его вновь схватили в ночь поджога рейхстага. Его били так, что кровавой опухолью вывалилось внутреннее ухо. Его замучили в фашистском лагере. Но прежде были стихи — «Погибшему в тюрьме»:

Ты умер, пыткой смертною замучен.
Но твой призыв с тобою не затих.
Твой голос жив. Для нас он снова звучен,
Еще звучней, чем голоса живых.

И здесь же, на полках ленинской библиотеки, книга «Как любить детей». Предисловие к ней написала Крупская. Автор — Корчак. Спустя сорок лет он будет бороться за жизнь детей в Варшавском гетто и вместе со своими воспитанниками шагнет в газовую камеру Треблинки...

В представлениях Маркса революция всегда соединяется с трагическим: подлинное социальное осво-

бождение никогда не обходится без жертв, борьбы, кровопролития. А судьба истинных революционеров, как писал Маркс, «может быть только трагичной». Владимиру Ульянову было восемнадцать, когда он сел за изучение трудов Маркса. Мысли его соотнес со своим будущим.

...Вскоре Ленин вновь вернется в свой кабинет. Минуют годы, и он покинет его навсегда. Лишь иногда сюда станет заглядывать Надежда Константиновна, отбирать нужные ей для работы книги. Среди них и книги Ленина — революционера всей жизнью своею.

* * *

Вечером 17 сентября открылась высокая двустворчатая дверь, ведущая из кабинета Владимира Ильича в зал Совнаркома. Сперва распахнулась левая створка, а потом чуть приоткрылась и другая. Появился Ленин. Из двери шагнул боком, опасаясь задеть руку на перевязи. Было ровно восемь вечера. В зале собрались наркомы. Заранее собрались — не было в тот раз опоздавших.

А глубокой ночью доктор Вейсброд звонил по телефону, выполняя просьбу Марии Ильиничны, на заседание Совнаркома: Владимиру Ильичу нельзя переутомляться, он должен уйти с заседания — время давно за полночь. Трубку взял Свердлов: «Ничего не можем с ним сделать. Единственный выход — закрыть сейчас заседание».

Штрихи биографии

УБЕЖДЕНИЯ

Согласитесь, произвести однажды впечатление о себе как о человеке воспитанном — доступно практически каждому. А зная наверняка, что в противном случае неминуемы издержки, моральные или материальные — это уже неважно, почему бы и не постараться предстать таким, каким хотят тебя видеть. Наконец, существует дань моде, подобно вошедшему в оборот — «благодарю за внимание». Стоит ли, впрочем, распространяться о том, что воспитанность, исполняемая лишь по заявкам окружающих, не имеет ничего общего с подлинной духовной культурой.

Непредвзято судить о воспитанности каждого из нас, нашей интеллигентности дано повседневности. В обыденных поступках находим мы самое убедительное подтверждение того, что человек не просто умеет вести себя, а истинно воспитан, качество это стало его сутью, дыханием и почерком.

Дыханием и почерком. Читая письма, телеграммы, записки Владимира Ильича, отмечая привычные для него обороты, понимаешь: часто Ленин писал, не отрывая пера от бумаги, почти непроизвольно. Скоропись, которая говорит о многом.

Обсуждая вопрос о замене разверстки продналогом, Владимир Ильич беседовал с крестьянами. Пригласил он, как мы знаем, и земледельцев из села Бекетова — А. Р. Шапошникова, Т. И. Кондрова — «для совета по важным делам, касающимся крестьянства и крестьянского хозяйства». Обратимся еще раз к телеграмме, отправленной 1 марта 1921 года председателю Уфимского губисполкома. Помните, Ленин указывал в ней: «В случае согласия (Шапошникова и Кондрова.— *Е. Я.*) немедленно устройте поездку в вагоне делегатов партсъезда, обеспечьте на дорогу продовольствием и всем необходимым, окажите всяческое внимание, заботливость». Владимир Ильич не вызывает к себе двух крестьян, а приглашает на беседу, беспокоясь при этом, чтобы поездка от Бекетова («36 верст от Уфы по Оренбургскому тракту»,— разъясняет он председателю губисполкома, где находится это самое Бекетово) до Москвы не была сопряжена с обычными для того времени трудностями.

Но особенно характерны слова, с которых начинается фраза: «В случае согласия...» Иначе говоря, если крестьяне захотят встретиться с Председателем Совета Народных Комиссаров Ульяновым (Лениным),— сочтут для себя возможным и найдут для этого время — необходимо предпринять следующее... Даже представить себе такую ситуацию нелегко. И все-таки полагаю, что Владимир Ильич написал эту фразу, не отрывая пера от бумаги: он приглашал не должностных лиц, а советчиков, тех, кто лишь по доброй воле мог помочь ему в работе. Написал так же естественно, как необходимы были для существа дела, а не формы ради встречи с крестьянами. Написал как само собой разумеющееся, потому что это было лишь отражением более важно-

го и принципиального, о чем спустя пятнадцать дней скажет Владимир Ильич в докладе на X съезде партии: «Как крестьянина удовлетворить и что значит удовлетворить его? Откуда мы можем взять ответ на вопрос о том, как его удовлетворить? Конечно, из тех же самых требований крестьянства».

Откройте ленинские тома, вновь прочтите письма, записки — и вас взволнует деликатность Владимира Ильича, его постоянное стремление как можно меньше отягощать окружающих своей персоной. Уезжает в Горки лечиться и пишет наркомам: «...я очень просил бы поставить осведомление меня о наиболее важных делах и о ходе выполнения наиболее важных решений, планов, кампаний и т. д...» А следом строчка: «Если наркому самому неудобна эта работа, прошу сообщить, на кого именно (зама, члена коллегии, управдела или секретаря и т. п.) он ее возлагает...»

Чрезвычайно велика была щепетильность Ленина во всем, что касалось денежных расчетов. Пишет из Цюриха в Женеву С. Н. Равич: «Я Вам должен за библиотеку — проверьте по книжечке — **за год** плюс за обед (1.50 или около того)». А когда В. А. Карпинский и С. Н. Равич в ответ на это послание сообщили, очевидно, что они не считают для себя возможным вести расчеты по столь незначительным суммам, Ленин пишет вновь: «Дорогие друзья! Напрасно вы поднимаете «историю»... Деньги посылаю; за обед *в ресторане* и за библиотеку (*после* о*днажды* заплаченного о*дного* месяца за все остальные) еще не заплачено.

Прилагаю 16 frs и надеюсь, что Вы не будете настаивать на своем, явно несправедливом и неправильном, желании».

Так было в эмиграции, где всем нелегко давалось сводить концы с концами. Но и в другие времена, когда, казалось бы, все изменилось, Ленин остается верен себе. В Кремль на прием к Председателю Совета Народных Комиссаров приходит профессор истории Московского университета А. И. Яковлев. Он хлопочет за своего отца И. Я. Яковлева, которого отстранили в Симбирске от руководства учительской семинарией. И Ленин телеграфирует в Симбирск: «Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева

надо не отрывать от дела его жизни». Однако Иван Яковлевич трудился на родине Владимира Ильича, работал вместе с его отцом — Ильей Николаевичем, был хорошо знаком семье Ульяновых. А потому, заступаясь за старого учителя, Ленин рассматривает это как свое частное дело и в верхней части телеграммы дописывает своей рукой: «Прошу прислать мне *лично* счет за эту телеграмму».

Так мы подходим к одной из определяющих особенностей нравственного облика Владимира Ильича, его образа жизни — к ленинской скромности. Тема эта — одна из ведущих в воспоминаниях современников, в произведениях публицистики и художественной литературы, во всей, почти необозримой ныне, Лениниане. Примеры скромности Владимира Ильича у каждого на устах, и у каждого в памяти свой образ, олицетворяющий это прекрасное качество.

Я, например, вспоминаю дом в Горках. На массивном столе постелена потрескавшаяся, с выцветшим рисунком клеенка — небольшой квадратик, занимающий ничтожную часть обширной полированной поверхности, которую опасались повредить Надежда Константиновна и Владимир Ильич. (Со временем этот квадратик пришел в ветхость. И заказали новую клеенку — точно такую же, но во весь стол. Такая клеенка семье Ульяновых была бы не нужна, как и весь этот стол.)

Само собой разумеется, скромность находит выражение в любом проявлении личности, в каждом поступке человека. И все-таки, стараясь прежде всего отдать дань скромности Владимира Ильича, не заслоняем ли мы порой другие, не менее важные особенности его характера?

По первому требованию часового Ленин предъявляет пропуск. Пишет управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу: «Мою библиотеку оплачиваю я *лично*... Другое дело библиотека *Управления* делами СНК» Подобных примеров можно привести множество.

Но как осмыслить их? Мы привычно говорим — скромность. Скромность? Между тем нравственные законы нашей партии убеждают, что коммунист не может достигнуть такого служебного положения, при котором принятые для всех установления ему не обязательны, а соблюдение их — свидетельство скромности. А в основе эпизодов, о которых шла речь,— суровая,

чрезвычайно жесткая требовательность Ленина к неукоснительному исполнению существующих законов и порядков, глубочайшая убежденность, что закон остается таковым до тех пор, пока он обязателен для всех. Эта убежденность обострялась временем — широким разливом революционного законотворчества. Тем важнее было строго соблюдать то, что, установленное вчера, сегодня уже вошло в силу.

Но и закончив это отступление, не хочется ставить точку. Надо бы проникнуть к истокам ленинской скромности, соотнести ее со всей жизнью, всем обликом Владимира Ильича. Мне кажется это необходимым, поскольку черты характера не существуют сами по себе, вне связи с другими. И, увлекаясь одной из них, выделяя и абсолютизируя ее, мы нарушаем живую ткань целого. И то, что было естественным, вдруг становится трудно объяснимым.

Как осмыслить и оценить ту же скромность, не зная, чем порождена она? Кто-то, например, скромно довольствуется тем, что имеет, не представляя иного существования и потому не испытывая в нем потребности. Существует скромность по расчету: когда-нибудь да воздастся за нее.

Владимир Ильич — сын семьи Ульяновых. Принятые в ней нормы и разделяемые идеалы продолжали то, что было выстрадано героями и мучениками русского революционного движения: кристальная чистота помыслов и отношений, стремление к самосовершенствованию и совершенствованию окружающей жизни, яростное горение бунтарского духа.

В своей семье с юных лет привык Владимир Ильич не к самоограничению — нет, в самоограничении есть элемент насилия над собой,— привык к такому взгляду на жизнь, при котором все, что подразумевается под материальными благами, имеет смысл постольку, поскольку необходимо для удовлетворения естественных потребностей человека. И только духовное богатство может быть безграничным, и только здесь стремления к приобретению и накопительству достойны человека. Это — богатство, которое не положишь в карман и не повесишь на стену, а потому бросовое в представлениях одних, имело в семье Ульяновых такую реальную, такую остро ощутимую ценность, как понимаем мы порой, что самый вкусный напиток — холодная вода и са-

мое лакомое блюдо — свежеиспеченный черный хлеб.

Скромность Владимира Ильича была и свойством его натуры, и политической линией коммуниста Ленина, одним из выражений тех принципов, которым он следовал. Вот как пишет об этом американский журналист Альберт Рис Вильямс: «Своей личной жизнью Ленин показывал пример той железной дисциплины, которую вводил в общественную жизнь...

Я жил в гостинице «Националь», когда Ленин поселился там в комнате на втором этаже. Новый, советский режим прежде всего отменил здесь изысканные и дорогие блюда... Можно было получить либо суп и мясо, либо суп и кашу. Это все, что мог иметь любой, будь он народным комиссаром или чернорабочим, иными словами, в полном соответствии с требованием: «Ни один не должен есть пирожных, пока все не получат хлеба». Но бывали дни, когда людям не хватало даже хлеба. И все же Ленин получал ровно столько, сколько получал каждый. Временами наступали дни, когда хлеба совсем не было. В эти дни не получал хлеба и он...

В письме к рабочим Европы и Америки Ленин писал о тех бедствиях, тех муках голода, на которые обрекло рабочие массы военное вмешательство Антанты. Все это Ленин переносил вместе с массами». И, как бы подводя итог сказанному, А. Рис Вильямс пишет: «Ленин переносил эти лишения не из аскетических побуждений. Он просто проводил в жизнь принцип равенства».

Можно возразить автору этих строк: Ленин боролся за утверждение социального равенства, которому чужда примитивная уравниловка, как глубоко чуждо было Ленину все то, что произрастает на делянке казарменного коммунизма. Но если бы мы действительно имели такую возможность — обратиться к очевидцу и участнику становления Советской власти, коммунисту по убеждениям А. Рис Вильямсу,— он, очевидно бы, и ответил нам: человек, посвятивший себя установлению социального равенства — во всей сложности этой проблемы, не мог быть чужд по отношению к самому себе, своей личной жизни идеи равенства в ее первоначальном и простейшем выражении. Все сложное проистекает из простейшего, как начался долгий и сложный путь социалистической революции с декретов, понятных всем и каждому...

Обращаясь к жизни Владимира Ильича, мы говорили все время о его личной скромности. Но правомерно ли это разделение на жизнь личную и общественную по отношению к человеку, об удивительной цельности натуры которого свидетельствуют все его современники? Один из них, В. В. Воровский, писал: «Трудно представить себе более цельное сочетание в одном лице громадной мысли, могучей воли и великого чувства: Владимир Ильич как бы вытесан весь из одной глыбы, и нет в нем линий раскола».

Скромность образа жизни находила естественное продолжение в скромности политической, в безукоризненно скромном отношении Ленина к себе, к партии, им созданной, к победам, ею одержанным. Обратимся к одному из знаменательных выступлений Владимира Ильича — речи, произнесенной 23 апреля 1920 года на собрании, организованном Московским комитетом РКП(б) в честь пятидесятилетия В. И. Ленина.

Этим событиям посвящен «Рассказ в документах», здесь же напомним лишь, что Владимир Ильич резко возражал против каких-либо торжеств по случаю его пятидесятилетия. И на вечере он появился лишь после того, как были произнесены приветствия в его честь. И, поблагодарив товарищей за теплые слова, адресованные ему в этот день, выразил еще большую благодарность за то, что был избавлен от выслушивания юбилейных речей. Начал было говорить о себе и тут же: «Затем мне хотелось несколько слов сказать по поводу теперешнего положения большевистской партии». И все это без видимого перехода, не затрудняясь подыскиванием для него слов, одно лишь «затем».

И снова неожиданность: Ленин говорит, что на эту мысль — поговорить о современном положении партии — навели его строки, написанные Карлом Каутским восемнадцать лет тому назад.

В 1902 году Каутский рассуждал о перемещении революционного центра, о том, что Россия послужит источником революционной энергии для Западной Европы и, «как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее».

Ради чего приводит Ленин такую обширную цитату — в выступлении, уместившемся на двух с небольшим страницах, она занимает почти целую страницу? Почему, наконец, именно эти строки, написанные восемнадцать лет назад автором, который с тех пор успел стать врагом (злейшим врагом — подчеркивает Ленин) социалистической революции, были на памяти у Владимира Ильича в день его пятидесятилетия? Чтобы ответить на эти вопросы, покинем на время юбилейный вечер и вернемся туда, где был до этого Ленин,— в его кабинет. Подчинившись многочисленным уговорам приехать в Московский комитет партии, Владимир Ильич прервал работу, которой был занят и увлечен.

27. IV. 1920 — этой датой помечен основной текст «Детской болезни «левизны» в коммунизме». Значит, юбилейный вечер состоялся за четыре дня до завершения этой работы, когда Ленин был поглощен исследованием стратегии и тактики международного коммунистического движения, или, как он сам пометил в рукописи, «опытом популярной беседы о марксистской стратегии и тактике». Владимира Ильича подгоняли сроки: текст брошюры предстояло перевести на иностранные языки и издать до начала II конгресса Коммунистического Интернационала.

Лишь открыв «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме», уже на второй странице мы читаем ту же цитату Каутского — от первого до последнего слова. Так и видишь Ленина за рабочим столом; кажется, что он только успел закрыть кавычки, пометить следом: «Хорошо писал 18 лет тому назад Карл Каутский!», как вынужден был прервать работу и поехать на вечер. Приехав на него, он как бы продолжит работу: повторит цитату и скажет следом: «Вот как 18 лет назад писал про революционное движение в России выдающийся социалист, с которым нам пришлось теперь порвать так решительно». В повторении этом — непроизвольность выступления Владимира Ильича: он говорит о том, чем заняты его мысли.

На первый взгляд может показаться, что, дважды обращаясь к цитате, Ленин размышляет в каждом случае о разном. В работе он анализирует международное значение Октябрьской революции. Это как бы взгляд извне: Ленин стремится взглянуть глазами коммунистов других стран, помочь им осмыслить международную

значимость Октября, историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что произошло в России. В связи с этим и ссылка на Каутского. Выступление на вечере — это уже взгляд изнутри, от себя. Ленин говорит, что ожидания от русской революции были непомерно велики, слова Каутского — подтверждение тому. Теперь революция свершилась, одержаны блестящие победы, но нельзя забывать, что в силу условий, в которых она проходила, большевики не имели пока возможности приступить надлежащим образом к решению задач, составляющих сущность социалистического переворота.

Здесь-то и перекрещиваются взгляд извне и взгляд изнутри, сливаются в единый взгляд коммуниста-интернационалиста, которому в одинаковой мере присущи и политическая трезвость, и политическая скромность. Не переоценивать своих побед, полагая, что уже воплощены в экономическом и политическом смысле идеалы социалистической революции, говорит Ленин на юбилейном вечере. А во втором абзаце своей работы он пишет: «...было бы ошибочно упустить из виду, что после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в «советском» и в социалистическом смысле) страной».

Владимир Ильич в своей речи говорит собравшимся, что, не понимая всего этого, можно, «пожалуй, попасть в очень опасное положение,— именно, в положение человека, который зазнался. Это положение довольно глупое, позорное и смешное». Такая опасность «должна быть сугубо учтена всеми большевиками порознь и большевиками, как целой политической партией». Вот он, переход не по форме, а по существу от того, о чем говорил Ленин в самом начале, касаясь себя,— к партии, которой и посвятил выступление.

В беседе с М. С. Ольминским Ленин заметил: «Вы не можете представить себе, до какой степени неприятно мне постоянное выдвигание моей личности». В этих словах — одно из многочисленных свидетельств той исключительной взыскательности, с которой относился Владимир Ильич к упоминанию своего имени, к оцен-

кам своей роли в судьбах революции, делах партии и государства.

Широко известен, например, эпизод, рассказанный В. Д. Бонч-Бруевичем: первый раз после ранения появившись в своем кабинете, Ленин взялся за просмотр накопившихся газет.

«Вхожу, вижу: Владимир Ильич сильно побледнел, встречает меня взволнованным взглядом и с упреком говорит мне:

— Это что такое? Как же вы могли допустить?.. Смотрите, что пишут в газетах?.. Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой, сякой, все преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком, а вот здесь какая-то мистика... Коллективно хотят, требуют, желают, чтобы я был здоров... Так, чего доброго, пожалуй, доберутся до молебнов за мое здоровье... Ведь это ужасно!.. И откуда это? Всю жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности отдельного человека, давно порешили с вопросом героев, а тут вдруг опять возвышение личности! Это никуда не годится...

Я не мог вставить ни одного слова в эту взволнованную речь, и, боясь, что Владимир Ильич сильно повредит себе таким волнением, я тихонько, как только он остановился, стал говорить ему о том, что любовь масс именно к нему беспредельна... что Управление делами и я лично осаждены бесконечными телефонными запросами, письмами, телеграммами, депутациями от фабрик, заводов, союзов: все хотят знать о его здоровье... все это и отражается, как на фотографической пластинке, в газетах, в статьях, письмах, постановлениях, решениях фабрично-заводских коллективов...

— ...Знаете что: вызовите Ольминского, Лепешинского и сами приходите ко мне. Я буду просить вас втроем объездить сейчас же все редакции всех больших и маленьких газет и журналов. И передать то, что я вам скажу: чтобы они умненько, с завтрашнего дня, прекратили бы все это и заняли страницы газет более нужными и более интересными материалами... Пожалуйста, сделайте это поскорее».

Эпизод этот в столь подробном изложении записан почти четыре десятилетия спустя — в 1955 году. Однако в основе своей он несомненно документален. 16 сентября 1918 года Владимир Ильич приступил к

работе. А через три дня «Известия ВЦИК» вместе с последним бюллетенем о состоянии здоровья Ленина — «Температура нормальная. Пульс хороший... Разрешено заниматься делами» — публиковали и его письмо в газету: «На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочувствия, покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами».

Главное же — Бонч-Бруевич доподлинно передает атмосферу того времени, о которой рассказывается и во многих других воспоминаниях. «...Ни на заседаниях, собраниях, съездах, ни в печати Ленин не допускал какого бы то ни было восхваления, возвеличивания его личности и его заслуг, восставал против чуждого марксистам культа личности и всегда искренне негодовал по малейшему для этого поводу...»— писал А. А. Андреев.

Итак, против «выдвигания» своей личности выступал с негодованием человек, который возглавил Великую Октябрьскую социалистическую революцию и дал глубочайший анализ ее всемирно-исторического значения. Реалист из реалистов, трезвый политик — и уже потому не отягощенный ложной скромностью, когда, слушая похвалы в свой адрес, без конца повторяют: «Ах, что вы, ах, я и подумать такого о себе не мог...»

«Владимир Ильич прекрасно знал себе цену и понимал свое значение,— писала М. И. Ульянова,— и простота и скромность, отличавшие его, были не признаком недооценки им этого значения и не преуменьшением своей роли, а проявлением подлинно высокой, гениальной культуры». И именно в силу этой культуры Ленин не терпел, когда говорили то, что произносить вслух не следует,— например, похвалы в его адрес...

Революционеры-профессионалы, десятилетиями испытывавшие одиночество ссылки и эмиграции, для кого цели борьбы никогда не шли в сравнение с собственным благополучием,— этих людей с победой революции ждали немалые нравственные испытания. Они мгновенно стали властителями дум и жизней, были подняты на руки в переносном, а очень часто в прямом смысле слова. Участница социалистического движения в России и за рубежом А. И. Балабанова

передает те чувства, которые ей пришлось пережить. В книге «Из личных воспоминаний циммервальдца» она рассказывает, как после Февральской революции, в самом начале лета 1917 года, в Кронштадт приехала группа эмигрантов-интернационалистов.

«Когда мы двинулись к выходу,— писала Балабанова об этой встрече,— казалось, что к нему добраться мы не сможем. Нас давили и душили, толпа рвалась вперед, наэлектризованная. Тогда двум товарищам, должно быть боявшимся, что меня задавят, вздумалось понести меня; тотчас же громадная, необозримая цепь рук окружила несших меня и кто-то даже закричал: «понесем товарищ Балабанову». Мне сделалось бесконечно жутко на душе... Я чувствовала, что каждое мое слово, каждый жест протеста только увеличат восторженное возбуждение и что всякая попытка положить конец тяжелой сцене только еще увеличит проявление восторженности... Я переживала весь символический смысл происходящего. Пролетариат безымянный, не знающий границ ни умению страдать, ни умению любить, выносил нас на своих широких терпеливых плечах и поднимал нас высоко-высоко над собой... И с той высоты, на которую подняли меня, через густую цепь пролетарских рук, соединившихся, чтобы облегчить мне проход к пароходу, яснее и глубже открывалась перед моими глазами пропасть, отделяющая чересчур еще покорный, даже по отношению к своим же товарищам-революционерам, пролетариат, от нас, интеллигентов, и стыдно мне стало за искусственную высоту, на которую подняли меня обновленные революцией мученики-труженики, и жгуче захотелось дать им то, чего в тот день уж никак дать нельзя было: более критическое к нам, интеллигентам, отношение, умение отделить идеи от их носителей, дабы идеи сделались их неотъемлемым достоянием».

И нет, пожалуй, в этих строчках чрезмерной драматизации событий. Просто нам очень трудно представить те времена, а потому и разделить до конца чувства, о которых пишет автор. Необузданный восторг трудовой массы не только окрылял революционеров, бывало — и огорчал. Но как можно упрекать за то, что в жизни, которая выпала на долю российских пролетариев, не могло сложиться иных, более

правильных представлений о роли личности. Приходилось считаться с этим — всего лишь одним из многих других — проявлением неразвитого сознания трудящихся. Но революция, в конце концов, и совершалась во имя того, чтобы принести раскрепощение этому сознанию. «У нас нет другой опоры,— писал Ленин,— кроме миллионов пролетариев, которые несознательны, сплошь и рядом темны, неразвиты, неграмотны, но которые, как пролетарии, идут за своей партией».

Многое в те годы происходило помимо воли и желаний Владимира Ильича. Бесконечным потоком шли письма, авторы которых выражали свои восторженные чувства по отношению к Владимиру Ильичу, а порой и весьма наивные представления о нем.

Вспомните, например, историю с крестьянином Ивановым. Побывав на приеме у Председателя Совнаркома, он нашел, что его кабинет недостаточно отапливается. В результате Милоновский волисполком Судогодского уезда Владимирской губернии постановил: «Послать т. Ленину вагон дров на средства исполкома, а в случае надобности поставить железную печь руками своего кузнеца». Об этой истории мы узнаем из газеты «Правда», которая тогда же — 28 февраля 1919 года — рассказала о решении волисполкома.

Редактор «Рабочей Москвы» Б. М. Волин вспоминает, как сделал газетный художник рисунок для первой полосы праздничного номера: на фоне земного шара был изображен Ленин с простертой вперед рукой. И в редакции возникла идея: снабдить этот рисунок ленинским автографом. Владимир Ильич был занят, плохо себя чувствовал, но газетчики настояли на своем. И на следующий день отправленный в Кремль рисунок вновь вернулся в редакцию: внизу рукой Владимира Ильича красными чернилами была сделана надпись: «Да здравствует Интернационал! Ленин».

В 1922 году рабочие завода бывшего Михельсона обратились с просьбой в Московский Совет, чтобы их предприятию было присвоено имя Ленина. В письме они писали, «что на территории завода бывш. Михельсона, по преступному замыслу вожаков партии эсеров, пролита кровь первого вождя российского проле-

тариата тов. Ленина, и это событие, как синоним одной из жертв, принесенных партией РКП на пути своих достижений, навсегда связало завод бывш. Михельсона с именем любимого вождя».

В пятую годовщину Октября на заводе состоялось торжественное заседание, посвященное переименованию предприятия. Приглашен был и Ленин. «Это заседание будет еще торжественнее, если ты, Владимир Ильич, сам будешь присутствовать среди нас...» — писали рабочие. Ленин не приехал — прислал письмо: «Дорогие товарищи! Очень жалею, что маленькое нездоровье именно сегодня заставило меня сидеть дома».

Несколькими страницами ранее шла речь о вечере, посвященном пятидесятилетию Владимира Ильича, приехав на который он поблагодарил собравшихся за то, что был избавлен от выслушивания юбилейных речей. Но это не единственный случай, когда Ленин появлялся в зале после того, как произнесены были доклады в его честь. Поздней осенью 1918 года в кинотеатре «Арс» — там, где находится теперь драматический театр им. К. С. Станиславского,— Московский комитет и Пресненский райком партии организовали торжественное собрание, посвященное чествованию Владимира Ильича.

«Правда» об этом вечере писала: «Зал буквально ломился от многих тысяч рабочих и работниц, собравшихся сюда с целью чествования своего любимого вождя. На эстраде красовался большой портрет т. Ленина, окаймленный красной лентой и ярко освещенный огнями. Настроение у всех приподнятое, праздничное». Прочли доклады — «В. И. Ленин как вождь Российской коммунистической партии», «В. И. Ленин как борец за III Интернационал». И лишь после этого появился Владимир Ильич. Поднялся на трибуну и говорил так же, как выступал бы на любом собрании трудящихся. Утром Ленин прочел в «Правде» письмо одного из видных членов Учредительного собрания и партии правых эсеров, Питирима Сорокина: не желая разделять ответственность за политику своей партии, он заявлял о выходе из нее. В тот же день Ленин пишет статью «Ценные признания Питирима Сорокина». Работает над ней, очевидно, перед тем, как приехать на вечер в «Арс». А приехав на

вечер, поднявшись на трибуну, высказывает мысли по этому же поводу. Говорит, что «наступает время, когда обнажается вся правильность большевистской позиции и разоблачаются все промахи и ошибки ее непримиримых врагов».

Да, Ленин как бы отстранился от той темы, ради которой собрались участники вечера, так же как было это в день его пятидесятилетия. Но все-таки вечер состоялся независимо от желаний Владимира Ильича — торжественный вечер «с целью чествования своего любимого вождя». Ленин не смог противостоять ему или же не счел для себя это возможным...

Пишу — и все ощутимей чувство неловкости, все больше связан опасениями: не произнести бы лишнее слово, не написать бы неуместную фразу. И все потому, что веду речь о том, что не совпадает для кого-то с твердо сложившимися представлениями: Ленин всякий раз, именно всякий раз решительно выступал против любой попытки выделить его из числа других революционеров и всегда добивался своего. А если есть факты, которые так просто не втиснешь в утвердившийся ход мысли — они требуют дальнейших раздумий? Порой мы стараемся не акцентировать на них внимание, словно бы опасаемся набросить тень на прошлое. А значит, и подразумеваем тем самым: такое может произойти. На самом же деле мы сами возвели свои представления о скромности Владимира Ильича в абсолют, не оставив места для полутонов, не считаясь с условиями жизни, особенностями времени, уровнем сознания общества. Ленин между тем никогда бы не позволил себе отринуть настроение массы, не обращать внимания на чувства людей: об этих чувствах надо не только знать — с ними необходимо считаться.

Нас восхищает, когда глава государства, человек, пользующийся огромной любовью народа, всегда и гневно прерывает любые оды в свою честь. Но посмотрим на это же чуть иными глазами: руководитель, получивший признание народного вождя в стране, где еще недавно безраздельно господствовало самодержавие,— может ли этот руководитель всегда и при всяком упоминании своего имени возмущаться, протестовать, гневаться? Не обернется ли это все тем же повышенным и исключительным вниманием к своей

личности, все тем же диктатом по отношению к тому, как следует упоминать о твоей фигуре, а как не дозволено? Можно требовать, скажем, чтобы всякое упоминание о тебе писалось непременно с большой буквы — и это, всем ясно, будет насилием над людьми и грамматикой. А если добиваться прямо противоположного, к тому же еще наказывая в случае ошибок,— всегда и все должны упоминать о тебе лишь с маленькой буквы? Разве это не одно и то же, разве людям и грамматике от этого будет легче?

Луначарский в своих воспоминаниях обращается к тому же эпизоду, что и Бонч-Бруевич: оправившись после ранения, Ленин просматривает газеты. Он просит товарищей поехать в редакции газет, чтобы «наложить тормоза на всю эту историю», и говорит при этом: «Мне самому было бы неудобно воспретить такого рода явление. В этом тоже было бы что-то смешное, претенциозное».

Владимир Ильич выбирает для себя иную линию поведения — пишет статью «О характере наших газет». 20 сентября 1918 года она уже увидела свет на страницах «Правды». В статье разрабатывается позитивная программа — о чем следует писать советской прессе. «Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это новое». Осуществление этой программы, повседневное проведение ее в жизнь избавит печать от тех казусов, которые так возмущали Владимира Ильича.

Сегодня мы не спеша анализируем, спокойно судим о том, что когда-то требовало большого такта, реальности взгляда, да и просто — добросердечия. Как часто, например, прибегал Владимир Ильич к шутке, стараясь с ее помощью необидно для других передать то, что думал.

Приходит, например, на имя Ленина письмо от ткачей, а с ним и подарок — отрез сукна. В письме же говорится: «Дорогой наш Ильич! К пятой годовщине пролетарской революции мы, рабочие Стодольской суконной фабрики, решили назвать нашу фабрику твоим именем. По этому случаю мы посылаем тебе к

празднику наше сердечное поздравление и скромный подарок нашей выработки...»

Владимир Ильич писал в ответ: «Дорогие товарищи! Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим».

И совсем другим тоном, в иных выражениях говорил Владимир Ильич с теми людьми, которые были призваны утверждать правильные взгляды на роль личности в истории, а между тем употребляли свои знания и способности на сохранение неверных представлений. В 1920 году Ленин резко осудил публикацию статьи Горького «Владимир Ильич Ленин» в журнале «Коммунистический Интернационал». Очерк Горького, проникнутый чувством искренней любви к Ленину, был в то же время написан с позиций культа личности, содержал идеалистические, по сути, оценки роли Ленина, русского народа, характера революции в России. И Ленин сам пишет проект постановления Политбюро ЦК РКП(б), предлагает признать крайне неуместным выступление Горького, «ибо в этих статьях не только нет *ничего* коммунистического, но много *анти*коммунистического».

А почему, собственно говоря, я так тщательно перебираю факты, стараясь лишний раз убедиться сам и доказать другим, что при жизни Ленина вокруг его имени не существовало обстановки исключительности? Наверное, потому, что привычна мысль: исключительность в упоминании имени ведет к исключительности положения в партии, государстве. Но для Ленина такой взаимосвязи не существовало. Для нас служат примером принятые им нормы в работе, в обсуждении решений, в общении с людьми.

Это — равная и неукоснительная обязательность для всех государственных и партийных установлений. «Удостоверяю,— писал Ленин в одном из документов,— что товарищи представители Даниловской мануфактуры были у меня по вопросу о выдаче им мануфактурного пайка. Ввиду того, что этот вопрос решен Президиумом ЦИК, который по Конституции *выше* Совета Народных Комиссаров, ни я, как Председатель СНК, ни Совет Народных Комиссаров изменить решение не вправе».

Это — постоянная и непременная коллегиальность, потому что голосовать без коллегиального обмена мнений, по замечанию Ленина, дико, пошло и вредно.

Это — доброжелательное, непредвзятое отношение к чужому, не всегда совпадающему с твоим, мнению. В ответ на заявление одного из партийцев, который попытался отождествить Центральный Комитет с Лениным, Владимир Ильич писал: «...Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что «Цека — это я». Это можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления. Старый Цека (1919—1920) побил меня по одному из гигантски важных вопросов, что Вы знаете из дискуссии. По вопросам организационным и персональным несть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве. Вы сами видели примеры тому много раз, когда были членом ЦК.

Зачем же так нервничать, что писать **совершенно невозможную, совершенно невозможную** фразу, будто Цека — это я».

Факты, упомянутые в письме, как и весь его тон, свидетельствуют о той терпимости, с которой умел Ленин отнестись к противоположной ему точке зрения.

И в одной из последних диктовок Ленин говорил о людях, которые так необходимы партии, государству — всему нашему обществу: «...элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести...»

Владимир Ильич высоко ставил значение авторитетов в революции и совершенно определенно формулировал по этому поводу свою мысль. На похоронах Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, отдав должное его исключительным революционным заслугам, Ленин скажет, что в той кипучей борьбе, какой является революция, «громадное значение имеет крупный, завоеванный в ходе борьбы, бесспорно непререкаемый моральный авторитет, авторитет, почерпающий свою силу, конечно, не в отвлеченной морали, а в морали революционного борца, в морали рядов и шеренг революционных масс».

Так говорил Ленин о Якове Михайловиче, соединяя с его именем свои представления о вожде пролетар-

ской революции. И дальше: «История давно уже показывала, что великие революции в ходе своей борьбы выдвигают великих людей и развертывают такие таланты, которые раньше казались невозможными». А следом возникает вопрос: понимая значение авторитетов в той кипучей борьбе, которой является революция, отдавал ли Владимир Ильич должное своей фигуре, понимал ли величие своего авторитета? Понимал. Не мог не понимать.

Ленин говорит об авторитете, бесспорно непререкаемом моральном авторитете — такое не завоюешь на словах, не получишь благодаря служебному положению и не заслужишь по расчету. Такой авторитет постоянно проверяется на практике и достается лишь тем, чьи убеждения неотделимы от идеалов революционного движения.

Рассказ в документах

ЮБИЛЕЙ

ДЕНЬ

«Известия ВЦИК», 23 апреля 1920 года[1]

50 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД, В 1870 ГОДУ, ЗА ГОД ДО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ РОДИЛСЯ ВЕЛИКИЙ МСТИТЕЛЬ ЗА СВЯЩЕННУЮ КРОВЬ КОММУНАРОВ — ЛЕНИН.

В ЛИЦЕ ЛЕНИНА МЫ ЧЕСТВУЕМ ГЕРОИЧЕСКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС, ЕГО ОРГАНИЗОВАННОСТЬ, ЕГО ВСЕМИРНУЮ СОЛИДАРНОСТЬ.

Вместо приветствия

Редакция «Известий ВЦИК» в день 50-летия вождя русского и мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина вместо приветствий приводит две телеграммы, дающие надежду на быстрое улучшение нашей хозяйственной жизни.

Редакция уверена, что эти известия о нефти и паровозах больше всяких поздравлений обрадуют дорогого товарища — юбиляра.

Паровозы

ПЕТРОГРАД, 20 апреля. В Ревель прибыла первая партия приобретенных Советской властью в Соединен-

[1] В 1920 году день рождения В. И. Ленина отмечался 23 апреля.

ных Штатах паровозов в количестве 200, которые в ближайшее время будут отправлены в Петроград. Всего в Северной Америке закуплено 5 000 паровозов.

Нефть

САРАТОВ, 20 апреля. Вопрос о нефтяном топливе разрешается в благоприятную сторону. В Астрахань прибыло 500 000 пудов нефти, предназначенной к отправлению вверх по Волге. Из Царицына телеграфируют о срочной подаче к Царицынским пристаням нефтеналивного флота для перевозки нефти, приходящей в Царицын с Грозненских промыслов специальными маршрутными поездами, по 250 000 пудов ежедневно.

Ленин получает письмо от Е. Д. Стасовой с поздравлением по случаю его пятидесятилетия...

Из воспоминаний Е. Д. Стасовой

Я болела и при всем желании не могла попасть ни лично к Владимиру Ильичу, ни на его чествование, организованное Московским комитетом. Желая доставить ему несколько веселых минут, я послала случайно сохранившуюся у меня карикатуру на юбилей Михайловского, нарисованную известным художником Карриком. Послала я ему эту карикатуру главным образом потому, что марксисты, пришедшие поздравлять Михайловского, были изображены маленькими детьми в коротеньких платьицах и костюмчиках и названы «марксятами». Вот я и писала Владимиру Ильичу, что тогда наша партия была в детском возрасте и людей в ней было очень мало. А теперь наша партия стала правящей. И это дело ваших рук, вашего ума, таланта. (Дословно, конечно, не помню, но смысл был таков.)

Ленин читает телеграмму председателя Совнархоза Украины В. Я. Чубаря: «Вышлите 500 миллионов рублей для выдачи зарплаты рабочим угольной, металлургической промышленности» — и подписывает телеграмму всем губпродкомам о снабжении рабочих и служащих почты, телеграфа, радио, телефона; подписывает телеграмму в Пермь — примите необходимые меры к усиленной погрузке и вывозу соли с верховьев Камы, телеграфирует предгубисполкомам в Тамбов, Саратов, Самару, Уфу, Челябинск, Казань, Вятку, Сара-

пул, Пензу, Покровск, Баронск, Оренбург, Омск, Екатеринбург, Воронеж — усилить подвоз продовольствия; подписывает протокол Малого Совнаркома, проект постановления СТО о войсках внутренней охраны Республики и постановление СТО, разрешающее местным властям включать в артели торфяников Рязанской, Калужской, Владимирской, Тульской губерний уклонившихся от призыва в Красную Армию местных жителей, и просматривает книгу «Ко дню пятидесятилетия со дня рождения Владимира Ильича Ульянова (Ленина) 23 апреля 1870—1920 гг.».

Ленин принимает представителей Туркестанского фронта. По просьбе одного из делегатов, И. Дика, дарит ему свой автограф на листке из блокнота Председателя СНК: «На память товарищу Дику.

В. Ульянов (Ленин)».

Из воспоминаний И. О. Дика

В марте 1920 года, в связи с борьбой против эпидемии на Туркестанском фронте и с другими делами, наша часть стояла в Илецкой — Защите... В один прекрасный день, в конце марта должно быть, РОСТА сообщило, что 22 апреля Владимиру Ильичу исполнится 50 лет. В тот вечер, сообщая моим товарищам содержание полученной оперативной сводки, я добавил также и сообщение о предстоящем юбилее Ленина.

Внимательно выслушав меня, один из красноармейцев нашей команды, плохо говорящий по-русски татарин, всегда молчаливый, человек неграмотный и политически темный, к моему удивлению, вступил в беседу и на ломаном русском языке сказал:

— В Москве сейчас голод, а у нас много хлеба. А Ленин большой человек. Мы должны послать ему много хлеба на его праздник.

...Было решено провести отчисления из пайка красноармейцев, добавить к ним кое-какие «экономии» отдела снабжения и отправить Ильичу ко дню его 50-летия в подарок от имени Туркфронта и гражданских организаций Самары... целый поезд хлеба!

Организация всего этого предприятия была поручена мне. Дело было нелегкое. Скорый поезд Самара — Москва покрывал это расстояние в течение 12, а то и 14 суток. А была уже середина апреля. Но как бы то

ни было, хлеб был собран в достаточном количестве. При помощи начальника ВОСО фронта мы организовали специальный поезд, в состав которого вошло 20 вагонов хлеба. Этот поезд мы назвали в честь Ильича «Поездом Ленина», и 19 апреля мы тронулись в путь. На первом вагоне был прибит красный плакат с надписью:

«Красноармейцы Туркфронта — первому красноармейцу революции В. И. Ленину в день его 50-летия».

Политотдел фронта дал мне адрес для вручения Ильичу и в этих целях назначил также и своего представителя.

...Мы встретили немало затруднений в пути. Перед ст. Батраки сгорел паровоз. Не доезжая ст. Инзы, мы потерпели первое крушение. На ст. Ночка мы имели конфликт с заградительным отрядом Наркомпрода, который никак не хотел признать действительным разрешение на провоз продовольствия выше нормы для красноармейской команды поезда, выданное Самарским губпродкомом. Заградительный отряд признал действительным только разрешение Симбирского губпродкома, которому он был подчинен и на территории которого мы находились. Только наличие оружия у нашей команды заставило начальника заградительного отряда облагоразумиться и пустить нас дальше. Перед Рузаевкой наш поезд потерпел второе крушение, при котором было ранено несколько красноармейцев. Я не говорю уже о «буксах». Они горели неимоверно часто, и мы были принуждены перегружать вагоны не менее десяти раз. На ст. Рыбное, где была база Наркомпрода, нас просто не хотели пропустить дальше. Представители этого учреждения хотели «обезличить» наш поезд и переотправить муку по разным нарядам. Мы напрягли все усилия, чтобы убедить представителя Наркомпрода не делать этого. Мы ему показали с десяток бумаг, мандатов, предложений, удостоверений, разрешений Самарского губпродкома, но все напрасно. И здесь наша охрана сыграла решающую роль и спасла поезд.

И все же, несмотря на все эти инциденты, мы вечером 22 апреля 1920 года, в день 50-летия Владимира Ильича, благополучно прибыли в Москву. Но и здесь нас ждала история с «обезличиванием» со стороны Наркомпрода, агенты которого на Казанском вокзале начали уже хозяйничать в нашем поезде.

Я отправился в Наркомпрод... После долгих мытарств по секретарям и секретаршам, после трехчасового ожидания в приемной я попал, наконец, к члену коллегии тов. Халатову, которому изложил суть дела. Он вначале и слышать не хотел о подарке красноармейцев Туркфронта.

— Какие там подарки: это наше и больше ничего! Наркомпрод — диктатор!

Тогда я решил обратиться к Ленину...

Ильич нас принял восклицанием:

— Здравствуйте, товарищи!

Встал, подал нам руку и просил сесть. Я его поздравил с юбилеем и собирался по всем протокольным правилам огласить ему адрес политотдела.

Ильич прищурился, добродушно улыбнулся, сделал широкий жест рукой:

— Не надо, не надо!..

В это время Ильича вызвали по телефону. Я понял, что с ним говорит Халатов. Вначале Ленин не хотел идти навстречу Наркомпроду:

— Потрудитесь сами достать хлеб, а не являться на готовый. Красноармейцы сделали мне подарок, и я хочу распределить его среди голодных пролетарских детей наших центров, которые особенно страдают.

Но так как Халатов был упорен, то в конце концов решили: 10 вагонов торфяникам, 4 — для московских детей, 4 — для петроградских и 2 — для Иваново-Вознесенска.

Ленин председательствует (с 18 часов) на пленарном заседании СТО, делает пометки, записывает фамилии выступающих, вносит дополнения и редактирует проекты постановлений. В повестке дня 17 вопросов.

Ленин председательствует на заседании Совета Народных Комиссаров. Во время обсуждения вопроса о предоставлении права Наркомзему заключать договоры с «Объединенной организацией германских союзов по эмиграции в Советскую Россию» обменивается записками.

Ленин — Милютину[1]*:*

Нельзя терпеть этой неопределенности *ни одного*

[1] В. П. Милютин — заместитель председателя ВСНХ.

дня. Если кто протестует, *тотчас в СНК* вносите (иначе Вы виноваты будете).

Взята ли с делегатов-немцев *расписка,* что им нами объявлено, что мы *не гарантируем* продовольствия, одежды и жилищ лучше остальных *и рядовых* рабочих России.

Милютин — Ленину:

Чтобы не было волокиты, надо на Чичерина давление оказать, он мне сказал, что Дзержинский будто бы подал заявление в ЦК. Я могу *сегодня* же переговорить с Чичериным. Взята ли «расписка»? — С ними заключен договор, я могу текст его завтра Вам доставить.

Ленин — Милютину:

1) С Чичериным *обязательно* переговорите.

2) Надо *Вам* проверить, взята ли расписка (взять обязательно или вставить *все ее содержание* в договор).

ВЕЧЕР

Газета «Коммунистический труд»

Обширный зал Московского комитета переполнен. Но Ленина нет и, говорят, не будет: на 8 часов нарочно созвал заседание Совнаркома. Досадно, так хочется видеть его в этот день.

«Известия ВЦИК»

Мысль отметить день 50-летия В. И. Ленина дружеской беседой в тесной партийной среде возникла первоначально в группе партийных работников и журналистов. Московский комитет одобрил мысль, и первоначально предполагалось организовать интимное чествование тов. Ленина в «Доме Печати». Но число желавших попасть на этот вечер было слишком велико, и Московский комитет решил устроить коммунистический вечер в поместительном зале Комитета на Дмитровке.

К 8-ми часам вечера зал был переполнен исключительно партийными работниками из районов и центра. Просто, но со вкусом декорированный зал, оживленные лица товарищей, непринужденная дружеская атмосфера.

На эстраде Московский комитет, члены ЦК партии и ВЦИК.

Тов. Мясников открыл собрание от имени Московского комитета...

М я с н и к о в. Товарищи, этот вечер мы устраиваем в честь 50-летия со дня рождения т. Ленина, посвящаем этот вечер главным образом воспоминаниям партийных товарищей. В настоящий момент, когда мы продолжаем вести нашу борьбу за лучшее будущее рабочего класса, в этой борьбе мы хотим вспомнить прошлые годы, подобно бойцам, вспомнить те битвы, где вместе шли бойцы со своим вождем и под его руководством. Да здравствует т. Ленин, да здравствует наша великая партия.

С прекрасной, полной живого чувства и особой выразительности речью выступил приехавший в Москву тов. Горький.

Г о р ь к и й. Товарищи, есть люди, значение которых как-то не объемлется человеческим словом. Русская история, к сожалению, бедна такими людьми. Западная Европа знает их. Вот, например, Христофор Колумб... И мы можем назвать в Западной Европе целый ряд таких людей,— людей, которые как будто играли как бы каким-то рычагом, поворачивая историю в свою сторону. У нас в истории был, я бы сказал — почти был, Петр Великий таким человеком для России.

Вот таким человеком не только для России, а для всего мира, для всей нашей планеты является Владимир Ильич. Я думаю, что, сколько бы ни говорить нам о нем красивых слов, нам не изобразить, не очертить то глубокое значение, которое имеет его работа, которое имеет его энергия, его проникновенный ум для всего человечества,— не только для нас.

И я думаю, что я не найду, хотя и считаюсь художником, слов, которые достаточно ярко очертили бы такую коренастую, такую сильную, огромную фигуру...

Тов. Луначарский в сильной и яркой речи характеризовал Ленина как великого идеалиста, как большое сердце, исполненное веры и любви, как подлинного вождя.

Л у н а ч а р с к и й. Если прислушаться к тому, что говорят о Владимире Ильиче наши враги и все посторонние люди, то надо сказать, что они довольно хо-

рошо его видят и довольно хорошо чувствуют. Такую большую фигуру трудно не рассмотреть и такую большую фигуру трудно не почувствовать. И если спросите кого-либо из нейтральных людей, как он представляет себе Ленина, он скажет: Ленин — материалист, человек-практик, человек без иллюзии, человек в практической борьбе жестокий, не останавливающийся ни перед чем, человек хитрый, великолепно понимающий всякие выпады и шахматные ходы, которые против него может сделать противник, и понимающий и хорошо отвечающий со своей стороны — это большая сила, и слова, которые сказал Алексей Максимович, будут повторены и другими — сила огромная, практически непосредственная, в самой гуще жизни стоящая.

Между тем, кто знает Ленина ближе, кто дышит одним с ним воздухом, кто живет в одной атмосфере, тот должен сказать, что редко когда земля носила на себе такого идеалиста.

О своем идеале, о своей слепой вере в человека, о своей бесконечной любви к человеку Владимир Ильич никогда не говорит и не любит, когда говорят другие. Он считает, что это вещь, которая сама собой понимается, он об этом так мало думает, только иногда в той или иной его речи, той или другой статье отмечаются слова горячей любви и веры в человека.

После выступления пролетарских поэтов Кириллова и Александровского тов. Ольминский поделился воспоминаниями о старых встречах с тов. Лениным за границей.

Ольминский. ...И еще в нем есть черта, которую я наблюдал... Старая «Правда», например, держалась Лениным и петроградским пролетариатом. Она начала выходить в 1912 г. и выходила до самой войны, до 1914 г. Интеллигенция вся тогда ушла от революции, кроме отдельных старых людей, которым приходилось прятаться. Была все больше молодежь там, и вот Ленин к каждому номеру почти посылал по нескольку статей. Молодежь смотрела так, что если статья поступала в редакцию, то редакция может с ней сделать все, что хочет, и самым безбожным образом исправляла эти статьи. Ни один писатель не выдержал бы такой вивисекции. Ленин это выносил. И только один раз получилось от него письмо, где

он писал: ну, товарищи, при таких условиях невозможно работать. Это случилось так, что долгое время его статьи не появлялись. Он запросил, почему? а редакция ответила: не появляются потому, что их некогда читать в рукописях. Но следующая же почта принесла новые статьи т. Ленина.

Тов. Ольминский отметил большую роль в жизни Вл. Ильича, которую сыграла его жена Надежда Константиновна, помогавшая тов. Ленину в его великой работе. Зал устроил овацию Н. К. Ульяновой, присутствовавшей на вечере...

Из воспоминаний С. С. Виноградской

Объявили перерыв. Всех пригласили в буфет. Там на длинных плоских блюдах с мелким синим, «английским» узором горкой возвышались бутерброды с кавказским овечьим сыром, украинским салом и астраханским белорыбьим балыком — все, что фронты-победители прислали голодной пролетарской столице.

В толстых стаканах с грубыми гранями зеленого стекла дымился настоящий чай. Его пили с ядовито-яркими, прозрачными леденцами.

Из воспоминаний А. Ф. Мясникова

Когда провели первое отделение, т. е. воспоминания о Ленине, я позвонил ему по телефону и попросил приехать на собрание. Разумеется, он отказался и говорил, что никаких речей о себе слушать не хочет, но когда я ему заявил, что мы его приглашаем на концертное отделение, на котором будут присутствовать его любимые артисты — Шор, Крейн и другие, он тогда рассмеялся, согласился и вскоре был у здания Московского комитета. Мы гурьбой вышли к нему навстречу, окружили его и повели на сцену, а масса собравшихся, неожиданно увидав товарища Ленина,— неожиданно, ибо знала, что он не придет на свое «чествование»,— устроила ему самую теплую, дружескую бурную овацию и заставила сказать несколько слов...

Ленин. Товарищи! Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что

меня избавили от выслушивания юбилейных речей. Я думаю, что, может быть, таким образом мы постепенно, не сразу, конечно, создадим более подходящий способ для юбилея, чем тот, который практиковался до сих пор...

«Известия ВЦИК»

И, словно стараясь прекратить поток приветствий, в которых все внимание сосредоточено на вожде партии, тов. Ленин заговорил о самой Коммунистической партии и о том особенно ответственном положении, в которое она поставлена своей победой.

Ленин. ...Наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение,— именно, в положение человека, который зазнался. Это положение довольно глупое, позорное и смешное. Известно, что неудачам и упадку политических партий очень часто предшествовало такое состояние, в котором эти партии имели возможность зазнаться... Поэтому та опасность, на которую нас наводят приведенные слова, должна быть сугубо учтена всеми большевиками порознь и большевиками, как целой политической партией...

Позвольте мне закончить пожеланием, чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии.

«Коммунистический труд»

...Музыка. Серьезная, глубокая музыка. Аудитория мало, видно, что понимает по этой части, но слушает с напряжением, думает думу... Хорошо тем, кто ковал оружие революции. Но хорошо и тем, молодым, которые пришли позднее и вместе со стариками несут теперь тяжелую работу. Когда старики уйдут, они эту работу доведут до конца. Пока же... пока работы хватит на всех. С одного красного фронта — на другой, фронта боевого — на фронт трудовой, всюду работа, всюду жизнь. И всюду и везде чувствуется единство этой работы, единство цели и единство руководства.

Из воспоминаний С. С. Виноградской

Ленин сел влево от музыкантов. Рядом с ним сидел известный Добровейн. Откинувшись на спинку

стула, сложив руки на груди, слушал Ленин, как Шор, Пинке и Крейн выводили трио Чайковского. Он сидел вполоборота к залу, чуть наклонясь к печально-вдохновенному лицу Добровейна. Временами Ленин ронял неслышное слово, и пианист отвечал ему. Глаза Ленина были задумчиво-сосредоточенными, словно он обдумывал какую-то мысль. Потом они стали напряженными — казалось, Ленин вслушивается во что-то, пытается разобрать невнятное, расслышать неслышимое в разговоре смычков и клавишей. Вот Ленин разнял обе руки и закинул, словно уронил от усталости, одну руку за спинку стула. Лицо его постепенно становилось спокойным, черты теряли твердость.

«Известия ВЦИК»

У всех участников и гостей этого коммунистического вечера в Моск. комитете останется светлое, бодрое и радостное воспоминание о теплой товарищеской атмосфере и великой любви к своему вождю **т.** Ленину, которая объединяет всех коммунистов.

Ленин — Басину

Прошу Вас, передайте мою благодарность тридцатому полку красных коммунаров Туркестанского фронта за присланные макароны и муку, которые переданы мною детям города Москвы.

Штрихи биографии

ДОСТОИНСТВО

Не многое все-таки знаем мы о личной жизни Владимира Ильича. Что-то, надо полагать, ускользнуло от внимания современников и теперь безвозвратно утрачено. А главное — откуда быть обилию личных эпизодов в жизни человека, который все время был занят борьбой, работой. Тем большего осмысления заслуживают те эпизоды, которые нам известны. Например, «случай с купцом Арефьевым», рассказанный Дмитрием Ильичем Ульяновым.

В начале девяностых годов Ульяновы собираются в Самаре. Владимир Ильич, став помощником присяжного поверенного, выступает в окружном суде. Летом

1892 года вместе с М. Т. Елизаровым он отправляется в Сызрань, намереваясь переправиться оттуда на левый берег Волги, в деревню Бестужевку.

В Сызранском уезде, у села Батраки, купец Арефьев арендовал переправу. Он и хозяйничал здесь. Владелец небольшого пароходика и баржи, купец запрещал лодочникам перевозить пассажиров. Если же запрет нарушали, то пароходик настигал лодку и волок ее силком обратно.

Владимиру Ильичу хотелось поскорее перебраться на другой берег, и он уговорил одного из лодочников отправиться в путь: если Арефьев посмеет вернуть лодку, ему придется отвечать перед судом. Однако все произошло так, как было здесь заведено. Пароходик нагнал лодку, матросы подцепили ее баграми. Владимир Ильич и Елизаров были водворены обратно на пристань. Пришлось дожидаться арефьевской переправы, к тому же еще выслушивать насмешки купца, восседавшего здесь же, на пристани, за самоваром.

«Несомненно, были люди, которые не могли не видеть, что купец действует беззаконно, но не решались или не хотели тягаться с ним по судам,— пишет Д. И. Ульянов. — Одним это было невыгодно с материальной стороны, другие же, предвидя кучу хлопот, судебную волокиту и т. д., по инертности и «русской» лени отказывались от борьбы».

Владимир Ильич подал жалобу, обвиняя Арефьева в самоуправстве — преступлении, за которое по законам того времени полагалось тюремное заключение без права замены его штрафом. Полагаться-то полагалось, но дальше все зависело от настойчивости.

Нетрудно представить себе земского начальника, который прочел жалобу и пожимает плечами: «Видали, сколько досужих господ развелось. Самолюбие взыграло. И не лень ему жалобы сочинять, из Самары в наши края по таким пустякам таскаться...»

Встретившись с господином Ульяновым, который отмахал добрых сто верст, земский начальник взял да и отложил разбор дела: Арефьев не явился в суд, а послал нанятого им защитника Ильина. Было это 15 июня. И во второй раз — 25 сентября — истец отправился домой ни с чем, в суд не пришли ни купец, ни его защитник. Прошло еще время. На дворе давно была

осень. Домашние отговаривали Владимира Ильича еще от одной поездки, и все-таки он поехал.

Земскому начальнику некуда было деться. Хоть и с третьего захода, но пришлось рассмотреть жалобу и вынести приговор. Купец Арефьев был водворен на месяц в арестантский дом. Об этом процессе тогда же писала «Самарская газета»: «Господин Ильин всякими способами и изворотами старался выгородить своего клиента. То он доказывал, что матросы сами изловили лодку по своему почину... то утверждал, что приказал не Александр Николаевич, а его брат Сергей Николаевич, то ссылался на распоряжение полиции, которая будто бы сама велела изловить, то... и не перечтешь всех способов защиты, из которых каждый новый побивал все предыдущие».

...Понимаешь отлично всю парадоксальность каких бы то ни было параллелей и все-таки, обращаясь к этой истории, всякий раз испытываешь желание взглянуть на самого себя. Мало ли приходилось сталкиваться на улице, в поезде и магазине, ожидая приема в учреждении, да где еще не случается сталкиваться с ними — людьми, от хамства которых начинает стучать кровь в висках, заходится сердце, деревенеют губы и нет сил унять дрожь в руках. И первая мысль, желание — добиться справедливости, преподать урок уважения к человеку.

Но улеглось дыхание, заговорили, успокоили добрые люди, и сам ты как-то обмяк — стоит ли связываться, себе дороже, всех не научишь... А если и свяжешься, то не раз придется выслушать диагноз своей болезни: повышенное самолюбие, гипертрофированное «я». И начинает уже казаться, что чувство собственного достоинства — беда, а вот отсутствие его — благо: и самому и окружающим спокойней. Кажется так, пока не нарвешься на очередного хама, который начисто лишен того, что задевает в тебе,— чувства собственного достоинства...

Вернемся, однако к тому, что произошло на сызранской пристани в конце прошлого века. Против зарвавшегося купца выступил человек, для которого российское самодурство отнюдь не было новостью. К помощи законов прибегнул тот, кому глубоко омерзительны были не только эти законы, но и все государственное устройство, ими охраняемое. Препровожде-

ние купца Арефьева в арестантский дом, выступление «Самарской газеты» конечно же произвело неизгладимое впечатление на самарского обывателя. Но был ли смысл отдавать этому делу столько времени, так много сил, коль уже созрело решение посвятить их без остатка революционному переустройству всей жизни? В чем же тогда значение этого эпизода, как подступиться к его осмыслению?

А быть может, мы неточны в самой посылке? Стремимся взглянуть на этот эпизод, исходя из предназначения всей жизни Владимира Ильича, стараемся совместить эту историю с революционной деятельностью Ленина. Между тем купец Арефьев не был и не мог быть политическим оппонентом. Он посмел задеть человеческое достоинство Ульянова. И Владимир Ильич выступает здесь гражданином, поднявшимся на защиту именно своего, именно собственного достоинства.

Хорошенько проучить самодура, хама, кого-то им подобного,— это еще не цель: горбатого, скорее всего, могила исправит. Наказать любого из них необходимо для самого себя, для сохранения своих нравственных принципов, для того, чтобы не потерять уважения к себе. И надо действовать, отстаивая собственное «я», если хотите, добиваясь личного удовлетворения. Действия эти не могут приноситься в жертву долгосрочным задачам стратегии и тактики ведомой тобою борьбы, иначе принесешь в жертву самого себя. Может ли сохранить личное достоинство тот, кто откладывает его защиту до лучших времен, ожидая стечения благоприятных обстоятельств, а с наступлением их принимается за розыски былых обидчиков? Нет, все это скорее походит на сведение счетов.

Отстаивать свое достоинство приходится в тех условиях, в которых был нанесен ему ущерб. Продолжая эту мысль, можно сказать, что талант гражданина как раз и измеряется умением действовать с максимальным эффектом в том времени, которое выпало на его долю.

А случается — и чувство собственного достоинства оберегает нас от обид, как бы защищает от них. В жизни бывают поступки, всей душой реагировать на которые было бы прежде всего неуважением к самому себе. И когда красноармеец из Царицына пишет в Москву, что его невеста арестована за то, что разри-

совала портрет Ленина, Владимир Ильич требует немедленно освободить арестованную, а когда будут получены объяснения по этой истории, «материал весь *потом* отдать фельетонистам».

И, читая книгу А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции», где не обошлось без злобного изображения Ленина, Владимир Ильич спокоен. «Это — книжка озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца»,— пишет Ленин, но в ней «есть прямо-таки превосходные вещички», где «с поразительным талантом изображены впечатления и настроения представителей старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, объевшейся и объедавшейся России». Владимир Ильич так и назвал свой отзыв — «Талантливая книжка» — он тогда же был опубликован в «Правде».

Чрезвычайно сильно развитое у Ленина чувство собственного достоинства представляется мне некой постоянной величиной в том смысле, что проявление этого чувства сказывалось с одинаковой силой в любые периоды его жизни — хотя один так не походит на другой,— в отношениях с самыми различными людьми.

Владимиру Ильичу было семнадцать, когда случилось несчастье со старшим братом. Спустя годы Ленин вспомнит в разговоре с Надеждой Константиновной о том, как отнеслись в Симбирске к аресту Александра. «Все знакомые отшатнулись от семьи Ульяновых, перестал бывать даже старичок учитель, приходивший раньше постоянно играть по вечерам в шахматы».

Можно презирать мнение мещан, людей трусливых и нечестных; возможно, но это уже труднее, ни в чем не считаться с их мнением; нельзя, однако, не ощущать его давящей, как могильная плита, тяжести.

В эти страшные дни Владимир Ильич был молчалив и сдержан, никому не дано было узнать, что творится у него на душе. И всякий раз, когда заходила речь о брате, говорил спокойно, без оглядки: «Значит, он должен был поступить так,— он не мог поступить иначе».

Ленину тридцать два года, позади сибирская ссылка, он в эмиграции, занят подготовкой II съезда партии. Плеханов дает замечания на статью Ленина. Замечания, которые, по мнению Владимира Ильича, носят намеренно оскорбительный тон. И он пишет в ответ: «Автор замечаний напоминает мне того кучера,

который думает, что для того, чтобы хорошо править, надо почаще и посильнее дергать лошадей. Я, конечно, не больше «лошади», одной *из* лошадей, при кучере — Плеханове, но бывает ведь, что даже самая задерганная лошадь сбрасывает не в меру ретивого кучера».

Так писал Владимир Ильич в 1902 году, не подозревая еще, что время и станет самым убедительным подтверждением справедливости сказанного. Авторитет, который не считается ни с достоинством, ни с мнением других людей,— авторитет этот на пути к своему крушению.

И еще документ — один из самых последних, продиктованный Владимиром Ильичем ранней весной 1923 года, в канун необратимого приступа болезни. Письмо адресовано И. В. Сталину, который позволил себе грубость по отношению к Надежде Константиновне Крупской. И Владимир Ильич заявляет: «Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения».

«Я не намерен забывать... Прошу взвесить... взять сказанное назад... предпочитаете порвать между нами отношения». Всю свою жизнь Владимир Ильич утверждал новое — в революционной борьбе и социальной действительности, в российском календаре и правописании русского языка. А вот это сугубо личное письмо выдержано как бы в старомодном тоне,— нет, оно написано в том неизменном тоне, к которому прибегали в прошлом веке и прибегают ныне уважающие себя люди, посчитавшие необходимым раз и навсегда выяснить отношения.

Строки письма еще раз подтверждают, что уважение к самому себе, личное достоинство не должно подвергаться ни новациям, ни веяниям времени. Величина постоянная. И в 1923 году Владимир Ильич защищает свое достоинство точно так же, как делал это двадцать и тридцать лет назад.

Приходится слышать порой, что у того или другого человека излишне развито чувство собственного достоинства. Заметим между прочим, что тех, у кого оно отсутствует, мы обычно жалеем, а вот об излишнем, на наш взгляд, самоуважении говорим чаще всего

с осуждением. Кому вообще дано заниматься здесь нормированием, да и с чем сравнивать, чтобы сделать вывод — излишне или в самый раз? Наконец, что худого в том, если это качество характера постоянно дает себя знать? Мне кажется, что именно оно не только определяет во многом благородство поступков и убеждений, но делает благородство не сезонным, а органически присущим образу жизни каждого из нас. Вспомним о той же скромности. Она диктуется прежде всего уважением к самому себе: допустить нескромность — это утратить стыд перед самим собой. А взаимоотношения с людьми? Можно ли ждать добра от человека, который махнул рукой на себя?

...Писательница Софья Виноградская вспоминает эпизод, свидетельницей которого была в двадцатом году, на концерте Шаляпина в Большом театре. Концерт едва не начался, когда в шестом ряду партера кресло занял Владимир Ильич. И все пришло в движение, по залу понеслось: «Ленин в театре!» Шаляпин уже выходил на сцену. «И вдруг... отступил, стремительно подался назад, словно его отбросило ударом. Это звуковая волна: «Ле-е-ени-и-нин» — достигла певца». И в тот же миг кресло в шестом ряду оказалось пустым. Ленин уходил из зала, наклонив голову, подняв плечи. А вслед ему несся «подлинный ураган приветствий, аплодисментов, оваций, криков восторга... любви»,— пишет Виноградская.

Пожалуй, и весь эпизод. А теперь попробуем сверить наши впечатления. Я, например, подумал: придя на концерт, желая отдохнуть, Владимир Ильич не захотел выслушивать приветствия в свой адрес. А вот Мария Ильинична говорила об этой истории совсем иначе.

На следующее утро Виноградская пришла в редакцию «Правды» и разговорилась с Марией Ильиничной. Ульянова была расстроена тем, что произошло в Большом театре:

— Ильич вернулся домой взбешенный. «Наша публика,— сказал он,— совершенно не умеет вести себя в концерте. Идут слушать Шаляпина, а устраивают овации Ленину... Это — неуважение к артисту!»

Понять и разделить чувство достоинства в другом человеке возможно лишь через уважение к самому себе.

ОТДЫХ

Квартира, прямо скажем, оставляла желать лучшего: высоченные холодные своды, длинные казенные коридоры, тесноватые, к тому же проходные комнаты; однако Ульяновы жили, не жаловались.

Зимними вечерами собирались на кухне, поближе к теплому еще самовару. Из канцелярского шкафа доставалась немудреная разноликая утварь. И все, кто побывал здесь хоть раз в гостях, будут вспоминать, рассказывать, писать, как ужинали черным хлебом и сыром; как нашлась для дорогого гостя заветная баночка варенья; как ладили бутерброды по рецепту Владимира Ильича: кусочек черного хлеба, совсем чуть варенья, а сверху ломтик сыра — объедение, да и только; не забудут и о том, что при появлении даже одного гостя обнаруживалась нехватка чайных ложек. Ели не на фарфоре, разносолов не знали,— правда, садились всякий раз за стол, покрытый скатертью и непременно с крахмальными салфетками,— уж не от дома ли в Симбирске, не от Марии Александровны утвердился этот порядок?

«Жили просто, это правда. Но разве радость жизни в том, чтобы сытно и роскошно жить?» — писала Н. К. Крупская, вспоминая былое...

Привычная мысль: квартира, ее обстановка — все это говорит об индивидуальности хозяев, их вкусах, привычках. А если вещи, расставленные по комнатам, просты и неприметны, ничем не смягчена их откровенная целесообразность? Да и те вещи, которые есть, скорее всего, гости в доме: появились, когда сказалась в них необходимость, с ними не связаны семейные предания, нет у них истории и на день больше той, которая началась, как внесли их сюда. О чем же может рассказать такая квартира? Навѐрное, о том, что быт семьи определяли не вещи, а сами люди, их отношения.

Это была семья, где все и много работали. «...Ильич настоял, чтобы я стала работать на просвещенческом фронте,— писала Надежда Константиновна.— Работа захватывала меня целиком, и еще больше захватывала бурно кипевшая жизнь...» Надежда Константиновна

весь день проводила в Наркомпросе, если и работала дома, то по утрам, чаще всего поднимаясь до зари.

А Владимир Ильич предпочитал трудиться ночами. Напишет страницу — и надолго задумается, поднимется и быстро ходит из угла в угол. Пол в комнате поскрипывал — это сбивало с мысли и беспокоило домочадцев. А вообще-то его комната — самая небольшая в квартире — вытянута, будто пенал, и проходная. Но переехать в другую ни за что не соглашался...

До позднего часа работала и Мария Ильинична. Приносила с собой из редакции «Правды» кипы гранок, пачки писем. Сама печатала на машинке, но лишь когда не было дома Владимира Ильича: боялась помешать брату.

Они любили бывать вместе, пользовались для этого каждой возможностью. Собирались, например, к обеду. Первым приходил обычно Владимир Ильич — ему было ближе всех,— звонил в Наркомпрос Надежде Константиновне, в редакцию «Правды» — поторапливал Марию Ильиничну — Маняшу, как звал обычно младшую сестру.

Вспоминая о том времени, Б. М. Кедров рассказывал: «Помните, я говорил, что работал с Марией Ильиничной в одной комнате; если Мария Ильинична выходила, то отвечал на телефонные звонки. Как-то беру трубку и слышу: «Можно попросить Марию Ильиничну?» Как будто бы голос Владимира Ильича. У нас, замечу я вам, не было принято задавать вопрос: «Кто спрашивает?» Кого просят, того и надо позвать. Но в этот раз я взял и спросил. «Скажите, что брат». Брат — значит, Ленин. Я побежал: «Мария Ильинична, Мария Ильинична, вас Владимир Ильич к телефону!» Владимир Ильич беспокоился, отчего задерживается к обеду Мария Ильинична,— они с Надеждой Константиновной ждали ее...

По служебным делам Ленина соединял, очевидно, секретарь. А когда звонил по личному делу, то сам брал трубку, хотя получить нужный номер в тех условиях было не так-то просто. Сперва дожидались, когда откликнется телефонистка и скажет «тридцать шесть», после того надо было назвать номер; барышня его повторит и скажет «Готово». А может быть, и не готово. В общем, целая процедура...»

Бывали и семейные вечера. «Пожалуйте в столовую, будем пить чай»,— звал обычно Владимир Ильич. Заходила старшая сестра — Анна Ильинична, приезжал Дмитрий Ильич. Так собрались они вместе осенним вечером 1920 года. Прибежала и любимица Владимира Ильича сибирская кошка, которая, как писала Клара Цеткин, напоминала ей Мими — кошку Розы Люксембург. Семья сфотографировалась в тот вечер — единственная фотография Ульяновых после победы революции...

Комната Крупской была самая крайняя, дальше других отстояла от прихожей, а потому и наиболее тихая. Двадцать с лишним лет жизни Надежды Константиновны прошли в этой комнате. Здесь, подле окна, за миниатюрным письменным столом, лишь простившись с Владимиром Ильичем, писала близким ей людям.

Горькому: «Дорогой Алексей Максимович, похоронили мы вчера Владимира Ильича. Он был до самой смерти таким, каким и раньше,— человеком громадной воли, владевшим собой, смеявшимся и шутившим еще накануне смерти, нежно заботившимся о других...

Раз он очень взволновался, когда прочитал в газете о том, что Вы больны. Все спрашивал взволнованно: «что, что?»...»

Инне Арманд — дочери Инессы Федоровны: «Милая, родная моя Иночка, схоронили мы Владимира Ильича вчера. Хворал он недолго последний раз...

Мы на время остаемся в Горках. Я взялась составлять из его сочинений популярную брошюру — сборник самого важного и существенного, что он сказал,— и взялась уже за работу. Кажется мне, что сборник у меня выйдет. Потом буду помогать разбирать материал в Институте Ленина, писать о пережитом. Сейчас больше всего хочется думать о Влад. Ильиче, об его работе, читать его.

Но надо будет и другую работу делать».

Вставала в пять утра, успевала написать несколько страниц воспоминаний, прежде чем бралась за другую работу — редактировала журналы, отвечала на письма, занималась своими постоянными педагогическими делами.

На книжной полке — тридцать красных томов — то давнее, третье издание сочинений Владимира Ильича. Первый том появился в 1928 году. Его раскрыла На-

дежда Константиновна, двинулась глазами по строкам; они больше фотографий и воспоминаний — тогда их много публиковали — возвращали живого Владимира Ильича, его голос, его взгляд, его улыбку, его гнев. «Иногда теперь, много лет спустя,— делилась Крупская,— перечитывая статьи Владимира Ильича, слышишь интонацию, с которой он сказал в разговоре ту или иную фразу, которая потом вошла в его статью...»

Том выходил за томом — они были необходимым подспорьем в работе Крупской над воспоминаниями. И все больше появлялось отчеркнутых мест, все больше закладок в каждой книжке — они и сейчас поднимаются частоколом над ровным обрезом томов. И хочется надолго остаться в этой комнате, открыть книги — по закладкам, отметкам карандаша, словам, написанным на полях, проследить за мыслью Надежды Константиновны. Боязно, однако, и неудобно как-то: в этих закладках и этих пометках — диалог, который вела Надежда Константиновна до конца своих дней с Владимиром Ильичем... Но это же скорее всего был политический, а не личный диалог? А что более личным могло быть для них — более личным, чем та борьба и те надежды, которым отдали жизнь, никогда не страшась угроз и лишений, разрывая с людьми, которые еще вчера были любимы и сегодня еще не стали безразличны...

Долгими вечерами, оставшись одна в комнате, где так часто бывала с Владимиром Ильичем, Надежда Константиновна собирала альбом — очень скромный и очень маленький. Сделает его и станет всегда носить с собой. Невелик был у Крупской запас фотографий Владимира Ильича; какие-то приходилось вырезать из газет, журналов. Вырезала из газеты: Ленин с протянутой рукой, внизу крупными буквами — РКП. Буквы обвела красным карандашом. На обложке альбома — ИЛЬИЧ, и в каждой букве изображение Владимира Ильича, такое мелкое, какое бывает на контрольных отпечатках с пленки. Здесь и портрет, о котором писала Крупская: «Есть его карточка, снятая в конце августа, незадолго до ранения: он стоит в раздумье, так выглядит он на этой карточке, как после тяжелой болезни».

А портрет Владимира Ильича, который особенно любила Надежда Константиновна, был всегда перед ней — на письменном столе. Крупская наклеила фотографию

на свой старый членский билет ВЦИК, послуживший подставкой. Владимир Ильич — в черной барашковой шапке, чуть прищурился.

И такая же фотография, только крупнее, в соседней комнате, над постелью Владимира Ильича, но на этом снимке они вместе с Надеждой Константиновной. И та и другая фотография — выкадровка из снимка, сделанного в деревне Кашино в день открытия здесь сельской электростанции... Один из очень немногих дней после победы революции, который весь — от начала до позднего вечера — Надежда Константиновна и Владимир Ильич провели вместе. Ранним утром отправились на машине в Волоколамский уезд, в Кашино; приехали, ходили по сельским улочкам, обедали с крестьянами, беседовали с ними; наконец, выполняя просьбу уездного фотографа Феофанова, присели в центре большой группы жителей Кашино. И появилась фотография: лица тех, кто запечатлен на ней,— эпоха, последующая судьба каждого из них — история страны... Добрую память должен был оставить этот день, если так полюбилась кашинская фотография в семье Ульяновых...

Все это, однако, будет позже. А в среду 25 сентября 1918 года, спустя восемь дней, как приступил к работе после ранения Владимир Ильич, Ульяновы были заняты сборами в дорогу. Стояли, наверное, незакрытые чемоданы, появлялись все новые узелки. Владимир Ильич, только что вернувшийся из кабинета, шутил, а быть может, и несколько раздражался: вся жизнь в переездах, а обходиться минимумом так и не научились. Очень устал он за эти восемь дней, неожиданно и быстро устал.

Ничего особенного между тем, казалось бы, не происходило. Вышел на работу, а телеграммы с выражением соболезнования по поводу ранения все еще продолжали поступать. И приходилось отвечать, вместо того чтобы заниматься делами. «От души благодарю за приветствия и добрые пожелания и, с своей стороны, желаю всяких успехов в деле социалистического строительства».

Еще во время болезни писал наркому земледелия Середе — это когда он не решился зайти, послушался «переусердствовавших врачей» — писал о Елецком уезде: из 19 волостей, где есть комитеты бедноты, не по-

лучено ни одного толкового отчета о сборе излишков хлеба. А хотели уже этот уезд другим в пример поставить. Теперь пришли телеграммы из Ельца — и того хуже, одни общие слова.

«Получил ваши телеграммы.

Невозможно ограничиваться общими и неопределенными выражениями, слишком часто прикрывающими полный неуспех работы. Необходимы еженедельные точные цифры...

Без таких данных все остальное пустая словесность».

Пустая словесность. Сколько же ее до сих пор! Тем радостней, когда встречаешь толковых людей с мест — и дело делают, и знают его, и разумно говорят о нем. Недавно знакомился с документами о главнокомандующем южноуральскими партизанскими отрядами Блюхере — поразительная личность и способнейший военачальник, человек большой судьбы... А в первый же день, как приступил к работе, позвонил Свердлов: «Приехал товарищ из самой гущи деревенской работы. Рассказывает очень много важного. Примете?» Это о Михаиле Ивановиче Санаеве — председателе Сергачского уездного комитета партии. Там, в Сергаче, сама беднота организовала свои комитеты — еще прежде того, как был принят декрет о комбедах. И сумели от кулаков отгородиться...

«В редакцию «Правды»... председатель Сергачского уездного комитета партии (и член исполкома), рассказывает очень интересный материал о классовой борьбе в деревне и комитетах бедноты.

Крайне важно, чтобы именно такой *фактический* материал с мест появился в газете (а то чересчур много «общих» рассуждений). Очень прошу записать со слов товарища и напечатать».

Кажется, черным по белому: «очень прошу», однако записку послал в среду еще на той неделе, а до сих пор не напечатали. Пустой словесности и общих рассуждений после поездок по редакциям Бонч-Бруевича, Ольминского и Лепешинского с категорическим требованием прекратить на страницах газет форменные молебствия за здравие и бесконечные заверения в преданности стало меньше.

На этих днях написал «О характере наших газет». Кому следует, те поймут, что это значит — поменьше

политики, поменьше политической трескотни, поменьше интеллигентских рассуждений. Стиль газет, их конкретность — это мерило, зеркало нашей деловитости, нашей работы в центре и на местах — и Советской власти, и партии...

Статья «О характере наших газет» сразу же появилась в «Правде», рассказ же Санаева до сих пор не опубликовали... А устал так, что нет сил звонить в редакцию, выяснять, в чем дело; если просил опубликовать,— наверное, опубликуют. И почему же так устал за эти восемь обычных дней?

Четыре раза председательствовал на заседаниях Совнаркома и выступал на них, наверное, раз пятнадцать, не менее того... Затягивает очередность, вернее, внеочередность, безочередность бесчисленных дел. Декреты, декреты... Об усилении уголовной репрессии за перевозку писем, денег, маловесных посылок помимо почтового ведомства, а следом обсуждается декрет о запрещении вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения, теперь требуются поправки к декрету об отмене выдачи земствам, городам и казачьим войскам вознаграждения за потерю в доходах вследствие введения казенной продажи питья.

Декрет же об обложении сельских хозяйств натуральным налогом практически разрабатывал сам — все положения. Если удастся все это осуществить — будет хлеб, отпадет надобность и в продотрядах, в том, чтобы отнимать излишки. Если, может быть и наверное, что-нибудь не помешает... Да, исторический путь не тротуар Невского проспекта. И все-таки скоро годовщина — первая годовщина социалистической революции. Годовщина! Думали, что и недели не продержатся большевики. Следует кой-кому напомнить об этом, но главное — точно и строго оценить самим: много ли успели за год, к чему стремились и что удалось. Ларин согласился написать об этом брошюру — очень хорошо, если конечно же не занесет его в очередной раз. Главное — побольше фактов, проверенных цифр — так, как написано в удостоверении, выданном Ларину: — «все Народные Комиссариаты, а равно Чрезвычайная комиссия обязаны немедленно доставить все материалы и фактические данные за период с 25 октября 1917 года». Гласность. Воспитывать привычку к гласности.

Между прочим, хотелось бы знать, что напишет в своем отчете уважаемый Анатолий Васильевич Луначарский в связи с декретом о памятниках республики. Много ли успели сделать к годовщине революции? Вот где поистине пустая словесность и общие рассуждения... Беседовал на днях с Виноградовым, уполномоченным по исполнению декрета о памятниках,— одна бестолковщина, никакой конкретности.

«Петроград. Наркому Луначарскому... Сегодня выслушал доклад Виноградова о бюстах и памятниках, возмущен до глубины души; месяцами ничего не делается...»

Все должно делаться без напоминаний. Тогда не будет получаться так, как вышло с Каутским. В пятницу «Правда» опубликовала статью «К. Каутский и Генриетта Роланд-Гольст о большевиках», приводит выдержки из антибольшевистских выступлений Каутского. Несет он позорный вздор, детский лепет, занимается теоретическим опошлением марксизма, а мы не можем как следует и вовремя ответить. В тот же день отправил письма трем полпредам — Берзину в Швейцарию, Воровскому в Скандинавию, Иоффе в Германию:

«Дорогие товарищи!

Сегодняшняя «Правда» привела выдержки из статьи Каутского против большевизма...» Изложил программу действий, но сумеют ли оперативно выполнить? Во всяком случае, на последнюю просьбу — прислать все выступления Каутского о большевиках — откликнутся. Придется этим серьезно заняться...

Но отчего же, почему так устал за эти дни? Выходит, что с ранением не все так просто. Ну хорошо — придется поехать отдохнуть, десять дней на поправку, максимум две недели и конец — надо заниматься делами...

Владимир Ильич сидит за письменным столом в своей комнате. В окно видно здание Румянцевской библиотеки. Щедрая и затейливая лепнина по карнизам наводит на иные мысли, действует успокаивающе.

Решили ехать — значит, ехать, и как можно скорее. Завершить то, что осталось,— и в дорогу. Так, письмо Багаева из Астрахани. Снова выражает соболезнования, негодует. А по делу? Просит приема. Нет, уже не успеть, а поговорить было бы интересно. Нет, не успеть.

«От всей души благодарю Вас за приветствия и добрые пожелания. Извиняюсь, что по нездоровью не могу назначить свидания. Прошу обратиться к тов. Свердлову.

Прошу передать товарищам астраханским казакам мои самые лучшие пожелания и приветствия».

Ленин вновь вглядывается в потемневшее от времени, давно уже не крашенное здание Румянцевской библиотеки. В былые времена оно выглядело лучше — когда приходил по утрам, занимаясь здесь перед ссылкой... Румянцевская библиотека, Румянцевский музей... Ах да, сообщение Борисоглебской ЧК.

«В архиве кн. Волконских, потомков декабриста кн. Волконского, обнаружено много исторических документов, среди которых особо важные: 2 подлинника за подписью Робеспьера и Бонапарта, таковые при сем и препровождаются Вам...» А другие документы передали в библиотеку при местном Коммунистическом клубе. Этим пускай займется Бонч-Бруевич, поблагодарит за сообщения, главное же, чтобы немедленно переслали все документы в Управление делами Совнаркома, а там видно будет, иначе и концов не сыщешь.

Теперь уже все, и надо скорее ехать, пока не появилось что-нибудь новое. Да, звонок в «Правду», когда же наконец опубликуют запись рассказа Санаева о комбедах в Сергаче. Не сумели записать рассказ Санаева? Почему? Так, так... в первый день некому, а на следующий Санаев срочно уехал. Как быть теперь? Вы еще меня об этом спрашиваете...

Надежда Константиновна и Мария Ильинична торопятся уложить последние вещи. Время уже обеденное, а приехать на место надо засветло. Непременно сегодня же — эти всего лишь несколько дней поразительно утомили Владимира Ильича.

Речь о том, как бы устроить отдых Ульяновых, заходила не раз, но присмотреть что-нибудь подходящее так и не собрались. Первые месяцы после переезда в Москву — летом восемнадцатого — отдыхали в общем-то где придется.

Еще в конце весны В. Д. Бонч-Бруевич ездил вместе с И. И. Скворцовым-Степановым в Мальцево-Бродово, бывшее имение доктора Соколова. Скворцов-Степанов

был родом из этих мест — они подле известной подмосковной станции Тарасовка. «Нам приглянулась,— вспоминал Бонч-Бруевич,— новая, современная дачная надстройка, возведенная на каменном одноэтажном здании, и мы прикинули, как можно будет здесь расположить Владимира Ильича, Надежду Константиновну и Марию Ильиничну».

В этом же доме расположилась на лето и семья Бонч-Бруевича. Быть может, поэтому Ульяновы считали, что живут на даче у Владимира Дмитриевича; во всяком случае, Мария Ильинична писала: «В начале лета 1918 года, когда встал вопрос о том, где проводить дни отдыха, В. Д. Бонч-Бруевич предложил Владимиру Ильичу ездить к нему на дачу в Тарасовку».

Сперва, казалось бы, все складывалось весьма удачно. Уже в первых числах мая на одном из заседаний Ленин посылает записку Бонч-Бруевичу, в которой обстоятельно выясняет все, что касается дачи: как там дела, можно ли поехать в воскресенье, поехать вдвоем или втроем? И наконец, «можно ли *там* заставить ждать авто?» Владимир Дмитриевич сразу же ответил: все готово. «Картошку купил. Молоко и творог великолепны, есть и другой продукт».

Расположились, как настоящие дачники, заняв две полупустые комнаты на втором этаже. Надежда Константиновна захватила с собой подушку-думку, но пользовался ей обычно Владимир Ильич: у Крупской было две подушки и у Марии Ильиничны — две, а у него — одна. Бывало, Крупская шутила: «Опять думку стащил».

Столоваться было решено у Бонч-Бруевича, и Ленин категорически настаивал — жить на равных паях. Владимир Дмитриевич рассказывал, что хозяйствовали из расчета по 17 рублей с человека в день и десять рублей платили шоферу в каждый приезд — сами платили — помимо той зарплаты, которую получал шофер.

Вскопали грядки, посадили овощи. В то лето выдался редкий урожай. Бонч-Бруевич возил овощи корзинами в город, сдавал в кооператив, получая в обмен молочные продукты. Однако Владимир Ильич так и не дождался времени редкого изобилия: поднялся однажды на рассвете и уехал в город.

Когда-то о своем отдыхе писал матери: «Безлюдье и безделье для меня лучше всего». А здесь, на подмос-

ковной даче, неминуемость общений, начинающихся с самого утра, бесконечно долгие чаепития на веранде и нескончаемые разговоры ни о чем, от которых больше устаешь, нежели от тяжких дел. К тому же комары, которых Владимир Ильич просто не переносил. И, проведя в очередной раз ночь без сна, положил конец поездкам в Тарасовку.

Конечно же можно было проводить свободный день в государственных домах отдыха, санаториях. Но они тогда лишь налаживались. И вместо отдыха, как писал позже Владимир Ильич, «получались «анекдоты».

Есть и рассказ очевидца одной из таких поездок, когда действительно все происходило, как в дурном анекдоте. Предложили отдыхать в Звенигородском уезде, в бывшем имении Васильевское,— там губисполком организовал дом отдыха. На этот раз Владимир Ильич отправился, к счастью, без Надежды Константиновны. Дорога дальняя — верст семьдесят от Москвы, причем верст семь по проселку, лесом, а значит, по грязи. Поехали на двух машинах. Ночь, дождь. И как свернули на проселок, начали прыгать по колдобинам, нырять по лужам. Наконец впереди идущая машина ушла в грязь по самый кузов. Вылезли, чтобы тянуть ее, и сами оказались в грязи по колено. Все суетятся, нервничают, кто-то с досадой изрекает: «Мы на ней ехали — теперь она на нас». Взялись за сучья, благо застряли в лесу, таскал их и Ленин. Наконец выбрались.

К дому подъехали в три утра, когда все спали. Барабанили что было мочи в двери, а когда они открылись наконец, пахнуло затхлой сыростью запущенного, давно не топленного дома. Пекли оладьи на керосинке, раздували самовар. Наконец собрались ложиться спать. Комнат в богатом особняке было множество, всюду стояли монументальные кровати, а вот белья и одеял не оказалось. Это в холодную ночь, когда казалось — все пропиталось дождем...

В конце концов стали в свободный день просто выезжать за город на несколько часов — подышать воздухом, вместо обеда забирали с собой бутерброды. «Ездили в разных направлениях,— писала М. И. Ульянова,— но скоро излюбленным местом Владимира Ильича стал лесок на берегу Москва-реки, около Барвихи. Мы выбирали уединенное место на горке, откуда открывался широкий вид на реку и окрестные поля, и проводили

там время до вечера. Товарищ Гиль, шофер Владимира Ильича, со своим авто располагался поблизости — охраны у Владимира Ильича тогда не было. Местечко это мы хорошо изучили и знали уже, какой мостик на проселке, ведущем к нашему «монрепо», выдержит машину».

Прочность мостов устанавливали эмпирическим путем. В первый раз Ленин обратился к крестьянину с вопросом, можно ли здесь проехать на машине. Крестьянин с усмешкой покачал головой и сказал: «Не знаю уж, мост-то ведь, извините за выражение, советский». Ленин потом не раз вспоминал ответ крестьянина — «извините за выражение, советский...».

Разные бывали встречи во время этих поездок. Случалось, машину окружала гурьба белоголовых деревенских ребятишек. «Дяденька, прокати!» — кричали они, как кричит и сегодняшняя детвора. И Ленин просил шофера остановить машину, усаживал ребят. «Другой раз мы возвращались на автомобиле откуда-то с прогулки,— вспоминала Крупская,— надо было проехать под железнодорожным мостом. Навстречу шло стадо коров, довольно невозмутимо относящихся к автомобилям и не уступающих автомобилям дороги, впереди без толку толкались бараны. Пришлось остановиться. Проходивший мимо крестьянин с усмешечкой посмотрел на Ильича и сказал: «А коровам-то подчиняться пришлось».

...Теперь, после покушения на Владимира Ильича, вопрос об отдыхе Ульяновых приходилось решать безотлагательно. На этом настаивали врачи. О прежних поездках Ленина по Подмосковью, когда неизвестен был даже маршрут, которым он отправлялся на прогулку, и речи быть не могло: это противоречило элементарным представлениям о безопасности. Хотели выбрать такое место, искали такой загородный дом, где было бы покойно Владимиру Ильичу, а вместе с этим можно было бы организовать надежную охрану. Одно время думали даже тайно поселить Ленина где-нибудь в деревенской семье, но вскоре стало очевидным, что Владимир Ильич будет непременно узнан.

Помимо удобств и безопасности существовало еще одно условие: все должно быть достаточно скромно. Ни в один из пустующих загородных дворцов, скажем в то же Архангельское, Ленин не поедет,— это было ясно.

Исчерпав весьма обширный список, остановились на имении, которое принадлежало когда-то герою Отечественной войны 1812 года генералу Писареву. Позже дворянскую усадьбу постигла обычная судьба: перешла в руки капиталистов братьев Герасимовых. А затем, уже в начале девятисотых годов, имение приобрел известный текстильный фабрикант Савва Морозов. Взялись перестраивать дом, в парке выкопали два пруда, построили электростанцию и водокачку. После трагической смерти Морозова его вдова преподнесла имение в качестве свадебного подарка своему новому мужу — градоначальнику Москвы генералу Рейнботу. Впрочем, как утверждают знающие люди, она передала ему постройки, а землю не всю — лишь по три сажени от края каждой аллеи, остальное же предусмотрительно оставила за собой.

После революции Рейнбот поторопился эмигрировать, прихватив с собой морозовские капиталы. Впрочем, подобное ему было не впервой — и прежде был судим сенатом за подкуп и растрату.

И в середине сентября восемнадцатого года в бывшее имение Рейнбота приехали Свердлов и Дзержинский. Осмотрели большой дом, два флигеля, парк и одобрили выбор.

Место отдыха Ленина решено было сохранять пока в тайне, и Мальков сам мыл полы, вытаскивал старую рухлядь, приводил дом в порядок. Позже Дзержинский выделил для охраны десять чекистов.

Теперь оставалось последнее — уговорить Владимира Ильича. Сделали и это.

Проехать сюда можно так:

«По Серпуховскому шоссе около 20—23 верст. Проехав *железнодорожный* мост и затем второй, *не* железнодорожный, мост по шоссе, взять **первый** поворот налево (тоже по шоссе, но **небольшому**, узкому) и доехать до деревни *Горки* (Горки — бывшее имение Рейнбота).

Всего от Москвы верст *около 40*».

Со временем мосты перестали служить ориентиром, сдвинулась влево лента шоссе. Теперь надо ехать по дороге, ведущей в аэропорт Домодедово, минуя корпуса нового онкологического центра. На полдороге, у современной шоссейной развязки, надо взять правее, и тогда очень скоро увидишь слева тоже шоссе, но не-

большое, узкое, защищенное высокими тополями. Вот, пожалуй, и все поправки, которые внесло время в маршрут, так старательно выписанный в свое время Владимиром Ильичем.

Эти холмы, овраги, перелески, привлекательные в той мере, в какой чаруют нас исконно русские пейзажи, и этот дом, ничем не примечательная двухэтажная, обрамленная колоннами по фасаду постройка начала девятнадцатого века, с протянутыми по обе руки флигелями, северным и южным,— все это никогда уже не будет существовать само по себе, а лишь в связи с Лениным. И тенистый парк, сохранивший часть леса, с его лужайками и полевыми цветами,— тем и знаменит, что по краю дорожек проклевывались грибы, которые он собирал. И эта аллея отлична от других потому, что шагал по ней к восточной калитке, отправляясь на охоту. Здесь играл в городки. Тут, встретив одного из знакомых, спрашивал: «Читали, как наши бьют белых? Не читали? Так подождите, я вам сейчас принесу газету». С этой террасы любил смотреть в подзорную трубу. И здесь же, чем-то взволнованный, ходил из угла в угол долгой бессонной ночью, останавливался и снова принимался быстро шагать, а дежурный из охраны пожимал плечами: «Вот уже два часа так ходит, все давно спят, а он ходит». Этой наклонной дорожкой спускался к беседке над прудом. И даже имя бывшего хозяина этих мест, градоначальника Рейнбота, если и упоминается до сих пор в отличие от давным-давно забытых имен сотен градоначальников и тысяч помещиков, то лишь потому, что Ленин отдыхал в его бывшем имении. И немало поэтических строк посвящено этим местам.

«Если от главного дома в Горках свернуть налево, широкая прямая аллея приведет к беседке у обрыва. Отсюда открывается просторный вид на холмистые поля, на рощи, равнины, перелески, деревья, склонившиеся над прудом.

Эту беседку любил Владимир Ильич Ленин в те годы, когда он подолгу жил в Горках. В последние годы своей жизни.

Быть может, высокий откос, чувство пространства и открытого воздуха, уходящие за край небес развернутые дали, крутые, заросшие кустарником склоны — все это напоминало ему Симбирск, «Старый Венец», обрыв к Волге, широкие просторы Заволжья. Недаром в семье

Ульяновых беседку и площадку перед обрывом в Горках прозвали «Венцом»,— писала Е. Я. Драбкина.

Здесь, под Москвой, он вновь обрел возможность без помех общаться с природой, которую любил, к которой тянулся в бесконечно редкие свободные минуты своей трагически короткой жизни. Томился в эмиграции, вспоминал: «Хорошо бы летом на Волгу!» Писал в письме из Горок: «Липы цветут».

Для каждого из нас, для многих поколений и для истории навсегда стали Горки — Горками Ленинскими.

...Вы бывали здесь осенью? Когда длинноногие березы еще не до конца сбросили свой наряд и грачиные гнезда, большие, словно корзины грибников, надежно скрыты в ветвях; падают листья, сейчас лягут позолотой на зеркало малого пруда, но нет, вдруг поднялись вспугнутой стаей, закружились над большим прудом, ставшим от ночных заморозков вновь прозрачным после летнего цветения. Все еще весело, золотисто и нарядно вокруг, лишь поникла увядающая трава, такой и уйдет под снег и выйдет из-под него пепельно-серой.

В эту пору и приехали первый раз в Горки Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична — под вечер, как вы помните, 25 сентября восемнадцатого года. Ульяновых с неожиданной и несколько комической торжественностью приветствовала охрана; чекисты пока не очень-то представляли, чем следует им заняться: они обратились к Ленину с речью, вручили букет цветов. Все были смущены.

Забегая вперед, скажем, что организовать спокойный и безопасный отдых для Владимира Ильича оказалось и в Горках не просто. В воскресенье и праздничные дни молодежь окружающих деревень с гармониками и песнями направлялась в парк Горок. Одно время даже специально устраивали в других местах игры, гулянье, чтобы отвлечь туда девчат и парней.

Очень скоро многим стало известно, что Ленин живет в Горках. Проезжая в этих местах поездом, можно было услышать в вагоне: «Я только сейчас был у Ленина, вот он там живет,— и рассказчик указывал рукой в сторону Горок.— Шел к нему, думал, что не увижу, думал, что и вблизи не подпустят, а прошел совершенно свободно, прямо к самому дому, где живет Ленин. Никакой охраны, только вдали видел одного

красноармейца. Ленин вышел ко мне, поздоровался, сел со мной, выслушал внимательно...»

Выпадали и особенно тревожные моменты. Весной 1920 года случилась беда: на Ходынке стали рваться склады со снарядами. Взрывы были слышны в Горках, с наступлением темноты поднялось пламя над городом. А тут пришло сообщение, что из Москвы за Серпуховскую заставу выехали два неизвестных автомобиля с вооруженными людьми. И чекисты заняли на всю ночь оборону, прислушиваясь, не прозвучит ли вдали шум моторов.

Но Владимир Ильич по-прежнему избегал охраны. Так далеко уходил на прогулки с Надеждой Константиновной, что чекисты волновались, разыскивая их.

Владимир Ильич любил обстановку в кабинете, в своей комнате, в квартире привычную, неменяющуюся, как будто в этом покое вещей — всегда на тех же местах — находил отдых от насыщенной разнообразными и многочисленными событиями жизни. А здесь, в Горках, все было утомляюще внове: изысканная мебель из карельской березы, на каждом шагу венецианские зеркала в золоченых рамах, хрустальные люстры, ковры, зимний сад. В своем кремлевском кабинете, увидев, например, что подле письменного стола расстелили медвежью шкуру, он мог потребовать: немедленно уберите эту роскошь. В Горках же, в этом бывшем барском доме, не позволял ни себе, ни кому другому что-либо менять в обстановке: видел в Горках не свою, пусть и временную, дачу, а государственный санаторий. И спустя уже немало времени, давно привыкнув к Горкам, писал Надежде Константиновне: «...отдыхаем на «нашей» даче по воскресеньям», не забывая при этом заключить в кавычки местоимение, как бы произнося его с улыбкой отрицания.

«Обстановка была непривычная,— писала Крупская.— Мы привыкли жить в скромных квартирках, в дешевеньких комнатах и дешевых заграничных пансионах и не знали, куда сунуться в покоях Рейнбота. Выбрали самую маленькую комнату, в которой Ильич потом, спустя 6 лет и умер; в ней и поселились. Но и маленькая комната имела три больших зеркальных окна и три трюмо». Окон было так много, что Надежда Константиновна даже ошиблась в подсчетах: в этой комнате четыре зеркальных окна.

А с началом октября дали себя знать холода. Из окон нещадно дуло, отопление работало плоховато. И решили разжечь камин — внушительный, облицованный мрамором камин на площадке второго этажа. А вскоре — было это часов в десять вечера — Владимир Ильич услышал встревоженные голоса, какой-то шум и возню на чердаке. Разволновался: что происходит? Успокаивали, стараясь убедить, что все благополучно, а на потолке между тем над камином все больше расползалось пятно, проступала вода. И, не слушая уговоров, Ленин отправился на чердак.

Там тушили пожар. Камин, при всей своей роскоши, оказался фальшивым: на месте дымохода проходила деревянная балка. Она и загорелась. Снизу штукатурка потолка, а сверху насыпанная на чердаке земля не давали пламени разойтись, но тлела балка сильно, и, сколько ни лили воды, дым продолжал идти. Увидев все это, Владимир Ильич укоризненно покачал головой: «Плохие хозяева, что недосмотрели». Ушел к себе.

А тлеющую балку все продолжали заливать. Вскоре обвалился потолок подле камина, устроили наводнение в двух соседних комнатах. Предстоял ремонт, и Ульяновы перебрались в северный флигель — там у прежних хозяев жила прислуга.

Ленин занял опять же самую маленькую комнату на втором этаже, чуть бóльшие — Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Но зачем вообще отапливать в холода такой большой дом, не проще ли жить во флигеле? Так утвердилась одна из первых горкинских привычек: летом располагались в большом доме, когда же наступала пора топить печи, перебирались во флигель. А там, где утверждаются привычки, начинается, как известно, налаженная жизнь.

У Ленина были свои четкие представления об удобствах: они должны способствовать работе без помех. Кремлевская квартира — в двух шагах от зала заседаний Совнаркома, кабинета, библиотеки; прекрасно, можно не терять ни минуты даром.

Вот и в Горках поставили три чашки, три тарелки, три подставки для яиц — все это на самом краю полированного обеденного стола, раздвинув который можно усадить сто двадцать персон. И так же во всем остальном словно выбрали сообща такой угол зрения, вне ко-

торого оставалось все, что противоречило принятому в семье образу жизни.

Не обходилось, конечно, и без казусов: «...чернила у меня, как видите, дрянь: пришлите, пожалуйста, маленькую баночку хороших, для наливного пера...» Или же: «Конверты присланы мне неслыханно дрянные, все расклеиваются. Клей тоже дрянь. Пришлите, пожалуйста, *клея получше*».

«...Прошу еще конвертов побольше. И бумаги немного»,— писал в Москву, лишь расположившись, казалось бы, на отдых.

И никогда не прерывал связь с Москвой, часто досадуя на плохую работу телефона.

«Провод и до сих пор работает из рук вон плохо: 50 верст хуже 600—750, Петроград и Харьков!!

Похоже, что организация и дисциплина в деле телефонной связи из рук вон плохи».

«Еще и еще раз обращаю Ваше серьезное внимание на безобразия с моим телефоном из деревни Горки».

А от исправной работы связи между тем зависело многое, очень многое. Светлой июньской ночью девятнадцатого года Ленин получил в Горках сообщение с фронта: «Опасность угрожает Петергофу. С его падением Питер висит на волоске. Для спасения Питера необходимо тотчас же, не медля ни минуты, три крепких полка».

И, не медля ни минуты, Владимир Ильич передает из Горок:

«8/VI, $2^1/_2$ часа ночи.

т. Склянский! Только сейчас получил телеграмму... Надеюсь, Вы уже дали распоряжение (*необходимо!* крайность! $^1/_2$ или $^2/_3$, т. е. 2 полка с *Архангельского* фронта, 1 с ***Восточного***)...»

И в ту же тревожную ночь еще одно распоряжение из Горок:

«Помочь Питеру необходимо с Восточного фронта. Приеду завтра.

Ленин».

Утром Владимир Ильич вернется в Москву, а помощь Питеру для его спасения необходимо было оказать в ту же ночь. И Ленин требует безукоризненной работы телефона: «...подтвердить: чтобы *всегда* был в исправности».

Дмитрий Ильич Ульянов писал, что Ленин «не ездил на дачу, если не было связи с Москвой». Оказавшись в Горках на первом этаже большого дома, не забудьте взглянуть на телефонный аппарат в деревянном футляре с ручкой, которую приходилось крутить, порой ожесточенно, чтобы получить соединение. Кто скажет теперь, кто подсчитает, сколько часов провел Владимир Ильич подле этого аппарата, диктуя, спрашивая, вновь вызывая Москву, чтобы продолжить прерванный помехами разговор. Несколько сот ленинских записок, распоряжений, запросов было передано отсюда...

Постепенно, как писала в воспоминаниях Надежда Константиновна, Горки «были «освоены», «приспособлены» к деловому отдыху. Полюбил Ильич балконы, большие окна».

Да, Ленин полюбил Горки, и самое красноречивое свидетельство того: начал уговаривать окружающих воспользоваться этим прекрасным местом, непременно отдыхать здесь же. В свой первый приезд писал в Москву: необходимо устроить поездку Цюрупы в Горки: «...здесь есть 1 большая чудесная комната, отопление; когда мы уедем, надо найти Цюрупе кухарку и здесь можно устроить санаторий для наркомов». И звал Горького:

«Дорогой А. М.!

Приезжайте отдохнуть сюда — я на два дня часто уезжаю в деревню, где великолепно могу Вас устроить и на короткое и на более долгое время».

...Осенью восемнадцатого года, первый раз приехав в Горки, сразу же взялся за работу. Была у Ленина-руководителя такая черта: обращая внимание окружающих на необходимость заняться неотложным делом, чаще всего брался за это дело и сам. Собираясь на отдых, писал советским полпредам о необходимости откликнуться на выступления Каутского, который занимается теоретическим опошлением марксизма. А устроившись в Горках, начал работать над книгой «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

Вскоре Владимиру Ильичу доставили материалы, которые он просил, привезли из Вены только что увидевшую свет брошюру Каутского «Диктатура пролетариата». Ленин прочел ее и оставил на полях пометки, надписи, подчеркивания — на 50 страницах, а их всего

то 64 в брошюре. Все складывалось к тому, чтобы этими, еще нехолодными днями в осенней тиши Подмосковья не торопясь, как говорится, в свое удовольствие заняться задуманной работой. Но тогда надо было бы отвлечься от событий, происходящих в мире. А в Германии поднималась революционная волна — все яснее, все стремительней.

На пятый день пребывания в Горках, 1 октября, писал в Москву: «Дела так «ускорились» в Германии, что нельзя отставать и нам...» Настаивал, чтобы завтра же собрали самое широкое, соединенное собрание, которое примет резолюцию: «Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим...» И просил, буквально умолял, чтобы прислали из города машину, разрешили выступить на этом собрании («...мне дайте слово на 1/4 часа вступления, я приеду и уеду назад...»). Владимиру Ильичу отказали, не желая нарушать режим необходимого для него отдыха. И хоть знал наверняка, что машина из города не придет, весь день провел у дороги, ожидая и надеясь: «А вдруг пришлют?»

Вот она, обсаженная старыми, в обхват, деревьями, дорога из Горок. Осенние, гонимые ветром потоки дождя хлещут по ней. И Ленин, терпеливо ожидающий машину. Давно ли, выступая на IV Чрезвычайном съезде Советов, называл Брестский мирный договор архитяжелым, насильственным, позорным, поганым, похабным, унизительным и в то же время доказывал необходимость его ратификации. А впервые увидев массивную папку, в которую заключили немцы текст Брест-Литовского мирного договора, заметил: «Хороший переплет, отпечатано красиво, но не пройдет и шести месяцев, как от этой красивой бумажки не останется и следа...»

Какой же поразительной силой исторического предвидения надо было обладать, чтобы спустя семь месяцев — всего лишь семь! — полностью подтвердилось сказанное: революционные события в Германии снесли кайзеровскую империю вместе с ее договорами.

А машины не видно, и Ленин терпеливо ждет ее на дороге под потоками осеннего дождя...

Казалось бы, можно продолжать без помех работу над книгой. В те дни Крупская писала: «Владимир Ильич поправляется понемногу, легкое совсем зажило, плечом тоже начинает двигать, хотя надо еще понабраться силёшки. Работаем вовсю».

Но вскоре Ленин снова прервал начатое: «...ввиду того, что моя работа затягивается, я решил просить редакцию «Правды» дать место краткой статье на ту же тему». Статью «Пролетарская революция и ренегат Каутский» закончил 9 октября.

А как же рукопись? Отложена до лучших времен? Нет, находил время, продолжал работать. И вскоре закончил — меньше чем через месяц — книгу «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Последние строки, как вы помните,— «Заключение, которое мне осталось написать к брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним» — написал 10 ноября восемнадцатого года, после того как пришло известие о победе революции в Германии.

Для каждой статьи и для каждой книги Владимира Ильича всегда был свой и неотложный повод. Ленин всякий раз брался за перо, когда этого требовали победы или поражения революции. Каким же поразительным чувством времени, его движения надо было обладать, чтобы, пережив ранение, уехав на отдых в Горки, совмещать тем не менее свою мысль, свой труд с мировым революционным процессом!

Позже здесь же, в Горках, Ленин писал «Как буржуазия использует ренегатов», вновь разоблачая Каутского; набрасывал «Письмо американским рабочим»; правил корректуру «Детской болезни «левизны» в коммунизме»; размышлял над задачами II конгресса Коминтерна, писал тезисы в связи с ним. Холмы и перелески — исконно русский пейзаж не мешал Владимиру Ильичу думать о грядущих пролетарских революциях в других странах. Искать и находить в бесконечном своеобразии русской революции ее международные черты: «...в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»,— писал в «Детской болезни «левизны» в коммунизме». Здесь, в сердце России, думал о судьбах других народов, далеких стран, и было это для Ленина-интернационалиста столь же естественно, как, узнав о революционных событиях в Германии, сразу же связал их с жизнью Советской России: «...вдесятеро больше усилий на добычу хлеба (запасы *все* очистить и для нас *и для немецких* рабочих)»,— писал из Горок.

...Как только «Правда» опубликовала статью «Пролетарская революция и ренегат Каутский» — было это 11 октября,— так сразу же заговорил со Свердловым: пора бы возвращаться на работу. Приехав после свидания с Владимиром Ильичем, Яков Михайлович передавал по прямому проводу в Царицын: «С Карповым (зашифрованное имя Владимира Ильича.— *Е. Я.*) вчера виделся. Он на днях начнет работать».

Стараясь задержать хоть на несколько дней отъезд Ленина из Горок, его уверяли, что еще не закончен ремонт московской квартиры. Но вскоре, как пишет в воспоминаниях комендант Кремля Мальков, Владимир Ильич разгадал эту хитрость. И 14 октября был в Москве. Выходит, приезжал в Горки лишь затем, чтобы выполнить очередную работу. Но ведь собирался отдыхать, скорее всего искренне верил в это, во всяком случае, подбирал книги специально для отдыха. В перечне книг, которые взял с собой в Горки,— Джордж Эллиот «Даниёль Деронда» и «Мельница на Флосе», «Холодный дом» Диккенса. Пометил было в списке «Menschen in Krieg» («Люди на войне») — но нет, едет же отдыхать — и вычеркнул, а вот подле Чехова тем же карандашом вписал «Спички», имея, очевидно, в виду рассказ «Шведские спички». И видно, что написано вскоре после ранения — почерк иной, чем обычно.

Да и список этот — книги для отдыха — единственный в своем роде. Все последующие запросы из Горок были иными.

«Тов. Гляссер!

Очень прошу Вас прислать мне сегодня

1) стенографический отчет *IX съезда РКП* (1920). Есть переплетенный у меня в кабинете в «вертушке»;

2) английскую книгу (была на столе у меня)...

Привет! *Ленин*».

Постепенно книги, необходимые Ульяновым для работы, заполнили все комнаты и большого дома, и флигеля. Лежали на окнах, хранились в бельевом шкафу, скапливались в библиотеке, занимая все больше места в огромном книжном шкафу, вмещающем больше двух тысяч томов. Иллюстрированные журналы былых времен, французские романы, хранившиеся у прежних хозяев, уступили полки иной литературе, например по военным вопросам: «Энциклопедия военных и морских

наук», «Морская стратегия Наполеона» Б. Б. Жерве, «Единая военная доктрина и Красная Армия» М. В. Фрунзе. Пожалуй, лишь энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона остался на прежнем месте.

Уже больной, летом 1922 года, как только получил разрешение читать, выписал за полтора месяца более тысячи томов. Владимиру Ильичу потребовались газеты — 32 названия,— среди них на немецком, английском, французском и итальянском языках. Журналы: «Коммунистический Интернационал», «Под знаменем марксизма», «Красная новь», «Красная книга», «Книга и революция», «Огонек», «Крокодил»... 137 журналов на английском, французском и немецком языках.

«За книги большое спасибо. Теперь имею их массу и начну возвращать пачками...

Лучшие приветы! *Ленин*»

Уезжал из Москвы чаще всего по требованию врачей. Случалось, и сам признавался: «Уезжаю сегодня.

Несмотря на уменьшение мной порции работы и увеличение порций отдыха за последние дни, бессонница чертовски усилилась». Но работу тем не менее не прерывал.

Да и отдыхал ли он в Горках когда-нибудь в том смысле, в каком представляем себе отдых: освободившись от мыслей и забот, отдыхать и ни о чем не думать. Был здесь семнадцать дней в сентябре девятнадцатого года и семь раз за это время ездил в Москву, участвовал в заседаниях ЦК партии, Политбюро, руководил работой Совнаркома, Совета Труда и Обороны... Отдыхал летом 1921 года и в июле написал из Горок 155 писем, других документов, а в августе — 187.

Да и в этом ли только дело? Отдых немыслим без душевного покоя. А могла ли идти о нем речь, когда писал здесь, скажем, «Кризис партии»: «Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка». В Горках напишет «Все на борьбу с Деникиным!», «Еще раз о профсоюзах и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина», «Об образовании СССР», выступая в этой статье против поклонников автономизации.

Крупская вспоминала: «На прогулках часто бывали случаи, когда какая-нибудь неожиданная реплика по-

казывала, что, гуляя, он сосредоточенно и напряженно думал, обдумывал и т. д.». Потому, наверное, так и любил Владимир Ильич уставать физически: лишь физическая усталость могла облегчить напряжение мысли, а освободиться от этого не мог порой и ночами, страдал бессонницей...

* * *

Почти три года, если собрать вместе все недели, дни, а порой и часы, пробыл в Горках Владимир Ильич.

Впервые приехав на отдых, Владимир Ильич познакомился с рабочими местного совхоза. Они обратились с просьбой реорганизовать совхоз в сельскохозяйственную коммуну. И Ленин беседовал с рабочими, подробно обсуждал все «за» и «против». «Я помню, как на совещании в Большом доме Ильич убеждал их, очень волновался»,— рассказывала Крупская.

Ленин вернулся в Москву, и делегация рабочих совхоза «Горки» вновь пришла к нему на прием — как бы побыстрее получить разрешение на коммуну. И Владимир Ильич решил поддержать их просьбу.

Коммуну организовали, и тут же в губземотделе о ней забыли. В результате последующие события приняли несколько непредвиденный оборот: разделив между собой рейнботовское имущество, участники коммуны посчитали свою миссию выполненной. Часть мебели, посуда, белье оказались в домах руководителей коммуны. А кроме того, несколько возов с добром были отправлены в Прибалтику — в имении Рейнбота были заняты латышские рабочие. Происходило это зимой 1918/19 года. И после неудачного опыта «Горки» вновь стали совхозом.

Но и с совхозом не все ладилось. «Ильич хотел,— вспоминала Надежда Константиновна,— чтобы совхозы стали для крестьян показом, как умело вести крупное хозяйство; как вести мелкое хозяйство, крестьяне знали, как вести крупное — им надо было еще учиться». Между тем совхоз «Горки» отнюдь не был таким примером. И в 1921 году Ленин пишет управляющему делами Совнаркома: «Получено сообщение, что крестьяне возмущаются бесхозяйственностью в совхозе «Горки» под Москвой. Было, де, богатое и устроенное имение, а теперь падает все дело. Пропадет пруд, где было разведение рыбы, а теперь он «уходит». Надо по-

стараться найти в Москве толкового человека по рыборазведению и устройству прудов, послать его на место; дать задание совхозу «Горки»: обязательно привлечь окрестных крестьян, *дать им долю выгоды, и долю* ***побольше***, от рыбоводства, но не дать упасть хозяйству, а поднять его».

Неудачи такого рода Владимир Ильич принимал близко к сердцу, огорчался, сердился, вновь и вновь обращал внимание тех, от кого зависела постановка дела. Строго спрашивал Владимир Ильич с заведующего хозяйством Горок Вевера, побывавшего уже по постановлению Председателя Совнаркома под арестом за самовольно срубленную ель. «Однажды Ильич, встретя его на прогулке, спросил, как совхоз помогает окрестным крестьянам,— писала Крупская.— Тов. Вевер недоуменно посмотрел на него и ответил: «Рассаду крестьянам продаем». Ильич не стал расспрашивать дальше, а когда Вевер ушел, огорченно посмотрел на меня и сказал: «Даже самой постановки вопроса не понял». И потом стал как-то особенно требователен к Веверу, не понимавшему, что совхозы надо сделать показом того, как надо вести крупное хозяйство».

Нет, не вышло из совхоза «Горки» примерного хозяйства. Позже, уже в наши дни, станет известен на всю страну местный колхоз им. Владимира Ильича, где председательствовал уроженец Горок дважды Герой Социалистического Труда Иван Андреевич Буянов.

А тогда, несмотря на все заботы Ленина, дело не ладилось. И кому-то это давало, быть может, повод для ухмылки: говорят о социалистическом сельском хозяйстве всей страны, а пока и с одним совхозом сладить не могут... Но разве сама эта неудача не была поучительна? Она служила серьезным поводом для раздумий, показывала, как много потребуется времени и сил для коллективизации деревни и как далеко еще от этого сознание крестьян. Да и можно ли вообще судить о неудачах других, самому не испытав, как труден путь к удаче? Нет, лишь осмыслив и пережив все это, можно определить реальные сроки для претворения своих же планов, сроки, которые идут не против жизни, а согласуются с ней, опираются на нее...

В Горках сказалась в полной мере счастливая особенность Владимира Ильича досконально вникать в каждое дело, каким бы оно ни было: масштабным, ка-

сающимся всей страны или же одной деревни. Был увлечен планом электрификации России и обсуждал с крестьянами Горок, как провести электричество в их избы.

Об электрификации Горок заговорил впервые в январе 1921 года, выступая на крестьянском сходе. Но прежде чем отправиться на сход — Ленина везли туда на санях,— зашел к механику, обслуживающему движок в санатории, узнал, достанет ли мощности для электролампочек в селе Горки. А когда выяснил, что хватает, тогда и предложил на сходе: «Не пора ли кончать освещать дома лучиной?» Потом следил за тем, как идут работы по электрификации села, требовал: «О всякой задержке меня извещайте».

Вслед за Горками посыпались просьбы от других окрестных деревень. И в том же январе двадцать первого года Ленин пишет управляющему делами СНК:

«...3) Насчет электрического освещения в Горках: ко мне поступило заявление еще от *деревни Сияново* (переслали ли Вам?). Пусть кому следует взглянет ее, хотя далеко. Ускоряете ли все дело?» Ленин сам начертил схему близлежащих деревень, которые должны были соединиться электропроводами, указывая на ней расстояние от одной деревни до другой. Хотел точно знать, сколько потребуется для электрификации всей страны столбов и изоляторов, сколько нужно будет лампочек, чтобы в каждой деревне их было хотя бы две — в Совете и избе-читальне. И так же скрупулезно сам проставлял на плане: Петровка — 4 версты, Пронино — 6 верст... Человек, обладающий поразительным размахом фантазии, мог и готов был с бухгалтерской точностью заниматься подсчетами.

И все-таки он отдыхал здесь, удивляя тем самым даже близких друзей. «Необычно и странно было видеть Ленина, гуляющим в парке Горок...» — писал Горький. Отсюда ездил на охоту. Косил сено. Собирал грибы. Сгребал снег. Учился плести корзины. Играл в городки, разделяя всех на игроков «первой и второй руки», подсмеивался над кем-то из товарищей, что не изжил тот «левого ребячества», а потому и палка его всегда летит от городков влево. Увидев однажды кого-то на велосипеде, сказал, спустившись с террасы: «Ну-

те-ка дайте я попробую. В городки вы меня обыгрываете, на велосипеде же наверняка я вас обставлю», сел в седло и принялся делать восьмерки.

Купался в Пахре, так быстро плавая, что никто не мог за ним угнаться. Однажды, просидев долго с удочкой над прудом и поймав всего лишь одного карасика, заметил разочарованно: «Стоит ли из-за такого карасика время тратить». Ходил на лыжах и, соскользнув с лыжни, всякий раз смеялся над собой: «Ссыпался Ильич».

Любил охоту; бывало, охотился вместе с братом. У Владимира Ильича была двустволка, дробовое оружие. Он ходил обычно в синей косоворотке и в какомнибудь пиджаке, вспоминал Дмитрий Ильич. «В... выходной день мы, Владимир Ильич, я и кто-то из охраны, попробовали пойти на охоту, т. е. взяли ружья. Вышли через парк в лес, но ничего не нашли, так как не знали совершенно мест... позднее мы уже узнали, где здесь водятся тетерева».

Любил поляну по дороге на Лукино. Здесь и охотился на тетеревов, подолгу, бывало, прячась в кустах. Ходил на Круглый пруд, где стрелял уток. К пруду приходилось ползти, тщательно маскируясь и выполняя все требования егеря.

А самым убедительным, самым впечатляющим подтверждением отдыха было его постоянное общение с детворой. Мария Ильинична рассказывала: «С крестьянскими ребятами у него всегда длинные и веселые разговоры».

Заглянул в Горки проведать Ленина Яков Михайлович Свердлов, с ним его дочь Верушка. Владимир Ильич посадил девочку на плечи, дал ей конец веревочки, а другой — взял зубами. «Наконец-то видим человека, который оседлал и взнуздал Ильича»,— смеялись свидетели этих развлечений.

Приехал в Горки советский полпред в Берлине Николай Николаевич Крестинский. Встретился с Лениным, а жена и маленькая дочка гуляли в парке. Владимир Ильич узнал об этом, попросил позвать их. Играл с девочкой, подарил ей игрушечные сапожки для куклы Кати.

А 7 января 1924 года, в рождество по старому календарю, Ленин спустился в зимний сад — на елку, которую устроили для горкинских ребят. Сидел в кресле,

пускал заводные игрушки под смех и визг маленьких гостей.

Давно это было, те ребята — люди уже преклонного возраста. Так и Герта Августовна Власенкова. Отец ее столярничал, плел корзины, нередко чинил обувь, чинил и Ульяновым. Мать работала прачкой. Герта Августовна — встретились мы несколько лет назад — рассказывала:

— Возвращалась я вечером с этой елки и прижимала к груди подарки, которые мне дали: серую уточку из папье-маше и книжки. А дома больная младшая сестра, она не смогла быть на елке и все время плакала, когда я уходила на праздник. Отец сказал дорогой: «Ты бы поделилась игрушками с сестрой». И я насупилась, тоже чуть не заплакала. Дома у кроватки сестры дремала мама. На одеяле были рассыпаны игрушки: их прислали Ульяновы — вспомнили и о моей больной сестренке.

Не было в жизни Владимира Ильича другого места, где бы чаще встречался с ребятами — фотографировался с ними, беседовал, играл. Помните, у Горького о Ленине: «Детей он ласкал осторожно, какими-то особенно легкими и бережными прикосновениями».

Номер первого пионерского журнала «Барабан» хранится в библиотеке Ленина в Кремле. На обложке — посвящение Владимиру Ильичу: «Мы идем на смену». Теперь это звучит символически: ребята писали в январе 1924 года, еще не подозревая о трагедии, которая произойдет спустя несколько дней. И уже в следующей книжке журнала — февральской — будут публиковаться воспоминания ребят детского дома, который находился подле Горок. Воспоминания эти записали пионеры — корреспонденты журнала, пикоры, как их тогда называли.

«Поезд быстро пробежал тридцативерстовое расстояние, подошел к станции — разъезду Герасимово. Несколько жалких деревянных домиков, расположенных на насыпи, несколько пар саней и очень сильный мороз — вот первое наше впечатление.

Садимся и едем. Возчик — крестьянин близ расположенной деревни — попался на редкость разговорчивый.

— Да, хороший был товарищ Ленин, а главное, уступчивый, обходительный,— говорит он, полуобора-

чиваясь к нам и подгоняя белую лошадь.— Да, сколько раз, бывало, приходилось с ним разговаривать, и всегда запросто. Бывало, едешь с дровами мимо дома, а Ильич чай пьет на балконе. Всегда «здравствуй» скажет. Вот на этой дороге они в последнее время на автомобиле ездили, им это для здоровья нужно было...

Вот дом Ильича, двухэтажный, с большими белыми колоннами, со стеклянными дверьми, выходящими на террасу... В дом нас, к сожалению, не пустили — там все было в беспорядке и не на своих местах. Смерть Ильича, горе его окружавших вышибли все из колеи...

Вблизи от санатория есть детский дом имени Ф. И. Калинина. Нам дают провожатого, и мы отправляемся туда. Дом, как и санаторий, в лесу. Ровные красивые дорожки, хрустит мерзлый снег под ногами. В детском доме нас встречают хорошо. Ребята окружают и расспрашивают. Объяснив цель нашего прихода и рассказав, кто мы такие, просим ребят рассказать о случаях своих разговоров и встреч с Владимиром Ильичем. Заведующая домом идет нам навстречу, и с ее помощью наружу извлекаются все факты встреч и разговоров.

— Помнишь,— обращается один из ребят к другому,— как мы пускали стрелы. Пустили далеко стрелу,— рассказывает он нам,— выбежали мы на полянку за ней, а на полянке Ильич в кресле сидит. Смотрит на нас и смеется. Ну мы оторопели и давай удирать. А после очень жалели.

Один за другим они описывают все случаи встреч, как они разговаривали с Ильичем, как Ильич первый говорил им «здравствуйте», как приходил и отдыхал вот на этой скамейке. Один раз в хороший солнечный день летом 1922 года Ильич, гуляя в лесу, встретился с нищим мальчиком, шедшим из Москвы. Ильич с ним разговорился, взял его к себе домой, вытрусил его мешок, пересчитал все имеющиеся у него корки, накормил его, долго с ним беседовал и отправил в детский дом».

Готовили ребята и концерт для Владимира Ильича. Думали устроить его 22 января, собирались петь «Варшавянку» и «Мы кузнецы», разучили сценку «Ребячье посольство»... В те траурные, рвущие сердце дни ребята вместе с крестьянами соседних деревень черными проталинами стояли вдоль снежной дороги от Горок до

станции Герасимово — на всем пути, пока несли гроб с телом Ленина.

...Вечерами — это были последние вечера в их совместной жизни — Надежда Константиновна читала вслух Владимиру Ильичу книги, которые он отбирал.

Владимир Ильич оставался до «самой смерти таким, каким и раньше,— человеком громадной воли». Не терпел, чтобы его развлекали, и, как прежде, заботился о людях — о тех, кто оказывался теперь в его поле зрения — врачи, санитары. Стараясь преодолеть болезнь, обнаружил, что может читать про себя, и стал это делать. «Газету он читал ежедневно вплоть до дня смерти, сначала «Правду», а потом просматривал «Известия»,— вспоминала Крупская.— Думал о возвращении на работу и никогда не позволял себе задремать после обеда, даже сидеть на мягком стуле и то не соглашался». И лишь одна переделка была совершена в этом бывшем барском доме — появились вторые перила у лестницы, ведущей наверх. Ленин держался за них здоровой рукой, спускаясь сам, без посторонней помощи...

Горький вспоминал, как однажды в Горках, лаская детей, Владимир Ильич сказал:

— Вот эти будут жить уже лучше нас; многое из того, чем жили мы, они не испытают. Их жизнь будет менее жестокой.

И, глядя вдаль, на холмы, где крепко осела деревня, он добавил раздумчиво:

— А все-таки я не завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значимости. Вынужденная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Все будет понятно, все!

...Сегодня видны все те же холмы и крепко осевшая на них деревня. Только поднялись, схватились ветвями деревья на склоне к прудам. И теперь уже не увидишь отсюда Подольск, как бывало прежде, в погожий день.

Там, где находился раньше детский дом — в тесном рубленом двухэтажном доме, теперь тоже музей. Восстановлены, как были прежде, зал со сценой — здесь, наверное, репетировали ребята концерт для Владимира Ильича,— классная комната, спальня воспитанников.

Чуть поднялись из снега тонкие стволы вишен. Одни из последних гостей Владимира Ильича — глуховские рабочие привезли в подарок восемнадцать вишневых деревьев. Тот вишневый сад отжил свое, и недавно посадили новый.

По снегу петляют заячьи следы, спускаются по склону, кружатся подле беседки. На многие километры вокруг восстанавливаются леса, закладывается огромный заповедник. И зайчишка повадился вечерами скакать по парку. К тому же дежурные милиционеры подкармливают его, всякий раз приносят с собой то морковку, а то и кочерыжку... Последний раз на охоте Владимир Ильич был незадолго до смерти. Больного Ленина уговорили надеть тяжелую шубу с бобровым воротником. В кустах был скрыт санитарный возок. Ленин слышал звуки отдаленной погони и постепенно оживлялся, пытался встать. А собаки лаяли все громче, все ближе подходил гон. И Ленин весело улыбался — был таким, как прежде,— высвободил ухо из-под шапки, махнул здоровой рукой. Понеслись гончие. Заяц пошел к Горелому пню. Вот и выскочил он. Выстрел. Заяц мелькнул и исчез. Ленин засмеялся, тихонько похлопывая рукавицами. Молодец заяц!

Петляют, петляют по старому парку заячьи следы...

Штрихи биографии

УЧИТЕЛЬ

В Симбирске в доме Ульяновых на Московской улице был первый том «Капитала» Маркса. Как был роман Чернышевского «Что делать?», изданный за рубежом и привезенный нелегально в Россию. Как хранили том стихов Некрасова, куда Илья Николаевич собственноручно вписал строки, вырванные цензурой, но не вытравленные из памяти. «Умрешь не даром...» — Илья Николаевич приписал взамен многоточия: «Дело прочно, когда под ним струится кровь». Не роковой смысл этих слов, а уважение к любимому поэту, очевидно, владело им в эти минуты.

«Капитал» привез из Петербурга вернувшийся домой на летние вакации Александр Ульянов. В его тра-

гически короткой жизни это была последняя встреча с родными. Три с половиной десятилетия спустя старшая сестра Владимира Ильича А. И. Ульянова нелицеприятно выскажется в адрес тех биографов, которые возьмутся распространять легенду, будто бы студент Александр торжественно передал брату-гимназисту том «Капитала». «Как ни велико было влияние старшего брата и уважение к нему со стороны младшего,— писала она,— несомненно, что марксистом Вл. Ильич стал бы без всякой театральной передачи, настолько не вяжущейся с прямыми, чуждыми всякой ходульности характерами обоих братьев».

Тем летом Владимир Ульянов увлекался Тургеневым... Теперь-то мы знаем, как часто станет обращаться к нему Ленин — публицист, оратор. Говоря о либералах, непременно вспомнит того цивилизованного помещика с европейским лоском, который не идет на конюшню присмотреть, хорошо ли выпороли провинившегося лакея,— произносит, чуть разжимая губы: «Насчет Федора... распорядиться»... А тогда, признаться, увлечения Владимира смущали и старшего брата, и сестру. Обращаясь к тем временам, Анна Ильинична писала: «...может по нескольку раз перечитывать Тургенева,— лежит, бывало, на своей койке и читает и перечитывает снова,— и это в те месяцы, когда он жил в одной комнате с Сашей, усердно сидевшим за Марксом и другой политико-экономической литературой...»

Так и не открыл в Симбирске «Капитал»? Если верить воспоминаниям гимназического приятеля Ульянова, начали они было переводить этот труд с немецкого, но, не пробившись сквозь первые страницы, бросили. Было еще не под силу. Так же, как пытался в четырнадцать лет читать «Что делать?» Чернышевского и позже сам же заметил: «Это было никуда не годное, поверхностное чтение». А минует несколько лет, окажется в своей первой ссылке — в деревеньке под Казанью — и в одно лето пять раз прочтет этот роман. И встреча с Марксом — она уже преодолена, но состоится позже — встреча, которая однажды и навсегда определит всю жизнь... В юности часто случается — торопливый задор, словно гребень волны, выносит нас так далеко, что лишь спустя годы удается вновь выйти к этим же рубежам, но теперь уже овладев ими...

Новый — 1889-й — год Ульяновы встретили в Казани: Владимиру Ильичу разрешено было вернуться из ссылки. Казань по тем временам считалась гнездом народничества, и там появлялись лишь первые группы молодежи, читающей на своих собраниях марксистскую литературу. Впрочем, как во всей России. Это был, по словам Ленина, период «утробного развития социал-демократии, как политической партии», — «число сторонников нового направления в России измерялось единицами». Тот же процесс, но в анализе неусыпного жандармского наблюдения, определялся следующим образом: «Эти кружки, состоящие преимущественно из интеллигентной молодежи и поднадзорных, изучали политическую экономию, экономическую историю России и занимались разбором и критикой народнических теорий, развивая в противовес им идеи научного социализма... Труды Маркса и Энгельса, Каутского, Либкнехта, Бебеля, Лафарга, Геда сделались модными книгами... Шла горячая работа по самообразованию, но только по самообразованию тенденциозному — социал-демократическому. Вырабатывался тип развитого, с большим запасом односторонних научных знаний интеллигента социал-демократа».

Это было время, когда в своей ранней юности социал-демократы, как заметит Ленин о себе самом и своих товарищах, еще «восторженно преклонялись перед героями террора». И самого Владимира Ульянова еще знают прежде всего как брата казненного революционера. Еще существует лишь одна на всю Россию марксистская организация — и та в Женеве — группа «Освобождение труда», а насчитывалось в ней вместе с ее создателем Г. В. Плехановым всего пять человек.

Еще непререкаемым, неоспоримым властителем дум остается Н. К. Михайловский — блистательный публицист, признанный социолог, философ, близкий в прошлом к «Народной воле», а теперь теоретик народничества... Как случается, однако, в жизни: твой голос все еще числится передовым, опубликовать твою статью и честь, и риск для любого прогрессивного издания, перед тобой еще преклоняются и молодежь, и умудренные опытом радикалы, но ты — уже уходящее. А мало кому известный молодой человек, исключенный из университета, живущий в провинциальной Казани Вла-

димир Ульянов,— это будущее... Такое происходит по большей части на сломе эпох. Говоря о причинах гибели «Народной воли», мужественная Вера Фигнер писала: «Колесо истории было против нас». И о той же поре думала, размышляла над ней Н. К. Крупская: «Ленин не мог бы стать таким, каким он был, если бы жил в другую эпоху, а не в эпоху пролетарских революций...»

В Казани в одном из кружков (хоть и народовольческого толка) Владимир Ульянов слушал доклад о теории Маркса (хоть и был тот доклад весьма путаный). Этого оказалось достаточно, чтобы прочесть первый том «Капитала». А открыв его — открыть для себя новый мир.

В первом этаже флигеля, где жили в казанские времена Ульяновы, было почему-то две кухни. Одну из них Владимир Ильич облюбовал для себя: на отшибе, тихо. Плиту закрыл старыми газетами, разложил книги. Здесь, в этой кухоньке, и произошла первая встреча с Марксом. «Помню, как по вечерам, когда я спускалась к нему поболтать,— писала А. И. Ульянова,— он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. Помню его, как сейчас, сидящим на устланной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим».

Обычное занятие — глубокое, серьезное, настойчивое изучение Маркса, скажут о нем позже,— уже в Самаре. Здесь переведет «Манифест Коммунистической партии». Интересно, нашел ли Владимир Ильич иные слова для первой фразы Манифеста («Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма»), или она так же звучала в его переводе? Мы никогда не узнаем этого: рукописный экземпляр, передававшийся из рук в руки, был уничтожен под угрозой обыска.

Именно в Самаре, двадцати одного года от роду, прочтет все основные труды Маркса, Энгельса на русском и иностранных языках. Но как же трудно давалось это занятие — глубокое, настойчивое,— если само упоминание о революционной теории не разрешалось в подцензурной печати. Даже имя Чернышевского оставалось под запретом — писали всякий раз: «автор «Очерков гоголевского периода». О марксистах говорили не иначе, как «русские ученики». Не только достать

ту или иную работу Маркса, но и узнать о ее существовании можно было только через знакомых на основе абсолютного доверия. Труды основоположников научного коммунизма переписывались, перепечатывались, гектографировались — издавались любым самодеятельным способом. Спустя много лет Владимир Ильич напишет об этих временах: «...передовая мысль в России, под гнетом, невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории... Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире».

К произведениям Маркса и Энгельса, их письмам Ленин обратится в своих работах более 300 раз. В молодости он отдал немало времени и сил для розыска этих трудов. Приехал в Петербург — заканчивал университет экстерном — и узнал, что у преподавателя технологического института есть книга Энгельса «Анти-Дюринг». Достал, прочел, сделал выписки. Первый раз оказался за рубежом — поехал наладить связи с группой «Освобождение труда» — и все время отдал чтению работ Маркса, Энгельса. Заполучил «Святое семейство» — книгу по тем временам столь редкую, что начал свой конспект с ее внешнего описания: «Маленькая книжечка, формата в осьмушку писчего листа...»

В мемуарном повествовании Крупской есть и такое наблюдение: заглянешь, бывало, в кабинет Владимира Ильича — «кругом все волнуются». Кто-то входит, широко распахнув двери, а другой, напротив, никак не может уйти, продолжая спор. Третий, воспользовавшись телефонами Председателя Совнаркома, спешит передать в наркомат срочное указание. Одним словом, та обстановка, о которой Ленин как-то сказал в сердцах: «...если бы я во всем, что мне надо подписывать, участвовал рукой или телефонным разговором, я давно бы сошел с ума»... Но случалось, что Ленин был далек от происходящего: он в стороне, словно на авансцене, сидит и читает Маркса. Надежда Константиновна писала: «У него раз сорвалось такое выражение: «Кто хочет посоветоваться с Марксом»... В самые трудные,

переломные моменты революции он брался вновь за перечитывание Маркса».

Один из политических противников, знавший Ленина еще в молодые годы, писал: «Он заявлял себя убежденным марксистом, но мне кажется, будет более правильным, если я скажу, что марксизм был у него не убеждением, а религией». И это — о Ленине, о революционере, который развил марксизм в новых исторических условиях! Нет, не религией, а боевым знаменем был для него марксизм. Владимир Ильич постоянно оберегал его революционную суть, страстно боролся против любых попыток ревизии марксизма и справа и слева, писал, что после смерти Маркса и Энгельса «делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их... выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его». Сам величайший теоретик творческого марксизма, Ленин говорил: «Теория, гипотеза для нас не есть нечто «священное», для нас это — рабочий инструмент». Напоминал: «Наше учение не догма, а руководство для действия»,— так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул»... Говорил с сарказмом в адрес тех, кто хотел бы по любому практическому вопросу строительства социализма непременно иметь указание Маркса: «Даже Маркс не догадался написать ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому нам сейчас приходится выкарабкиваться самим».

Только простившись с Владимиром Ильичем, Крупская говорила на траурном заседании: «Не как книжник подошел он к Марксу. Он подошел к Марксу как человек, ищущий ответа на мучительные настоятельные вопросы. И он нашел там эти ответы»...

В Казани, на улице Первой горы, на кухне маленького двухэтажного флигеля, сидел восемнадцатилетний юноша и читал Маркса. Откладывал книгу, задумывался, рассуждал и снова читал, удобно устроившись на плите, закрытой газетами. Его звали, наверное, ужинать, на него скорей всего сетовали домашние: опять задержался к столу, снова пришел с книгой... Как трудно, как непросто, однако, различить в самом обыденном, а потому и неприметном, рождение того беско-

нечно значительного, что скажется не только на нашем с вами бытии, но и на жизни последующих поколений...

Сидел и читал Маркса... Спустя ровно три десятилетия Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ульянов (Ленин), открывая памятник Марксу и Энгельсу, скажет: «...они указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание: подняться первыми на революционную борьбу против капитала... Мы переживаем счастливое время, когда это предвидение великих социалистов стало сбываться».

Рассказ в документах

СОЮЗ

В последний день уходящего 1922 года «Известия ВЦИК» публикуют отчет о работе закончившегося накануне — 30 декабря Первого съезда Советов СССР. «Свершилось! Союз Советских Социалистических Республик основан на вчерашнем заседании Первого союзного съезда Советов». Газету украшает крупно набранный заголовок: «Образование Союза Советских Социалистических Республик — новогодний подарок мировому пролетариату»...

Шесть десятилетий минуло с тех пор — мы торжественно отметили это историческое событие. Впрочем, юбилей — не только праздник, он и точка отсчета в наших оценках, раздумьях. Чтобы понять сегодняшнее, оценить, что сделано, надо взглянуть из прошлого из тех же двадцатых годов. Точно так же, как, сумев увидеть настоящее из будущего, вы поймете, как много еще предстоит. Этой счастливой особенностью, этим редким умением — вглядеться в настоящее из будущего — в полной мере обладал Владимир Ильич Ленин. Современники писали, что именно в этом состояла особенность его духовного зрения.

На многие годы, далеко вперед заглядывал Ленин, обдумывая образование СССР. Словно из будущего — из наших нынешних дней он взвешивал каждый шаг и каждое решение в национальной политике.

I

ТАКОЙ СОЮЗ НЕЛЬЗЯ ОСУЩЕСТВИТЬ СРАЗУ: ДО НЕГО НАДО ДОРАБОТАТЬСЯ...

Мы хотим *добровольного* союза наций,— такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,— такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов.

В. И. Ленин

28 декабря 1919 г.

(«Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным»)

Об объединении военных сил советских республик

Из постановления Центрального Исполнительного Комитета Украинской ССР

1. Вся вооруженная борьба с врагами советских республик должна быть объединена во всех существующих советских республиках.

2. Все материальные средства, необходимые для ведения этой борьбы, должны быть сосредоточены вокруг общего для всех республик центра.

Исходя из этого, ЦИК поручает своему Президиуму обратиться в ЦИК всех советских республик с предложением выработать конкретные формы организации единого фронта революционной борьбы.

18 мая 1919 г.

В. И. Ленин. ...масса украинских крестьян и рабочих горьким опытом деникинского владычества убеждается в том, что только теснейший союз с Россий-

ской республикой будет действительно непобедимым для международного империализма и что государственное отделение не может быть выгодным в обстановке борьбы против .империализма, так как он использует всякое разделение для того, чтобы подавить Советскую власть; такое разделение является преступлением.

2 февраля 1920 г.

(«Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома...»)

Об объединении советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом

Из декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета

Военный союз всех упомянутых Советских Социалистических Республик должен быть первым ответом на наступление общих врагов. Потому, стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма и исходя как из резолюции Украинского Центрального Исполнительного Комитета, принятой на заседании 18 мая 1919 г., так и предложения Советских правительств Латвии, Литвы и Белоруссии,— Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов признает необходимым провести тесное объединение: 1) военной организации и военного командования, 2) Советов Народного Хозяйства, 3) Железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов и 5) комиссариатов труда советских социалистических республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма с тем, чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий...

1 июня 1919 г.

В. И. Ленин. Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея

в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистическими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме.

Июнь — июль 1920 г.

(«Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала»)

Протокол о передаче РСФСР представительства советских республик на общеевропейской экономической конференции в Генуе[1]

На основании связывающих все вышеперечисленные независимые республики с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой неразрывных братских и союзных связей и для наиболее действенного обеспечения на указанной Конференции интересов этих республик поручить Российской Социалистической Федеративной Советской Республике представлять и защищать на этой Конференции интересы указанных 8 республик и заключить, и подписать от их имени как могущие быть выработанными на этой Конференции акты, так и всякого рода связанные прямо или косвенно с этой Конференцией отдельные международные договоры и соглашения с государствами, как представленными на указанной

[1] Соглашение о передаче РСФСР представительства советских республик на Генуэзской конференции подписали восемь республик: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Бухара, Грузия, Дальневосточная республика, Украина и Хорезм.

Конференции, так и со всякими другими, и предпринимать все вытекающие из сего шаги...

Учинено в Москве, в Кремле, 22 февраля 1922 г. в девяти тождественных экземплярах.

Из резолюции X съезда РКП(б)

Общие интересы обороны Советских республик, с одной стороны, восстановление разрушенных войной производительных сил, с другой стороны, и необходимая продовольственная помощь нехлебным Советским республикам со стороны хлебных, с третьей стороны,— повелительно диктуют государственный союз отдельных Советских республик, как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета. Освободившиеся от «своей» и «чужой» буржуазии, национальные Советские республики могут отстоять свое существование и победить соединенные силы империализма, лишь объединившись в тесный государственный союз, или они вовсе не победят.

Увенчание здания

Из передовой статьи газеты «Известия ВЦИК» от 1 ноября 1922 г.

Как и все прочие свои органы и учреждения, трудящиеся массы советских республик строили свой государственный аппарат частями, исподволь, ощупью, в процессе безостановочной борьбы. Не удивительно, что строительство рабочего государства не всегда носило согласованный и целесообразный характер, несмотря на то, что для каждого данного момента отдельные флигели, пристройки и надстройки более или менее отвечали своему назначению и согласовались с требованием момента. Процесс этого строительства рабочего государства не может почитаться законченным и доныне. Не удовлетворяясь достигнутыми результатами, творческая пролетарская мысль ищет выхода из замеченных неудобств и нащупывает почву для завершения начатой работы...

В частности, за последнее время выдвинулся в качестве неотложной задачи вопрос о **дальнейшем федеральном строительстве**, о развитии и упрочении союза социалистических советских республик. В этом

отношении существующая сейчас картина их взаимоотношений представляется чрезвычайно пестрой и сложной. В Центре советской федерации мы имеем РСФСР с входящими в ее состав автономными республиками. Вокруг нее расположены союзные советские республики, связанные с нею рядом отдельных договоров (как Украина, Белоруссия, Азербайджан, Армения и Грузия)...

Взаимоотношения этих республик, входящих в союз, основываются на особых договорах. Сущность этих договоров сводится к тому, что союзные республики сохраняют каждая свое отдельное законодательство, представляя обособленный государственный организм. Правда, за последнее время финансово-хозяйственное и военное управление этих республик объединено путем создания ряда единых наркоматов. Союзные республики делегируют своих представителей на всероссийские съезды Советов и во ВЦИК и имеют своих полномочных представителей при российском Совнаркоме. Однако **общей федеральной конституции, равно как и общих законодательных органов для всей советской конфедерации, пока не существует.**

II

МАКСИМУМ ДОВЕРИЯ

Что важно для пролетария? Для пролетария не только важно, но и существенно необходимо обеспечить его максимумом доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации.

31 декабря 1922 г.

В. И. Ленин

(«К вопросу о национальностях или об автономизации»)

Болезнь застает Ленина в Горках, где он остается под наблюдением врачей в течение четырех месяцев...

1922 год. Май, 25—27. Первый острый приступ болезни Ленина на почве склероза сосудов мозга, приведший к ослаблению движений правой руки и правой ноги и некоторому расстройству речи.

(В. И. Ленин. Биографическая хроника)

Л. А. Фотиева, секретарь Совнаркома[1]. 11 августа 1922 г. во время пребывания Владимира Ильича на лечении в Горках Оргбюро ЦК РКП(б) создало комиссию в составе членов ЦК Сталина, Куйбышева, Орджоникидзе, Сокольникова и представителей от независимых национальных республик для разработки и подготовки проекта резолюции «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками». В основу работы комиссии были положены тезисы Сталина об «автономизации», которые предусматривали объединение независимых республик путем вхождения их в РСФСР на началах автономии и подчинение центральных государственных органов независимых республик центральным государственным органам Российской Федерации.

Тезисы обсуждались в руководящих партийных органах республик, а затем были рассмотрены и приняты на двух заседаниях комиссии Оргбюро — 23 и 24 сентября 1922 г. Резолюция комиссии Оргбюро была роздана членам и кандидатам ЦК РКП(б) как материал к предстоящему октябрьскому Пленуму Центрального Комитета...

Владимир Ильич увидел в решении комиссии серьезнейшую политическую ошибку — ущемление интересов и прав независимых республик.

Сентябрь, 26. Ленин пишет письмо членам Политбюро ЦК РКП(б) «Об образовании СССР», подвергает критике принятый комиссией Оргбюро ЦК проект резолюции по этому вопросу, в основу которого лег план «автономизации».

(В. И. Ленин. Биографическая хроника)

---

[1] Цитируется по книге Л. А. Фотиевой «Из жизни В. И. Ленина». М., Политиздат, 1967.

В. И. Ленин. ...Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР...

По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться...[1]

Резолюция комиссии. 1. Признать целесообразным заключение договора между советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении и РСФСР о формальном вступлении первых в состав РСФСР...

В. И. Ленин. Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо «вступления» в РСФСР — «Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии».

Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских Республик Европы и Азии».

Резолюция комиссии. 2. В соответствии с этим постановления ВЦИК РСФСР считать обязательными для центральных учреждений, упомянутых в п. 1-м республик, постановления же СНК и СТО РСФСР для объединенных комиссариатов этих республик.

Примечание: В состав Президиума ВЦИК РСФСР вводятся представители этих республик.

В. И. Ленин. § 2 требует тогда тоже изменения. Нечто вроде создания наряду с заседаниями ВЦИКа РСФСР — «Общефедерального ВЦИКа Союза Советских Республик Европы и Азии».

Если раз в неделю будет заседать первый и раз второй (или даже 1 раз в 2 недели второй), уладить это не трудно.

Важно, чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их *независимости,* а создавали еще *новый этаж,* федерацию *равноправных* республик.

Вторая часть § 2 могла бы остаться: недовольные обжалуют (решения СТО и СНК) в общефедеральный

[1] Далее публикуются строки из письма В. И. Ленина «Об образовании СССР» в сочетании с пунктами резолюции комиссии Оргбюро ЦК РКП(б), которую Владимир Ильич анализирует в этом письме, выдвигая принципиально новый подход к вопросу. Позднее Владимир Ильич писал: «...коренной интерес пролетарской солидарности, а следовательно и пролетарской классовой борьбы, требует, чтобы мы никогда не относились формально к национальному вопросу...»

ВЦИК, *не приостанавливая этим* исполнение (как и в РСФСР).

Резолюция комиссии. 3. Внешние дела (Индел, Внешторг), военные дела, пути сообщения (за исключением местного транспорта) и Потель (Народный комиссариат почт и телеграфов.— *Ред.*) упомянутых в п. 1-м республик слить с таковыми РСФСР с тем, чтобы у соответствующих наркоматов РСФСР имелись в республиках свои уполномоченные с небольшим аппаратом.

Уполномоченные назначаются наркомами РСФСР по соглашению с ЦИКами республик.

Считать целесообразным участие представителей заинтересованных республик в соответственных заграничных представительствах НКИД и НКВТ.

В. И. Ленин. § 3 мог бы остаться с изменением редакции: «сливаются в *общефедеральные* наркоматы с пребыванием в Москве с тем, чтобы у соответствующих наркоматов РСФСР имелись во всех республиках, *вошедших в Союз Республик Европы и Азии,* свои уполномоченные с небольшим аппаратом».

Часть 2-ая § 3-го остается; может быть, можно бы сказать для большего равноправия: «по соглашению *ВЦИК*ов республик, входящих в Союз Советских Республик Европы и Азии».

Часть 3-ью обдумать: не заменить ли «целесообразным», «*обязательным*»? Или не вставить ли *условной* обязательности хотя бы в виде *запроса* и допущения решать без запроса лишь в случаях «особо экстренной важности»?

Резолюция комиссии. 4. Наркоматы финансов, продовольствия, труда и народного хозяйства республик формально подчинить директивам соответствующих наркоматов РСФСР.

В. И. Ленин. § 4, может быть, тоже «слить по соглашению ВЦИКов»?

Резолюция комиссии. 5. Остальные наркоматы упомянутых в п. 1-м республик, как-то: юстиции, просвещения, внутренних дел, земледелия, рабоче-крестьянской инспекции, народного здравия и социального обеспечения считать самостоятельными.

1-ое примечание: Органы борьбы с контрреволю-

цией в упомянутых выше республиках подчинить директивам ГПУ РСФСР.

2-ое примечание: Предоставить ЦИКам республик право амнистии только по гражданским делам.

В. И. Ленин. § 5, может быть, добавить: «с учреждением имеющих *чисто совещательный* характер (или *только* совещательный характер) совместных (или общих) конференций и съездов»?

Соответственные изменения в примечаниях 1-ом и 2-ом.

Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро Цека до моего приезда. Я приезжаю в понедельник, 2/X...

Л. А. Фотиева. Владимир Ильич с присущей ему скромностью называл это свое письмо предварительным проектом, который он будет добавлять и изменять на основании бесед с рядом товарищей. В действительности же В. И. Ленин изложил здесь научные, подлинно интернационалистические принципы образования СССР...

Письмо Ленина имело большое политическое значение и вместе с его беседами с руководящими работниками оказало решающее влияние на исход дела.

Не ранее 27 сентября — не позднее 6 октября. Ленин знакомится с письмом «Всем членам и кандидатам ЦК РКП(б)», содержащим проект комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) об отношениях РСФСР с независимыми национальными советскими республиками в новой редакции, переработанной в соответствии с предложениями Ленина.

(В. И. Ленин. Биографическая хроника)

Л. А. Фотиева. Этот новый проект, подписанный Сталиным, Орджоникидзе, Мясниковым и Молотовым как председателем комиссии, был роздан всем членам и кандидатам ЦК РКП(б).

В вводной части к проекту отмечалось, что авторы его считают резолюцию комиссии ЦК по вопросу о взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками в основе правильной и безусловно приемлемой. А затем было сказано, что резолюция нуждается лишь «в уточнении некоторых пунктов, касающихся главным образом строения общесоюзных центральных органов и отчасти их функций».

Таким образом, сделанные под влиянием и в соответствии с указаниями Ленина принципиальные, имеющие большое политическое значение коренные поправки в прежней резолюции комиссии Оргбюро квалифицируются здесь лишь как «уточнение некоторых пунктов». Это была, конечно, не случайная описка.

Октябрь, 6. На заседании Пленума ЦК РКП(б), на котором Ленин не присутствует, обсуждается вопрос о взаимоотношениях между РСФСР и независимыми советскими социалистическими республиками.

(В. И. Ленин. Биографическая хроника)

Л. А. Фотиева. Владимир Ильич не мог участвовать в работе октябрьского Пленума, так как у него сильно болели зубы. Беспокоясь за исход дела и скрывая под шуткой свою озабоченность, Владимир Ильич пишет записку в Политбюро...

В. И. Ленин. ...Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо *абсолютно* настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди

русский
украинец
грузин **и т. д.**

Абсолютно!

6 октября 1922 г.

(Записка Л. Б. Каменеву о борьбе с великодержавным шовинизмом).

Октябрь, 6. Пленум ЦК РКП(б) полностью поддерживает позицию Ленина, принимает резолюцию, составленную на основе его предложений о создании Союза Советских Социалистических Республик на базе добровольного объединения равноправных независимых советских республик, как директиву ЦК; поручает комиссии выработать проект Закона об образовании Союза Советских Социалистических Республик для внесения его на съезд Советов.

(В. И. Ленин. Биографическая хроника)

III

БЕЗ ЛЖИ И ЖЕЛЕЗА

...я глубоко убежден, что вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа будет расти эта федерация, и она несокрушима. Лучший залог ее несокрушимости — те законы, тот государственный строй, который мы творим у себя.

18/31/января 1918 г.

В. И. Ленин

(«Заключительное слово перед закрытием Третьего Всероссийского съезда Советов»)

Седьмой Всеукраинский съезд Советов

10—14 декабря 1922 года

В. И. Ленин. Приветствую открытие Всеукраинского съезда Советов.

Одним из самых важных вопросов, который предстоит рассмотреть съезду, является вопрос об объединении республик. От правильного решения этого вопроса зависит дальнейшая организация нашего государственного аппарата, вопиющие недостатки которого так выпукло и наглядно обнаружены последней переписью советских служащих, произведенной в Москве, Питере и Харькове.

10 декабря 1922 г.

(«Всеукраинскому съезду Советов»)

Товарищу Ленину. Москва, Кремль

(Телеграмма)

Еще до получения Вашей телеграммы, Съезд постановил приветствовать Вас и выразить Вам чувство горячей любви и преданности трудящегося населения Украины. Следуя Вашим указаниям, Съезд уделит особое внимание вопросам советского строительства, сельского хозяйства и промышленности и в тесном союзе

и единении с прочими Советскими Республиками будем работать для осуществления принципов коммунизма.

Из декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик

VII съезд Советов в полном согласии с желаниями и волей трудящихся Украины обращается к рабочим и крестьянам России, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана с братским предложением немедленно приступить к оформлению уже ныне фактически существующего Союза Советских Республик и образованию этим путем единого социалистического рабоче-крестьянского фронта против фронта мировой буржуазии.

Первый Закавказский съезд Советов

10—13 декабря 1922 года

Постановление о *созыве общего съезда Советов Социалистических Советских Республик*

I Закавказский съезд Советов считает необходимым созыв общего съезда социалистических советских республик. Закавказский съезд постановляет делегировать на этот съезд своих представителей, снабдив их мандатами на право подписания договора об организации Союза республик.

Четвертый Всебелорусский съезд Советов

14—18 декабря 1922 года

Из постановления об образовании Союза Социалистических Советских Республик

IV съезд Советов Белоруссии выражает свою глубокую уверенность, что съезд РСФСР совместно с представителями Украины, Белоруссии и Закавказских республик создаст единый, крепко сплоченный союз трудящихся всех братских республик, поручает своей делегации, избираемой для участия на Всероссийском съезде Советов, дать во время работы съезда торжественное обещание и совершить формальные акты,

закрепляющие братский Союз Социалистических Советских Республик.

Десятый Всероссийский съезд Советов РСФСР

23—28 декабря 1922 года

Декабрь, ранее 13. Ленин готовится к выступлению на X Всероссийском съезде Советов; просматривает и изучает материалы по различным вопросам внутренней и внешней политики Советского государства, характеризующие состояние экономики, финансов, торговли, освещающие работу госаппарата и культурное строительство в стране; составляет конспект речи на съезде.

Декабрь, 13. У Ленина утром приступ болезни; в 11 час. его осматривают врач А. М. Кожевников и проф. В. В. Крамер, которым с большим трудом удалось уговорить его не выступать ни в каких заседаниях и на время совершенно отказаться от работы.

(В. И. Ленин. Биографическая хроника)

В. И. Ленин. Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно... Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере,— это невозможность выступить на съезде Советов. Во вторник у меня будут врачи, и мы обсудим, имеется ли хоть небольшой шанс на такое выступление. Отказ от него я считал бы для себя большим неудобством, чтобы не сказать сильнее. Конспект речи у меня был уже написан несколько дней назад... 15 декабря 1922 г.

(Письмо И. В. Сталину для членов ЦК РКП(б)

16 декабря, вечер. Звонила Надежда Константиновна, просила от имени Владимира Ильича сообщить Сталину, что выступать на съезде Советов не будет. На вопрос, как себя чувствует Владимир Ильич, сказала, что средне, по внешности ничего, а там сказать трудно...

(Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина)

«Известия ВЦИК». Открытие X Всероссийского съезда Советов состоится в субботу 23 декабря, в 6 часов вечера, в помещении Большого театра.

«Звезда» (орган Центрального Бюро КП(б) Белоруссии) ...На этом съезде мы, представители союзных республик, присутствуем как гости...

Гости. Что значит гости? Гость — это нечто стоящее в стороне, нечто приходящее извне. Мы же все время вместе, были вместе, вместе боролись, вместе на фронтах сражались, вместе голодали, вместе переносили ужасы бандитских налетов.

И недаром беспартийный украинский крестьянин никак не мог понять, почему его нельзя избрать в президиум съезда РСФСР, а какого-нибудь его товарища из Калужской губернии можно.

И этот беспартийный крестьянин был вполне прав. Мы все время едины. Неважно, оформлен ли наш союз каким-нибудь трактатом. Мы его оформили нашей кровью, кровью всех трудящихся на многочисленных фронтах республики.

И опять-таки неважно, имеем ли мы формальное право голосовать на съезде РСФСР. Дело РСФСР — наше дело, как и наше дело — дело РСФСР.

И на съезд мы идем не как гости, а как активные участники. Мы идем не на чужой съезд, а на свой, где решаются вопросы, нас интересующие, с нашей работой связанные.

Минчанин.

«Известия ВЦИК». Громадное здание Большого театра переполнено делегатами. В центральной ложе дипломатические представители. На трибуне члены ВЦИКа и работники центральных советских учреждений. Тов. Калинин сообщает, что съехалось свыше 2000 делегатов и что съезд можно считать правомочным.

Из речи представителя Украины тов. Фрунзе

Товарищи, я прежде всего должен вам передать привет от рабочего класса и селян Украины, которые на своем последнем, VII Всеукраинском съезде Советов рабочих, селянских и красноармейских депутатов единогласно постановили о необходимости немедленного образования Союза Советских Социалистических Республик...

Мы считаем, что государство, которое мы сейчас возводим, есть только начало грандиозной, гигантской

работы, предстоящей перед нами. Мы, начавшие первую пролетарскую революцию, своей практикой дали немало образцов, примеров того, по какому пути и каким образом должны бороться рабочие других стран. Сейчас мы начинаем проделывать эту работу в области государственного строительства...

Из речи представителя Грузии тов. Цхакая

Когда пришел Великий Октябрь для Закавказских республик, мы все сознавали, что Закавказская федерация не может отдельно существовать. Вот почему представители Советов Закавказья, больше чем 500 человек, высказались за создание Союза Советских Социалистических Республик.

Из речи Председателя ВЦИК тов. Калинина

Разве для нас не дорого имя РСФСР? Оно дорого нам. Это имя завоевано в огне военных битв. Я вижу, как над нами развевается красное знамя с пятью священными буквами РСФСР. И мы, делегаты X съезда Советов, полномочные представители всей Советской Российской Федерации, склоняем это дорогое, овеянное битвами и победами, укрепленное жертвами рабочих и крестьян знамя перед союзом советских республик. Мы видим, как уже поднимается новое красное знамя союза советских республик. Я вижу, товарищи, стяг этого знамени в руках т. Ленина. Итак, товарищи, вперед, поднимайте выше это знамя, чтобы его могли видеть все трудящиеся и угнетенные миры.

Из постановления об образовании Союза Социалистических Советских Республик

1. Признать своевременным объединение Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Украинской Социалистической Советской Республики, Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики и Белорусской Социалистической Советской Республики в Союз Советских Социалистических Республик.

2. В основу объединения положить принцип добровольности и равноправия республик с сохранением за

каждой из них права свободного выхода из Союза Республик...

IV

СВОБОДНЫЙ БРАТСКИЙ СОЮЗ РАБОЧИХ И ТРУДЯЩИХСЯ МАСС ВСЕХ НАЦИЙ

Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, оно стремится к *сближению и дальнейшему слиянию* наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций.

В. И. Ленин

10/23/ апреля 1917 г.

(«Задачи пролетариата в нашей революции»)

Первый Всесоюзный съезд Советов

30 декабря 1922 года

Конференция полномочных делегаций советских социалистических республик

Вчера, 29 декабря, в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца состоялась конференция полномочных делегаций, избранных съездами Советов: Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Украинской Социалистической Советской Республики, Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики и Белорусской Социалистической Советской Республики.

Конференция избрала президиум в составе 4 представителей по одному от каждой из указанных выше республик...

В порядке дня конференции стояли вопросы:

1. Рассмотрение декларации, союзного договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

2. Порядок работы и срок открытия I съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик.

На конференции был оглашен текст проекта декла-

рации об образовании Союза Советских Социалистических Республик и проекта договора между этими республиками, рассмотренных предварительно в отдельных делегациях и предложенных на рассмотрение конференции главами делегаций.

Конференция после обмена мнениями утвердила проект декларации и проект самого договора.

Самый акт подписания декларации и договора конференция постановила перенести на утро 30 декабря.

Конференция обсудила также порядок I съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик и постановила созвать его 30 декабря, в 11 часов утра в помещении Большого театра.

«Известия ВЦИК». Вчера в 1-м часу дня в Большом театре состоялось открытие I съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик. Съезд открыл от имени конференции делегаций союзных республик старейший член российской делегации Смидович, выступивший с небольшой речью...

— Наши государства до сих пор стояли, как отдельные армии на одном боевом фронте, мы сообща защищали одно дело: власть труда, власть Советов против объединенного фронта империалистических правительств, строили социалистическое хозяйство против наступающего капитала. И какую громадную силу находили мы в этом объединении сил отдельных республик перед лицом каждой встающей опасности!

Вспомним борьбу нашу на голодном фронте. Вспомним поезда из Питера в Татарскую республику или из Москвы в Чувашскую область. Вспомним пароходы из Грузии для Крыма или эшелоны с хлебом из Белоруссии и Украины в голодающее Поволжье. Этим единением сил отдельных республик были обусловлены наши победы на внешних боевых и внутренних хозяйственных фронтах.

Ныне мы объединимся в единое государство, образуем один политический и хозяйственный организм. И каждая рана извне, каждая боль внутри на какой-либо отдаленной окраине отзовется одновременно во всех частях государства и вызовет соответствующую реакцию во всем организме союза...

После вступительного слова тов. Смидовича избирается президиум: почетным председателем съезда избирается тов. Леиин (*бурные аплодисменты*).

Декабрь, 30. Ленин в связи с образованием СССР, заботясь о том, как будут строиться отношения между объединившимися республиками, начинает диктовать М. А. Володичевой письмо «К вопросу о иациональностях или об «автономизации».

Декабрь, 31. Ленин требует, чтобы объединение республик осуществлялось в соответствии с принципами пролетарского интернационализма; сама структура Союза ССР, права и обязанности объединившихся республик, характер их взаимоотношений должны исключать любую возможность проявлений как великодержавного шовинизма, так и местного национализма. Ленин напоминает, что главной задачей национальной политики партии является ликвидация унаследованного от прошлого фактического неравенства наций.

(В. И. Ленин. Биографическая хроника)

Л. А. Фотиева. Диктовка проходила в два приема по 15 минут. Кроме того, Владимир Ильич читал два раза по 20 минут. Как рассказывал доктор Кожевников, первой диктовкой Владимир Ильич остался очень доволен, но вторая вначале не вполне клеилась, и это его расстроило.

Почетному председателю I съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик — тов. В. И. Ленину

I съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Союза Советских Социалистических Республик, приступая к своим занятиям, шлет пламенный привет почетному председателю I съезда Советов СССР и вождю мирового пролетариата — тов. Владимиру Ильичу Ленину.

Из декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик

Воля народов советских республик, собравшихся недавно на съезды своих Советов и единодушно при-

нявших решение об образовании «Союза Советских Социалистических Республик», служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 г. основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов...

Заявляя обо всем этом перед всем миром и торжественно провозглашая незыблемость основ Советской власти, нашедших свое выражение в конституциях уполномочивших нас социалистических советских республик, мы, делегаты этих республик, на основании данных нам полномочий, постановляем подписать договор об образовании «Союза Советских Социалистических Республик».

Исторический день

(Из передовой статьи газеты «Известия ВЦИК» от 31 декабря 1922 г.)

Недаром этот день постановлением съезда признан был праздничным днем для Союза Советских Социалистических Республик. Мы твердо убеждены, что настанет время — и надеемся, недалекое,— когда эта знаменательная историческая дата будет отмечена как праздник для всемирного пролетариата, для всесветного союза социалистических и советских республик. Начало этому положено вчера, а за этим перевалом открывается новая страница всеобщей истории.

Штрихи биографии

ПРОЩАНИЕ

Когда человек уходит от нас навсегда, переступает порог вечного, многое, происходящее в самом конце его жизни,— его последние слова, встречи, жест — приобретает со временем особый, порой даже роковой, смысл.

Одно из самых последних деловых писем Владимира Ильича начиналось словами: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно».

Последним публичным выступлением Ленина — в ноябре 1922 года — была речь на пленуме Московского Совета. Заканчивая, он говорил: «Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи».

И примерно в то же время были сделаны кинокадры: Ленин в дни работы IV конгресса Коминтерна. Владимир Ильич, очевидно, заметил кинооператора и помахал рукой. Эта киносъемка стала последней, и жест Владимира Ильича может показаться прощальным.

В жизни между тем все проще, во всяком случае естественней. Когда 12 декабря 1922 года М. А. Володичева записала в «Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина: «Владимир Ильич в кабинете с 5 ч. 30 м.», пометила, что были на приеме Дзержинский и Стомоняков, а спустя несколько часов сделала еще одну запись — «Ушел в $8^1/_4$» — она не знала, не думала и предположить не могла, что больше никогда не появится подобных записей: Ленин в последний раз работал в своем кабинете. Не знал об этом и Владимир Ильич. К тому же и не в характере его было произносить многозначительные слова, которые можно толковать и так и этак, делать прощальные жесты — нет, не в его характере.

Ленин писал: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел...» — потому, что врачи настаивали на отдыхе, лечении, а он резервировал за собой право выступить на X Всероссийском съезде Советов и старался освободиться от всего остального. Выступая на пленуме Московского Совета, говорил лишь о том, что занимало в последнее время его мысли,— как из России нэповской построить Россию социалистическую. И вовсе не прощальным был тот жест рукой. Отличный выдался день, хорошее было настроение; выступал на заседании IV конгресса Коминтерна — и все заметили: был весел, оживлен, лишь под конец речи устал, осунулся.

Нет, эти эпизоды никак не свидетельствуют о какой-либо исключительности в состоянии духа Ленина,

говорят о другом: и в самые последние дни своей работы он был таким же, как всегда.

Но давайте откроем 45-й том Полного собрания сочинений Владимира Ильича, вновь перечитаем раздел, в котором опубликованы последние письма, статьи. Их немного: «Письмо к съезду», «К вопросу о национальностях или об «автономизации», «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше». Порой мы называем эти документы ленинским завещанием партии, народу. На протяжении многих лет, да и сейчас находим подтверждение высказанным в них мыслям. Значит, эти документы были обращены в будущее, над ними и сосредоточился Владимир Ильич, отвлекаясь от многосложных будней? Именно в этих статьях читаем:

«Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств».

«Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе».

«...Завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение».

Так чему же посвящены последние письма, статьи? Завтрашнему дню всемирной истории? Или же о неотложных сегодняшних делах думал Владимир Ильич, диктуя своим секретарям?

Первый раз диктовал 23 декабря 1922 года и начал с того, что больше всего его занимало — «волнует один вопрос»,— начал с письма XII съезду партии, который соберется спустя четыре месяца: «...советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе». Ведет разговор о том, что́ сделать надо совершенно безотлагательно. В первую голову — это увеличение членов ЦК до нескольких десятков или даже сотен человек — «и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения

того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии».

И, продолжая диктовать на следующий день, на третий и на четвертый, делая добавление в начале января, думал все о том же — об устойчивости Центрального Комитета, о мерах против раскола, «поскольку такие меры вообще могут быть приняты», о тревоживших Владимира Ильича отношениях, сложившихся между членами ЦК, стремился объяснить предстоящему съезду сильные и слабые стороны некоторых руководителей, обращал внимание на то, что могло показаться кому-то мелочью: «...это не мелочь или это такая мелочь, которая может получить решающее значение». В общем, делился мыслями о том, что настораживало сегодня и исправлено должно быть непременно сегодня же — иначе отзовется со временем.

И второй вопрос в «Письме к съезду» — о придании законодательных функций Госплану — тоже был вызван отнюдь не мыслями о далеком будущем, а нынешним положением, «когда государственные дела необыкновенно усложнились...». Предложением к XII съезду партии стала и статья «Как нам реорганизовать Рабкрин». «Несомненно, что Рабкрин представляет для нас громадную трудность и что трудность эта до сих пор не решена». Думая над разрешением этой трудности, Ленин диктует «Лучше меньше, да лучше». «Я считаю, что для нашего госаппарата именно теперь настала, наконец, пора, когда мы должны поработать над ним как следует, со всей серьезностью, и когда едва ли не самой вредной чертой этой работы будет торопливость».

Еще одна диктовка — «К вопросу о национальностях или об «автономизации» — здесь Владимир Ильич начинает с утверждения: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко» в вопрос о союзе советских социалистических республик. (Обратите еще раз внимание, как велико значение каждого слова в ленинской строке. Принято решение о создании СССР, давно сложились связи между республиками, и Ленин мог бы говорить о рабочем классе не только России, но и других республик. Нет, РСФСР равной среди равных входит в Союз, Ленин в настоящий момент

Председатель Совнаркома Российской Федерации и чувствует себя ответственным перед российским рабочим классом.)

Ленин говорит — «Следует оставить и укрепить союз социалистических республик» — и рассматривает проблемы буквально сегодняшние: диктовать эти записки начал 30 декабря — в день, когда открылся I съезд Советов Союза ССР, была принята Декларация о создании Союза Советских Социалистических Республик. А что касается завтрашнего дня всемирной истории, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы, то и он просматривался Владимиром Ильичем с позиции сегодняшних решений: станет ли наша страна в устройстве национального вопроса примером для вступающих на историческую авансцену народов Востока.

Вышедшая из печати работа о грамотности в России послужила основой для «Страничек из дневника». Владимир Ильич говорит с читателем о том, «сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы... какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня». Владимир Ильич высказывается здесь о необходимости поставить народного учителя на такую высоту, на которой он никогда не стоял, и предлагает это отнюдь не из соображений далекого будущего. «Мы не заботимся или далеко не достаточно заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре: ни о пролетарской, ни даже о буржуазной».

В статье «О кооперации» Ленин говорит с читателем «о том, что́ практически можно и должно сделать сейчас же...» И даже для статьи «О нашей революции» был своеобразный оперативный повод: 24 декабря М. А. Володичева записала в «Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина» — «Владимиру Ильичу взяли Суханова «Записки о революции», тома III и IV», а 29 декабря записано: «Врачи разрешили читать. Владимир Ильич читает Суханова «Записки о революции» (III и IV тома)». И в январе Ленин диктует «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)».

...Последние письма, статьи Владимира Ильича передавали тот капитал, во владение которым следовало вступать немедленно. Именно в своих последних диктовках Ленин подчеркивал: «Для меня всегда была важна практическая цель».

«Доминирующей чертой его характера,— писал Луначарский,— то, что составляло половину его облика, была воля крайне определенная, крайне напряженная воля, умевшая сосредоточиться на ближайшей задаче, начертанной сильным умом, воля, которая всякую частную задачу устанавливала как звено в одной огромной цепи, ведущей к мировой политической цели».

О многом конечно же догадывался Владимир Ильич,— его беседы с врачами убеждают в этом. «Особенностью Ильича,— писала Крупская,— было то, что он никогда не обманывал себя, как бы печальна ни была действительность...» И, отчетливо представляя всю серьезность своего положения, по-прежнему был занят очередными задачами государства, партии.

«...Владимир Ильич переносил свою болезнь так же бодро, как раньше он переносил тюрьму»,— заметила Надежда Константиновна. Сравнение это поначалу озадачивает: тюремное заключение и болезнь — сравнимо ли это? Правда, и в том и в другом случае было вынужденное отстранение от текущих дел. Однако общее, дающее возможность сравнивать, заключено в более важном. Навестив брата в тюрьме — было это в начале 1897 года,— Анна Ильинична сказала, что, по слухам, дело его вскоре будет рассмотрено. И Владимир Ильич воскликнул: «Рано, я не успел еще материал весь собрать». (Материал для «Развития капитализма в России».) А тут 5 и 6 марта 1923 года диктовал еще письма, а уже 14 марта «Известия» сообщали: «В связи со значительным ухудшением здоровья Владимира Ильича правительство признает необходимым публикацию медицинских бюллетеней о ходе болезни».

В конце девяностых годов прошлого века, во время сибирской ссылки, беседуя с Владимиром Ильичем, Кржижановский высказал соображение о том, что здоровье человека выражается в яркой отчетливости его эмоциональных проявлений. Владимир Ильич охотно разделил эту точку зрения.

— Вот именно так,— сказал он,— если здоровый человек хочет есть, так уж хочет по-настоящему; хочет спать — так уже так, что не станет разбирать, придется ли ему спать на мягкой кровати или нет, и если возненавидит, так уж тоже по-настоящему.

«Я взглянул тогда на яркий румянец его щек,— пишет Глеб Максимилианович,— и на блеск его темных глаз и подумал, что вот ты-то именно и есть прекрасный образец такого здорового человека».

Вспоминая о последнем периоде жизни Ленина, М. И. Ульянова пишет: «В марте 1923 года, за несколько часов до потери Ильичем речи, мы сидели у его постели и перебирали минувшее. «В 1917 г.,— говорит Ильич,— я отдохнул в шалаше у Сестрорецка благодаря белогвардейским прапорщикам; в 1918 г. — по милости выстрела Каплан. А вот потом — случая такого не было...»

В одном из первых послеоктябрьских интервью — корреспонденту шведской газеты — на вопрос о здоровье ответил, что чувствует себя прекрасно, несмотря на огромное бремя работы, которое почти не оставляет ему времени для сна. «У меня есть только одна мечта,— сказал он,— отдохнуть хотя бы полчаса».

О первом продолжительном отпуске речь зашла лишь весной 1922 года. Врачи рекомендовали горный воздух, настаивали на отдыхе. И Ленин было уже согласился, стал серьезно подумывать о поездке на юг, где, кстати, ни разу в жизни не бывал. «Прочел «Спутник по Кавказу»,— писал в письме. Однако воспользоваться этим «Спутником» Владимир Ильич не смог— не успел.

Воспоминания врачей, лечивших Ленина, позволяют отчетливо представить ход его болезни. Впервые она дала себя знать в марте 1922 года. Владимир Ильич поднялся с постели, и вдруг закружилась голова, он ухватился за стоявший рядом шкаф и только так сумел удержать равновесие. Тем не менее симптомы эти выглядели столь незначительными, что у врачей они не вызвали особой тревоги. «Профессор Даршкевич, известный невропатолог, вызванный к Владимиру Ильичу,— рассказывал Семашко,— считал болезнь настолько обычной (переутомление), что позволил себе жаловаться Владимиру Ильичу, как трудно живется уче-

ным, что приходится таскать самим дрова по лестнице и т. д.».

Но вскоре — 25 мая 1922 года — разразился новый приступ. Замедлить развитие болезни возможно было, лишь освободив мозг Ленина от той нагрузки, которая и привела к ней. Добиться этого никто не был в силах — ни врачи, ни близкие, ни сам Владимир Ильич. «Это была редкая в истории болезни схватка могучего мозга с разъедавшей его болезнью — артериосклерозом»,— писал Семашко. Никто не мог уступить в этой смертельной схватке.

Владимир Ильич старается объяснить врачам, что он не во всем властен над собой и потому не может полностью исполнить их предписания — прекратить постоянную работу мысли, как не может человек перестать дышать.

Он жалуется:

— Мне рекомендовали вместо работы час-два легкой беседы с добрыми приятелями. Они не понимают, что от двух часов беседы с иностранными представителями я меньше устану и получу больше пользы и удовольствия, чем от короткой приятельской беседы.

Владимир Ильич уже не встает, и врачи, видя тяжелое состояние его духа, разрешают свидания с товарищами, но при условии: ни слова о политике. Врачи уходят, и он говорит с горечью:

— Какие чудаки, они думают, что политические деятели, встретившись после долгой разлуки, могут говорить о чем-либо другом, кроме политики.

Близкие Ленина понимали, что рекомендации врачей, которые хороши для одних больных, ему не принесут облегчения. В ответ на требования полностью изолировать Владимира Ильича от какой бы то ни было информации Крупская 23 декабря 1922 года напишет: «...о чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет...»

Несомненно, здоровье Ленина подорвали лишения, которые выпали на его долю. Немногим более двух десятилетий проживет Владимир Ильич в XX веке — пятнадцать лет из них он проведет в эмиграции. А та нагрузка, которую постоянно принимал на себя Ленин! Пятьдесят пять томов сочинений Владимира Ильича, которые стоят у нас на полках. Огромная политическая,

организационная, а затем государственная работа...

Напомним еще о постоянных публичных выступлениях — в первые годы Советской власти они бывали по нескольку раз на день. «Писать ему было гораздо легче, чем выступать,— вспоминал Семашко.— Весь взмокший, отирая платком пот со своего высокого лба и с затылка, сходил он обыкновенно с трибуны: для меня, как для врача, этот его обильный пот даже в холодном помещении и после небольшой сравнительно речи ясно свидетельствовал, какую огромную энергию затрачивал он при своих выступлениях».

Последний раз диктовал 6 марта 1923 г. А в середине мая, писала секретарь Совнаркома Л. А. Фотиева, «...мы, потрясенные, смотрели в окно, как выносили Владимира Ильича на носилках и укладывали в автомобиль, чтобы отвезти в Горки».

Теперь — летом двадцать третьего — Горки приходилось обживать иначе, подчиняя здоровью Владимира Ильича, а точнее — его болезни.

Профессор М. И. Авербах, не раз осматривавший Владимира Ильича, писал: «Положение было истинно трагическое. Человек, который своим словом приводил в состояние экстаза массы и убеждал закаленных в дискуссиях борцов и вождей, человек, на слово которого уже так или иначе реагировал весь мир,— этот человек не мог выразить самой простой мысли, но в состоянии был все понять. Это ужасно! На лице его были написаны страдания и какой-то стыд, а глаза сияли радостью и благодарностью за каждую мысль, понятую без слов. Этот раздирающий душу благодарный взгляд испытал на себе и я, случайно угадавший одно его желание, которое не поняли окружающие».

Настала пора осенних дождей. Читаешь письмо Крупской той поры и словно слышишь, как гуляет ветер в печных трубах, барабанят капли по окну, пляшут на террасе, сыро и темно округ. «Сейчас у нас осень, парк опустел, стало в нем скучно. Летом народ толкался, теперь никого нет, и В. тоскует здорово, особенно на прогулках. Каждый день какое-нибудь у него завоевание, но все завоевания микроскопические, и все как-то продолжает висеть между жизнью и смертью. Врачи говорят — все данные, что выздоровеет...»

Долгими часами оставался один, а видеться с товарищами по работе не хотел. Как пишет Надежда Кон-

стантиновна: «...знает, что это будет непомерно тяжело». Остановилось время — ни встреч, ни дел, ни разговоров, словно двинулась жизнь в обратный путь, щедро одаривая минувшим. От того, наверное, интересовался судьбами тех, кто давно ушел из его политической жизни и воскресал теперь в отблесках былых столкновений, давнишних споров. Спрашивал жену об Аксельроде, Богданове. «Говоришь, например, о Калмыковой и знаешь, что вопросительная интонация слова «что» после этого означает вопрос о Потресове, о его теперешней политической позиции. Так сложилась у нас своеобразная возможность разговаривать». Еще раньше, в начале болезни сказал грустно: «Вот и Мартов тоже, говорят, умирает». Спрашивал о нем и позже. Крупская сделала вид, что не поняла. Тогда пошел в библиотеку, разыскал в эмигрантских газетах сообщение о смерти Мартова.

«В понедельник пришел конец,— оставила воспоминания Крупская. — Владимир Ильич утром еще вставал два раза, но тотчас ложился спать. Часов в одиннадцать попил черного кофе и опять заснул. Время у меня путалось как-то. Когда он проснулся вновь, он уже не мог говорить... Все больше и больше клокотало у него в груди... Я держала его сначала горячую, мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо. Профессор Ферстер и доктор Елистратов впрыскивали камфору, старались поддержать искусственное дыхание — ничего не вышло, спасти было нельзя».

21 января 1924 года. 6 часов 50 минут вечера. Мария Ильинична спустилась на первый этаж, позвонила в Москву. И пошла горькая весть по белу свету...

Почернел снег на аллеях парка, возле дома: люди шли и шли — проститься. В почетный караул первыми встали крестьяне местных деревень. Из Москвы еще не успели приехать. Ленин умер в 30 верстах от города, в 5 — от железной дороги, как писали тогда,— в лесной глуши. Поздним вечером на аэросанях добрались до Горок члены Политбюро. И той же ночью вернулись в Москву: в третьем часу утра собрался экстренный Пленум ЦК партии. Начинался первый день без Ленина: в шесть раздались позывные столицы: «Го-

ворит Москва. Кто слушает?» — радио передало сообщение о кончине Владимира Ильича, следом появился экстренный совместный выпуск «Правды» и «Известий».

Вместе с другими работал и мой коллега-репортер. Ему предстояло рассказать о горестных январских днях. Работал, не зная отдыха, забыв о сне, сам глотал слезы, когда писал, как плакали другие. В Горки едут делегаты съезда Советов — и ты вместе с ними. В памяти откладывается строка за строкой,— вернувшись в редакцию, ты продиктуешь их.

«Крутая лестница вверх. Тише! В полутемной проходной, на диване — Надежда Константиновна, жена, друг, вечный бессменный товарищ. Как всегда на своем посту, у раскрытых дверей комнаты Ильича. Так каменно-резки запавшие черты лица,— но крепка большевистская порода,— просто, вежливо и внятно отвечает короткими словами подсевшему, соболезнующему рабочему-другу. Мария Ильинична — та не сидит, а все ходит, ходит прямой твердой походкой по этажам и комнатам осиротевшего дома. Печально, но спокойно и гордо дышится здесь в комнате смерти. Нет ладанного истошного отчаяния, мистики потустороннего мира. Только скорбная простота и неизбежность происшедшего распада материи, организованной в великую субстанцию Владимира Ленина, вождя угнетенных классов человечества.

...Старики. Они понуро уместились внизу на диванчике. Кутаются в шинели, похрустывают суставами пальцев и ворчливо, перебивая друг друга, все вспоминают. Они очень важные персоны в правительстве великой Советской страны, руководимой Владимиром Лениным. Они начальники больших государственных учреждений. Но сейчас только старики, по-стариковски вспоминают простые, трепетно-живые пустяки. О ленинских шутках, о его упрямстве, широчайшей жизнерадостности, о «шахматном самолюбии», о коньках, о переписке, о беспредельной товарищеской чуткости и милой простоте.

Совсем рассвело. Пора отсюда уходить — Ленину и всем. Красный гроб плывет вниз по лестнице. Молча без песен вынесли. Опустили на землю. Минута невыразимой, невыносимой тоски и горя. Надо закрывать стеклянную крышку. Снежинки падают на отк-

рытый лоб и губы Ильича. Накрывают. Плачут. Большевики плачут».

Так писал мой коллега-репортер из двадцатых годов. И не безымянный, не обобщенный на этот раз, а всем известный газетчик. Эти строки принадлежат Михаилу Кольцову.

Минута за минутой — каждое мгновение тех траурных январских дней запечатлено в газетах, снято фоторепортерами, кинооператорами, собрано в книгах. Они сейчас передо мной: «Отчет комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина)», «У великой могилы», «Ленину. 21 января 1924» — описание и фотографии всех венков. Да, была издана и такая книга. Всего за дни похорон возложили 821 венок. Их приносили рабочие — 294 венка и крестьяне — 78, два венка были от личных друзей, а 11 — от частных торговцев и промышленников. Перед могилой все равны — был венок и от заключенных таганской тюрьмы: «Личным присутствием доказать преданность твоему учению мы не можем, по причинам вольных и невольных совершенных нами ошибок перед трудящимися, но душой, сознанием и инстинктом мы с тобой и против твоих врагов».

Через Колонный зал, прощаясь с Владимиром Ильичем, прошел почти миллион человек. Мысль о сохранении тела Ленина возникла из многочисленных писем, телеграмм. Они шли потоком отовсюду: дайте срок проститься с Владимиром Ильичем. И началось строительство первого мавзолея. В день похорон — 27 января — на Красной площади не было духовых оркестров — как играть в такой мороз. Собравшиеся пели «Вы жертвою пали». И вызванивали тот же похоронный марш куранты на Спасской башне. На 5 минут остановилась, замолкла страна. «Завтра надо жить — сегодня горе»,— писала Лариса Рейснер.

Еще в дни траура комиссия по организации похорон была переименована в комиссию по увековечению памяти Владимира Ильича. Все были охвачены благородным порывом: имя и образ его сохранить для грядущих поколений. Всесоюзный съезд Советов решает переименовать Петроград в Ленинград. Принимает постановление о выпуске сочинений Ленина — это будет ему «лучшим памятником». Образует фонд имени Ленина для организации помощи беспризорным детям...

И тогда же со страниц «Правды» Крупская обратилась к рабочим, крестьянам: «Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д., всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим».

Много можно назвать причин того, что уже на пятьдесят четвертом году в сумерках холодного январского вечера оборвалась жизнь Владимира Ильича. Но точнее, исчерпывающе и образней, чем сказал Горькому его старый знакомый, сормовский рабочий, все равно не скажешь: Ленину частенько приходилось держать душу за крылья.

Выражение это запомнилось мне еще со школьных лет, когда впервые прочел горьковский очерк о Ленине,— легло на память без постижения сути.

Не готов я и сегодня однозначно выразить смысл сказанного сормовским рабочим. Держать душу за крылья,— наверное, это когда очень эмоциональная, самобытная натура полностью подчиняет себя воле, рассудку, убеждениям.

Мы восхищаемся той принципиальностью, которой отличались отношения Ленина с окружающими людьми. Но всегда ли понимаем, как давалось то, что восхищает нас?

Обратимся еще раз к полемике Ленина с Плехановым. Противоречия нарастали подобно снежному кому, и, наконец, критикуя позицию, которую займет Плеханов после Декабрьского восстания в Москве — «не надо было браться за оружие»,— Ленин напишет: «Плеханов сравнил себя в шутку с римским полководцем, который казнил сына за преждевременный бой. Шутка остроумная. Ну, если бы я был «сыном» в момент *решительного* боя, когда «силы революции *уже переросли* силы правительства», я бы, ни секунды не колеблясь, *застрелил* (или, по-римски, заколол) *«папашу»*, дающего лозунг сделки с реакцией, и спокойно предоставил бы будущим Моммзенам разбираться в том, был ли мой поступок убийством изменника, казнью его или преступлением против чинопочитания».

Дуэль остроумия и сарказма. Хотите узнать, как давалось все это Ленину? Прочтите запись, сделанную Владимиром Ильичем еще в 1900 году,— «Как чуть не

потухла «Искра»?». Если не читали прежде, отложите эти страницы, откройте четвертый том ленинских сочинений. Прочтите. В этой записи Ленин делится своими переживаниями, а это случалось редко. Политический разрыв означал для Ленина прекращение и дружеских отношений — нередко с теми людьми, которых он искренне любил, к кому был привязан на протяжении многих лет. Когда его не станет, Крупская напишет: «...личная привязанность к людям делала для Владимира Ильича расколы неимоверно тяжелыми... Если бы Владимир Ильич не был таким страстным в своих привязанностях человеком, не надорвался бы он так рано».

Держать душу за крылья. Быть может, это касается тех, кто ничего не совершает отстраненно от самих себя, по привычке как бы вхолостую — все оплодотворено мыслью, освещено огнем души, совершается впервые и нет проложенных путей. Дело, которым занят в эту минуту, становится важнейшим, на нем сосредоточиваются мысль и воля, концентрируется энергия, как собирает увеличительное стекло рассеянный солнечный свет в единый, острый, прожигающий все на своем пути луч. И не этот ли дар к сосредоточению мысли и сил позволил Ленину высказать уверенность: «Абсолютно безвыходных положений не бывает»?

Держать душу за крылья. Так, очевидно, поступает тот, кто, познав поэзию мечты, никогда не забывает о прозе жизни, ни в чем не позволяя себе отрываться от ее реальностей.

Было это в феврале 1921 года. Ленин листал книги, изданные в Берлине для Советской России. Принес их Горький. Взглянув на издание древних индийских сказок, Владимир Ильич заметил:

— По-моему, это преждевременно.

Горький:

— Это очень хорошие сказки.

Ленин:

— На это тратятся деньги.

Горький:

— Это же очень дешево.

Ленин:

— Да, но за это мы платим золотой валютой. В этом году у нас будет голод.

Присутствовавший при разговоре литературный критик А. К. Воронский писал: «Мне показалось тогда,

что столкнулись две правды: один как бы говорил: «Не о хлебе едином жив будет человек», другой отвечал: «А если нет хлеба»... И после, находясь на стыке между художественным словом и практической работой Коммунистической партии и советских органов, я неоднократно вспоминал об этих двух правдах, и всегда мне казалось, что вторая правда, правда Владимира Ильича, сильнее первой правды».

Так пишет Воронский. Я же думаю о том, как соблазнительно было бы для каждого из нас и как хотелось, наверное, самому Владимиру Ильичу заботиться лишь о том, чтобы не хлебом единым были живы люди. И как трудно, пожалуй, тому, кто в полной мере может оценить прелесть древних индийских сказок, но вынужден возражать против их издания.

И еще одно. Воронский безраздельно склоняется ко второй, как пишет он, правде. Но справедлив ли он, так далеко разводя одну правду от другой? Возражая Горькому, отстаивая свою правду, Владимир Ильич не стремится наложить запрет на то, что защищает Алексей Максимович. Первая ли правда, вторая ли — и та и другая, превращенные в абсолют, становятся абсурдом. Противоборствуя друг с другом, они и существовать не могут одна без другой.

Наконец, последнее: тот сормовский рабочий, по описанию Горького, человек мягкой души, жаловался писателю на тяжесть работы в ЧК. Тогда-то он и сказал:

— Однако вспомнишь, что ведь Ильичу тоже, наверное, частенько приходится держать душу за крылья, и — стыдно мне слабости своей.

Беседуя с М. Ф. Андреевой, Ленин говорил: «Что же делать, милая Мария Федоровна? Надо бороться. Необходимо! Нам тяжело? Конечно! Вы думаете: мне тоже не бывает трудно? Бывает — и еще как! Но — посмотрите на Дзержинского,— на что стал похож он! Ничего не поделаешь! Пусть лучше нам будет тяжело только бы одолеть!»

Обстоятельства, условия борьбы вынуждали Ленина быть и суровым, и непримиримым, и беспощадным. И он бывал таким, превозмогая в себе доброту. В отличие от тех, кого обстоятельства вынуждают порой становиться и отзывчивыми и добрыми, и они, случается, бывают такими, превозмогая в себе жестокость.

«Должность честных вождей народа — нечеловечески трудна»,— писал Горький о Ленине.

...Спустя месяц после Октябрьской революции, в декабре 1917 года, из Парижа в Петроград приехал социалист, член французского парламента Шарль Дюма. Устроившись в гостинице, он тут же сел за письмо к Владимиру Ильичу.

Обращаясь «Дорогой товарищ Ленин!», гость писал: «Я горю желанием Вас приветствовать. Разрешите мне просить Вас, чтобы первый мой визит в Вам рассматривался лишь как визит друга, которому когда-то в Вашем доме в парижском изгнании госпожа Ленина и Вы оказали братский прием, что мною не забыто».

Быть может, поздним вечером в Смольном, спускаясь из своего кабинета в комнату, где жил, Ленин захватил с собой это письмо. О многом напоминало оно Ульяновым: о тягостных годах второй эмиграции, о людях, которых узнали в Париже. Владимир Ильич мог бы и на этот раз произнести свою фразу: «Эх, послушал бы я теперь Монтегюса». Ленин, бывало, напевал его песенку о социалистическом депутате: «Верно, парень, говоришь». В ней рассказывалось о депутате, который ездит по деревням, болтает с крестьянами, раздает обещания, подпаивает их, а получив голоса, положив в карман 5 тысяч франков депутатского жалованья, забывает об интересах избирателей. Но при чем здесь автор письма Шарль Дюма?

Он действительно нанес в Париже визит Ульяновым, когда жили они на улице Бонье. Сидел и рассказывал о своих предвыборных поездках по деревням, о своих беседах с крестьянами. И несколько раз встретились взглядами Надежда Константиновна и Владимир Ильич, чуть сдерживая улыбку: им пришла на память песенка Монтегюса о социалистическом депутате. А гость, скорее всего, описывал свой вояж во всех подробностях, рассказ его затягивался, и Крупская уже с тревогой поглядывала на Владимира Ильича: как бы не стал вновь напевать полюбившийся ему припев — «Верно, парень, говоришь» — так повторяют крестьяне, когда их одурачивает депутат...

Словом, было что вспомнить. И в ответе — он не заставил себя ждать, пришел уже на следующий день — Ленин писал:

«Дорогой гражданин Шарль Дюма!

Мы с женой с большим удовольствием вспоминаем о том времени, когда мы познакомились с Вами в Париже, на улице Бонье...»

Но помнил Ленин и о другом: каким ярым патриотом выступал Шарль Дюма с началом империалистической войны. О его брошюрке «Какого мира мы желаем» Владимир Ильич с презрением отозвался в своей работе «Крах II Интернационала». В ответном письме Ленин писал:

«Я очень сожалею, что личные отношения между нами стали невозможными, после того как нас разделили столь глубокие политические разногласия...

Само собой разумеется, что я пишу это письмо не как член правительства, а как частное лицо.

Примите, дорогой гражданин, наш привет и самые лучшие пожелания от меня и от моей жены».

Шарль Дюма просил в письме, чтобы его первый визит к Ленину — за ним, он полагал, последуют и другие — рассматривался не иначе как визит друга. Видно, отчетливо рисовалась в его воображении картина, как распахнутся двери кабинета Председателя Совнаркома, они встретятся на пороге и уж конечно же обнимутся по-братски...

Частный характер переписки подчеркивает в своем ответе и Ленин, когда говорит о невозможности именно личных отношений... И появляется, как бывало уже не раз во время работы над этой книжкой, желание сравнить — скорее всего, несравнимое: его жизнь и нашу, хотя бы постараться представить себе, приложить к нашей повседневности его нормы. Кому и когда решился бы ты ответить столь же определенно о невозможности личных отношений? И понимаешь, как трудно даже в самом обыденном и житейском следовать его примеру. А быть может, в самом обыденном и житейском как раз и труднее всего. Очень непросто разделить подобную определенность взглядов, поступков, отношений. А кому-то это просто непонятно...

Кстати, не понял и Шарль Дюма: получил от Ленина ответ, а на четвертый день вновь стал просить о приеме. Но на этот раз Владимир Ильич передал письмо в Наркомат иностранных дел.

БЫЛОГО СЛЫШУ ШАГ

ПОВЕСТЬ О КОНСТАНТИНЕ ПЕТРОВИЧЕ ИВАНОВЕ

I

Штатива не было. Владимиру Ильичу пришлось встать на колени: иначе никак не втиснешься в объектив. Фотограф держал аппарат, опустив его на вытянутых руках. Позади была серая гладь озера, словно та холстина, которую и натягивают за спиной, делая подобные фотографии.

Фотография для удостоверения. «Сестрорѣцкій Оружейн. Заводъ. Предъявителю сего Константину Петровичу Иванову разрѣшается входъ въ магазинную часть завода до 1 января 1918 года». 1 января восемнадцатого! Кто мог подумать тогда, предсказать, предвидеть, предположить, кем станет обладатель этого удостоверения спустя полгода — к тому дню, когда истечет его срок...

Впрочем, сам Владимир Ильич был тогда уверен уже во многом. Светлой июльской ночью на берег Разлива пробрался Серго Орджоникидзе. Переправлялся на лодке, осторожно раздвигал камыши, шагал скошенным лугом и все время прислушивался: не привести бы кого за собой. В конце концов оказался подле стога, навстречу вышел незнакомый человек, стриженый и бритый, без усов и бороды. «Что, товарищ Серго, не узнаете?» — спросил Владимир Ильич.

Потом сидели у костра, и Орджоникидзе рассказывал, что пошли в последнее время по Петрограду толки: мол, не позже августа — сентября власть перейдет к большевикам и председателем правительства станет Ленин. Владимир Ильич ответил на это с такой серьез-

ной уверенностью, которая обескуражила его собеседника: «Да, это так будет...» А пока рабочий Константин Петрович Иванов — и никак иначе. Даже от самых близких требует именно такого обращения. Даже письма подписывает: «Привет *К. Иванов*». А пишет в них о подготовке вооруженного восстания.

Оставив шалаш на берегу Разлива, тайно переехал в Гельсингфорс, оттуда, по-прежнему скрываясь, в Выборг. То и дело напоминает, настаивает: пора возвращаться в Петроград.

3 октября 1917 года Центральный Комитет РСДРП(б) постановил: «...предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь». Наконец-то услышана его просьба — время не ждет.

В Петрограде появился под вечер. На голове парик, картуз, в кармане документы на чужое имя. В доме на углу Лесного проспекта и Сердобольской улицы — на Выборгской рабочей стороне — ожидала конспиративная квартира: адрес скрывался от всех, его не знали и члены ЦК. Последнее его подполье. Но об этом он и сам не знал.

Вошел в квартиру № 41 и остался недоволен. Хозяйка — Маргарита Васильевна Фофанова — оказалась не одна, кто-то вздумал к ней заглянуть. А говорили же русским языком — и не раз, очевидно,— никого быть не должно. Молча прошел в отведенную комнату. В столовой появился лишь наутро. Балкон выходит во двор — прекрасно. Рядом водосточная труба — очень удачно: возможно, и этим путем придется спускаться с третьего этажа. Как стемнеет, неплохо было бы отбить несколько досок в заборе — тоже на всякий случай.

Угроза была велика и совершенно реальна. Третий месяц не могли напасть на его след агенты Временного правительства. «Министр юстиции П. Н. Малянтович предписал прокурору судебной палаты сделать немедленное распоряжение об аресте Ленина. Прокурор судебной палаты, во исполнение этого распоряжения, обратился к главнокомандующему войсками Петроградского военного округа с просьбой приказать подведомственным ему чинам оказать содействие гражданским властям в производстве ареста»,— сообщали газеты. Да и сам Владимир Ильич писал Свердлову: «Меня «ловят».

День за днем в четырех стенах, когда знакомыми становятся каждая половица, каждая выбоина дверного косяка. Во время работы привык ходить из угла в угол — складывал фразу за фразой. Мог бы и здесь — места хватало. Нет, соседи услышат. Хотел было сам растопить печь. Нет, пойдет за дровами на лестничную клетку — кто-нибудь увидит.

Настал день последний.

В столовую к завтраку вышел, как обычно, в парике. Потянулся за свежими газетами. Фофанова предупредила: «Рабочий путь» достать не смогла, говорят, Временное правительство опечатало типографию... Завтра, в среду, открытие II съезда Советов, и правительство — это следовало ожидать — начинает действовать.

«Солдаты! Рабочие! Граждане!

Враги народа перешли ночью в наступление... Замышляется предательский удар против Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Газеты «Рабочий путь» и «Солдат» закрыты, типографии опечатаны...

Дело народа в твердых руках...

Да здравствует революция!

Военно-революционный комитет

24 октября 1917 г.».

Вот и пробил час, к которому готовил партию, себя, о котором неустанно напоминал последнее время.

Фофанова уходит с запиской и приносит ответ. Снова уходит. И опять ответ не устраивает Владимира Ильича: не разрешают выйти из подполья, все еще опасаются.

— Я их не понимаю, чего они боятся? Ведь только позавчера Подвойский докладывал, что такая-то воинская часть целиком большевистская, что другая тоже... А сейчас вдруг ничего не стало. Спросите, есть ли у них сто верных солдат или сто красногвардейцев с винтовками...

Ленин опять пишет записку, и Фофанова — в пятый раз на дню — собирается в Выборгский районный комитет. Владимир Ильич предупреждает:

— Жду вас до одиннадцати часов, а там я волен буду поступать так, как это мне нужно.

Маргарита Васильевна вернулась раньше условленного срока. Квартира пуста. На столе записка: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания.

Ильич». На этот раз уже не Константин Петрович, не — как бывало прежде — К. Иванов, а снова — Ильич... На столе тарелки, стаканы с недопитым чаем. Значит, кто-то приходил сюда?

Да, это был связной партии Эйно Рахья. По дороге к Владимиру Ильичу он слышал начинающуюся перестрелку. «Когда я ему сказал, что Керенский приказал разводить мосты, он вскричал: «Ага, значит, начинается...» Я было не понял его и спросил: «Что начинается?» — «Революция начинается,— пояснил Ильич,— а с ней и революционные бои...» И тотчас заявил мне, что ему надо ехать в Смольный».

Воспоминания Эйно. Рахья — единственное свидетельство о том пути, который они совершили от Сердобольской к Смольному.

В ПЕТРОГРАДЕ НА РАССВЕТЕ

...Спускаюсь на первый этаж, выхожу из подъезда, за спиной гулко хлопает парадная дверь. В тот вечер Эйно Рахья, очевидно первым выглянув на улицу, пропустил вперед Владимира Ильича, придерживая плечом дверь, и бесшумно закрыл ее за собою...

Хочу повторить путь, который прошел Ленин от Сердобольской улицы к Смольному, хочу представить себе, какими были эти места в семнадцатом году, в ту наступающую ночь со вторника на среду, с 24 на 25 октября, конечно же старого стиля, поскольку нашего времени в России еще не существовало... А на пути встает сегодняшний Ленинград, нынешняя жизнь, такая непохожая на ту, прежнюю. Подле дома на Сердобольской — стоянка такси: вытянулась цепочка машин. Как знать, быть может, прежде так выстраивались извозчики — были и у них свои стоянки. Но не на Выборгской рабочей стороне. Осенью семнадцатого здесь и буржуазные газеты не решались продавать. А Ленину просто необходимы были именно эти издания — с них начинал просмотр газет. И Фофанова ранним утром отправлялась за ними в долгий путь на Петроградскую сторону.

Владимир Ильич и Эйно Рахья вышли на Сердобольскую улицу, сразу же свернули к Большому Сампсониевскому... Бывший Сампсониевский — теперь проспект Карла Маркса. Протянулся над проезжей частью,

поднялся на быках железнодорожный мост. Был он, скорей всего, и прежде. Прошелестела по мосту электричка — нет, это не годится. А вот засвистел локомотив, втянул за собой нескончаемую череду товарняка, грохочут вагоны, гудит мост под их колесами. И в тот вечер все могло быть точно так же.

Сегодня полно повсюду людей, трамвайные вагоны с большими, залитыми голубоватым светом окнами. Но так ли важны эти детали, само стремление представить себе все именно так, как было в семнадцатом? Уже седьмое десятилетие пролегло между Октябрем и нами. Но меня занимает не хроника событий и даже не опыт борьбы — хочется понять людей, свершивших революцию, ту решимость, которая владела ими в ночь со вторника на среду, с 24 на 25 октября. И как бы ни разнилась одна эпоха от другой, здесь нет барьера времени...

Нет, история не повторяется. Но великое, свершившись однажды, живет и существует в обыденном. В революционном прошлом черпаем мы критерии для оценок сегодняшних наших поступков, всей жизни.

«Точно так же, как историки разыскивают малейшие подробности о Парижской Коммуне, так они захотят знать все, что происходило в Петрограде в ноябре 1917 г., каким духом был в это время охвачен народ, каковы были, что говорили и что делали его вожди». Так писал Джон Рид и был прав.

Ленин и Рахья дошли до угла, когда их нагнал пустой трамвай. «Владимир Ильич предложил вскочить в него. Я согласился с условием, что Ильич ни с кем не будет разговаривать. Кондуктором была женщина. К моей досаде, Владимир Ильич начал спрашивать ее, куда она едет, почему и т. д. Она сперва было отвечала, а потом говорит: «Вот чудак, откуда ты только выискался? Неужели не знаешь, что в городе делается?» Владимир Ильич ответил, что не знает. Кондукторша его упрекнула: «Какой же ты,— говорит,— после этого рабочий, раз не знаешь, что будет революция. Мы едем буржуев бить!..» К моей досаде, Ильич начал рассказывать ей, как надо делать революцию, а я сидел как на иголках...»

* * *

Измерить шагами путь от Сердобольской к Смольному нетрудно и сегодня. Но тогда опасность была

повсюду, неожиданности поджидали на каждом шагу.

Трамвай доехал до угла Боткинской и Нижегородской, отсюда свернул в парк. А Ленин и Рахья пошли к Литейному мосту. Там патрули — солдаты, рабочие. Рахья отговаривал: лучше к ним не подходить. Но Ленин быстро двинулся вперед, смешался с людьми, толпившимися подле моста. «Я шепчу Ильичу, чтобы он не вступал в разговор, а то, мол, пропадем. Смотрю: он бочком, бочком — и быстро зашагал через мост, а я за ним...»

Спустились с моста, вышли на Шпалерную, здесь их застиг разъезд юнкеров. «Вдали показались верхами два юнкера артиллерийского училища. Они направлялись к нам, видимо собираясь о чем-то нас расспросить. Сказав Владимиру Ильичу, чтобы он шел вперед, я сам остался для разговора с юнкерами... Подъехавшему юнкеру, спросившему у меня пропуск, я вызывающим тоном ответил, что еще, мол, за пропуск им нужен. Он тоже повысил голос. Владимир Ильич тем временем зашагал дальше. Я решил, что, если только юнкера погонятся за Владимиром Ильичем, я буду стрелять. К счастью, мне удалось отвлечь их внимание от Ильича своим вызывающим поведением. Один из них хотел было вытянуть меня нагайкой, но, видимо, не решился, так как я напустил на себя слишком независимый вид. Поговорив о чем-то, они дали шпоры своим лошадям и умчались...»

Да, представить этот путь в доподлинности того времени теперь не просто. Кондукторша, которая едет буржуев бить... Скачет во весь опор разъезд юнкеров... Быстрым шагом уходит по Шпалерной беззащитная в своем одиночестве фигура — это Ленин...

Наш мир совсем иной — мир налаженных дел, установившихся привычек, предсказуемых, чаще всего, поступков каждого из нас. И этот спокойный осенний вечер, когда не спеша миную Литейный мост, выхожу к улице Воинова — она и была прежде Шпалерной,— этот вечер не редкость, один из многих в моей жизни: есть сегодня, будет и завтра. Ощущение личной безопасности стало привычкой, неведомо чувство постоянной угрозы, и, обращаясь к прошлому — будь то время войны или эпоха революции, особенно отличаешь личное мужество участников этих событий, бесстрашие в решении собственной судьбы.

«Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил...» — отправился ночью в путь. А нельзя ли было отложить до утра? Прибыть в Смольный, не подвергая себя риску? Дождаться, наконец, «ста верных солдат или ста красногвардейцев с винтовками», о которых поминал Владимир Ильич. Кто-нибудь, очевидно, так бы и сделал, кто-нибудь и повременил, не подвергая себя риску. Ленин поступил иначе...

Не раз и не два приходилось ему сталкиваться со смертельной опасностью. Уходил в эмиграцию по льду Финского залива. А лед был ненадежен, не оказалось и знающих проводников. Нашлись в конце концов двое подвыпивших финских крестьян, с ними и пошел. Ночью, в темноте, лед стал уходить из-под ног, хлынула черная вода, и успел лишь подумать: «Эх, как глупо приходится погибать». Скрывался от преследования Временного правительства. «...если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная... Условие: все сие абсолютно entre nous!» — писал в те дни. Наконец, выстрелы на дворе завода Михельсона — три, в упор. Тяжелое ранение. «Со всяким революционером это может случиться», — заметил в тот раз.

И вот уже решимость по отношению к самому себе, именно личное мужество революционера Владимира Ульянова начинает представляться всеопределяющей чертой характера, доминирующей стороной его воли. Но обратимся к записям современников Владимира Ильича — революционеров, которые шли с ним одной дорогой. Им тоже случалось заглядывать смерти в лицо, провожать друзей на казнь, самим ожидать смертного приговора.

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам.
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед...

— известная песня той поры была для этих людей не образом, не иносказанием, а выводом жизни, правдой однажды и навсегда избранного пути. У них были свои представления о мужестве. Из них и исходил старейший большевик П. Н. Лепешинский, когда писал о Ленине:

«Сила и характер его мужества очень ярко выявлялись не столько в тех эпизодах, когда ему случалось смело и спокойно глядеть в глаза смерти, сколько в моменты выполнения им наиболее ответственных революционных ролей... Мужество Ильича носит характер совершенно исключительного явления. В нашу героическую эпоху немало ведь было людей, которые, не моргнув глазом, шли гордо навстречу верной смерти и даже лютым мучениям.

Но далеко не часто встречается в истории такой пример особого рода мужества, какой был выявлен Ильичем в дни октябрьского переворота. Взять на себя *всю* ответственность за один из величайших актов в революционной истории человечества, поставить на карту тысячи и тысячи дорогих пролетарских жизней, дать сигнал к столкновению двух миров, чреватому невероятно огромными последствиями...— вот это и есть то особое мужество, которое присуще бывает лишь великим титанам духа и воли».

Лепешинский писал эти строки, возвращаясь мысленно к временам, которые пережил: небывалому прежде социальному взрыву, первой социалистической революции, переменившей жизнь всех его соотечественников, буквально каждого человека, да и всего мира.

Известно, жизнь меняется в общем-то медленно. Чаще события проносятся волнами над ней, не затрагивая и малой толики ее пластов... Кстати, скрываясь в квартире на Сердобольской, Владимир Ильич попросил разыскать для него работу экономиста А. П. Людоговского. Фофанова обнаружила нужную книгу у букиниста, и стоила она по тем временам больших денег. Правда, Маргарите Васильевне пообещали в лавке: освободится том — примем за ту же цену. Ленин прочел работу, нужды в ней больше не было, и Фофанова вновь отправилась к букинисту. Вернули деньги сполна, как договорились. Только в промежутке между ее первым и вторым визитом произошла Великая Октябрьская социалистическая революция...

Кому-то, наверное, казалось в те времена, кто-то полагал, что волны Октября лишь перекатятся через Россию и постепенно, утратив свою силу, затихнут где-то вдалеке. Ленин твердо знал: этого не произойдет. Понимал отчетливо, как понимаем мы теперь, за-

думываясь над своей жизнью, вспоминая судьбу отца и деда: все связано с Октябрем, все берет от него начало. «Владимир Ильич был человеком, который так помешал людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сделать это»,— писал Горький.

Встретившись с Лениным вскоре же после победы революции, все тот же Лепешинский всматривался в лицо Владимира Ильича, стремясь увидеть следы пережитых волнений, печать ответственности, которую он принял перед историей «за дерзкий вызов небу». «И действительно, это бледно-желтое лицо, чрезвычайно похудевшее, но отсвечивающее яркими отблесками внутренних переживаний Ильича за все эти чудно-прекрасные, сумасшедшие дни, необычайно интересно. Оно, это лицо, целая поэма. Глаза, обычно смеющиеся, лукавые ильичевские глаза, на этот раз горят, как у лихорадочного больного. Они смотрят куда-то вдаль. Чувствуется, что предмет их внимания не здесь, не в этой комнате, а где-то там, далеко за пределами данного места и времени. Быть может, они, эти пытливые глаза, уже различают контуры завтрашнего дня? Быть может, перед умственным взором обладателя этих глаз сквозь дымку настоящего, через голову случайного собеседника, с которым он непринужденно перекидывается фразками, но которого, вероятно, почти не видит, встают картины грядущих столкновений двух миров на земле, кровавые бои двух смертельных врагов в расколовшемся надвое человечестве? Кто знает?»

Ленин знал — и в этом было его мужество. Он отстаивал идею вооруженного восстания, настойчиво высказывался за него. Да что там — высказывался! Боролся, доказывал необходимость всей силой своего авторитета, логикой убеждений, горячностью темперамента.

«Весь, целиком, без остатка жил Ленин этот последний месяц мыслью о восстании, только об этом и думал, заражал товарищей своим настроением, своей убежденностью»,— вспоминала Н. К. Крупская.

В чрезвычайных условиях с чрезвычайной силой сказалось все то, что считал Ленин достойным революционера.

* * *

Вечер 10 октября семнадцатого года. Петроград, набережная реки Карповки, дом 32. Три тщательно

зашторенных окна в квартире большевички Флаксерман. Обстановка комнаты — стулья с высокими спинками, продолговатый массивный стол, над ним — люстра, сохраняющая формы еще недавней керосиновой лампы, портреты русских писателей на стенах. Все это исчерпывает, пожалуй, наши представления о дореволюционном быте интеллигентной семьи скромного достатка. Здесь собираются члены ЦК партии. Приходит Владимир Ильич — после июльских событий он первый раз принимает участие в заседании Центрального Комитета. Одет рабочим — Константин Петрович! — смеется, радуется тому, что его не узнают.

И именно здесь, в этой комнате, было принято решение — суровое, окончательное, как приговор судьбы: пришла пора вооруженного восстания... Протокол вели карандашом: «Слово о текущем моменте получает т. Ленин». Написали было его фамилию и сразу же принялись вычеркивать: кто мог предвидеть, как обернутся последующие события, у кого окажутся эти документы? А Ленин в тот вечер говорил о технике вооруженного восстания.

Заметил: с начала сентября появилось какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем политически дело совершенно созрело для перехода власти. Поэтому давно уже следует — время и так значительно упущено — обратить внимание на непосредственную подготовку. Подойти к восстанию как к искусству, следовать завету величайшего мастера революционной тактики Дантона — «смелость, смелость и еще раз смелость». Не все были к этому готовы. И все-таки согласились с Владимиром Ильичем, приняли написанную им на листочке в клетку резолюцию: «Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы...»

Против двое — Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев. Большой новости в этом в общем-то не было. Еще весной, отстаивая Апрельские тезисы, Ленин выступал против позиции Каменева, готового идти на сотрудничество с Временным правительством. Никакой поддержки Временному правительству, доказывал Вла-

димир Ильич. И одновременно боролся с полярной точкой зрения в партии: немедленно взять власть насильственным путем. Указывал на очевидные возможности мирного перерастания революции буржуазной в революцию социалистическую, писал: «Мы не шарлатаны. Мы должны базироваться только на сознательности масс...» Однако с тех пор все определилось — со времени расстрела июльской демонстрации, когда было заявлено: «Всякие надежды иа мирное развитие русской революции исчезли окончательно».

Теперь, на заседании Цека, Каменев, Зиновьев выступили против вооружеиного восстания. Свои доводы изложили и письменно: «мы подымаем голос предостережения... мы не имеем права ставить теперь на карту вооруженного восстания все будущее... мы держим револьвер у виска буржуазии... мы можем и должны ограничиться *оборонительной позицией*».

Расходились под утро. Мысли Владимира Ильича были заняты контраргументами. Отказ от восстания есть отказ от передачи власти Советам. Заявляют: «У нас нет большинства в народе» — уж не хотят ли приобрести наперед гарантию от истории: пускай прежде партия большевиков получит по всей стране ровиехонько половину голосов плюс один?! Большинство народа стало переходить и перейдет иа сторону большевиков — вот где суть. Ожидать Учредительиого собрания, возлагать на него надежды, когда оно явно будет не с нами?! А если и с нами, то правительство никогда не созовет такое собрание. Ожидать?! Сдача Питера немцам тоже авось подождет? Крестьянские бунты, голод и недовольство масс тоже будут ждать? Ограничиться оборонительиой позицией?! Временное правительство преспокойно соберет кулак для разгрома революционных сил. Утверждают: пистолет у виска буржуазии... Кто-то, однако, метко спросил: револьвер без пули? А если с пулей — это и есть техническая подготовка к восстанию: пулю надо достать, револьвер зарядить, да и одной пули маловато будет...

До иачала Великой Октябрьской социалистической революции оставалось 13 суток.

Полемика с Каменевым и Зиновьевым, в то время людьми авторитетными в партии, ие могла поколебать решимость Владимира Ильича — она основывалась иа тщательном анализе обстаиовки. Да, события неслись

все стремительней, одно наваливалось на другое. Ходили в то время по рукам сатирические стихи о заботах Временного правительства:

Утром восстание в Луге,
В десять — стрельба на Неве,
В полдень — волненья на Юге,
В два забастовка в Москве.
Финны и Выборг в четыре,
В пять большевистский наскок
И отделенье Сибири.
В шесть выступает Восток,
В семь заявление Рады,
В девять — управы осада
И ультиматум каде.
В десять — конфликты, отставки
И полемический жар.
В полночь — известья из ставки,
Взрыв и заводов пожар...

Владимир Ильич тогда же писал: «Время, которое мы переживаем, настолько критическое, события летят с такой невероятной быстротой, что публицист, поставленный волей судеб несколько в стороне от главного русла истории, рискует постоянно опоздать или оказаться неосведомленным, особенно если его писания с запозданием появляются в свет». И в письмах, статьях той поры постоянно указывает числа, дни недели, а когда и время суток: ситуация менялась ежечасно. «Предыдущие строки писаны в пятницу, 1-го сентября...» «Я пишу эти строки в воскресенье, 8-го октября, вы прочтете их не раньше 10-го октября». «Мне удалось только в понедельник, 16 октября, утром увидеть товарища, который участвовал накануне в очень важном большевистском собрании в Питере...» «Предыдущие строки были уже написаны, когда я получил в 8 часов вечера, во вторник, утренние питерские газеты...» «Я не имел еще возможности получить питерские газеты от среды, 18 октября...» «...Я вынужден воспользоваться случаем, чтобы доставить это письмо членам партии к четвергу вечером или к пятнице утром...» И так же начал свой последний предоктябрьский документ: «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно».

И все-таки никаким подробностям, пожалуй, не

дано передать в наши дни подлинную остроту того предоктябрьского спора. Спор — это две противоположные позиции, две оценки, два решения: быть или не быть? А перед нами сегодня лишь один вариант — тот, который был принят историей: Октябрьская революция стала самой очевидной истиной XX века. И доводы тех, кто выступал против Ленина, трудно теперь воспринять как нечто очень серьезное, требующее подлинного противоборства: они давно и бесповоротно опровергнуты не на словах, а на деле. Но вспомним хотя бы из нашего житейского опыта: как тяжко бывает, когда тебя предостерегают, отговаривают, а ты настаиваешь, продолжаешь действовать. Берешь всю ответственность на себя, лишаясь даже права на ошибку: тебе же советовали. Тебя предупреждали. И разве не соглашаемся мы порой: кто останавливает — тот и мудрец. Подлинной мудростью между тем располагают отнюдь не те, кто зовет к бездействию...

Вечер 16 октября. Петроград, угол Лесной и Болотной улиц, районная дума. Служащие давно разошлись, остались лишь председатель М. И. Калинин да одна из помощниц. Она подогревает чай, разливает по стаканам — это на первом этаже. А наверху собралось человек тридцать — расширенное заседание ЦК партии. Ленин говорит более двух часов. «Если политически восстание неизбежно, то нужно относиться к восстанию, как к искусству».

Говорят собравшиеся. Свердлов: «...в Москве в связи с резолюцией ЦК предприняты шаги для выяснения положения о возможности восстания... нужно предпринять более энергичную работу». Шмидт: «Все признают, что вне борьбы за власть нет выхода из положения». Крыленко: «Вода достаточно вскипела...» Сталин: «День восстания должен быть целесообразен». Скрыпник: «Если у нас нет сил, то их позже больше не станет; если мы теперь не удержим власти, то потом будет еще хуже». Дзержинский: «Два месяца назад... нельзя было ставить вопроса о восстании. Теперь обстановка изменилась и иллюзии изжиты».

Согласно большинство. Но есть и колеблющиеся. Против, как и прежде, Каменев, Зиновьев. Зиновьев: «Если восстание ставится как перспектива, то возражать нельзя, но если это — приказ на завтра или после-

завтра, то это — авантюра». Каменев: «И назначение восстания есть авантюризм».

Ленин опять берет слово и еще — трижды — выступает в прениях. Принята резолюция, написанная Владимиром Ильичем: 19 — за нее, 2 — против, четверо воздержались. «Собрание... призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания...» Тогда же для руководства восстанием ЦК организует Военно-революционный центр — Бубнов, Дзержинский, Свердлов, Сталин, Урицкий.

До начала Великой Октябрьской социалистической революции оставалось семь суток.

Наступило утро, уже совсем бы рассвело, если бы не дождь. Ленин вышел на улицу, не став дожидаться, когда он утихнет. Возбужденный недавней дискуссией, продолжал говорить своему спутнику, в чем суть принципиальных расхождений с Каменевым и Зиновьевым. Или диктатура контрреволюции, или диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства — третьего не дано. Зовут бездействовать, выказывают свое благоразумие. А не есть ли это продолжение все того же нескончаемого спора: стоило ли декабристам выходить на Сенатскую площадь, нужно ли было в пятом году браться за оружие?.. Нет, боишься промокнуть — не ходи под дождем.

Порыв ветра сорвал шляпу вместе с париком, швырнул в лужу. Ленин нагнулся, поднял, надел шляпу, даже не стряхнув. Вернувшись на Сердобольскую, попросил Фофанову вымыть парик горячей водой с мылом: побывал в луже.

Маргарита Васильевна видела, как страдал в это время от бессонницы Владимир Ильич. Вспоминала, что «каждое утро спрашивала: «Как вы спали?» — «Да так!» А лампа всегда доказывала, как он спал: утром всегда надо было заново заправлять ее керосином. И вот с этих дней у Владимира Ильича появилась раздражительность и какая-то торопливость».

Отчего, однако, так волновался Ленин? С ним согласились, решение принято, идет подготовка к восстанию. В конце концов, из всего состава Центрального Комитета против выступили лишь двое... Но знал же их еще с начала 900-х годов. Еще недавно скрывался с Зиновьевым в Разливе. И вдруг такая пропасть не-

понимания. А спустя лишь два дня, да нет, уже на второй день после расширенного заседания Цека Каменев и Зиновьев расскажут о подготовке к восстанию, его сроках на страницах полуменьшевистской «Новой жизни» — газеты, которая, по словам Ленина, «идет *об руку с буржуазией против рабочей партии...*»

Такого развития событий Владимир Ильич не предполагал. «Изменником может стать лишь свой человек», вспомнит тогда французскую поговорку. Заявит: «Товарищами их обоих больше не считаю...»; напишет: «Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их».

Еще утром 18 октября он ничего не подозревал. Как всегда, до завтрака получил «Новую жизнь», но не раскрыл ее, был, очевидно, чем-то занят. И только вечером, как вспоминала Фофанова, когда пришла на Сердобольскую Надежда Константиновна, Ленин узнал о выступлении Зиновьева и Каменева.

И тогда же, буквально в те же минуты, негодующий Ленин решает, что «молчать перед фактом такого неслыханного *штрейкбрехерства* было бы преступлением». Владимир Ильич обращается с «Письмом к членам партии большевиков». Оно написано в тот же вечер. А на следующий день — «Письмо в Центральный Комитет РСДРП(б)». Его тогда же перепечатала Т. А. Словатинская — работник секретариата ЦК партии. Она вспоминала: «Разобрать рукопись было трудно. Видно было, что Ильич очень волновался, когда писал и клеймил штрейкбрехеров. Его обычно очень четкий, хоть мелкий, почерк было не узнать».

(Характерно, что и в эти минуты — Владимир Ильич потрясен предательством — он тем не менее продолжает соблюдать конспирацию. В «Письме к членам партии большевиков» пишет: «Когда мне передали по телефону полный текст выступления Каменева и Зиновьева в непартийной газете «Новая жизнь»...» Но мы знаем: Ленин прочел его в газете, да и не было телефона на квартире Фофановой. Однако никто не должен знать, где скрывается Владимир Ильич, и если пишет, что ему передали текст по телефону, а газеты он не имел, то, очевидно, находится где-то вне Петрограда.)

Ленин писал о Зиновьеве и Каменеве: нельзя представить себе поступок более изменнический, более штрейкбрехерский. «Несомненно, что *практический* вред нанесен очень большой». Однако гнев Ленина вызвали не только практические осложнения, к которым неминуемо вел этот поступок, но и сама его суть. Два члена партии, когда уже принято решение ЦК, продолжают бороться против этого решения, намеренно разглашают его. Этот поступок «в тысячу раз подлее и *в миллион раз вреднее* всех тех выступлений хотя бы Плеханова в непартийной печати...», за которые он резко был осужден. В самой оценке штрейкбрехерства Ленин возвращается к спорам, которые, казалось бы, давно отшумели,— ко II съезду партии. Возвращается к ним в канун революции, в канун победы, во имя которой и создавалась партия. Так на самом краю старого мира вновь напомнила о себе дискуссия о том, каким должен быть член партии...

Для Владимира Ильича, человека, всегда следующего однажды избранным принципам, был в поступках окружающих тот предел — не умозрительный, а вполне определенный, как и сами принципы,— тот порожек, переступив который член партии переставал быть большевиком, соратник — единомышленником, друг — близким человеком. И Ленин пишет: «Чем «*виднее*» штрейкбрехеры, тем обязательнее немедля карать их исключением». А следом формулирует то единственное решение, которое, как он настаивает, должно быть принято: «Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии».

В те трудные дни, а точнее, в последние часы перед решающим штурмом не все были готовы разделить суровость ленинских оценок. 20 октября на заседании ЦК партии, где обсуждалось письмо Владимира Ильича, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, например, предлагали лишь полностью отстранить виновных от политической деятельности. Против исключения высказался и И. В. Сталин, заявив, что «исключение из партии не рецепт».

Однако, настаивая на исключении из партии Зиновьева и Каменева, Владимир Ильич отнюдь не стре-

мился выработать рецепт для проведения с ними некоторого воспитательного мероприятия. Он требовал исключения этих людей из партии, думая о ее судьбах.

Пройдет пять лет — в жизни Ленина это большой срок,— и в декабре 1922 года, диктуя «Письмо к съезду», Владимир Ильич скажет: «Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью...» А дальше, продолжая мысль, заметит: этот эпизод «мало может быть ставим им в вину лично...» Это заключение на первый взгляд может показаться неожиданным. Если нельзя вменить в личную вину поступок, то за что же и осуждать тех, кто его совершил? Не означает ли эта строчка, что время смягчило суровость былых оценок Владимира Ильича: минуло пять лет, и виновники «октябрьского эпизода», оставшись в партии, занимали все это время весьма видные посты? Но Ленин мог руководствоваться и совсем иным: подчеркивал более глубокое, чем личная оплошность (отсюда и «личная вина»), существо их поступка.

Постараемся разобраться.

В «Письме в Центральный Комитет РСДРП(б)» Ленин упоминает Плеханова — одного из первых людей на жизненном пути Владимира Ильича, кого он глубоко уважал и в ком вдруг увидел отрицательные черты и тяжело переживал это открытие. В 1900 году, после первых же встреч с Георгием Валентиновичем, Ленин напишет: «Просто как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека] — неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нем теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами и с чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, объявлять ему почти что о «разрыве отношений»? Неужели это не дурной сон, а действительность?.. До такой степени тяжело было, что ей-богу временами мне казалось, что я расплачусь...»

Владимир Ильич не мог принять чуждые ему качества — пусть и выдающейся личности, пусть и выдающегося революционера, о котором скажет со временем, что он «самый знающий по философии марксизма социалист...» Нет, никакие заслуги не могли заставить

Ленина принять то, что считал немыслимым во взаимоотношениях людей, занятых общим делом.

Речь шла тогда об издании газеты «Искра», и черты характера Плеханова приобретали для него принципиальное значение: прежде «уверяли себя всеми силами, что этих недостатков нет, что это — мелочи... И вот, нам самим пришлось наглядно убедиться, что эти «мелочные» недостатки способны отталкивать самых преданных друзей...»

Ленина всегда занимали особенности характеров тех, кто его окружал. В «Письме к съезду», обращаясь именно к личным качествам некоторых членов ЦК партии, Владимир Ильич предупреждал, что они отнюдь не являются мелочью — в определенных условиях могут приобрести решающее значение. А о Зиновьеве и Каменеве в том же документе напоминал, что их поступок в октябре не был случайностью, однако «он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому». И последними словами, сравнением с «небольшевизмом Троцкого» поставил точку, потому что Троцкий никогда не был большевиком именно в основах своего мировоззрения, в глубине своего сознания.

Можно говорить о личной вине человека, когда он ошибается, делает что-то не подумав, опрометчиво, случается, и вопреки своим убеждениям. Здесь этого не было — поступок Каменева и Зиновьева совершен сознательно, согласно натуре этих людей, точно выражая суть их сознания. Это и определило «октябрьский эпизод».

В том нескончаемом споре — стоило ли декабристам выходить на Сенатскую площадь, нужно ли было в пятом году браться за оружие — нет смысла сосредоточиваться на личных качествах тех, кто находится на противоположных полюсах. Надо говорить о большем — о мировоззрении в целом. Придет срок, Плеханов станет противником большевизма, заявит после декабрьского вооруженного восстания в Москве: «Не надо было браться за оружие»; и Ленина перестанут занимать индивидуальные особенности его характера.

Между прочим, взгляд Владимира Ильича на истоки поступка Каменева и Зиновьева приводит к мысли, что большевизм, в представлении его создателя, роднил людей не только взглядами, убеждениями, но и харак-

тером, темпераментом. Знаменательны наблюдения, которыми делился, например, Н. А. Семашко: «Некоторые меньшевики говорили как-то мне, что меньшевики и большевики различаются, между прочим, по темпераменту. По-моему, это — глубокое психологическое наблюдение. Рефлексия (в худшем случае, трусость) лежит в основе меньшевика как психологического типа. Боевой темперамент — основа психологии большевика. Я не могу себе представить большевика с меньшевистским темпераментом». И как не вспомнить здесь слова Горького о том, что он любовался азартом Владимира Ильича, тем азартом юности, каким он насыщал все, что делал.

...Мы судим об окружающих, исходя обычно из собственных представлений о возможном, недопустимом. И нужно быть человеком глубоко искренним в отношениях, считать это элементарной нормой поведения, чтобы, обнаружив в Плеханове противоположную черту, признать с глубокой болью, «что это человек нехороший, именно нехороший... что он — человек неискренний».

О поступке Каменева и Зиновьева говорит, что он совершен согласно их убеждениям — пусть абсолютно неприемлемым для Владимира Ильича, но убеждениям. Политика — она была профессиональным занятием Ленина — нерасторжима для него с убеждениями, не может быть пасьянсом, когда неважно, из какой колоды берешь карту, оказалась бы нужная под рукой.

«...Должность честных вождей народа — нечеловечески трудна» — эти строки Горького обращены к Владимиру Ильичу. Смысл их неоглядно широк. Думаю, не противоречит ему и мысль о том, что должность честных вождей народа не терпит разрыва между политикой и нравственностью.

Добиться этого действительно нечеловечески трудно — требуется огромное мужество. Помните, как писал Лепешинский о Ленине: ему свойственно «то особое мужество, которое присуще бывает лишь великим титанам духа и воли».

* * *

Осталась позади улица Воинова — вот и Смольный. Торжественная колоннада въезда. Фигура Ленина у парадных дверей.

«Когда мы дошли до Смольного,— писал Рахья,—

нас в него не впустили. Оказалось, что меньшевики переменили мандаты делегатов Петроградского Совета. Вместо белого цвета они сделали билеты красными и выдали их в первую очередь своим сторонникам, большевиков же оставили с белыми билетами. Я, признаться, в этот момент испугался за Владимира Ильича больше, чем когда-либо, но сам Ильич сохранял удивительное спокойствие... Его уверенность передалась и мне. Смешавшись с толпой «белобилетников», споривших с караулом, я поднял невероятную бузу. В один момент толпа была взбудоражена и стала напирать на охрану. Та не выдержала напора, подалась в сторону, и толпа хлынула внутрь. Мы поперли вслед за ней. Я — впереди... а за мной шел Владимир Ильич, смеясь и приговаривая: «Где наша не берет».

Шагая в ранних осенних сумерках к Смольному, мне хотелось представить себе, о чем думал в тот вечер Владимир Ильич, совершая этот путь... Идет по городу человек, скрывается в тени домов, старается остаться незамеченным, торопится побыстрее миновать мост. Вместе с толпой прорывается в Смольный: «Где наша не берет...» А пройдут сутки — какие-то считанные часы! — и он возглавит правительство первого в мире социалистического государства. Имя его вихрем понесут радиоволны, телеграфные провода, оно навсегда утвердится в газетах. Путь от Сердобольской к Смольному — это целая повесть, которая вмещает в себя самые обширные раздумья о путях истории и роли личности в ней.

О чем же думал в тот вечер Ленин? О последующих действиях, о II съезде Советов, который откроется назавтра — в среду, о декретах нового правительства, его первых шагах, приняв, как говорят, за основу, что вооруженное восстание победило? Нет, не похоже.

Едва ли успели просохнуть чернила на его последнем предоктябрьском письме: «История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все». И, заговорив с кондуктором, вопреки напоминаниям своего спутника, Владимир Ильич не стал, скажем, рассуждать о том, как изменится жизнь трудящихся после революции, с ее победой. В тот вечер эта тема могла

привлечь скорее проповедника, а не революционера. «Ильич начал рассказывать ей, как надо делать революцию...» Леиин говорил о том, чем неотступно были заняты его мысли: «Промедление в восстании смерти подобио».

Он не ждал гарантий от истории и не рассчитывал на них. И в тот октябрьский вечер — в тот вечер накануне — из всех сложнейших проблем противоборства двух миров мысль концентрировалась на первоначальном, с чего и должно все начаться: осилим или не сможем, сумеем взять власть или нет? «...Для меня всегда была важна практическая цель»,— говорил о себе Владимир Ильич уже в самом конце жизни.

На рубеже, да нет — рубиконе истории, мирового революциоииого процесса, накоиец, личной судьбы Владимира Ильича его воля, все существо были устремлены к единственной задаче: «...решать дело сегодня иепременно вечером или иочью». И, появившись в Смольиом, возглавив руководство восстанием, он будет поглощен только этим. Занять и удержать ценой каких угодно потерь мосты, железнодорожные станции, телефон, телеграф. Наступать на Питер изнутри — из рабочих кварталов — и иаступать из Кронштадта, Гельсингфорса.

Создаи, как и требовал Ленин, решающий перевес сил в решающем месте. 40 тысяч бойцов Красной гвардии, 150 тысяч революционных солдат, с ними 80 тысяч матросов-балтийцев вот они, силы восстаиия. Прекрасио! Немедлеиио иаправить для захвата важнейших пунктов, правительственных учреждений рабочие отряды, матросов, молодежь — самые решительные элементы. Наступать!

«Мы все время иаходимся в Смольном, в одной из небольших комнат первого этажа,— вспоминал активный участник октябрьского восстания Г. И. Ломов-Оппоков.— На всех не хватает стульев, поэтому часть членов ЦК расположилась полулежа на полу. Настроение какое-то выжидательное, словно еще должно что-то произойти, после чего и иачнется настоящее восстание. В наших руках уже много правительственных учреждений, вокзалов. Настроение такое, что, пожалуй, надо немного «погодить», как бы «не зарваться».

Но вот появился В. И. Ленин. Он по-прежнему в парике. Его трудно узнать. Сразу, в течение несколь-

ких минут, обстановка меняется. Владимир Ильич кипит. Он высмеивает нашу нерешительность. Сейчас же надо дать все необходимые директивы, брать все здания, все правительственные учреждения, пользуясь нерешительностью правительства Керенского.

С этого момента колебаний как не бывало. ЦК партии — внизу, Военно-революционный комитет во главе с Антоновым-Овсеенко — наверху звонят во все районы, требуют энергичного наступления».

В ту ночь главнокомандующий Петроградским военным округом полковник Полковников телеграфирует: «Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказания не выполняются».

1 час 25 минут — моряки, солдаты Кексгольмского полка, красногвардейцы занимают почтамт. И тогда же следует распоряжение Военно-революционного комитета всем районным Советам Петрограда: «Послать своих комиссаров во все почтово-телеграфные отделения, находящиеся в районе».

2 часа ночи — войсками Военно-революционного комитета занят Николаевский вокзал. Начальник охраны Балтийской железной дороги извещает штаб Петроградского военного округа:

«Доношу, что на Балтийский вокзал прибыла рота Измайловского полка от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов... Прошу вашего распоряжения. Своими силами Балтийский вокзал не удержать. Нахожусь на Варшавском вокзале, где все благополучно. Поручик Синеоков».

Спустя несколько часов занят и Варшавский вокзал.

«24 октября часов в 12 или же позднее, так как в бурные дни Октябрьского переворота время в счет не шло, многие из нас не спали в течение нескольких суток,— писал участник восстания В. П. Милютин.— Центральный Комитет партии большевиков заседал в комнате № 36 в первом этаже Смольного. Посреди комнаты — стол, вокруг — несколько стульев, на полу сброшено чье-то пальто... В углу прямо на полу лежит товарищ Берзин... Ему нездоровится. В комнате исключительно члены ЦК... Время от времени стук в дверь: поступают сообщения о ходе событий; вопрос еще не

решен — на нашей стороне победа или нет; но соотношение сил вполне определилось — перевес на нашей стороне. Но как сложатся события? Что может произойти, какие ждут отдельные случайности, этого никто не знает. Настроение у всех какое-то «обычное», делаем дело, как нужно делать. Дело интересное и нужное».

2 часа 20 минут — из штаба Петроградского военного округа министр-председатель Керенский телеграфирует главнокомандующему Северным фронтом генералу Черемисову: «Приказываю с получением сего все полки пятой Кавказской казачьей дивизии со своей артиллерией... направить по железной дороге [в] Петроград, Николаевский вокзал, [в] распоряжение главного начальника Петроградского округа полковника Полковникова. О времени выступления частей донести мне шифрованной телеграммой. В случае невозможности перевозки по железной дороге части направить поэшелонно походным порядком».

И тогда же отбивается телеграмма всем революционным организациям Северного фронта: «Не допускать отправки с фронта ненадежных войсковых частей на Петроград, действовать словом и убеждением, а где не помогает, приостановить, препятствовать беспощадным применением силы».

Крупская вспоминала:

«В дни Октября я не узнавала Ильича. Ведь он долго ждал этих дней... В те суровые, но в то же время кипучие, счастливые дни он как-то сильно изменился. Лицо его было радостным, озаренным, очень воодушевленным». И вновь сказывались тот темперамент Владимира Ильича, та взрывная сила, которые могли увлечь своей волной и одного собеседника, и тысячи людей. Когда-то меньшевик Дан раздраженно сказал о Ленине: это человек, который все 24 часа в сутки занят революцией, у которого нет других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Теперь все, кто был с Лениным в Смольном, с такой же энергией и напряжением, сутки напролет совершали революцию. Так было в ночь со вторника на среду, так было и в последующие дни.

6 часов утра — сорок матросов Гвардейского флотского экипажа входят в Государственный банк. «Военно-революционный комитет при Петроградском Со-

вете р. и с. д. предписывает вам занять к 6 часам утра главную контору Государственного банка на Екатерининском канале. Председатель Н. Подвойский. Секретарь Антонов».

Около 7 часов — революционные солдаты занимают Центральную телефонную станцию. И в тот же час выполняется приказ Военно-революционного комитета — восстановить движение по Николаевскому мосту. «С корабля на берег был высажен десант матросов,— писал комиссар крейсера «Аврора» А. В. Белышев.— Юнкеры, охранявшие мост, разбежались. Авроровцы свели разведенный пролет моста. Васильевский остров был соединен с центром города. Путь открыт».

Занимают Дворцовый мост — теперь и до Зимнего дворца рукой подать.

«Революция не могла бы произойти... с такой обманчивой обыденностью,— писал свидетель и участник Октября американский журналист Альберт Рис Вильямс,— если бы ей не предшествовала колоссальная подготовительная работа... В самом центре ее был Ленин... Ленин и в самом прямом, буквальном смысле был в центре событий: «рабочий К. П. Иванов», скромно появившийся накануне в Смольном, держал в своих руках все нити восстания».

Среда, 10 часов утра,— А. Ф. Керенский еще в Петрограде. Точнее, именно в этот час покидает восставший город, уезжает под американским флагом, на машине американского посольства. Он не знает еще, что именно в этой стране пройдут последующие годы его поразительно затянувшейся жизни. Министр-председатель все еще верен самому себе, его по-прежнему занимают знаки внимания, оказываемые публикой. И когда трогаются с Дворцовой площади два автомобиля — в первом Александр Федорович,— он следит за тем, как отдают честь военные и приветствуют штатские главу Временного правительства. Правительство между тем уже низложено.

Именно в этот час — «25-го октября 1917 г., 10 ч. утра» — Ленин пишет обращение «К гражданам России!»: «Временное правительство низложено... Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством,

создание Советского правительства, это дело обеспечено». Словно обгоняя одна другую, несутся строки. Сорвалось было с пера: «К всему населению». Зачеркнуто — «К гражданам России». Из трех абзацев средний вычеркнут, еще раз перечеркнут. Три слова добавлены в первый абзац, и они соединены с ним вздыбившейся через весь лист стрелой. Ленин взволнован, Ленин торопится.

Казалось бы, пришло время праздновать победу. Но Владимир Ильич, как и прежде, торопит. Правительство свергнуто, а министры пока не арестованы — продолжают заседать в Зимнем. Войска гарнизона на стороне восставших, а во дворце все еще держат оборону юнкера. К открытию II съезда — вся власть в руках Советов, но остается последний оплот Временного правительства — Зимний дворец.

В среду, 24 октября, министр-заместитель Коновалов передает в ставку: «Петроградский Совет рабочих депутатов объявил правительство низложенным, потребовал передачу власти угрозой бомбардировки Зимнего дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера «Аврора». Правительство может передать власть лишь Учредительному собранию, решило не сдаваться и предать себя защите народа и армии. Ускорьте присылку войск...» Ускорьте присылку войск... Ускорьте присылку войск... Ускорьте...

Ленин настаивает, категорически требует: как можно быстрее овладеть Зимним. А штурм задерживается.

«Начиная с 11 утра и до 11 вечера Владимир Ильич буквально засыпал нас всех записками,— вспоминал Н. И. Подвойский.— Он писал, что мы разрушаем всякие планы; съезд открывается, а у нас еще не взят Зимний и не арестовано Временное правительство. Он грозил всех нас расстрелять за промедление».

Восставшие готовятся к штурму. «Быстро несет меня катер мимо нахохлившегося Зимнего дворца... к «Авроре»,— вспоминал В. А. Антонов-Овсеенко.— На крейсере «все в порядке»... Условливаюсь, что по сигнальному выстрелу Петропавловки «Аврора» даст пару холостых выстрелов из шестидюймовки. Миноносцы из Гельсингфорса прибыли и с рассветом вошли в Неву... Передаю миноносцам, чтоб проникли за Николаевский мост и развернулись для обстрела (по сиг-

налу) Зимнего. Опять в крепость... Еще заверения со стороны коменданта, что все в порядке, и вновь на катере встречать кронштадтцев... 4 часа! Наконец-то! «Кронштадтцы едут». Несколько тысяч молодых стройных парней с винтовками в надежных руках заполняют палубу транспорта. Говорю им краткое приветствие именем Советской власти, указываю цель. Вот Зимний — последнее прибежище керенщины. Его надо взять!»

А штурм задерживается.

«Да, затяжка была большая,— напишет со временем Подвойский.— Сначала было предложено взять Зимний к утру... Сроки взятия Зимнего переносились последовательно на 12 час., на 3 ч. дня, на 6 часов...»

6 часов вечера — членам Временного правительства послан ультиматум: очистить Зимний дворец, сложить оружие, а самим сдаться на милость Военно-революционного комитета.

Из дневниковых записей членов Временного правительства:

«6 часов 30 минут. Пошли обедать наверх в столовую Керенского (суп, рыба, артишоки).

7 часов 10 минут собрались в кабинете Коновалова. Сообщено, что сейчас двумя делегатами от Революционного комитета доставлен ультиматум. Требуется наша сдача — дано 20 минут на размышление, после чего будет открыт огонь по Зимнему с «Авроры» и Петропавловской крепости».

«Ответа на ультиматум не было,— писал Подвойский.— Войска нервничали... Сжатым кольцом судьба дворца уже была решена бесповоротно. Но внутри Зимнего все еще на что-то надеялись, верили в несуществующую силу. В 8 часов во дворец была послана делегация во главе с товарищем Чудновским с последним предложением сдаться».

А штурм задерживается.

«В тревожном ожидании застыли на крейсере грозные шестидюймовые орудия,— писал комиссар «Авроры» А. В. Белышев.— А со стороны Зимнего, осажденного отрядами вооруженного народа, доносилась пулеметная и ружейная стрельба... Связной Военно-революционного комитета передал распоряжение: в 21 час Временное правительство должно сдаться. В случае его отказа с Петропавловской крепости последует

условный сигнал. Это будет означать, что «Аврора» должна произвести холостой выстрел, возвещающий начало штурма...»

«Записки Ленина, которые он посылал то мне, то Антонову-Овсеенко, то Чудновскому,— свидетельствовал Подвойский,— становились все более жесткими... Мне рассказывали потом, что Владимир Ильич, ожидая с минуты на минуту взятия Зимнего, не вышел на открытие съезда. Он метался, как лев, по маленькой комнате Смольного».

А штурм задерживается.

«Из Смольного мне несколько раз звонили, указывали на необходимость немедленно начинать...— писал комиссар Петропавловской крепости Г. И. Благонравов.— Непредвиденное и мелкое обстоятельство нарушило наш план: не оказалось фонаря для сигнала. После долгих поисков таковой нашли, но водрузить его на мачту так, чтобы он хорошо был виден, представляло большие трудности».

«Напряжение все усиливалось...— писал об этих же минутах Белышев.— А Петропавловская крепость не давала о себе знать. Уже тридцать пять минут десятого, а сигнала все нет.

— Огонь! огонь! — раздались голоса.

Во мгле за мостом показался багровый огонь. 9 часов 45 минут. Я отдал команду:

— Носовое, огонь! Пли!»

А штурм задерживается.

И после выстрела «Авроры» еще медлят, еще ждут. Так отчего же? Попробуйте хоть однажды пересечь Дворцовую площадь, скажем, от арки Главного штаба к подъездам Зимнего. Немалый путь. А если его надо сделать под пулеметными очередями? Пулеметы установлены в окнах дворца, и мальчишки-юнкера поливают площадь огнем. Случалось, осаждающие подбегали уже к дверям дворца, к воротам ограды и вновь откатывались.

Пальба в ту ночь шла отчаянная. А те, кто рвался к дворцу, хотели и сохранить его. Они так и не открыли по Зимнему прицельный орудийный огонь — он бы сразу подавил сопротивление. Вот запись, сделанная на следующий день после штурма послом Великобритании в России Джорджем Бьюкененом: «Сегодня после полудня я вышел, чтобы посмотреть, какие по-

вреждения нанесены Зимнему дворцу продолжительной бомбардировкой в течение вчерашнего вечера, и, к своему удивлению, нашел, что, несмотря на близкое расстояние, на дворцовом здании было со стороны реки только три знака от попадания шрапнели. На стороне, обращенной к городу, стены были изборождены ударами тысяч пулеметных пуль, но ни один снаряд из орудий, помещенных в дворцовом сквере, не попал в здание».

И все-таки можно предположить, что не одна угроза оказаться под пулеметным огнем, не только соображения тактического характера сдерживали так долго нападавших. Подвойский писал, что затянулась организация сил. Да, но наступил час, когда в Зимнем оставалось менее 2 тысяч человек, а подле него — 12—18 тысяч. А штурм задерживался. Верили, все еще надеялись, что удастся избежать кровопролития: русские же против русских, как же стрелять друг в друга, как же не договориться между собой. И посылали парламентеров, и передавали ультиматумы... Тогда и в стане противника еще далеко не все были готовы к мысли о гражданской войне.

Руководителя кронштадтских моряков И. П. Флеровского выстрел «Авроры» застал в кают-компании миноносца «Амур» вместе с офицерами, которые по требованию революционных матросов привели суда в Петроград. «На кают-компанию выстрел «Авроры» произвел ошеломляющее впечатление. Несмотря на долгую привычку к выстрелам, все вздрогнули и бросились к окнам. У командира странно запрыгали губы, как перед плачем или истерикой.

— Не волнуйтесь, господа, это холостой...

Но кают-компания долго не успокаивалась. Разговор затих. Только командир в большой тревоге и оторопелом смущении промолвил: «Выстрел по столице... с русского корабля», и глаза его заблестели подозрительной влагой. Это было в начале гражданской войны, потом господа офицеры привыкли к русским выстрелам по русским городам, делали их с остервенелым наслаждением. Но тогда... тогда это было больно и непонятно».

Еще не пришло, не наступило ожесточение гражданской войны.

Да, Ленин понимал, что штурм неминуем — мирными уговорами во дворец не войти. И он торопил — пока Зимний окружен, пока не подоспело подкрепление; требовал до конца выполнить задачу вооруженного восстания, избежав лишнего кровопролития и разрушения самого дворца. Понимали серьезность момента и те, кто был с Лениным. Оттого и создали три штаба — Смольный, «Аврора», Петропавловская крепость,— случись, враг захватит один из них, действуют остальные. И комиссар Белышев, лишь дав команду о холостом выстреле, сразу же распорядился зарядить орудие «Авроры» боевым снарядом: никто не мог поручиться, какими станут последующие события. Однако то, что стало очевидным для руководителей восстания, еще не было до конца понято всеми его участниками. И нельзя — об этом предупреждал Владимир Ильич — принимать изжитое для себя за изжитое для масс.

«Изучая самым внимательным образом опыт Парижской коммуны, этого первого пролетарского государства в мире,— писала Крупская,— Ильич отмечал, как пагубно отразилась на судьбе Парижской коммуны та мягкость, с которой рабочие массы и рабочее правительство относились к заведомым врагам. И потому, говоря о борьбе с врагом, Ильич всегда, что называется, «закручивал», боясь излишней мягкости масс и своей собственной». Но не арестовали все-таки юнкеров, оборонявших Зимний: просили они отпустить по казармам — спать очень хочется, а следом те же юнкера начали мятеж. Поверили на честное слово, освободили из-под ареста генерала Краснова — он возглавил затем контрреволюцию. Владимир Ильич и это имел в виду, когда говорил: «Мы наглупили достаточно в период Смольного и около Смольного. В этом нет ничего позорного. Откуда было взять ума, когда мы в первый раз брались за новое дело!»

Предстояло пройти самую массовую школу защиты революции, расквитаться за эту учебу кровавыми уроками, чтобы освободиться от иллюзий.

...И только за полночь пойдут на штурм дворца, распахнут створчатые двери подъезда ее императорского величества, рванутся вверх по лестнице.

Из дневниковых записей членов Временного правительства: «И вдруг возник шум где-то и сразу стал

расти, шириться и приближаться. И в его разнообразных, но слитных в одну волну звуках сразу зазвучало что-то особенное, не похожее на те прежние шумы,— что-то окончательное. Стало вдруг сразу ясно, что это идет конец... Кто лежал или сидел — вскочили и все схватились за пальто».

«Вдвоем с Чудновским,— писал Антонов-Овсеенко,— мы поднялись в палаты дворца. Повсюду разбросаны остатки баррикад, матрацы, обоймы, оружие, огрызки. Разношерстная толпа хлынула за нами. Расплываясь по всем этажам, юнкера сдавались. Но вот в обширном зале у ворот какой-то комнаты — их недвижимый ряд с ружьями на изготовку. Осаждавшие замялись. Мы с Чудновским подошли к этой горстке юнцов, последней гвардии Временного правительства. Они как бы окаменели, и стоило трудов вырвать винтовки из их рук. «Здесь Временное правительство?» — «Здесь, здесь,— заюлил какой-то юнкер. — Я ваш»,— шепнул он мне. Вот оно — правительство временщиков, пытавшееся удержать неудержимое, спасти осужденное самой жизнью последнее буржуазное правительство на Руси. Все тридцать (только Керенский еще утром сбежал за «помощью») застыли они за столом, сливаясь в одно трепетное, бледное пятно. Арестовываем».

Телефонограмма Петергофскому районному Совету: «2 часа 4 мин. был взят Зимний дворец. 6 человек убито — павловцев...»

В этот час Подвойский торопится в Смольный, дорогой подбирает приличествующие случаю слова, чтобы рассказать Владимиру Ильичу, как был взят Зимний. «Я предвкушал, с каким восторгом будет слушать меня Ленин. Но когда я почти вбежал в комнату, где находился Владимир Ильич, то застал его чрезвычайно сосредоточенным».

Книга на коленях, поверх лист бумаги, в руках перо. Ленин занят первыми декретами Советской власти. Молча слушает доклад Подвойского и вновь занимается своим делом. Зимний взят — с этим покончено. Временное правительство больше не существует — к нему потерян интерес, хотя еще несколько часов назад требовал скорейшего ареста, доказывал, что нет ничего важнее этого...

Приказ коменданту Петропавловской крепости: «Согласно решению Военно-революционного комитета,

приказываем немедленно распорядиться освобождением под честное слово всех бывших министров-социалистов, сидящих в Петропавловской крепости». Подписи — председатель, секретарь. И дата — 27 октября 1917 года. Уже на следующий день после ареста министры были выпущены на свободу, а вместе с этим открылась перед ними и свобода выбора. Потеряв портфели министров Временного правительства, Бернадцкий и Карташов окажутся в контрреволюционных правительствах Деникина, Врангеля, Юденича... Еще один пример излишней доверчивости в самом начале революции? Нет. Министр юстиции Малянтович станет членом Московской коллегии адвокатов. Будет работать в советских учреждениях бывший министр труда Гвоздев. Продолжит занятие аграрным вопросом и опубликует свои работы бывший министр земледелия Маслов. Бывший военный министр Верховский получит со временем звание профессора, будет преподавать в Военной академии Красной Армии и Академии Генерального штаба, получит назначение начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. Станет доктором наук, заведующим кафедрой в Ленинградском институте инженеров транспорта бывший министр путей сообщения Ливеровский, он же примет участие в проектировании Московского метрополитена и будет среди тех, кто налаживал движение через Ладогу по «дороге жизни»...

Все это, однако, произойдет позже, много позже, а в ночь штурма Зимнего, как вспоминает Антонов-Овсеенко, он построил перепуганных министров, повел под конвоем в Петропавловскую крепость, делая все возможное, чтобы уберечь их от разъяренной толпы.

Но это уже были подробности минувшего. Они не могли отвлечь Ленина от дел, ставших для него первоочередными. «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства». Так все достигнутое, завоеванное, решенное немедля, без антракта, отодвигалось для него на второй план, освобождая место новому действу. Так произошло и в ту ночь, когда был положен конец одной эпохи в истории человечества и начата другая.

В исключительных условиях в полной мере сказалось то, что было нормой жизни революционера Владимира Ульянова, ее правилом, которое может слу-

жить примером для каждого коммуниста. Не подчинять свою жизнь томительному ожиданию звездного часа, оправдываясь, будто во имя него и сохраняешь огонь души. Именно сегодня, сейчас действовать в полную меру сил, превращая в звездный час каждое мгновение бытия. Если хватит, конечно, для этого воли, решимости, мужества.

* * *

Листаю воспоминания тех времен и испытываю, бывает,— как бы передать поточнее,— скорей всего, чувство неловкости, хотя и не знаю, перед кем и за кого. Как это вдруг — Ленин и не имеет возможности беспрепятственно пройти в Смольный!.. На пожелтевших страницах былых журналов встречаются такие, я бы сказал, смущающие подробности. И остаются в памяти, просто так из головы не выкинешь: не оттого ли, что с вызывающей преднамеренностью вступают в пререкание с тем, что стало давно привычным. А быть может, все эти подробности просто излишества — не архитектурные в данном случае, а исторические — на классически законченном фасаде минувшего? Но они же тем не менее существуют, напоминают о себе.

...Временное правительство опечатало типографию большевистских газет. Большевик П. В. Дашкевич получил приказ: открыть типографию. Взял с собой красногвардейцев и отправился на Кавалергардскую. А прибыв туда, обнаружил, что опечатанные двери охраняет... один солдат. Дашкевич скомандовал ему — сдать караул! И сдернул с дверей шнурки с печатью. «Заходите, товарищи наборщики...»

...В ночь со вторника на среду рабочие-латыши разоружили на Забайкальском проспекте нескольких юнкеров, встретили залпом спешившее к ним подкрепление. Как поступать дальше? Надо бы съездить в Смольный. А ну-ка, извозчик, довези... Воспоминания были написаны полвека спустя, но и тогда их автор помнил, сколько запросил в ту ночь извозчик — сорок рублей «керенками»...

...Матрос П. Д. Мальков — вскоре он станет комендантом Смольного, а потом и Кремля — отправляется с отрядом к телефонной станции: приказано отбить ее у юнкеров. Машины нет. Останавливают трамвай. Мальков взбирается на переднюю площадку, встает

рядом с вагоновожатым: «Гони, да поживее». А тот и слышать не хочет: «Не поеду, не на тот номер сели, у меня маршрут другой...»

...На «Авроре» ждут не дождутся сигнала с Петропавловки. «Непредвиденное и мелкое обстоятельство нарушило наш план: не оказалось фонаря для сигнала»,— так писал, как вы помните, комиссар крепости Благонравов. В конце концов обнаружили обычный фонарь, обвязали его красным платком. Теперь бы поднять фонарь на флагшток, но для этого нужна веревка, а ее тоже нет. Искали веревку долго, как рассказывал канонир Петропавловки В. Н. Смолин, задерживая тем самым выстрел «Авроры»... А потом уже историки установили, что от Николаевского моста, где и стояла «Аврора», фонарь этот, хоть и поднятый на флагшток, просто не виден. На крейсере услышали выстрел крепостной пушки, увидели багровую вспышку, тогда и скомандовали:

«Огонь!»

«...Набережные Невы усыпаны глазеющей публикой,— рассказывал Флеровский о времени штурма Зимнего. — Очевидно, в голове питерского обывателя смысл событий не вмещался, опасность не представлялась, а зрелищная сторона была привлекательна. Зато эффект вышел поразительный, когда после сигнального выстрела крепости громыхнула «Аврора». Грохот и сноп пламени при холостом выстреле — куда значительнее, чем при боевом,— любопытные шарахнулись от гранитного парапета набережной, попадали, поползли. Наши матросы изрядно хохотали над комической картиной...»

...Рабочий, член Военно-революционного комитета К. С. Еремеев, взбежав по дворцовой лестнице Зимнего, старается вместе с Чудновским открыть двери. А они не поддаются — крепко заперты.

— Топор надо!.. Кто бы принес топор? — раздаются голоса.

— Еремеев, нельзя ли топор или лом какой-нибудь? — просит Чудновский. — Поскорей, голубчик!

Еремеев проталкивается сквозь толпу на улицу. Где бы взять топор, лом, какое-нибудь бревно, наконец? Кто-то побежал за топором в соседние казармы— к преображенцам, «но входы там были закрыты, а ча-

совые сказали, что солдаты уже спят, и искать некому»,— вспоминает Еремеев...

Все это несколько непривычно. Правда, тот же Рис Вильямс, словно обращаясь к нам, потомкам, предупреждал: «Если вам когда-нибудь доведется стать свидетелем или участником революции, вы поймете, как трудно сразу согласовать с действительностью свои романтические представления о ней». А все равно не перестаешь удивляться этим смущающим подробностям. Они как бы входят в противоречие с героическим началом Октября, словно бы снижают его величие. Почему бы и не ограничиться тем кругом сведений, тем запасом подробностей, которые без труда — так же естественно, как учились двигаться, говорить и читать,— утверждались с самого детства в сознании каждого из нас. И представления о революции давно уже сложились в единый сплав: почерпнутого в учебнике или в кино, прочитанного в мемуарах участников Октября или в романах, написанных по этим воспоминаниям.

И вот уже отчетливо, словно сам был свидетелем, представляешь себе во главе штурмующих Зимний рабочего-большевика Матвеева. Но его же не существовало на самом деле, он лишь одно из действующих лиц художественного фильма «Ленин в Октябре». И роль эту исполнял В. В. Ванин. Помнится, в самые напряженные минуты вынимал расческу и начинал аккуратно приглаживать в общем-то не слишком длинные волосы. И, ворвавшись во дворец, объявив членам Временного правительства об их аресте, вновь взялся за гребешок. Запоминающийся штрих — свой или у кого-то заимствованный?

У Антонова-Овсеенко. Это он носил поэтически длинную шевелюру и, волнуясь, начинал приводить ее в порядок. Так было и в Белой столовой Зимнего дворца, когда написал протокол об аресте министров и хотел было прочесть его вслух. В дневниковых записях членов Временного правительства находим: «Но Антонов, вместо оглашения протокола, снимает шляпу, кладет на стол, вынимает из бокового кармана длинный узкий гребешок, зажимает его между большим и указательным пальцем в правой руке и, не спеша, принимается за туалет. Он сначала начесывает волосы на лицо, которое под длинными волнами исчезает, потом

проводит гребешком с помощью левой руки пробор справа и причесывается по пробору справа налево, аккуратно закладывая волосы за уши...»

Пусть было так. Нам же тем не менее навсегда запомнился рабочий Матвеев. Еще с тех времен, когда книг Антонова-Овсеенко не было на библиотечных полках, а в переизданиях поэмы «Хорошо!» исчезли строки:

И один
из ворвавшихся,
пенснишки тронув,
объявил,
как об чем-то простом
и несложном.
«Я, председатель реввоенкомитета
Антонов,
Временное правительство
объявляю низложенным»

...А возможно, и нет ничего худого в том, что существует стереотип наших, достаточно общих представлений о прошлом? И не надо подробностей, излишних деталей, которые хоть в чем-то могут нарушить сложившиеся представления? В конце концов, стереотип всегда обладает бо́льшим запасом прочности, чем все вновь приобретенное. Но писала же Мариэтта Шагинян, обращаясь к образу Владимира Ильича, что со временем человеческое сознание обрастает «коркой» — своеобразными штампами, трафаретами, в которых, в сущности, закупорено остановленное на ходу развитие мысли, и надо стремиться к тому, чтобы снять «катаракту на хрусталике, чтобы с максимумом зоркости и приближения к истине увидеть «живого Ленина».

Иначе не приблизиться и к живой истории Октября, не пробиться сквозь толщу общеизвестного к трепетному, первозданному. И все мысли, высказанные о прошлом, принадлежат не тебе; и все выводы из него сделаны без тебя. А выводы, как известно, лишь венчают путь самостоятельных раздумий, совершить же этот путь вынужден каждый, кто хочет располагать собственными убеждениями. Как иначе извлечь из прошлого урок для самого себя, приобрести полезное для твоей сегодняшней жизни?

И неловкие, казалось бы, подробности оттого и предстают такими, потому и вызывают смущение, что никак не удается втиснуть их в стереотип, не повредив

его. Между тем историю нельзя выправить, как эти, скажем, страницы. Само стремление «перекроить», «переиначить» минувшее свидетельствует об ординарности мышления, которому не дано осмыслить прошлое. И всякий раз, когда решаемся хоть чуть-чуть, хоть немножечко улучшить это прошлое, хотим того или нет, мы неминуемо ослабляем конфликт, существовавший на самом деле.

Извозчики, курсирующие по сходной цене между баррикадами, трамваи, неукоснительно движущиеся по маршруту в разгар вооруженного восстания; зеваки на набережной перед штурмом дворца; долгие поиски веревки, задержавшие сигнал к началу штурма, и топорика — без него никак не открыть двери Зимнего... Обыденность, без которой прошлое будто бы и представляется более значительным. Но, отринув эти подробности, нам не постичь ленинской гениальности, силы его предвидения. Лишь отчетливо увидев беспорядочно бегущие волны той поры, можно в полной мере оценить величие Ленина, проложившего в них пути революции, определившего точку опоры.

Да, к Октябрю семнадцатого и в Петрограде, и в стране перевес сил был на стороне большевиков, но нужно было собрать эти силы воедино, определить тот день, когда привести их в действие. В минутах сумятицы найти мгновение для самой бескровной в истории революции. Помните слова Риса Вильямса «обманчивая обыденность революции». Драгоценная гениальная обыденность, которая спасла, избавила вооруженное восстание от, казалось бы, неминуемых жертв.

...Миновала ночь со среды на четверг. Взят Зимний. Приближается утро.

Едет в Смольный Флеровский. «Улицы Петрограда спокойны и молчаливы. Ни малейших следов революционного восстания. Только на перекрестках больших улиц расположились малочисленные пикеты революционных солдат — греются у костров, автомобиль пропускают без окриков и задержек. На повороте Знаменской площади видим даже пару освещенных трамваев с пассажирами. Словом, никаких следов революции. У Смольного навстречу нам выходят делегаты съезда — первое заседание верховного органа Республики Советов, образованного со сказочной быстротой. Кончено. Можно вернуться на корабль и выспаться».

Совершив небывалое, даже великое, человек возвращается к обыденному...

В Зимнем дворце расставлены караулы — больше здесь делать нечего. Шагает по набережной Еремеев. «Нева мирно несла свои сине-овинцовые волны. Две пары рыбачьих лодок работали на плесе вблизи Петропавловки. Кое-где уже проходили ранние прохожие, верно, рабочие, которые живут далеко от места работы. От этого спокойного вида Невы, от этой утренней пустынности я отдохнул как будто после сна».

Настало утро, и люди, как всегда, спешили на работу — четверг-то день будничный.

И примерно в то же время на первом этаже Смольного, в комнате № 36, где проходило заседание ЦК партии, собравшиеся радовались тому, каким бескровным оказалось вооруженное восстание. Был оживлен, приветлив и Владимир Ильич. Но вдруг стал очень серьезен, сказал: «Не радуйтесь. Будет еще очень много крови. У кого нервы слабые, пусть лучше сейчас уходят из ЦК».

Ленин любил слова Чернышевского: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность».

И, размышляя над этим, Владимир Ильич писал: «Кто «допускает» революцию пролетариата лишь «под условием», чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была наперед дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, «отсиживаться в осажденной крепости» или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам,— тот не революционер...»

II

Закончилась вторая ночь Ленина в Смольном — снова провел ее без сна. Лишь в шестом часу утра согласился поехать на Херсонскую улицу к Бонч-Бруевичу — отдохнуть ненадолго.

Перекусили на скорую руку — и спать, спать, спать. А сна нет. Владимир Ильич зажигает свет, подсаживается к столу. Все как и прежде, как бывало много раз: стол, перо, бумага, глухая тишина предрассветного часа. Но пишет не прокламацию, не обличительный памфлет, не заметки публициста, не теоретический труд, не аналитическую статью. Пишет проекты законов, по которым жить России. Революционер, ниспровергатель устоев и основ становится законодателем.

Вот и рассвет подступил, высвечивая новый день — четверг 26 октября.

Позавтракали и отправились в обратный путь. Сперва пешком, потом трамваем доехали до Смольного.

Сколько ни всматриваешься теперь в актовый зал Смольного, никак не удается представить его прежним — во время II съезда Советов. «Я уверен, что когда-нибудь Смольный будет считаться храмом нашего духа и с благоговением войдут в него толпы наших потомков...» — писал в ту пору А. В. Луначарский. Ряды мягких кресел с красной обивкой, ниспадающие складки занавесей на окнах, портрет Владимира Ильича во весь рост. Разве что люстры остались те же: зал был освещен огромными белыми люстрами, вспоминали участники съезда... Толпа, начиная от самых дверей, люди на скамьях, стульях, на подоконниках, на полу, кто-то дремлет, прислонившись спиной к колонне. Воздух сизый от табачного дыма. Зал не отапливается, собравшиеся согревают его своим дыханием — на окнах иней. И лица, множество лиц — «однообразные простые лица, открытые и решительные, лица, почерневшие в окопах от мороза, широко поставленные глаза, большие бороды или иногда тонкие ястребиные лица кавказцев или азиатов из Туркестана, многие с редкими татарскими усиками»,— писал Джон Рид.

Ленин трижды выступает на съезде. «С той минуты, когда председательствующий объявил: «Слово предоставляется товарищу Ленину», я не отрывал глаз от крепкой приземистой фигуры человека в поношенном костюме из плотной ткани, человека, который с пачкой бумаг в руке быстро прошел к трибуне и обвел зал проницательными веселыми глазами...— рассказы-

вал Рис Вильямс.— Мне казалось, что ему недостает соответствующей его роли величественности». Не этими ли минутами были навеяны уже знакомые нам размышления американского журналиста о том, как непросто согласовать с революционной действительностью романтические представления о ней?

«...Всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире».

«Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа».

«Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство...» И оно тоже было образовано немедленно.

Три первых декрета, словно три первые ступени, на пути сквозь десятилетия. «...Во имя этого тысячи, десятки тысяч погибли в тюрьмах, в ссылке, в сибирских рудниках,— писал о II съезде Советов, его решениях Джон Рид.— Пусть все свершилось не так, как они представляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось — буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно...»

Поколения русских революционеров мечтали о свободе. И каждое поколение мыслило ее по-своему. Как же воплотят свои представления о свободе те, кому удалось наконец-то завоевать у истории эту возможность. Кто, подхватив на II съезде слова «Интернационала» — «Это будет последний и решительный бой»,— впервые пел их иначе: «Это есть наш последний и решительный бой!»?

ТРИНАДЦАТЬ СТРОК НАКАНУНЕ

Ленин обращался к прошлому, размышляя о предстоящем. Для иного обращения не было времени, да и считал для себя, очевидно, бессмысленным. Он вообще брался за перо, когда требовали, подгоняли, не давали покоя очередные задачи революции, дела партии — успехи и поражения, объединение сил и расколы... Определял этапы русского революционного движения, думал о его последующих шагах; осмысли-

вал уроки пятого года для будущих революционных боев.

В конце лета, в начале осени семнадцатого обращался к опыту Парижской коммуны. Понятно, много раз размышлял над ним и прежде. Крупская писала, что еще в годы первой эмиграции Владимира Ильича служитель женевской библиотеки «был свидетелем того, как ранехонько каждое утро приходил русский революционер в подвернутых от грязи на швейцарский манер дешевеньких брюках, которые он забывал отвернуть, брал оставленную со вчерашнего дня книгу о баррикадной борьбе, о технике наступления, садился на привычное место к столику у окна, приглаживал привычным жестом жидкие волосы на лысой голове и погружался в чтение». Но теперь, работая в Разливе, Гельсингфорсе, Выборге, знал, был уверен: предстоящее и самое близкое — создание пролетарского, социалистического государства. Писал, что отношение социалистической революции к государству приобретает «не только практически-политическое значение, но и самое злободневное...»

Первый тираж книги «Государство и революция» увидел свет в восемнадцатом году, когда высказанные в ней положения уже воплощались деятельностью рабочего и крестьянского правительства, практикой Советской власти. Страницы же этой работы навсегда останутся свидетелями мыслей, выводов, предопределений — того, что продумано было Лениным в канун Октября. Продумано с такой тщательностью, намечено с такой четкостью, достигнута такая концентрация мысли, что все самое главное, первоочередное, касавшееся управления страной, можно было набросать для себя в нескольких строках, буквально на одном листе...

Историки и сейчас размышляют, когда был исписан Владимиром Ильичем этот лист бумаги — всего лишь один. В какую минуту — ночь, утро, день и снова ночь — вооруженного восстания сделал Ленин эти заметки — провел параллельные линии, отделяя одну запись от другой, и расчертил таким образом лист на тринадцать разновеликих строк. Наверняка известно одно — писал накануне. Накануне провозглашения Советской власти, когда победа восстания была очевидна и вплотную подступало время последующих

действий. Один лист, на котором помечено все, что было необходимо на первых порах для организации аппарата управления страной.

Бисерный почерк, ничем не отличающиеся на первый взгляд строчки — ими заполнены страницы ленинской рукописи брошюры, книги,— здесь каждая буква словно заключает в своей оболочке заряд сосредоточенности, напряжение мысли. А несущаяся, чуть наклоненная вперед крупная скоропись — это когда Владимиру Ильичу все очевидно, само собой разумеется, можно писать, не отрывая руки от бумаги, лишь бы пометить для себя или напомнить другим. Заполнен ленинской скорописью и этот лист. Владимир Ильич явно спешил, писал, постоянно сокращая слова, все больше превращая их написание в понятные лишь для него обозначения: «Б-Бр», «Ве. р. и кр. прав.», «м-ры и т-щи м-ра».

Теперь в этой рукописи нет загадок. Ученые Института марксизма-ленинизма подготовили документ к печати, расшифровали имена и фамилии: «Б-Бр» — В. Д. Бонч-Бруевич, «Н. К.» — Н. К. Крупская, «Лунач» — А. В. Луначарский; прочли сокращения — «*Ве[стник] р[абочего] и кр[естьянского] прав[ительст]ва*», «*м[инист]ры и т[овари]щи м[инист]ра*»... Появившись в 1933 году на страницах «Ленинского сборника», документ обрел заголовок — «Заметки об организации аппарата управления».

Для нас же остается возможность проследить, как воплощались в революционной практике государства — в первые же дни, недели его рождения — тринадцать ленинских строк.

* * *

«Назначения»,— написал Владимир Ильич первую строку в верхнем левом углу листа, думая о тех, кому предстояло встать во главе управления.

«Еще слышалась стрельба. Еще сидело министерство Керенского в Зимнем дворце, но они были уже политическими мертвецами,— писал Ломов.— Ночью — так около 3 часов утра — положение совершенно определилось: фактическая власть находилась в наших руках. Надо было формировать правительство. Надо было налаживать деловую революционную работу».

Сохранилось немало рассказов о том, как проходило формирование Советского правительства. Было это в Смольном, в комнате № 36, где заседал Центральный Комитет.

Само предложение — определить будущих руководителей управления страной — собравшиеся встретили по-разному. Противники вооруженного восстания — они все еще оставались ими — пророчили теперь: «Едва ли продержимся две недели». Ленин, усмехаясь, говорил в ответ: «Ничего, когда пройдет два года, и мы все еще будем у власти, вы будете говорить, что еще два года продержимся...»

В эти часы предстояло сделать шаг — для нас теперь, казалось бы, очевидный — от захвата власти перейти к ее осуществлению, и многим это давалось нелегко. Вот как рассказывал о своих переживаниях во время обсуждения кандидатур будущих руководителей Луначарский: «Это совершалось в какой-то комнатушке Смольного, где стулья были забросаны пальто и шапками и где все теснились вокруг плохо освещенного стола. Мы выбирали руководителей обновленной России. Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне не подготовленными еще для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил:

— Пока — там посмотрим — нужны ответственные люди на все посты; если окажутся негодными — сумеем переменить».

Анатолий Васильевич скорей всего был неодинок. Думали о подобном и остальные участники заседания — они давно свыклись с судьбой революционера-профессионала; десятилетиями оставались нелегалами; пережили трагедию семьи, близких, кому неминуемо, не желая того, причиняли горе; махнули рукой на испуганно сторонившихся друзей юности, избравших карьеру процветающих чиновников, преуспевающих политиков; никогда не рассчитывали на признание общества, в котором жили; находились на свободе в перерыве между арестами, а все, что могли поставить себе в заслугу, каралось тюрьмами, ссылками, каторгой, смертной казнью.

Нарком земледелия В. П. Милютин революционную работу вел с девятнадцати лет, восемь раз арестовывался, семь лет провел в тюрьме и ссылке. Комитет по делам военным и морским: В. А. Антонов-Овсеенко приговаривался к смертной казни; Н. В. Крыленко арестовывался пять раз; П. Е. Дыбенко поднял восстание на линкоре «Император Павел I». Нарком по делам торговли и промышленности В. П. Ногин — агент «Искры», семь раз ссылался в Сибирь, на Север, шесть раз бежал. Нарком просвещения А. В. Луначарский — сын крупного чиновника, двадцати лет вступил в партию, двадцати четырех был выслан, отдал революции талант критика, дар писателя, энергию публициста. Нарком финансов И. И. Скворцов-Степанов — автор перевода трех томов «Капитала», пробыл в тюрьме и ссылке более восьми лет. Нарком по делам продовольствия И. А. Теодорович ссылался в Якутию, был на каторге в Сибири. Нарком почт и телеграфов Н. П. Авилов (Глебов) — рабочий-печатник и организатор подпольной печати, сидел в крепости, тюрьме, трижды бежал из ссылки. Нарком по делам национальностей И. В. Джугашвили (Сталин) был известен под именами Давид, Коба, Нижерадзе, Чижиков, Иванович, шесть раз ссылался, пять раз бежал из ссылки. Нарком юстиции Г. И. Оппоков (Ломов) сражался в пятом году и в семнадцатом, был участником вооруженных восстаний в Петрограде и Москве.

Рабочий, депутат IV Государственной думы, осужденный к вечному поселению в Туруханском крае, Г. И. Петровский станет наркомом внутренних дел. Участник революционного движения с гимназических лет, активный работник военной организации большевиков В. Р. Менжинский займет пост комиссара Государственного банка. Крестьянский сын, закончивший физико-математический факультет Петербургского университета, руководитель забастовки железнодорожников в пятом году М. Т. Елизаров станет в семнадцатом наркомом путей сообщения. Нарком государственного призрения А. М. Коллонтай — дочь генерала, участвовала в социал-демократическом движении Англии, Германии, Дании, Франции, Бельгии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, США, была арестована Временным правительством. Интендант революции, нарком продовольствия А. Д. Цюрупа — в прошлом агент «Искры»,

арестовывался в Туле и Харькове, ссылался в Олонецкую губернию. Тринадцать лет провел в эмиграции Г. В. Чичерин, Октябрьскую революцию встретил в камере лондонской тюрьмы, а вернувшись оттуда, возглавил Наркомат иностранных дел. Сын домашней работницы, руководитель союза металлистов В. В. Шмидт станет наркомом труда, трижды пережив аресты, отдав четыре года эмиграции. Революционную работу начал за 23 года до победы Октября, половину этого времени провел в заключении будущий председатель Чрезвычайной комиссии Ф. Э. Дзержинский.

Многое можно рассказать о людях, которых называли героями и мучениками революции, о пережитом ими на долгой дороге борьбы. А возможно, и стоит продолжить этот список. С годами, когда отступает острота былых трагедий, многое начинает представляться иным, чем было на самом деле,— и мужество революционера в старой России с ее публичными гражданскими и физическими казнями; с чахоточным ужасом Петропавловки, страхом быть заживо погребенным в Шлиссельбурге и сводящим с ума одиночеством ссылок; со шпиками, наводнявшими каждый университет, неисчислимыми архивами охранки, ее надзором — гласным, негласным и повсюду обосновавшимися провокаторами; с казацкими нагайками по лицам студентов и цепью солдат, стреляющих в толпу...

«Наше положение было трудным до чрезвычайности,— вспоминал о первых назначениях Ломов.— Среди нас было много прекраснейших высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии и Верхоянска, но всем нам надо было еще учиться управлять государством. Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы России с подробным описанием режима, который в них существует. Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством...»

Вчера подпольщики, нелегалы, политкаторжане — теперь наркомы, особые уполномоченные, чрезвычайные комиссары. Их наркоматы брали начало в Смольном — диван или два стула. И здесь же решали пер-

вые дела, писали первые бумаги, находили себе помощников.

Старый большевик С. С. Пестковский вспоминал, как его назначили сперва на работу в Наркомвнудел. Но нарком еще не прибыл в Петроград, и Пестковский ожидал его. «Сперва уселся в коридоре, на скамейке около кабинета Ильича. Место было очень удобное для наблюдения. В кабинет Ильича «пёрла» разная публика из Питера и приезжие. Но вскоре этот способ ожидания надоел мне, я открыл двери в комнату, находящуюся напротив кабинета Ильича, и вошел туда... На диване полулежал с утомленным видом т. Менжинский. Над диваном красовалась надпись: «Народный комиссариат финансов».

Я уселся около Менжинского и вступил с ним в беседу. С самым невинным видом т. Менжинский расспрашивал меня о моем прошлом, полюбопытствовал, чему я учился. Я ответил ему, между прочим, что учился в Лондонском университете, где в числе других наук штудировал и финансовую науку. Менжинский вдруг приподнялся, впился в меня глазами и заявил категорически:

— В таком случае мы вас сделаем управляющим государственным банком.

Я испугался и ответил ему, что у меня нет никакой охоты занять этот пост, так как это совершенно «не по моей части»... Но он остался непоколебим».

А как поступать иначе, где найти людей, если рассчитывать на помощь служащих бывших министерств не приходилось. В работе «Государство и революция» Ленин писал, что «*разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество... это прямая, очередная задача революционного пролетариата». С победой революции приговор был приведен в исполнение: прежний государственный механизм отправлялся туда, где, говоря словами Энгельса, было ему место,— «в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором». И русский чиновник — известный чинопочитанием, прославившийся волокитой, знаменитый взятками — понимал, что пробил его последний час. Нет, смерть чиновника наступила на этот раз не оттого, что лишился бедняга шинели или чихнул, скажем, на лысину статского генерала Бриз-

жалова. Его не выбрасывали на улицу и не лишали куска хлеба — ему предлагали служить и дальше, но при этом он низводился до роли исполнителя воли победившего рабочего класса. Терял право затягивать, отклонять, отказывать, не разрешать, лишался возможности интриговать и протежировать, диктовать и получать. А он так привык оказываться для всех поперек дороги, потому и смотреть на каждого сверху вниз. Лишался самого желанного для бюрократии всех времен и народов, как писал Владимир Ильич,— специфического «начальствования» государственных чиновников. Действительно, смерть — страшнее не придумаешь. И чиновник сопротивлялся, сколько мог и как умел.

Министерство просвещения. Пикеты у Чернышева моста, все посетители предупреждаются: работа в министерстве не производится. В самом здании никого, кроме курьеров и уборщиц. Распахнуты двери комнат, на столах брошены бумаги.

Министерство государственного призрения. Служащих нет, заперты журналы исходящих и входящих бумаг, исчезли ключи от кассы.

Министерство труда. Пустые столы, голые стены, все материалы изъяты, деньги из кассы похищены.

Министерство иностранных дел. Перевести на иностранные языки Декрет о мире чиновники не пожелали. И был тогда, по всей видимости, лишь один служивый человек, сотрудничавший с большевиками. В архиве и сегодня хранится подписанный им документ: «Пакет для посланника бельгийского получил. Швейцар Скоробогатов, 8-го ноября 1917 в 12 часов ночи от народных комиссаров».

Прошло, однако, лишь две недели от рождения Советской власти, и в протоколе заседания Совнаркома появилась запись: «Советское правительство остается в Смольном. Народные комиссары переносят свою работу в соответствующие министерства, назначая там определенные часы своего присутствия. К вечеру комиссары собираются в Смольном для совещания».

А минует два года, и побывавший в революционной России Герберт Уэллс напишет: «Большевистское правительство — самое смелое и в то же время самое неопытное из всех правительств мира. В некоторых отношениях оно поразительно неумело, и во многих во-

просах оно совершенно несведуще... Но по существу своему оно честно. В наше время это самое бесхитростное правительство в мире».

Почему же, однако, именно это правительство — «самое неопытное», «поразительно неумелое», в чем-то «совершенно несведущее» — утвердилось в России? В конце концов, чудес на свете не бывает. Но каким же тогда чудом, не имея, по существу, ни в центре, ни на местах сложившихся организаций для управления страной, новое правительство смогло начать управление ею?

В «Бюллетене ЦК РСДРП (больш.) № 1» — было это 29 октября семнадцатого года — сообщалось: «Ввиду того, что газеты не выходят и телеграммы не передаются, ЦК для осведомления решил разослать краткие бюллетени о положении дел. Демократия в лице рабочих и солдат идет за нами... но мелкая буржуазия и чиновничество идут против нас, саботируют и бойкотируют военно-револ. комитет и комиссаров, так что технический аппарат на самом деле не в наших руках. Так же саботируют нас и телеграфисты, не передают наших телеграмм». Бюллетень переписан от руки — не было и машинисток.

* * *

«Немедленное создание... *комиссии* народных комиссаров...» — пометил Ленин в первой части своих «Заметок».

Именно в этой рукописи Владимир Ильич впервые определяет название членов советского правительства — народные комиссары. И объединяет их в единое целое — комиссия народных комиссаров — тоже впервые. Родились эти определения, надо полагать, в то время, когда обсуждался состав правительства.

А не тогда ли, по ходу обсуждения, и набрасывал Владимир Ильич свои «Заметки об организации аппарата управления»? Ленин пишет: «Немедленное создание», имея в виду организацию правительства. Дальше в рукописи следует отточие — у этого правительства нет еще имени, надо прежде решить, как оно будет называться. Следующая запись в следующей строке — «комиссии народных комиссаров». И снова отточие — название определилось, но все ли слова подобраны точно? Слово «комиссии» подчеркнуто двумя чертами; быть может, они выполняли роль как бы вопроситель-

ного знака: согласиться или стоит еще подумать? Народные комиссары — хорошо, это окончательно. А вот комиссия? В чем-то не устраивает. Не в том ли, что не передает в полной мере коллегиального взаимодействия членов правительства? И мы знаем: найдут другое слово — совет. Всего лишь сутки спустя, выступая на II съезде Советов, Ленин предложит образовать правительство, «которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров»... А вообще-то все название в целом новое, непривычное, и Ленин чуть ниже помечает в «Заметках», заключая в скобки, как бы расшифровывая для себя,— «м[инист]ры и т[овари]щи м[инист]ра», то есть этим должностным лицам в аппарате нового государства соответствуют народные комиссары и их заместители.

Бонч-Бруевич пишет, что название — народные комиссары — предложил Ленин: «Как только наступил первый момент после захвата власти, когда пришлось всем подумать об устройстве правительства, то, конечно, сейчас же поднялся вопрос о формах его. Большинство определяло его структуру в старых формах: кабинет министров. Как сейчас помню, Владимир Ильич, заваленный крайне трудной работой с первых дней революции, услыхал этот разговор, переходя от телефона к телефону, и мимоходом бросил: «Зачем эти старые названия, они всем надоели. Надо устроить комиссии по управлению страной, которые и будут комиссариатами. Председателей этих комиссий назовем народными комиссарами...»

Однако литературный характер воспоминаний всегда настораживает. «Как сейчас помню... услыхал этот разговор, переходя от телефона к телефону, и мимоходом бросил...» Да было ли в той комнате № 36, на первом этаже Смольного, несколько телефонов, если стульев и тех не хватало? Вызывает сомнение и некая отстраненность Владимира Ильича при обсуждении такого немаловажного вопроса: «...услыхал этот разговор... мимоходом бросил...»

В других воспоминаниях читаем: «Ильич деловито и просто предложил называться комиссарами по примеру Парижской коммуны». Присутствовавший при этом обсуждении Рахья писал, что кто-то предложил название народные комиссары, Ленин согласился. Свидетельствовал об этом и Милютин: приступили, было, к

поименованному списку кандидатур, «и вот тут возник вопрос, как назвать новое правительство, его членов... Тогда и возникло — народный комиссар. «Да, это хорошо,— сейчас же подхватил тов. Ленин,— это пахнет революцией»... Так в комнате № 36 Смольного родилось новое рабочее правительство и новое название». Общее же в этих воспоминаниях отношение Владимира Ильича к самому этому понятию — народные комиссары: видел в нем естественное продолжение революции, слышал в нем голос Парижской коммуны — исторического прообраза создающегося теперь государства. Ленина это радовало. Он и раньше писал, что суть дела не в том, останутся ли «министерства», придут ли им на смену «комиссии специалистов» или иные учреждения,— суть в том, что разрушается старая государственная машина и заменяется новой.

В книге «Государство и революция», размышляя об организации общества после победы пролетариата, Ленин постоянно возвращается к мысли о том, что учение Маркса «есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*». Не вдаваясь в утопии, не стараясь попустому гадать насчет того, чего знать нельзя, Маркс ждал от опыта массового революционного движения ответа: в какие конкретные формы станет выливаться организация пролетариата как господствующего класса? Следил за этим опытом, анализировал его «с точностью естественноисторического наблюдателя». Ответ дала Парижская коммуна. И Маркс «учился» у нее, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта революционных движений.

В 1847 году Маркс и Энгельс писали в «Коммунистическом манифесте»: «Государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат». И только после 1871 года Маркс говорит о диктатуре пролетариата. «В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, он видел громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений,— писал Ленин.— Анализировать этот опыт, извлечь из него уроки тактики, пересмотреть на основании его свою теорию — вот как поставил свою задачу Маркс».

Так поступали и большевики — не изобретали новые формы, а обрели Советы в ходе революции 1905 года. Шли к созданию нового общества через народотворчество после Октября. Анализировали опыт строительства социалистического государства и были готовы «пересмотреть на основании его свою теорию», будь то очередные задачи Советской власти, которые определил Владимир Ильич весной восемнадцатого года, или новая экономическая политика. «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности,— размышлял Владимир Ильич в канун Октябрьской революции.— Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело».

Ленин писал «Заметки об организации аппарата управления».

Само слово «управление» неновое, но смысл, вкладываемый в него, не имел ничего общего с прежним — все существо было иным. Непосредственная самодеятельность масс как все определяющая форма управления. Поддерживать, развивать то, что уже существует,— революционное движение масс. Не положить ему конец, не вогнать в желаемые берега, а сохранить разлив революционного творчества, сделать его нормой жизни государства рабочих и крестьян.

«Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки»,— публиковала «Правда» в ноябре семнадцатого подписанное Лениным обращение «К населению»...

Сколько раз с тех пор были повторены эти слова — «*все дела* государства в *свои* руки». Теперь они звучат, скорее, как констатация факта. Но постарайтесь представить себе те времена: тогда это звучало вопреки всему прежнему.

Да, пока остаются предприниматели, акционеры, советы директоров. И есть рабочие. Но уже на первом заседании Совнаркома Ленин предлагает «Проект положения о рабочем контроле»: «Во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных и прочих предприятиях... вводится *рабочий контроль*

за производством, хранением и куплей-продажей...» Прежнее разрушено. Тебе, рабочий,— Иванов, Петров, Сидоров — подчиняются те, кто раньше тобой управлял.

В Смольный потянулись ходоки — можно ли распоряжаться помещичьими землями? Крестьянин на слово не верит, и опубликованный в газетах, листовками Декрет о земле — это еще не та бумага, которая обращена непосредственно к нему, выдана ему на руки. Ленин пишет «Ответ на запросы крестьян»: «Совет Народных Комиссаров призывает крестьян самим брать всю власть на местах в свои руки». Ты, крестьянин,— Иванов, Петров, Сидоров — можешь распоряжаться землей... Написанный Лениным «Ответ», отпечатанный на машинке, скрепленный печатью — государственная бумага,— увозил с собой каждый крестьянин, побывавший тогда в Смольном.

Принят «Декрет о мире». Но армия существует, солдаты подчиняются офицерам. И скоро ли удастся заключить мирный договор с Германией? Ранним утром 9 ноября Ленин приехал в Новую Голландию — так называлось место в Петрограде, где была военно-морская радиостанция. Обратился по радио ко всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота: «Солдаты! Дело мира в ваших руках». Солдаты — еще вчера они шли по команде в атаку, а сегодня услышали, что могут выбирать своих уполномоченных и вступать в переговоры о перемирии с неприятелем, что Совет Народных Комиссаров дает им на это право. Тебе, солдат,— Иванов, Петров, Сидоров — дано право вести переговоры. Прежняя армия взорвана изнутри.

Задумайтесь теперь, попробуйте подсчитать — да нет, хотя бы представить себе,— сколько тысяч или миллионов людей в первые же дни Советской власти оказались втянутыми в управление государством.

Готовы ли были массы к той роли, которую завоевали в революции? Очевидно, не были. «У нас нет другой опоры,— говорил Ленин,— кроме миллионов пролетариев, которые несознательны, сплошь и рядом темны, неразвиты, неграмотны, но которые, как пролетарии, идут за своей партией». Однако курс на управление страной через самодеятельность масс оказался в исторической перспективе единственным — как ни

труден, сколько бы неминуемых ошибок ни таилось на его пути.

В исторической перспективе! А тогда и в самой партии, среди ее руководителей, не все были готовы к тому, чтобы идти этим путем. Еще вчера теория, программа, призывы, лозунги теперь стали действием — настала необходимость их осуществления. И сказалось то, что происходит обычно, когда, шагнув из подполья, партия делается правящей,— одолеть сразу такой рубеж дано не каждому. Разногласия, которые были накануне вооруженного восстания, вновь дали себя знать — уже на третий день после его победы.

На столицу наступал Краснов. В Москве еще шла борьба, и восставшие ждали помощи из Петрограда. А Викжель — Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожных рабочих и служащих — грозил забастовкой. Не исключенный из партии накануне вооруженного восстания, Каменев стал теперь — на II съезде Советов — Председателем ВЦИК. Он и вел по поручению ЦК переговоры с Викжелем. На них выдвигались требования лишившихся власти партий: создать «однородное социалистическое правительство», устранить от участия в нем «виновников» Октября — прежде всего Ленина, оставить за большевиками лишь второстепенные места, открыть двери перед меньшевистско-эсеровским блоком. И Каменев не счел нужным прекратить, покинуть переговоры — продолжал их, готов был пойти на компромисс. Соглашался с ним и Зиновьев. Снова сказались боязнь революции, страх идти до конца: да, революция свершилась — с этим уже ничего не поделаешь, но нельзя ли смягчить, снивелировать ее последствия в соглашении с правыми партиями. Каменев и Зиновьев нашли поддержку у некоторых членов ЦК. «От нас отшатнутся и те группы, которые нас поддерживают,— доказывал Рыков,— и мы не в состоянии будем удержать власти».

Владимир Ильич не разделял этих колебаний. Все, о чем теперь шла речь, он обдумал, решил для себя давно: его партия боролась за осуществление требований самых широких масс.

Владимир Ильич выступает против «оппортунистов Октября». Нет, не смущает, что все это касается и его лично — требуют устранить из правительства Ле-

нина. Он отстаивает репутацию своей партии. Октябрь победил под ее знаменами, но задачи революции не будут осуществлены, если состоится соглашение с меньшевиками и эсерами,— появится еще одно мертворожденное временное правительство. «Не для того бралась власть, устраивалась революция,— писала Крупская,— чтобы впрячь в советскую телегу лебедя, щуку и рака, создать правительство, неспособное спеться, сдвинуться с места». Да и что это, в конце концов, за любительский спектакль в политике: отдавать подобру-поздорову власть, которую наконец-то впервые завоевали.

Ленин требует: «...политика Каменева должна быть прекращена в тот же момент». ЦК партии принимает резолюцию — немедленно прекратить переговоры с Викжелем. Но уже сложилась оппозиция: пять членов ЦК выходят из него, снимают с себя полномочия и несколько народных комиссаров.

Теперь не хочется думать, что все эти люди до конца разделяли пораженческие взгляды Каменева и Зиновьева, во всем были сродни им. Скорее, недоставало решимости: трудным, не знающим себе подобных было время — и они не смогли пройти по нему без колебаний. Позже Ленин напишет: «...ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены... Товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны Цека нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель — самое большее через несколько месяцев — все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты».

...Горячая, решающая завязалась тогда борьба. Ленин выступает против оппозиции на большевистской фракции ВЦИК, заседании Петербургского комитета партии. Вносит резолюцию на обсуждение ЦК: «оппозиция целиком отходит от всех основных позиций большевизма и пролетарской классовой борьбы...» Резолюция принята. А Каменев и Зиновьев той же

ночью проводят решение большевистской фракции ВЦИК — продолжить переговоры о власти со всеми партиями, входящими в Советы. Газета «День» ликует: «Дело накануне краха, и это сознают друзья Ленина. Понимает ли это Ленин?»

Владимир Ильич пишет ультиматум от имени большинства ЦК партии меньшинству, требует «категорического ответа в письменной форме на вопрос, обязуется ли меньшинство подчиниться партийной дисциплине...» Вновь вопрос об уставных обязанностях члена партии. Обращается от имени ЦК «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России»...

Против соглашателей выступают Петербургский и Московский комитеты. Делегаты всероссийской конференции работниц отправляются к Зиновьеву и Каменеву, приходят «требовать и настаивать, чтобы ушедшие товарищи подчинились партийной дисциплине. Таков голос 80 000 работниц». Выступая в те дни на заседании большевистской фракции Петроградского Совета, рабочий завода Розенкранца С. С. Лобов говорит, обращаясь к Зиновьеву: «Если вы струсили, коленки задрожали, сойдите с дороги, не мешайте движению революции вперед, иначе вы попадете под ноги и будете мешать. Рабочие отступать не будут, а кроме того, и отступать некуда». И речи не может быть о соглашении с меньшевиками и эсерами. Каменев освобожден от поста Председателя ВЦИК. Председателем ВЦИК становится Свердлов.

«Страна ответила громом негодования...— вспоминал Джон Рид.— Народ негодовал на «дезертиров», и это негодование заливало ЦИК. Несколько дней Смольный буквально затоплялся яростными делегациями и целыми комитетами от фронта, от Поволжья, от петроградских заводов».

Отступить пришлось Викжелю. И на этот раз прямое обращение к партии, трудящимся решило дело. Как ни велики были разногласия среди членов ЦК, но теперь все обстояло иначе, чем было накануне вооруженного восстания: революция свершилась, «опыт миллионов» приведен в действие. «Подъем революционного движения помог быстрой ликвидации всего инцидента,— писала Крупская,— а Ильич, всегда говоривший на прогулках о том, что его больше всего

волновало в данный момент, ни разу даже не касался этого инцидента, он всецело был поглощен вопросом, как начать теперь стройку социалистического уклада, как провести в жизнь постановления, принятые на II съезде Советов».

Большевики удержали власть. Сумеют сохранить ее и потом, не раз еще выстаивая в самых критических ситуациях. Но отчего же все-таки возникает вопрос: ни одна другая партия не смогла опереться на поддержку населения, не сумела совершить хоть нечто подобное? Были же среди них и те, что именовали себя «марксистскими». За восемь месяцев — со времени Февральской революции и до Октябрьской, до победы большевиков,— у власти побывали представители практически всех других политических партий России. И никому не дано было положить конец кризису, охватившему страну,— приостановить, задержать его на мгновение. Это сделала лишь партия, борющаяся за выполнение требований самых широких масс, располагавшая программой, не только отвечающей этим требованиям, но и выполнение которой зависело от революционной активности рабочих и крестьян.

«Теперь... люди, не принимавшие участия в борьбе, не понимают, как это из того всеобщего хаоса, брожения, бесчисленных толп народа, наполнявших Смольный, заводы, клубные залы, казармы, как будто бы внезапно создалась действительно могущественная власть, сумевшая внести в волнующееся человеческое море порядок и организованность,— писал Невский.— Эти люди не понимают главного, именно того, что мы, партия революционного пролетариата, были выразителями всего многомиллионного народа трудящихся... Каждый рабочий, каждый солдат, все трудящиеся видели и понимали, что мы боремся за власть не для себя, не за свои узкоэгоистические интересы, не за то чтобы самим сладко пить и есть, когда голодают десятки миллионов... Повиновались нам и шли за нами не потому, что мы угрожали тюрьмами, пытками и ссылками, а потому, что мы были выдвинуты этими массами, чтобы покончить и с тюрьмами, и с пытками, и с ссылками».

Полностью, во всем объеме уловить требования рабочих, крестьян, солдат, осмыслить, сделать из них

практические выводы — постоянная забота Владимира Ильича. И если это удавалось в какой-то мере другой партии, Ленин обращался к ее материалам. Скрываясь на Сердобольской, прочел обобщенные партией левых эсеров наказы крестьян. В Смольном в часы восстания просил привезти от Фофановой газету, где был опубликован наказ земельным комитетам, составленный на основе 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов. Этот наказ и был включен в Декрет о земле. На II съезде Советов это вызвало вопросы из зала, и Ленин ответил: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны».

В революционном осуществлении требований широких масс видел Ленин душу марксизма. Выступал против тех, кто, называя себя «марксистами», стремились выхолостить учение Маркса. После смерти великих революционеров, писал Владимир Ильич, «делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их *имени*... выхолащивая *содержание* революционного учения, притупляя его революционное острие опошляя его».

* * *

«Ограниченье жалов[анья] 500 р[ублями] в м[еся]ц»,— написал Ленин уже в конце листа, вместившего «Заметки об организации аппарата управления».

Эта мера — лишь одно направление в том, к чему немедля должен приступить победивший пролетариат, ликвидируя прежнюю армию, полицию, все привилегии чиновничества. Об этом писал Маркс, основываясь на опыте Парижской коммуны. И Ленин в работе «Государство и революция» подчеркивает, что эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму». Эти демократические мероприятия ставят — и престижно и материально — тех, кто занят, как сказали бы теперь, в

сфере управления, на уровень рабочих, крестьян, кому и принадлежит новое государство.

В ноябре семнадцатого года во время заседания Совнаркома Владимир Ильич занят проектом постановления «Об окладах высшим служащим и чиновникам», тогда же оно было принято. Опубликованное на страницах «Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» постановление называлось «О размерах вознаграждения народных комиссаров, высших служащих и чиновников». Им определялось: «Назначить предельное жалованье народным комиссарам в 500 рублей в месяц бездетным и прибавку в 100 рублей на каждого ребенка...»

Возвращался к этому вопросу Владимир Ильич и позже. Весной восемнадцатого года Председатель Совета Народных Комиссаров объявил строгий выговор управляющему делами Совнаркома Бонч-Бруевичу за повышение жалованья ему, В. Ульянову (Ленину).

История широко известная. Особенно часто обращаются к ней, когда говорят о личной скромности Владимира Ильича; сказано и написано об этом немало. Но не забываем ли мы порой, что контроль за выполнением существующих норм для государственного деятеля, даже если это касается его самого, есть не столько примета личной скромности, сколько требовательность к исполнению действующих законов, понимание, что они останутся таковыми до тех пор, пока обязательны для всех. К тому же и нравственные нормы нашей партии исключают возможность для коммуниста достигнуть такой ступени служебной лестницы, когда принятые для всех порядки стали бы ему не обязательны, а соблюдение их говорит о скромности...

Вернемся же вновь к распоряжению Председателя Совнаркома.

«23 мая 1918 г.

Управляющему делами Совета Народных Комиссаров Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу

Ввиду невыполнения Вами настоятельного моего требования указать мне основания для повышения мне жалованья с 1 марта 1918 г. с 500 до 800 руб. в месяц и ввиду явной беззаконности этого повышения, произведенного Вами самочинно по соглашению с секретарем Совета Николаем Петровичем Горбуновым, в

прямое нарушение декрета Совета Народных Комиссаров... объявляю Вам строгий выговор.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)».

Итак, два работника Совнаркома самочинно, по своему разумению взяли и увеличили жалованье главе правительства, который непосредственно руководил их работой. Странно. И уж никак не вяжется с той атмосферой, которая всегда складывалась подле Владимира Ильича.

А может быть, этому событию предшествовали какие-нибудь другие, в чем-то и определившие его? В пятом томе «Биографической хроники» читаем: в промежутке между 18 апреля и 23 мая — день, когда было написано распоряжение Председателя СНК, Горбунов докладывает Ленину об изменениях в размерах жалованья — в сторону повышения — наркомам и членам коллегий. Связано это было с ростом индекса цен или, как пишет сам Горбунов, «обесценением денег», за которым и последовало повышение заработной платы служащим... Но декрет о размерах вознаграждения народным комиссарам не отменен, он действует. Горбунов предлагает потребовать от наркомов письменных объяснений. Владимир Ильич не согласен: очевидно, не считает для себя нужным беседовать с наркомами на эту щепетильную тему. Ленин и без того знает, сколь стеснены они в средствах на жизнь. Однако нарушается постановление Совнаркома, и с этим нельзя мириться. Как быть? Узнав, что так же автоматически повышена заработная плата и ему, Ленин с себя и начинает. Объявляет строгий выговор Бонч-Бруевичу. Так же наказывает Горбунова. Наркомы же прочтут распоряжение и сами сделают выводы.

Но и этим еще не исчерпывается история с повышением зарплаты. Цены растут, а постановление Совнаркома было принято полгода назад, размеры жалованья в нем указывались согласно тому времени, и в этой части оно устарело. Ленин тогда же предлагает наркому финансов И. Э. Гукасову рассмотреть вопрос о заработной плате наркомов, членов коллегий, приведя ее в соответствие с уровнем жизни. Пересмотрена была и оплата труда специалистов.

...Те многие ограничения, с которых пришлось начинать строительство нового общества, не были самоцелью и утверждались не во имя социализма, а в противовес тому, что было прежде. Помните мысль Владимира Ильича о том, что эти «само собою понятные» демократические мероприятия служат лишь «мостиком, ведущим от капитализма к социализму». Ленин писал: «Эти мероприятия касаются государственного, чисто политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов...»

Не только сломать прежнюю государственную машину, но и вновь созданная начнет действовать в полную меру сил, лишь преодолев устоявшиеся в самой глубине народной жизни представления о вседозволенности для чиновного лица, о бескрайнем разрыве между, говоря словами Ленина, «начальством» и простыми людьми. Достигается это не в один день и не в один год...

Ленин замечал, как наивен тот, кто полагает, что с победой революции сразу же, в тот же миг, жизнь всех и каждого сделается лучше — этого быть не может. В обществе, тогда лишь завоевавшем себе право стать социалистическим, где каждый отдает по способностям и каждый получает по труду, еще никто по труду не получал. Кто мог рассчитывать на это? Угасающий от недоедания Александр Блок — его встречали на Невском, нес бережно кастрюлю с пшенной кашей? Нарком продовольствия Цюрупа, не справившийся с голодным обмороком на заседании Совнаркома? Рабочий — Иванов, Петров, Сидоров,— выходивший на смену за осьмушку хлеба? Крестьянин — Иванов, Петров, Сидоров,— лишавшийся зерна по требованию продотряда? Миллионы, мучимые голодом, тысячи, приговоренные к смерти сыпной вошью?

Термин «примитивный демократизм» мы употребляем теперь обычно в отрицательном смысле: когда говорим о чем-то наивном в решении серьезных дел, ну прямо ребяческом, есть еще такое словечко — «незрелом».

Во времена революции это понятие представлялось иным. В «Государстве и революции» читаем: «...пере-

ход от капитализма к социализму *невозможен* без известного «возврата» к «примитивному» демократизму...»

Сознание людей изменяется не быстро. В те годы приходилось лишь мечтать о рождении человека будущего — высокообразованного и глубоко гражданственного. Кто, по выражению Ленина, ни слова не возьмет на веру, ни слова не скажет против совести, кому радости духовной жизни, участие в делах своего народа неизмеримо дороже всех материальных соблазнов. Но наступает время — оно нерасторжимо с социальным взрывом,— когда весь дух эпохи заставляет, обязывает, зовет становиться достойней, честнее, чем были бы люди, окажись в других обстоятельствах. Уходит соблазн, сама возможность хоть чем-нибудь да отличиться от других — будь то общий достаток, богатая квартира или загородный дом, наконец, просто уставленный разносолами стол. Рождается гордость, приходит удовлетворение от того, что по полной мере разделяешь жизнь других — своего народа... Перед нами и теперь не меркнет, покоряет и сегодня братское равенство тех, кто вступил в борьбу за общее социальное равенство, чистота их помыслов, благородство отношений.

А жизнь была такой тяжелой, страшной была она.

Стремительно миновали ее дни, люди встречались и расходились, познав или не заметив друг друга, радовались, горевали, любили, ненавидели, разочаровывались, восторженно воспринимали мир и проклинали его, жертвовали собой и убивали других. Благородство помыслов, одержимость веры, радость побед и кровь, мучения, смерти — трагическая драматургия революции. Она делала счастливыми тех, чьим надеждам отвечала, счастливыми вопреки всем лишениям — они были платой за надежды, ее ценой. И неминуемо обрекала на страдания других, кто с молоком матери, с детских безмятежных лет привык к благополучию прежней жизни и не хотел, не мыслил себе иной. Да, их было считанное меньшинство, оттого и считали себя избранными. Теперь «черная», лузгающая семечками масса погружала их в черную бездну дна. Нет, нельзя, невозможно было с этим мириться. Как не мог эмигрант Набоков простить, даже свыкнуться с

мыслью, что лакей, всю жизнь прислуживающий его семье, повел отряд матросов к месту, где были спрятаны фамильные бриллианты.

Но революция масс есть революция — ее не совершают в белых перчатках. Разумеется, не все богато одетые люди были «хищниками-зксплуататорами», как случалось — всех под одну гребенку,— называли их в те времена. Кто-то из них презирал царизм, мечтал о просвещенном будущем России — где оно, зто просвещенное будущее? Брали лопаты в руки, нередко впервые в жизни, рыли окопы. Убирали снег, исполняя трудовую повинность,— зто в преклонном возрасте, имея безукоризненное образование за плечами. Никто не наживался на их труде: где нет зксплуатации, нет и эксплуатируемых. Но от этого, согласитесь, не становилось легче. Всем кругом домочадцев теснились в одной комнате, а по соседству, в их же квартире, хозяевами располагались те, кто поднялся из подвалов, а прежде были так незаметны. Устраивались в дорогом твоему сердцу кабинете, среди твоих книг, где столько часов было отдано чтению, записям, неторопливым мыслям, и все казалось правильным, достойным, разумным. Пожалуй, из нашей сегодняшней жизни дано скорее ощутить горечь тех переживаний.

Да и в материальных ли только потерях суть. Можно с ними еще было смириться: не вспоминать, собравшись с силами, о тихих вечерах в уютной столовой, где хозяйка, не спеша, разливает серебряной ложкой что-то удивительно вкусное; забыть о золотых запонках, которые заграбастал в грязную ладонь мужичища в обмен на картошку... Но возможно ли — нет, зто невероятно, не дано — свыкнуться с враждебной, вечно угрожающей неприязнью победителей, с выматывающей душу неизвестностью: что будет с тобой завтра или уже сегодня, в любую минуту могут поступить, как сочтут нужным, как вздумается. И зти унижения, насмешки, необузданное хамство «черной массы» — она стала властелином всего и вся. Неужели победителям дано смотреть лишь сверху вниз? Разве нельзя хоть немного культурней? Однако победители как раз и протестовали против того, что лишены культуры, но и от этого, согласитесь, не становилось легче.

Даже Горький, так тесно, всей жизнью связанный с революцией, не смог сразу же принять происходящее. Публиковал статьи, справедливым в которых был прежде всего заголовок — «Несвоевременные мысли». Проповедовал, когда шла борьба не на жизнь, а на смерть: именно пролетариат «должен отбросить, как негодное для него, старые навыки отношения к человеку, и именно он должен настойчиво стремиться к раскрепощению и углублению души, вместилища впечатлений бытия».

Позже, встретившись с Владимиром Ильичем,— после революции они не виделись целый год,— Горький рассказал не то историю, не то легенду, поразившую писателя своим трагизмом.

«В 19 году в петербургские кухни являлась женщина, очень красивая, и строго требовала:

— Я княгиня Ч., дайте мне кость для моих собак!

Рассказывали, что она, не стерпев унижения и голода, решила утопиться в Неве, но будто бы четыре собаки ее, почуяв недобрый замысел хозяйки, побежали за нею и своим воем, волнением заставили ее отказаться от самоубийства».

Ленин выслушал, поглядывая искоса на Горького, сказал угрюмо: «Если это и выдумано, то выдумано неплохо. Шуточка революции».

Сказал «выдумано неплохо», почувствовал, как волнует, будоражит эта драма именно писателя. К подобным историям — их ходило тогда немало — еще долго станут тянуться многие перья. И всякий раз, раскрывая одну из таких историй-легенд, раскроется сам художник — в его понимании причин и следствий.

Мог бы стать темой для повествования и эпизод, свидетелем которого оказалась Крупская. Через день после взятия Зимнего его защитники юнкера — их отпустили подобру-поздорову выспаться в казармы — подняли мятеж. «Ранним утром начался бой около находившегося неподалеку от нас Павловского юнкерского училища. Узнав о восстании юнкеров, подавлять его пришли выборгские красногвардейцы, рабочие с выборгских фабрик и заводов. Палили из пушки. Весь наш дом трясся. Обыватели испуганы были насмерть»,— рассказывала Надежда Константиновна.

И тогда же она вышла из дома. Навстречу ей с криком бросилась знакомая горничная: «Что делают! Сейчас видела: подцепили юнкера на штык, как букашку!»

Сколько шагов успел сделать в жизни тот юнкер? Немного — совсем еще юноша, как наши сыновья. Если и любил, то не узнал усталости от любви. Мечтал, надеялся, не будет этого. Хотел заглянуть в будущее, представить себя взрослым. Нет будущего. Нет ничего. Конец... Отец и мать, если дано им будет пережить и горе, и эту пору, станут хранить все, что связано с памятью сына. И его полочку с книгами стихов — Надсон, Шиллер... Смахивая как-то пыль, мать обнаружит в книге иссохший кленовый лист — невесомый, неприкасаемый, несуществующий, как былое. Кто-то из молодых дачниц уж не в последнее ли мирное лето — ах, как прелестно тогда было — вложил между страниц этот листок. На память... Как же мучительна ее неугасающая боль.

Трагедия человека — не лишь одного, а именно одного — всегда остается трагедией. И чем дальше уносят нас годы от причинных связей минувшего, тем неожиданней, необъяснимей, а значит, и горше высвеченная в складках былых лет беда, несчастье смерть.

Но существует и общество, его неминуемое для каждого бытие. «Постоянно, через всю гражданскую жизнь каждого человека тянутся исторические комбинации, в которых обязан гражданин отказаться от известной доли своих стремлений, для того, чтобы содействовать осуществлению других своих стремлений, более высоких и важных для общества».

Так писал Н. Г. Чернышевский, не зная пока, что скоро его ожидают гражданская казнь, приговор к семи годам каторги; еще тринадцать лет без приговора — в Вилюйском остроге, и женщина, видавшая его там, станет рассказывать: «За одну ночь, бывало, сколько перемен бывает с ним! То он поет... то хохочет вслух, громко, то говорит сам с собой, то плачет навзрыд! Горько плачет, громко этак! Особенно плачет, бывало, после получения писем от семьи... После таких ночей так расстроится, бывало, что не выходит из своей комнаты, печален, ни с кем не говорит ни слова, запрется и сидит безвыходно».

* * *

Председатель Совнаркома сам составлял проекты декретов, подписывал мандаты, расчертив лист для сводки, заполнял графы: находится вагонов с хлебом в пути... прибыло сегодня... подавать сводку к 12 часам... И постоянно принимал посетителей. Они бывали самыми разными.

Пожалуй, первый из них — рабочий завода «Эриксон» Семенов. На улице ограбили заводского кассира, и нечем было платить рабочим. «Немедленно выдать т. Семенову 500 тысяч рублей для раздачи жалованья рабочим завода «Эриксон». Ленин».

Пришел крестьянин. Перед самым февралем, еще при царе, у него забрали лошадь на военные нужды — обещали вознаграждение. И толкался он уже два месяца, так ничего и не добившись, по канцеляриям Временного правительства. Ленин отправил крестьянина к народному комиссару государственного призрения Коллонтай. Но где найти Александру Михайловну — в прежнем министерстве продолжается саботаж; пометил на всякий случай домашний адрес.

Этот крестьянин и появился на рассвете следующего дня в дверях квартиры, где жила Коллонтай. Протянул ей клочок бумаги с запиской от Владимира Ильича: «Выдайте ему сколько там причитается за лошадь из сумм Госпризрения».

«Первой выдачей из кассы Народного комиссариата государственного призрения была выплата за лошадь, которую царское правительство отняло у крестьянина»,— вспоминала Александра Михайловна.

Пришел к Ленину член Петроградского военно-революционного комитета Н. М. Анцелович. В его просьбе Владимир Ильич отказал. Анцеловича посылали в Вологду за хлебом для Петрограда, ему же казалось, что больше принесет пользы на месте. «Вы думаете, что рабочих можно кормить агитацией»,— сказал ему Владимир Ильич.

«2 стенографистки для диктовок и *диктов[альная] машина...*»— пометил Ленин, уже заканчивая свои «Заметки об организации аппарата управления». Подчеркнул «диктовальная машина» как особенно желаемое — так назывался тогда изобретенный Эдисоном фонограф.

Пожалуй, это была единственная из всех тринадцати строк, которую не удалось осуществить сразу же, в первые дни. Рассчитывать на стенографисток и диктовальную машину пока не приходилось. Аппарат Совнаркома начинался с Управления делами, и было в нем поначалу лишь два человека — управляющий Бонч-Бруевич и секретарь Горбунов. Конфисковали где-то пишущую машинку, и, склонившись над ней, Горбунов выстукивал двумя пальцами документы Совнаркома. А когда ему впервые пришлось протоколировать заседание Совета Народных Комиссаров, то совсем оконфузился: «Не имея представления, как нужно вести протоколы, я попытался записать содержание доклада, но, конечно, не поспевал...»

Да, здесь все начиналось с нулевого цикла. «Работали вовсю,— вспоминала Крупская,— но никаких сил не хватало, и Ильичу сплошь и рядом приходилось выполнять самому черновую работу, звонить по телефону и т. д. и т. п. Все было первобытно до крайности».

Кабинетом Владимира Ильича стала комната на третьем этаже Смольного, в его южном крыле. На дверях табличка: «Классная дама», снимать не стали, сохранилась до сих пор. В первой, проходной комнате разместились Бонч-Бруевич и Горбунов. Дальше — кабинет Ленина. Окна его с тыльной стороны здания, к ним тянутся ветви высоко поднявшихся деревьев, видна Нева, Охтинский мост.

Памятку для часовых, которые дежурили у дверей,— «Обязанности часового при Председателе Совета Народных Комиссаров» — Владимир Ильич писал тоже сам: «Не пропускать никого кроме *Народных комиссаров* (если вестовой не знает их в лицо, то должен требовать билета, т. е. удостоверения от них)... От всех остальных требовать, чтобы они на бумаге записали свое имя и... цель визита... Когда в комнате никого нет, держать дверь приоткрытой, чтобы слышать телефонные звонки...»

Не знаю, какая мебель была у классной дамы. Теперь поставили койку за перегородкой, застелили одеялом из солдатского сукна. Можно здесь отдохнуть, когда нет уже больше сил. А сам кабинет полупустой, оттого и представляется просторным. Внесли массивный письменный стол, поставили так, чтобы

удобней падал свет из окон: одним углом — к ним, другим — к перегородке. Сев за стол, Ленин оказывался лицом к перегородке, вполоборота к тем, кто входил в кабинет, мог увидеть их, лишь обернувшись. Не очень-то удобно. Но это же был первый служебный кабинет Владимира Ильича, и сказалась, очевидно, привычка всей жизни. Работать за столом с книгой, пером и бумагой — не представительствовать, не принимать посетителей, беседуя с ними через стол, а работать — значит писать — письменный же стол... И поставить его именно так скорее всего распорядился сам Владимир Ильич.

Кстати, это не всем было понятно. Коллонтай, например, писала: «Совет Народных Комиссаров в первые недели своего существования собирался в Смольном, в третьем этаже, в угловой комнате, которая называлась «кабинетом Ленина». Обстановка заседаний Совнаркома была самая деловая, и даже более чем деловая, недостаточно удобная для работы. Стол Владимира Ильича упирался в стену, над столом низко висела лампочка. Мы, наркомы, сидели вокруг Владимира Ильича и частью за его спиной. Ближе к окнам стоял столик Н. П. Горбунова — секретаря СНК, который вел протокол. Всякий раз, когда Ленин давал кому-нибудь слово или делал указания Горбунову, ему приходилось оборачиваться. Но переставить стол поудобнее никто не подумал...»

Приходишь сегодня в этот первый кабинет Ленина — и не покидает ощущение: чего-то здесь не хватает, такого привычного, необходимого, всегда связанного с Владимиром Ильичем. Да, да, конечно же — почти нет книг. Нет книжных полок, книжных шкафов. Недолго работал здесь Ленин — лишь первые дни революции, а они, пожалуй, были единственным временем во всей жизни Ленина, когда не мог позволить себе и на минуту открыть книгу.

Зато сразу же появились карты. «Тут была масса карт, он был весь окружен картами,— вспоминала А. И. Ульянова-Елизарова,— и я особенно обратила внимание на выражение его лица: он сидел такой бледный и какой-то углубленный, глубоко углубленный, что мне как-то страшно стало за него, и я подумала: «Как же это он с военными делами сможет разобраться?» ...Это самое яркое воспоминание у меня

осталось, как он сидел и работал над военными картами и как страшно утомлен был».

Линия обороны проходила в предместьях Петрограда — сюда вышел корпус Краснова, поднятый Керенским. Ленин составлял «Набросок правил для служащих» и тогда же, буквально одновременно, подписывал распоряжение: «Приготовиться к выступлению орудий к 10 часам вечера 29.X». На приказе Военно-революционного комитета — доставить на позиции у Царского Села бензин, артиллерию, полевые телефоны, самокатчиков, саперов для рытья окопов — помечал: «Прошу принять все меры к *немедленному* исполнению». Спешил в штаб Петроградского военного округа, связывался оттуда с Гельсингфорсским Советом депутатов армии, флота и рабочих Финляндии.

Ленин. Есть известия, что войска Керенского подошли и взяли Гатчину, и так как часть петроградских войск утомлена, то настоятельно необходимо самое быстрое и сильное подкрепление.

Гельсингфорс. И еще что?

Ленин. Вместо вопроса «еще что» я ожидал заявления о готовности двинуться и сражаться.

Гельсингфорс. Сколько вам нужно штыков?

Ленин. Нам нужно максимум штыков, но только с людьми верными и готовыми решиться сражаться. Сколько у вас таких людей?

Гельсингфорс. До пяти тысяч. Можно выслать экстренно, которые будут сражаться.

Ленин. Через сколько часов можно ручаться, что они будут в Питере при наибольшей быстроте отправки?

Гельсингфорс. Максимум двадцать четыре часа с данного времени.

Ленин. Я настоятельно прошу от имени правительства Республики немедленно приступить к такой отправке и прошу вас также ответить, знаете ли вы об образовании нового правительства и как оно встречено Советами у вас?

В Гельсингфорсе знали об этом пока лишь из газет... С первых дней — мир и война одновременно. Только что родившееся государство должно было себя защищать.

...Пишешь о тех днях и все время стремишься отделить одно от другого: назначение народных комис-

саров и, скажем, наступление на Петроград казаков Краснова; работа Ленина в Смольном и саботаж чиновников бывших министерств, переговоры с Викжелем... Одним взглядом все это не охватить. Но в жизни, на самом деле, все происходило одновременно: и назначения, и мятежи — 27, 28, 29, 30-го — в последние дни Октября, в первые дни Октябрьской революции. «И не мудрено,— писала Крупская,— что, придя поздно ночью за перегородку комнаты, в которой мы с ним жили в Смольном, Ильич все никак не мог заснуть, опять вставал и шел кому-то звонить, давать какие-то неотложные распоряжения, а, заснув наконец, во сне продолжал говорить о делах...»

* * *

Тринадцать строк. Один только лист. Мгновенная, как озарение, запись; она определила на многие десятилетия вперед управление страной. Мы помним слова Горького: Ленин видел настоящее из будущего. Привыкли к мысли — Ленин умел предвидеть. Более того.

Быть может, в Разливе, где была сделана фотография для удостоверения на имя рабочего Константина Петровича Иванова, Владимир Ильич набрасывал план седьмой главы «Государства и революции», последней главы этой книги — «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов». В Гельсингфорсе или Выборге, оставаясь в подполье, написал две первые фразы: «Тема, указанная в названии этой главы, так необъятно велика, что об ней можно и должно писать томы. В настоящей брошюре придется ограничиться, разумеется, только самыми главными уроками опыта, касающимися непосредственно задач пролетариата в революции по отношению к государственной власти». А следом нетронутая страница, как говорится в комментариях к изданию, «на этом рукопись обрывается». Не закончил, не успел — «задача пролетариата в революции по отношению к государственной власти» уже решалась на практике. И когда книга увидит свет, в послесловии заметит, что написать седьмую главу «помешал» политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. Такой «помехе» можно только радоваться... Приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать».

В Горках осенью восемнадцатого года, еще не поправившись после ранения, занят был брошюрой «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Спешил — торопили надвигающиеся события: «Дела так «ускорились» в Германии, что нельзя отставать и нам». Закончил работу к ноябрьским праздникам, к первой годовщине Октября. Но хотел еще написать заключение. И вновь не успел, опять «помешала» революция. Послесловием к этой работе стало:

«Предыдущие строки были написаны 9 ноября 1918 г. В ночь с 9 на 10 получены известия из Германии о начавшейся победоносной революции...

Заключение, которое мне осталось написать к брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним.

Н. Ленин».

10 ноября 1918 г.

Все, как было с последней главой «Государства и революции». А не это ли и рождало силу предвидения: нерасторжимое совмещение жизни Ленина с революционным процессом; такое умение слиться с ним, когда твои дела, твои ритмы работы совпадают с его ритмами, с его вздымающимися волнами...

Но и предвиденье — каким бы ни было оно поразительным — имеет свои границы. Безграничным оно представляется лишь тому, кто мнит себя сверхчеловеком, обнаружив однажды нимб над своей головой... Для меня Ленин больше всего дорог тем, что с безграничной самоотреченностью, непреклонной волей шел к этому будущему, которое умел не только предвидеть, но и отстаивать, приближать его.

Написать седьмую главу «помешал» Октябрь. Но он же — Ленин — готовил революцию, «проделывал» ее опыт, торопил — пора начинать — и встал во главе Октября. Революция в Германии освободила от заключения к брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Но он же — Ленин — сделал так много, чтобы пример революционной России как можно скорее стал всеобщим примером.

Наметил в «Заметках об организации аппарата управления» шаги, которые надо сделать с победой революции, и совершил их.

III

Кончилась осенняя пора октябрьских дождей. Зима в тот год пришла рано — снег лег в ноябре. «Проснувшись утром,— писал Джон Рид,— мы увидели, что карнизы окон совсем побелели. Снег был такой густой, что в десяти шагах ничего не было видно. Грязь исчезла. Хмурый город вдруг стал ослепительно белым... Несмотря на революцию, с ошеломляющей быстротой увлекавшую Россию в неизвестное и грозное будущее, город встретил первый снег общей радостью. На всех устах была улыбка, люди выбегали на улицу и со смехом ловили мягкие, кружащиеся в воздухе снежинки».

Подошел новый, восемнадцатый год.

Надежда Константиновна предложила Владимиру Ильичу встретить его вместе с рабочими Выборгского района. И Ульяновы отправились в бывшее Михайловское юнкерское училище. «По случаю упразднения дворников никто снег не расчищал...» — рассказывала Крупская. Машина еле пробилась через сугробы. В просторный зал училища вошли уже перед самой полночью.

Играет оркестр, танцует молодежь. Кто постарше — пьют чай с «подушечками». С ними и Ульяновы. Молодая работница подбегает к Владимиру Ильичу — зовет танцевать. «С удовольствием бы, но я не умею»,— отвечает смущенно. Четверо ребят поднимают за ножки стул, на котором сидит Владимир Ильич, принимаются качать. «Я подверглась той же участи»,— вспоминала с улыбкой Надежда Константиновна...

Простота и естественность нового мира. Все вместе, все надеются, все верят: будущее, то самое — радостное, счастливое, всемирно благополучное, оно совсем уже рядом, только руку протяни. И подступает — она уже совсем близко — гражданская война, только руку протяни. Кто из этих ребят вернется с нее...

Ясный морозный день, заснеженный город. 1 января — это число было указано в удостоверении на имя рабочего Константина Петровича Иванова. Но отчего все-таки именно на этой фамилии остановился

Владимир Ильич. В Разлив привезли не один, а несколько заполненных бланков удостоверений Сестрорецкого завода. Посмотрев их, Ленин выбрал документ на имя Иванова. Сказано же было, и не раз: на Ивановых Россия держится, впрочем, как и на Петровых, Сидоровых.

1 января истек срок действия удостоверения Сестрорецкого завода, и в этот день его обладатель писал по-английски американскому послу Френсису: «Сэр, не будучи в состоянии связаться с Вами по телефону в 2 часа, как было условлено, я пишу, чтобы сообщить Вам, что я был бы рад встретиться с Вами в моем кабинете — Смольный институт, комната 81 — сегодня в 4 часа дня».

Дуайен дипломатического корпуса Френсис намеревался выразить протест по поводу конфликта новой власти с румынским посланником. И они приехали — ровно в четыре — к тому, кто еще так недавно скрывался под именем рабочего Иванова. Полномочные представители Соединенных Штатов Северной Америки, Японии, Франции, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Дании, Сиама, Китая, Сербии, Португалии, Аргентинской Республики, Греции, Бельгии, Бразилии, Персии, Испании, Нидерландов, Италии и Великобритании. Ленин встретил дипломатов у дверей своего кабинета, пожимая каждому руку. И в это мгновение посол Френсис понял то, что напишет со временем в своих мемуарах: «Ленин торжествовал при мысли, что все эти послы, которые еще вчера отвергали его, идут, чтобы не только протестовать, но и просить». Они уже просили — просили приема у главы пока непризнанного правительства.

Уехали дипломаты, и Ленин торопится на митинг — он собрался в манеже Михайловского училища. Уходит на фронт отряд социалистической армии — она лишь создается, у нее пока нет даже названия. «Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию... Пусть товарищи, отправляющиеся в окопы, поддержат слабых, утвердят колеблющихся и вдохновят своим личным примером всех уставших»,— говорит Владимир Ильич бойцам.

И скорее в Смольный. На восемь часов назначено заседание Совнаркома. В машине вместе с Лениным Мария Ильинична, швейцарский коммунист Фриц Платтен. Отъезжают от манежа, поднимаются на Симеоновский мост. И выстрелы. Один, другой. Пробито переднее стекло, кузов. Платтен резким движением руки наклоняет голову Владимира Ильича. Снова выстрелы. Пуля попадает Платтену в руку...

Совещание Совнаркома началось ровно в восемь. Ленин говорил о событиях дня. Мы создали государство и теперь, естественно, принимаем послов. Революция должна защищать себя — и первый отряд будущей рабоче-крестьянской армии ушел на фронт.

Касаясь происшествия на Симеоновском мосту, заметил: «Что же тут удивительного, что во время революции остаются недовольные и начинают стрелять».

ВЗРЫВ

«По сообщению Всероссийской чрезвычайной комиссии, из Петрограда получены сведения о том, что агенты Колчака, Деникина и союзников пытались взорвать в Петрограде станцию водопровода. В подвале были обнаружены взрывчатые вещества, а также адская машина, которая была особой командой взята для уничтожения, но преждевременным взрывом убит командир отряда и ранены 10 красноармейцев...

Совет Обороны предписывает призвать к бдительности всех работников Чрезвычайных комиссий и о предпринятых мерах довести до сведения Совета Обороны.

Председатель Совета Обороны
В. Ульянов (Ленин)

Написано 1 апреля 1919 г.
Напечатано 2 апреля 1919 г.
в газете «Известия ВЦИК» № 71».

Как развивались события на водопроводной станции? Что известно о командире отряда особой команды, который погиб от преждевременного взрыва? Кем был он? Как звали его?

Разыскиваю документы в ленинградском архиве Октябрьской революции, листаю газеты того времени в Публичной библиотеке; друзья-журналисты помогли мне встретиться с теми, кто в Петрограде пережил весну девятнадцатого года.

И вот имя... не просто свидетеля, а самого непосредственного участника тех далеких событий. Узнаю адрес. Еду на окраину Ленинграда.

Дом совсем новый, свежей салатной краской покрыты стены, а вдоль улицы поднялись молодые деревья. А убранство квартиры, в которую я вхожу, переносит в былое: старая мебель, на стенах пожелтевшие портреты с тиснеными затейливыми вензелями хозяев фо-

тозаведений. На комоде никелированная металлическая копилка с надписью на крышке: «Накопление — путь к богатству».

В недавно появившемся на свет доме заключено далекое прошлое — и, пожалуй, это во многом отвечает моему состоянию: из нашего сегодня я все больше погружаюсь в минувшее.

...Холодная мартовская ночь навсегда скрыла тех, а быть может, того, кто, минуя патрули, прокрался по набережной, тенью метнулся к воротам, проник незамеченным к машинному отделению и фильтрам, подложил взрывчатку. Когда в предрассветной мгле грохнул взрыв, преступник мог смешаться с прибежавшими на станцию или был уже далеко.

Могло быть так или иначе. Но взрыв произошел. Это случилось 30 марта девятнадцатого года на водопроводной станции Петроградской стороны — Заречной.

«Красная газета» печатала по этому поводу стихи:

Лишить миллионный
город воды
Взрывами водопровода.
Вот их труды,
Врагов революции и народа!
С преступлениями такого
рода
Речь одна —
Стена!
Один разговор —
Смертный приговор!

В эти дни всюду публиковалось предупреждение Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.

«Москва, 1 апреля (РОСТА), от Председателя ВЧК. Ввиду раскрытия заговора, ставившего целью посредством взрывов, порчи железнодорожных путей и пожаров призвать к вооруженному восстанию против Советской власти, ВЧК предупреждает, что всякого рода выступления и призывы будут подавлены без всякой пощады. Во имя спасения от голода Петрограда и Москвы, во имя спасения сотен тысяч невинных жертв ВЧК принуждена будет принять самые суровые меры наказания против тех, кто будет причастен к белогвардейским выступлениям и попыткам вооруженного восстания. Председатель ВЧК Дзержинский».

Петроград в первые годы революции. Английский писатель Герберт Уэллс назвал его городом, погруженным в пучину бед: «Дворцы Петербурга безмолвны и пусты или же нелепо перегорожены фанерой и заставлены столами и пишущими машинками учреждений нового режима, который отдает все свои силы напряженной борьбе с голодом и интервентами... Поразительно, что цветы до сих продаются и покупаются в этом городе, где большинство оставшихся жителей почти умирают с голоду и вряд ли у кого-нибудь найдется второй костюм или смена изношенного и заплатанного белья».

В этом городе жили люди, они встречались и расходились, познав или не заметив друг друга, радовались, горевали, любили, ненавидели, разочаровывались, увлекались, были счастливы и несчастливы, восторженно воспринимали мир и проклинали его, совершали благородные поступки и творили мерзости.

Были праздники, и нужны были цветы.

Их подносили новобрачным. «Николай Афанасьевич и Ирина Аникеевна Афанасьевы просят Вас пожаловать на бракосочетание сына их Василия Николаевича с Елизаветой Семеновной Федоровой, имеющего быть в церкви ремесленного училища, а оттуда для поздравлений Петроградская сторона, Саблинская улица № 10, кв. 56». Жених, помощник коменданта третьего подрайона революционной охраны Петроградской стороны, явился на бракосочетание в куртке и галифе из желтой скрипящей кожи. Вася Афанасьев недавно получил этот костюм в благодарность за хорошую службу.

Были похороны, и нужны были цветы.

Их положат на гроб того, кто сохранил от разрушений водопроводную станцию, и на могилу тех, кто расследовал это преступление...

I

На рассвете, по истечении комендантского часа, кого-то отпускали подобру-поздорову, других арестованных увозили под конвоем в Центральную комендатуру либо в Кресты, третьи обживали камеру предварительного заключения. С наступлением утра сменялись чины революционной охраны. Комендант третьего под-

района революционной охраны Петроградской стороны Рудольф Карлович Лепник и его двадцатидвухлетний помощник Вася Афанасьев устраивались на диванах у себя в кабинетах. Засыпали быстро, поднимались с первым телефонным звонком.

Обязанности комендатуры подрайона — нести службу постовую и патрульную, арестовывать и привлекать к суду за нарушение порядка — по большинству своему исполнялись с наступлением темноты. В течение дня комендант и его помощник готовились к ночи: решали, какие проходные дворы перекрыть засадами, какими маршрутами пустить патрули, где и когда встретиться с агентами, на какие «малины» обрушить облавы.

Днем чины охраны выгребали мусор, мокрыми тряпками стирали серый, как бессонница, налет грязи с широкой мраморной лестницы, ведущей на второй этаж. Окна двухэтажного дома, в котором располагалась комендатура, распахивались настежь — проветривали помещение[1].

Ночью по всем комнатам вновь расползался липкий смрад пивной и вокзала. Ночью в комендатуре кричали, ругались, грозили, бились в истерике и хохотали, требовали, плакали, доказывали, просили. Среди ночи появлялись люди в нижнем платье, потому что верхнее им помогли снять грабители. Чины охраны ехали к месту очередного происшествия — убийство, грабеж, насилие. Грохотал по булыжнику разбитый грузовичок, мотаясь из стороны в сторону светом фар.

В темные предрассветные часы казалось, что дежурную часть распирает от людей. Задержанных было много. И в этой комендатуре, и в других пятидесяти двух подрайонных и четырнадцати районных комендатурах революционной охраны Петрограда. Задержанных было так много, что к рассвету хотелось верить — больше уже и не будет. Но лишь до следующей ночи... И сколько ни устраивай облав, сколько ни воюй с бандитами, не видно конца, пока не подойдет к краю само время, все это породившее. А когда живешь в нем, в этом времени, так и думать некогда, где оно берет начало, а когда наступит конец. Черпаешь бадьей илистый

[1] В 1919 г. комендатура 3-го подрайона революционной охраны Петроградской стороны помещалась в доме — угол проспектов Мира и Кировского,— где находится теперь Институт эпидемиологии и эмбриологии им. Пастера.

смрад, а он опять подступает, и снова черпаешь, не надеясь дно очистить, а лишь бы самого не засосало.

Была суббота, Лепник и Афанасьев решили усилить патрули, а особых облав в эту ночь не устраивать — в воскресенье работы хватит.

Лепник сидел за массивным столом с распахнутой крышкой бюро. Ростом он был невелик, но зато с лихвой наверстал в плечах. Пышные усы, по-запорожски спускающиеся к подбородку, привлекали внимание, оставляя незаметными землистый цвет лица, густую сеть морщин, изрезавших лоб и щеки. Одет Лепник был в старый китель, из-под расстегнутого ворота выглядывала черная ситцевая рубаха.

Василий Афанасьев стоял, опершись о край открытого бюро. Худой, узкий в плечах, с резко очерченной талией, он был весь устремлен вверх. Мягкие светлые волосы распадались на прямой пробор, яркий румянец, который не могли стравить ни бессонница, ни голодуха,— все это вызывало желание у тех, кто встречал помощника коменданта, называть его не иначе, как Васенькой. Не прибавлял солидности помощнику коменданта и костюм из желтой кожи. Был он таким новеньким, таким скрипящим, что Афанасьев казался в нем еще моложе.

— Нынче ночью у меня встреча была,— сказал Лепник,— агент клянется, что в воскресенье нас на святых выведет. Полюбился им, видно, наш подрайон.

— Сами и возьмем троицу,— загорелся Василий.— Вот шуму по городу пойдет — святых поймали. Рудольф Карлович, облава будет — пошлите меня.

Тройку налетчиков — Матроса, Заломаева и Верочку-девочку в комендатурах города называли не иначе как святой троицей: гонялись за ними скоро уже месяц, а поймать никак не могли. Бандиты напоминали о себе, совершая один грабеж за другим, зверски разделываясь со своими жертвами. Последний налет они совершили недалеко от комендатуры 3-го подрайона. Раненый старик — хозяин квартиры — рассказал Афанасьеву, как ворвались к нему бандиты, стали требовать деньги. А когда получили то немногое, что было,— не поверили. Девчонка, которая была с двумя налетчиками, на глазах у старика прострелила руку его жене. Денег все равно не оказалось, и тогда бандиты застре-

лили старуху. Выстрелили и в старика. Одет он был в толстый ватник — это и спасло от смерти.

— Таких бандитов коменданту брать положено,— ответил Лепник, протягивая руку, чтобы захлопнуть бюро.— Вот что, Афанасьев, шагай-ка ты домой, пока жена о пропаже не заявила. Ночь без тебя отдежурю.

Недавняя женитьба Афанасьева, постоянная разлука, в которой пребывали молодожены,— опять четвертые сутки пошли, как помощник коменданта домой не заглядывал,— все это было поводом для бесконечных ухмылок: в брак вступал по-старорежимному — в церкви венчался, а супружеские обязанности сполняет по-граждански, жена уж и обличье мужа небось позабыла, как бы с другим помощником не спутала.

Наслушавшись подобных шуток, Рудольф Карлович предпочитал помалкивать о своей недавней женитьбе: и месяца не прошло, как перетащил холостяцкие пожитки на Васильевский остров. Впрочем, такое долго не скроешь. Всякий раз, отлучаясь из комендатуры, он называет дежурному свой новый адрес. К тому же вызывали на днях в Центральную комендатуру, велели анкету заполнить[1]. На этот раз в графе семейное положение вместо привычного «холост» Рудольф Карлович написал — «женат». Не сегодня, так завтра станет об этом известно и в подрайоне.

Завтра — это воскресенье 30 марта 1919 года. И другого завтра у коменданта подрайона уже не будет, оно последнее. Что делали, как поступали бы люди, будь им наперед известно, сколько осталось им в жизни лет, дней, минут?..

— Тебе костюм твой нынче нужен? — нарочито безразличным тоном спросил Лепник.

— А что? — насторожился Афанасьев.

[1] Из анкет коменданта 3-го подрайона революционной охраны Петроградской стороны Лепника Рудольфа Карловича: год рождения 1892, 1 мая; уроженец Лифляндской губернии, Венденского уезда, Ляудонской волости; отец — 52, мать — 49 лет; образование — 4-классная гимназия; в 1913 г. при родных в деревне, в 1914 г. на военной службе, в 1915—16 гг. тоже, в 1917 г. до Октябрьской революции — тоже, после Октябрьской революции — Гдонский Совет, в 1918 г. до поступления в охрану — Васильеостровский Совет, член Совета; в охране с 1 октября 1918 г.; коммунист, Российская коммунистическая партия (большевик), билет № 74, выдан Петроградским районом. (Ленинградский архив Октябрьской революции, ф. 73, оп. 2, ед. хр. 34, стр. 157, ед. хр. 178, стр. 38—40, оп. 3, ед. хр. 111, стр. 81—82.)

Во время разговора комендант поглядывал на кожаный костюм как-то недовольно, словно не одобряя, и Вася это заметил. «Чего ему недовольным быть, костюм я за примерную службу получил не в этом подрайоне, а в другом — Рудольфу Карловичу не на что обижаться».

— Тебе не потребуется, так мне до воскресенья оставь. Ночью поеду посты проверять, если все спокойно будет, так, может, и загляну здесь к одной...

Одалживать костюм, даже своему начальнику, Васе страсть как не хотелось. Но что поделаешь:

— Возьмите, Рудольф Карлович. Я же все одно его в комендатуре оставляю, домой в нем не хожу.

Афанасьев собрался идти, когда заглянул дежурный, доложил, что прежний комендант просится на прием.

— Опять Василий Никитович пожаловал. Пускай заходит,— распорядился Лепник.— Ну-ка задержись, Афанасьев, посмотри, кто здесь до нас делами заправлял.

Тон, каким были сказаны эти слова, не предвещал ничего хорошего. И все равно, увидев Василия Никитовича, Афанасьев невольно поежился: к такому на допрос попасть — врагу не пожелаешь. И дело было не только в разлапистой походке, бычьей шее, лице, на котором все без меры отвалено — нос, губы, подбородок. В каждом движении бывшего коменданта — как в кабинет вошел, как на Лепника взглянул, а Васю просто не заметил — была такая властность, что никто поперек не встань, стенка окажется, так и ее скорее всего башкой пробьет.

— Попрощаться зашел, комендатура, чай, не чужая. В Москву уезжаю, там меня назначение ожидает не в пример питерскому...

Последнюю фразу Василий Никитович так и не закончил, желая, видно, чтобы спросили его, о каком назначении идет речь. Рудольф Карлович, однако, никакого интереса не проявил. Помолчав, посетитель заговорил вновь.

— Слушай, товарищ Лепник, нужен мне документ, что состоял я в революционной охране, был комендантом подрайона.

— Будто мы с тобой прежде не говорили. Я же тебя, Василий Никитович, в центральную комендатуру посы-

лал. А от меня можешь только одного документа дождаться.

— Какого?

Лепник покопался в бумагах, обнаружил папку, сверился с ее содержимым и сказал не торопясь, чеканя каждое слово, словно и правда справку выписывал:

— С 1 августа по 2 октября 1918 года Василий Никитович являлся комендантом 3-го подрайона революционной охраны Петроградской стороны. Уволен за избиение заключенных.

— А без таких подробностей никак не обойдешься? Был комендантом — и дело с концом.

— Совесть не позволяет.

— Вы меня и вправду за контру держите, коль я той сволочи пальцы в двери прищемлял?

— И зубы вышиб.

— Велико ли дело, бандюге ряху намылил.

— Революция нам карающий меч доверила, а вы до мордобоя опускаетесь,— вмешался Вася Афанасьев.

Наконец-то Василий Никитович и его заметил:

— Ты, парень, в театр сходи, там за такие выступления неплохую деньгу отваливают. А здесь-то на кой слова произносить. Вас сюда политику проводить поставили, а вы про совесть толкуете. Да когда же это было, чтобы политика и совесть в дружбе находились? Коль уж до политики дошло — тут для совести и темного уголка не найдется. Совесть! Ты бы лучше у коменданта Крестов расспросил, как он за Охтой приговора в исполнение приводит. Тоже политика — только по ночам и без лишних свидетелей совершается. А коль есть такая, значит, и люди нужны, которые проводить ее умеют, а не только слюни пускать.

Лепник давно уже сжимал кулаки так, что ногти глубоко вошли в мякоть ладоней.

— И нечего тебе кулаки сжимать. Меня бы застрелил сейчас за милую душу.

— Это уж точно, Василий Никитович. Тебя, если к власти допустить, так ты всю ее под себя подомнешь.

— Вот она, вся ваша справедливость! Я бандиту по зубам съездил, а ты в меня пулю всадить хочешь. Значит, тебе можно, а мне нельзя. А коль так, кому-нибудь дозволено будет и тебя к стенке поставить.

— Напрасно, Василий Никитович, изводить меня

взялся. Терплю, терплю, а все до края. Я сюда не с печки спрыгнул, после четырех лет войны пришел.

— Да не стращай меня, не испугаешь. Ладно, давай документ, которым грозился,— уволен, мол, за избиение заключенных.

— На что же тебе такой документ?

— А я почем знаю. Сейчас вроде бы и ни к чему, а все-таки пускай лежит, вдруг когда-нибудь пригодится. Ты и такой документ выдавать не хочешь?

Низко склонившись над столом, Лепник принялся выписывать справку.

II

В подвале особняка Брандта оставался уголь, и дом отапливали. На кухне, в соседней просторной комнате с русской печью — людской было и вовсе тепло.

На кухне повар императорского яхт-клуба, не какой-нибудь там супник, а мастер жаркого, Иван Федорович Торбик готовил суп из селедочных голов.

Одной рукой подсыпая сухие измельченные коренья, Иван Федорович зачерпнул кипящей жидкости. Дуть не стал, а сразу поднес к губам. Он и этот суп готовил по всем правилам, так же тщательно, как, бывало, запекал поросят, начинял индеек черносливом и орехами. Головы селедок хорошо отмокли, не чувствовалось ни пронзительной вони давнишнего посола, ни тяжелого духа застоявшегося подвала. На ложке плавала различимая невооруженным глазом блестка жира.

Было время, когда б он за этой блесткой гонялся: хозяин с хозяйкой жирного не допускали. Было время, да прошло. Теперь хоть бы во сне увидеть косточку мозговую и мяса кусок пожирней. Эх, сварить бы бульон, чтобы духом одним от него сыт был, и вытеснил бы дух этот несъестные запахи, которые от скудности развелись по дому. Да, быстро времена меняются.

Во многих богатых домах служил Торбик. Брали его за мастерство, рассчитывали — за характер. Иван Федорович и в доме Брандта с первого дня повел себя самостоятельно. У миллионера лесопромышленника Василия Эммануиловича Брандта все на широкую ногу было заведено. Рядом с особняком Кшесинской свой дом построил, хоть и не для продажи, а все известно — вместе с меблировкой в четыре миллиона обошелся.

В Петергофе — дача-дворец. У хозяйки горничная красавица и у хозяина горничная, только рябая, страшная девка — это уж господские хитрости.

Прислуге щедро платили, ничего не скажешь, но поначалу казалось Ивану Федоровичу, что не приживется он и на этом месте. В первый же день хозяйка послала буфетчика на кухню за поваром, принялась недовольства высказывать:

— Что это, Иван Федорович, вы нам за щи подали? Разве это щи, когда в них картошки нет? Мы такие щи кушать не станем.

— Это и есть щи, а с картошкой-то мещанские. Я, простите, варить их не приучен,— сказал Торбик и уже руки за спину убрал, чтобы передник без промедления отвязать.

В другой раз заказали господа гречневую кашу. Иван Федорович чугун салфеткой обернул и английской булавкой заколол. Снова хозяйка недовольна:

— Отчего это нам гречневую кашу в чугуне принесли?

— А в чем же еще прикажете?

— На блюде хотя бы.

— Гречневая каша тушится в чугуне и в нем же с корочкой на стол подается. Я как положено могу, а иначе увольте.

— Да нет, Иван Федорович, я и сама хочу по-настоящему.

От этого «по-настоящему» Василий Эммануилович аж в лице переменился, так стулом двинул, что на паркете полосы остались.

Хозяйке хотелось на барыню во всем походить, да от кого скроешь, что прежде в кондитерской Дюмона служила. Ей тоже не сладко приходилось, словно на цыпочках ходила, лишь бы мужу не напомнить, что из простых взял... Мало ли что в господской жизни бывало, а теперь все как одуванчик разлетелось.

Скоро уже год, как отбыли господа за границу. Кольца нанизали на браслеты и детям на руки надели. Приглашенный ювелир прямо на руке замки у браслетов запаивал, наверное, чтобы в дороге не сняли.

Чемоданы на телегу рядами укладывали. Три ряда сложили, только ценности одни. А так все дома бросили. Когда с прислугой прощались, говорили, что вернутся скоро. Дом на все замки запирают, а при этом

наказывают — имущество их оберегать. Иван Федорович только плечами передернул: не сторож он чужому добру. А швейцар Сарафанов, тот слезу пролил и хозяину в верности поклялся. Он и нынче волком смотрит, как бы господское не попортили.

Сразу после отъезда хозяев появился в особняке представительный мужчина с военной выправкой. Распахнул все двери, ветром прошелся по комнатам, сказал, что дом занимают большевики и будут они жить здесь коммуной. Швейцар Сарафанов аж зашипел от злобы, а Торбик обрадовался: хотелось ему к новой власти приглядеться.

Скарб у жильцов был невелик, переезжали с узлами да деревянными сундучками, старушки тащили в обхват деревенские половики. Всласть позлорадствовал над ними швейцар.

Вскоре Иван Федорович узнал, что главный среди жильцов — мужчина с бородой, тот, что каждое утро проходит через двор, опираясь одной рукой о палочку, а другой прижимая к себе портфель. Был он ни много ни мало городской голова, всем хозяйством Петрограда заведовал[1]. Встретившись с ним, Торбик поклонился. Главный жилец протянул руку:

— Михаил Иванович. Калинин моя фамилия. А как вас величают?.. Слышал я, Иван Федорович, что вы здесь при бывших хозяевах поваром служили. Не хотите ли теперь вместе с нами на равных основаниях в коммуне состоять? Да вы не смущайтесь. В молодости я тоже на кухне служил у баронессы Будберг. Только вашего совершенства не достиг. В кухонных мужиках ходил...

Теперь все в людской обедать стали. И вечерами, как соберутся здесь, начинают о классовом чутье да классовом самосознании толковать. Доказывают друг другу, учеными словами перебрасываются, а никто не объяснит Ивану Федоровичу, отчего это все, происходящее в бывшей империи, ему, Торбику, очень даже по душе, а швейцару Сарафанову — кость в горло.

[1] С декабря 1917 г. Петроградскую центральную городскую думу возглавлял М. И. Калинин. В августе 1918 г. дума была распущена, вместо нее образован Комиссариат городского хозяйства Петроградской городской коммуны. По предложению Михаила Ивановича его заместитель в Комиссариате городского хозяйства И. Е. Котляков, другие петроградские большевики поселились в особняке Брандта, образовав коммуну.

Вместе в прислугах служили, да и положение повара со швейцаром не сравнишь, тому только внешность нужна, в голове хоть картофельный куст расти. А Иван Федорович владеет искусством приготовления пищи, к нему и отношение иное и жалованье повыше. Может быть, Иван Федорович потому новую власть и одобряет, что ему независимость дорога. А Сарафанову на что независимость, если она барыши не приносит.

Иван Федорович достал из самой глубины кухонного стола пузырек, заткнутый обернутой в белую тряпицу пробкой,— свой, заветный пузырек. Плеснул поверх супа постного масла.

Была суббота, и мужчины вернулись пораньше, но все равно затемно, когда детей, как говорила бабушка Котлякова, спать утолкали. Первым появился Иван Ефимович Котляков, а следом — и Михаил Иванович пришел. Калинин еще и пальто снять не успел, как Котляков сразу же с расспросами:

— Михаил Иванович, чего там в Смольном стряслось? Пока мы тебя по городу разыскивали, они раз пять звонили, все тебя требовали.

— Да так, дела,— ответил Калинин вполне определенно, в том смысле, что не имеет желания распространяться на эту тему.

В этот вечер в коммуне был полный сбор. И Торбик заварил по такому случаю морковного чая. Все потянулись вниз, в людскую.

Калинин сидел за общим столом, рядом с женой — Екатериной Ивановной, грел о стакан ладони.

— Сегодня на митинге,— рассказывал Михаил Иванович,— только успел на трибуну подняться, а мне уже кричат: «Нам не речи, не слова, а хлеб давай!» И я им без всяких изысканностей отвечаю: хлеба нет, и я вам его не дам. И не запугивайте меня, все равно не поверю, чтобы хоть один рабочий согласился задержать хлебный маршрут, который на фронт для Красной Армии отправляется...

Считался я когда-то самым мягким человеком — за всю жизнь курицы не зарезал, если нужно было — шел соседа просить. А теперь вот людям, голодным людям отвечаю — голодаете и будете пока голодать, потому что ничего другого не скажешь. Когда идет беспощадная борьба, проникаешься одним сознанием — уничтожить врага, только этим сознанием, а уж уничтожив-

ши, можно приходить в мирное состояние, жизнь налаживать. Да, для налаживания жизни время еще не подоспело, пока бы месяца три-четыре продержаться, тогда и оглянуться можно будет... Какое сегодня число? — спросил вдруг Калинин и, услышав ответ, ни к кому не обращаясь, думая о чем-то своем, произнес: — Значит, завтра будет 30 марта, года девятьсот девятнадцатого, воскресенье...

И снова все почувствовали, что беспокоят Михаила Ивановича какие-то свои мысли, о которых говорить он не хочет или не может.

Котляков взглянул в окно. Ночь прилипла к стеклу. Чтобы заполнить паузу, Иван Ефимович сказал:

— Тревожно нынче в городе, так и прислушиваешься, где выстрелы посыплются, а где свистать начнут.

Калинин будто не слышал его слов.

Через людскую прошествовал швейцар Сарафанов. Борода вперед, ни на кого не смотря, никому не поклонившись. Набрал горячей воды на кухне, и таким же манером — назад. Михаил Иванович усмехнулся ему вслед.

— Когда я в людях служил, был там камердинер Петр Петрович. У него вся камердинерская знать Петербурга собиралась. Копировали они своих господ, ну, просто чудо: хорошие вина пили, светские разговоры вели — все больше о чинах да орденах, карьерами своих хозяев друг перед другом похвалялись. А меня, как не отесанную еще столицей деревенщину, заставляли им прислуживать. Для них весь мир так и строился: они хозяевам свои поклоны бьют, а я должен был им кланяться. На мне, впрочем, все и кончалось — мне никто уж не кланялся. Ох, и гоняли же меня эти камердинеры. Одно слово — холуи... Однако и ими не рождаются.

Оставшись с Михаилом Ивановичем вдвоем, Екатерина Ивановна сразу же спросила:

— Что же у тебя стряслось такое? Я же вижу — сам не свой.

Калинин хитро взглянул на жену,— а ты сама на таком митинге побывай.

— Тебе уж не впервой.

— Завтра в Москве на заседании ВЦИК будут нового председателя выбирать, вместо покойного Якова Михайловича.

— А тебя что тревожит?

— Не говорил я тебе прежде, Ленин думает мою кандидатуру выдвигать.

— Как же ты будешь председателем ВЦИК?

— Подожди, изберут ли еще.

Екатерина Ивановна покосилась на мужа — со мной в прятки не играй.

— Сегодня известие от Ленина пришло: просил мне лично передать, что считает такое решение единственно целесообразным.

— Да я про тебя спрашиваю, как же ты справишься с такой должностью?

— Чего же гадать — пока я и круг занятий осмыслить не могу. Только заметь, когда я тебе принес известие, что городским головой стал, ты куда больше подивилась. А теперь вот второй год прошел и вроде бы ничего особенного, так и быть должно — быстро люди привыкают.

Екатерина Ивановна не ответила, она думала о чем-то своем, как и положено жене, наверное, о семейном, и лицо у нее было усталое, грустное.

Вскоре все спали. Только на кухне еще возился Иван Федорович. Он решил приготовить к завтраку запеканку. Отмочил овес и проворачивал его теперь через мясорубку. Торбик не знал, что Калинин и Котляков ранним утром уйдут из дома, даже не вспомнив о завтраке. Они этого тоже не знали.

Ранним утром 30 марта обитателей особняка, который еще по-прежнему называли домом Брандта, разбудил тревожный стук в парадную дверь.

III

В третьем часу утра словно отрезало: замолчал телефон, не тревожили комендатуры — ни районная, ни центральная, перестала хлопать дверь внизу, затихла перебранка подле дежурного. Лепник научился без ошибки, не теряя и минуты, улавливать тот перелом, за которым начинает спадать лихорадка ночной работы. Он тут же сбежал вниз, сказал дежурному:

— Поеду посты проверю. Задержусь — посылайте Большой проспект, 91б, кв. 10. Понял?

— Понял, товарищ комендант.

И вдруг, неожиданно для себя, Лепник рассмеялся:

— А что понял-то?

— Если задержитесь, так Большой проспект...

Сырой холодный ветер, прихваченный ночным морозцем, натянул на мостовые наледь. Комендант хоть и с трудом, но удерживался в седле: шины скользили, словно коньки. Он и в самую лютую непогоду, несмотря на снег и лед, передвигался по городу на велосипеде.

Комендант ехал проспектом, сворачивал в улочки, вглядывался в черные ямы дворов, встречал патрули, слушал доклады постовых, отдавал распоряжения — исполнял все, что и полагается исполнять руководителю комендатуры. А мыслями Рудольф Лепник весь безраздельно был уже на Васильевском острове, в комнате, которая стала его домом. Был вместе с нею.

И, как всегда, свет от ее окна — словно первая встреча с нею. С улицы видно было не само окно, а лишь блики, которые падали от него на кирпичную кладку соседней стены. Давно ли стоял он тут, не смея войти в дом, не смея поверить, что эта курсистка — такая красивая, такая серьезная, такая независимая, такая образованная и такая любимая станет когда-нибудь его женой. А вот и стала.

Она сразу открыла дверь. Волосы гладко причесаны, коса уложена в пучок, у блузки даже верхняя пуговица застегнута. Приди он не сейчас, а еще через несколько часов, она бы так и сидела, не позволив себе прилечь. Рудольф знал об этом, волновался, задерживаясь, гордился и радовался при каждой встрече. Но сегодня мелькнуло и сожаление: ему хотелось увидеть ее полуодетой, с распущенными волосами, разомлевшей от сна. Но время это еще не настало для них: они стеснялись друг друга, стеснялись каждого неловкого движения и двусмысленного слова. Для них не настало еще время естественной откровенности отношений жены и мужа и никогда не настанет: у них ничего не было, кроме этой ночи, да и не ночи, а минут каких-то, выкроенных для жены комендантом революционной охраны, который поехал проверять посты.

Она тянула в комнату, а он целовал и целовал ее подле двери. Она отвечала Рудольфу, и губы ее становились все податливее и мягче.

— Я хочу дышать тобою.

— Никогда не думала, что мужчины могут быть такими ласковыми, а ты и вовсе...

Она еще наблюдала за ним, словно со стороны, и каждый из них еще существовал сам по себе. Но уже в следующее мгновение она произнесла шепотом:

— Давай только разденемся...

В этом были ее просьба, ее желание, а потому и великая победа Рудольфа. И именно это мгновение стало для Рудольфа той самой острой близостью, которую довелось ему пережить с любимой женщиной. И если бы в последнюю минуту жизни, которая так скоро должна была для него наступить, кто-нибудь мог спросить Лепника о самом прекрасном,— он вспомнил бы эти слова и шепот, которым они были произнесены.

Потом они лежали в темноте. Рудольф не видел ее и старался представить, как движутся губы, как морщит она лоб, улыбается, чуть подергивая кончиком носа. Он мог, казалось бы, различить в темноте каждую черточку ее лица, но ему никак не удавалось собрать их вместе. Он хотел и не решался зажечь свет, хотя бы чиркнуть спичкой.

— Ты первый, кто умеет так меня слушать, и за это я тебя еще больше люблю. Мне хочется рассказывать тебе обо всем, обо всем. Поделиться каждой мыслью, постараться передать все мои чувства,— она говорила легко, плавно посылая в темноту слово за словом.

Рудольф любил эти предрассветные разговоры и боялся их. Она погружалась в мир своих ощущений, и Рудольф послушно следовал за ней, растворяясь в ее мыслях и чувствах, лишаясь дара речи, порой не имея сил ответить на обращенный к нему вопрос.

— Я ждала тебя эту ночь и старалась думать о нас, а мысли путались, прыгали кузнечиками с пятого на десятое. Я разучилась заглядывать вперед, думать о том, что будет. Жизнь раздробилась на дни, минуты, распалась, как цепочка, на звенья. Может быть, так велик каждый день и нет сил заглянуть за его край. А может быть, ты отучил меня думать о том, что произойдет завтра, когда-нибудь. Честное слово — это ты. Я жду тебя каждый вечер и каждую ночь, мечтаю о подобных минутах, хочу их с такой силой, что не могу задумываться над тем, как мы встретимся завтра, будем жить через год.

Нет, я не справедлива. Жить одним днем — это не только от тебя, а от всего вместе. Прежде еще снег не

сошел, а я уже думала, как бы заработать к следующей зиме. А теперь — получила на день хлеб, и хорошо. Прежняя жизнь представляется мне большой равниной; я иду по ней размеренно, не спеша: учусь на курсах, знаю, когда окончу, могу представить, что примерно меня ждет. А теперь... теперь и сама равнина пустилась вскачь, и я уже не бреду, а несусь по ней. Помнишь примеры на сложное движение? Я глупости болтаю, Рудольф, да? Подожди, не суди меня. Мы так много говорим теперь обо всем мире. Но каждый человек тоже мир. Сколько времени можно прожить, не заглядывая в себя, не имея времени задуматься, со всеми вместе поднимаясь на одной волне, живя общим порывом? Революции тоже проходят.

А может случиться так, что все люди отучатся опираться на себя, двигаться, отталкиваясь от самих себя, в своих мыслях и чувствах черпать энергию? Вдруг! Это будет очень страшно. Даже представить жутко, что произойдет, если обмелеет однажды самый глубокий в мире океан — океан человеческой души. Я думаю о тебе, Рудольф, что станет твоей точкой опоры в той, иной жизни, когда один день будет спокойно сменяться другим. Я думаю о себе...

Рудольфу хотелось растормошить ее, избавить от мыслей, которые так коварно уводили ее за круг его жизни. Он не был согласен с ней, но он и не возразил. Тревоги ее были рождены их любовью, рождены здесь, где существуют они и только они — от неба до земли, от полюса до полюса. Что мог он возразить? Стараться убедить, что мир любви их не может существовать сам по себе, он зыбок, подобно темноте этой ночи, которая совсем недавно так сладко укрывала их, а теперь начала отступать перед серой мглой. И время их истекло, и надо расставаться — не когда-нибудь, а именно сейчас. Он так и не произнес ни слова, как нет во сне сил сделать всего лишь одно движение, чтобы отстраниться от опасности.

...Конечно же, Рудольф пробыл дольше, чем полагал, и теперь торопился в комендатуру, ехал, не задерживаясь у постов. Комендант скорее почувствовал, чем заметил, какое-то движение на улице, а потом увидел тень: отделившись от стены дома, человек одним прыжком миновал проем ворот.

— Стой!

Тень вновь появилась в проеме ворот, могло показаться, что человек остановился, нет, замер на долю секунды и прыгнул во двор. Поравнявшись с воротами, Лепник поспешно соскочил с седла. Всматривался в предрассветный туман, окутавший двор, и ничего не видел. Двор уходил вниз, был, очевидно, проходным, и, минуя его, можно оказаться на набережной Невы.

Комендант так и не вошел во двор, не вынул оружие, не стал преследовать неизвестного. Лепник не испытывал страха, нет. Им овладела какая-то безотчетная слабость, то минутное безразличие к окружающему, которое испытываешь порой после того, как долго и пристально всматриваешься в самого себя.

Проехав квартал, комендант свернул за угол, спустился к Неве. Вдали, на том берегу реки, светился огонек — водопроводная станция Петроградской стороны.

Рудольф Карлович так и не узнал, что значила в его судьбе эта промелькнувшая тень. Задержи комендант неизвестного, быть может, не произошло бы то, чему суждено было случиться спустя несколько часов.

IV

Если пустить кинокадры вспять, если дать обратный ход кинопленке, на которую успели заснять, как поднялся, рванулся вперед боец и упал, сраженный пулей... Тогда поднимется погибший, проделает обратный путь, невредимым вернется в окоп. Так бывает в кино и никогда не происходит в жизни. Никогда, никогда уже не поднимется погибший боец.

Как любим мы это «если бы» и в жизни своей, и в истории. Любим пускать минувшее вспять. Вот если бы не делать этого шага, если бы знать, к чему все приведет, если бы раньше поняли люди, если бы... тогда бы не случилось, не произошло то, что произошло. Но что было, то было. И никакие «если бы» не могут ни вернуть, ни исправить, ни переделать.

В тот день, о котором здесь речь, все могло бы произойти иначе — если бы, если бы, если бы... Но из всех вариантов торжествует лишь один — тот, который был на самом деле.

«30 марта, рано утром, на городской водокачке, по-

мещавшейся на Пеньковской улице, на Петербургской стороне раздался взрыв»,— писала газета «Северная Коммуна» 1 апреля 1919 года.

Два здания красного кирпича, фильтры и машинное отделение сходятся углом, оставляя лишь узкий проход. Здесь взорвалась бомба. Волна вышибла стекла, контузила машиниста. Грохот взрыва вырвался из замкнутого пространства, пронесся над Невой, перевалил на другой берег, разбился о низко нависшее над городом набухшее серое небо.

Первым из комендатуры выбежал Лепник, вскочил на велосипед. Шофер заводил грузовик, бойцы прыгали в кузов. Они отъехали от комендатуры, когда Рудольф Карлович был уже возле моста.

Открытый легковой автомобиль остановился перед особняком Брандта. Дверь открыл Котляков.

— Беда, Иван Ефимович! Заречную станцию взорвали!

Со второго этажа сбежал Калинин. Раздет по пояс, полотенце через плечо.

— Подожди. Я сейчас.

Афанасьева разбудил телефонный звонок.

— Взрыв на Пеньковской улице, на водопроводной станции. Комендант приказал срочно прибыть.

Василий выбежал из дома. Пустая улица — ни извозчиков, ни машин. Пустился бегом.

Все они торопились к месту взрыва. Каждый из них мог оказаться на водопроводной станции чуть раньше или чуть позже. Они прибыли туда именно в то мгновение, с той абсолютной точностью, чтобы последующие за тем события произошли так, как они происходили.

Лепник приказал оцепить станцию. Он же доложил Калинину свои опасения: одной бомбой здесь может дело не обойтись, расчет и строится на том, чтобы после первого взрыва собралось побольше народа. Котляков начал осматривать двор. Калинин и Лепник спустились в машинное отделение...

XII заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета собралось в воскресенье, 30 марта. Две недели назад скончался Председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов. Предстоит избрать нового Председателя...

В сыром полуподвале гуляли сквозняки. Калинин поежился от холода. Лепник шел впереди. Остановился, наклонил голову, словно прислушивается к чему-то. Калинин подошел к нему. Тоже прислушался. Было отчетливо слышно, как работает часовой механизм. Бомба лежала под машиной. Так-так-так. Работает часовой механизм, и кажется, что уже кровь стучится в висках, подчинясь этому ритму...

Заседание открыл секретарь ВЦИК Енукидзе. Кандидатуру Председателя выдвигает большевистская фракция ВЦИК. Слово берет Ленин:

«Товарищи! Найти настоящего заместителя тов. Якову Михайловичу Свердлову — задача чрезвычайно трудная ...кандидатура такого товарища, как тов. Калинин, должна бы объединить нас всех... Вот почему я позволю себе рекомендовать вам эту кандидатуру — кандидатуру товарища Калинина».

Работает, пока еще работает часовой механизм. Так-так-так. Будто раскалывая время. Два решения, два поступка. Между ними черта — по одну сторону все, что было прежде, по другую то, что произойдет сейчас. Рудольф Лепник нагибается. Протягивает руки под машину. Берет бомбу. До двери восемь шагов. Дверь. Выбегает во двор. Всюду люди. Узкий проход между домами. Впереди показался Котляков. Кто-то бежит рядом. Кто-то кричит, умоляет бросить бомбу в канализационный люк. Всюду люди. Успеть. Добежать до Невы. Бросить бомбу в Неву. Успе...

«...собрание приступает к выборам нового председателя ВЦИК. Единогласно под дружные аплодисменты тов. М. И. Калинин избирается новым председателем ВЦИК».

ЭПИЛОГ К ГОДУ ДЕВЯТНАДЦАТОМУ

Василий Афанасьев вбежал в распахнутые ворота станции и — взрыв. Его швырнуло назад, на набережную, он упал. Поднялся и снова бросился вперед. Посреди двора лежал Лепник, широко и свободно разбросав руки. Такой знакомый Афанасьеву кожаный костюм был изодран в клочья, по ярко-желтому глянцу струилась кровь.

— Рудольф Карлович!

Лепник не отвечал, то хрипел, то снова замолкал. Афанасьев увидел Калинина. Он помогал нести к машине контуженного взрывом Котлякова.

Лепник пришел в себя, когда его укладывали на телегу.

— Куда везти собрались?

— В Петропавловскую больницу.

— Про троицу святую не забыли? Агент сегодня подтвердить должен.

Помощник коменданта продолжил осмотр станции. Черную со скосом коробку, отдаленно напоминающую телефонный аппарат, он увидел в небольшом углублении, наскоро выкопанном под домом.

Афанасьев наклонился. Поднял бомбу. Вытянул руки, стараясь держать подальше от себя этот жуткий груз.

— Ложись! — крикнул бойцам оцепления и пошел к воротам.

Шел ровно, твердо ставя ногу и так же твердо делая следующий шаг. Шел, подавляя желание броситься бегом, стараясь убедить себя, что, пока он спокоен, ничего не может, не должно случиться. Ступал по тому месту, где несколькими минутами раньше взорвался Лепник, старательно обходя лужу густой, не уходящей в землю крови.

Склонился над парапетом и разжал руки. Бомба мягко упала в наметенный на льду сугроб.

Афанасьев вернулся на станцию, надеясь, что больше ничего уже там не найдет.

Еще одна.

— Ложись!

Еще.

— Ложись!

Заканчивая осмотр станции, наткнулся на четвертую бомбу. Нес ее так же — на вытянутых руках, и был уже подле ворот, когда рванул взрыв.

Афанасьева хлестнуло снежной порошей. Он покачнулся, но устоял. Черная ненавистная коробка лежала на руках. Василий тупо смотрел на нее, пока не сообразил, что взорвалась не эта адская машина, а одна из тех, что успел он бросить с набережной вниз.

Пока, присев на корточки, смолил протянутую кем-то цигарку, грохнуло еще два взрыва. Время последней бомбы никак не подходило.

На станцию приехали сотрудники Петроградской ЧК — им и разбираться в таком происшествии. Следом прибыл отряд подрывников из Кронштадта — они обезвредят последнюю бомбу. Помощнику коменданта больше нечего было здесь делать.

Афанасьев вышел не спеша на набережную. Около ворот стоял прислоненный к каменной ограде станции велосипед Лепника. Василий сел на него и поехал...

Агент не обманул, к вечеру удалось напасть на след троицы — Матроса, Заломаева и Верочки-девочки.

К дому подошли вшестером. Прикинули, куда могут выходить окна квартиры, и оставили бойца стеречь: будут через окно вылезать — стреляй.

Поднялись на четвертый этаж. Афанасьев негромко постучал.

— Кто там? — сразу же откликнулся за дверью женский голос.

— Скорая помощь,— неожиданно для самого себя ответил Василий.

Лишь звякнула щеколда — ворвались в квартиру. Афанасьев заметил, как кивнула хозяйка, указывая на узкий, чуть освещенный коридор с приоткрытой в конце его дверью. Но поздно: дверь захлопнулась, щелкнул замок.

Теперь они рвали дверь и не могли открыть. Глухо донесся с улицы выстрел. Кто-то тяжело спрыгнул с подоконника.

— Посторонись! — крикнул Василий.

В комнате началась стрельба, били в коридор, дырявя дверь. Бойцы распластались на полу. Василий втиснулся в крохотный простенок между дверью и стеной. Если начнет бить под углом, пожалуй, заденет. Считал выстрелы — второй, пятый, шестой. Конец обойме. Опять стреляет — из другого пистолета.

Всякий раз, как замолкали выстрелы, помощник коменданта уговаривал открыть дверь. И снова пули дырявили филенку. Когда же конец? За дверью о чем-то шептались, кто-то всхлипывал, тонко и жалобно, словно ребенок.

— Выбрасывай оружие!

Дверь чуть приоткрылась. В открывшуюся щель выбросили наган.

— Давай еще пистолет. Ты семьдесят две дырки в двери просверлил.

Из-за двери показалась рука, протягивающая браунинг. Афанасьев обрушился всем телом на дверь, защемил с хрустом руку. Рванул дверь на себя, распахнул ее и прыгнул на того, кто стоял за ней. Опрокинул, прижал коленом грудь.

Это был Заломаев. На кровати стояла девчонка-подросток, наблюдала сверху за возней на полу. И Верочка здесь. А Матроса нет!

Весь еще в горячке схватки, Афанасьев вбежал в комендатуру.

— На допрос их. Быстро на допрос. Заломаева веди. Нет! Девчонку давай первой.

Он не справился с собой и, лишь привели девчонку, начал кричать:

— Где Матрос, говори. Говори, бандитка, хуже будет. Где Матрос? Отвечай!

Верочка прошлась по кабинету, изогнувшись — тростинка, сейчас переломится,— села на стул, засмеялась.

— Успокойтесь, гражданин начальник. Неужто мой Петенька вас так напугал? А я ничего не боюсь. Да кабы не я, вам бы теперь про Матроса и спрашивать не у кого было.

Афанасьев тоже сел. Он лишь теперь заметил, что влетел впопыхах в кабинет Лепника. Она смеялась Василию в лицо. И это не взорвало его еще раз, а заставило успокоиться. Отхлынуло то, что клокотало в груди, голова стала совсем легкой, только в ноге, никак не успокаиваясь, била ехидная дрожь.

— Сколько у него в браунинге пуль осталось, посмотрели небось? — спросила девчонка.

Афанасьев достал браунинг. Одна пуля — в обойме, другая — в стволе.

— Две.

— Две,— повторила Верочка. — Одну для меня, другую себе оставил. Я, это я его умолила, чтобы не кончал он нас.

— Сбежать надеялась?

— Никогда. С любимым не могла навсегда расстаться. Вот и умолила его, камнем на нем висела. Хоть в тюрьме, да еще раз свидимся,— голос у нее чуть

дрогнул, и она снова сказала: — Еще раз, да свидимся.

К Афанасьеву пришло решение, он знал теперь, как вести допрос.

— Не увидишь ты больше своего Петеньку, никогда тебе его не увидать! Не будет вам в тюрьме свидания, и очной ставки вам не дам.

Верочка заплакала.

Они договорились: Афанасьев дает ей честное слово, что устроит свидание с Заломаевым, а Верочка говорит, где искать Матроса.

— На Московском вокзале ищите. Уезжать мы сегодня собрались...

Афанасьев стоял в самом конце состава. Верочка была здесь же, на перроне, в нескольких шагах. Он следил за ее лицом. Надеялся, что если и не подаст условленный знак, все равно не сумеет скрыть, когда увидит Матроса.

Закручивался водоворот вокзальной толкучки. Лицо Верочки — прикрытый кудряшками лоб, серые колючие глаза, прямой с чуть вывернутыми ноздрями нос, по-детски припухшие губы — появлялось и пропадало за новой волной пассажиров. Василий стал пробираться к ней поближе. Его толкнул, словно стальной болванкой двинул, высокий мужчина в длиннополом меховом пальто. Афанасьев обернулся, своим глазам не веря: да нет, не обознался, он самый — Василий Никитович. И правда, в Москву собрался, да еще барином каким. Следом за бывшим комендантом носильщик волок здоровенный чемодан.

Афанасьев увидел Верочку, впервые прочел в ее глазах страх и понял, что Матрос появился на перроне.

Матроса взяли тут же, без лишнего шума. С вокзала Василий уходил вместе с Верочкой, крепко держа ее под руку. На площади остановилась открытая машина. Афанасьев видел ее сегодня у водопроводной станции. Вышел Калинин, с ним двое молодых ребят.

Впервые за эти часы память вернула помощника коменданта к тому, что случилось утром. Неужели все это было сегодня — взрыв, истекающий кровью Рудольф Карлович, бомбы на вытянутых руках,— только

сегодня утром. Верочка чуть шевельнула рукой, и он еще крепче сжал ее локоть.

...Поезд набрал ход, вагон перестал мотаться из стороны в сторону, мерно покачивался, словно покорившись своей судьбе. Быстро промелькнули редкие огоньки, за окном воцарилась ночь. Калинин сидел на нижней полке, вольно вытянув ноги, смотрел в черную пустоту окна.

На противоположной полке устроились двое парней — чекисты, которым поручено сопровождать Михаила Ивановича. Они не знали еще, что едут в Москву вместе с новым Председателем ВЦИК.

Чекисты развернули нарезанные ломти хлеба, достали несколько кусков сахара.

— Перекусить не хотите, Михаил Иванович?

— Кипятком бы разжиться.

Мимо купе прошел кондуктор, понес кому-то чайник с кипятком. Один из чекистов поднялся, пошел за ним.

Все дальше от Петрограда уходил поезд, а вместе с этим отступали хлопоты, заботы последнего питерского дня, улеглись тревожные, как звонки, мысли — как бы не забыть чего, успеть сделать до отъезда. Котляков не скоро оправится от контузии, здорово досталось Ивану Ефимовичу. А парень тот, пожалуй, не выкарабкается. Фамилии коменданта Михаил Иванович не знал, не мог припомнить и как выглядел он, осталась в памяти лишь кожаная фуражка, куртка ярко-желтой кожи и такое же галифе.

Калинин вновь ощутил холодную сырость полуподвала, услышал металлическое постукивание часового механизма. И засосало под ложечкой, стало сухо во рту. «Нашел, когда испугаться»,— усмехнулся про себя Михаил Иванович.

Чекист вернулся с пустыми руками. Присел подле двери, тихо переговаривался со своим напарником.

— Обещал и нам кипятка принести. Чайник он соседу нашему отнес.

— Кто там едет?

— Туз какой-то. Один во всем купе. Одет как барин, а говорят — из Центральной комендатуры. Не похоже чего-то. Может, проверить?

— Сказано было — себя не проявлять. Пускай тот туз внимание к себе и привлекает, так оно лучше. Приедем — разберемся.

Калинин думал теперь о Москве, о своем назначении, о том, что предстоит сказать ему при вступлении в новую должность. Нужные слова никак не приходили, рождались медленно, неохотно.

«Это доверие я рассматриваю... я принимаю как доверие петроградским рабочим... революционному петроградскому пролетариату. Я с сожалением... я с глубоким сожалением расстался... оставил работу в рядах петроградского пролетариата».

Кондуктор все не шел.

ПЯТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ СПУСТЯ

Новый дом на окраине Ленинграда. А убранство квартиры, в которую я пришел, переносит в былое.

На комоде никелированная металлическая копилка с надписью на крышке: «Накопление — путь к богатству».

Мой собеседник — стар. Время долго трудилось над его лицом, черты стали такими жесткими, что трудно представить, каким оно было в молодости. Вот только зачесанные назад волосы, наверное, и раньше так же распадались на прямой пробор, но теперь они седые.

Одет он в синий френч. На груди орден Красного Знамени, тот, прежний, без ленты.

Мы встречаемся уже не первый раз и решаем сразу же продолжить нашу беседу. На столе появляется толстая папка с бумагами — семейный архив. Раскладываем документы. Отпечатанный на толстом картоне с золотым обрезом пригласительный билет: «Николай Афанасьевич и Ирина Аникеевна Афанасьевы просят Вас пожаловать на бракосочетание сына их Василия Николаевича с Елизаветой Семеновной Федоровой...» Рядом ложится фотокопия удостоверения, оригинал его владелец передал Ленинградскому музею революции. «Товарища Афанасьева Василия, красноармейца отряда Кишкина первого батальона особого назначения 17-й милиционной бригады, наградить Знаком Отличия ордена Красного Знамени за то, что во время кронштадтской операции, находясь под ураганным огнем

противника, сдерживал наступающие цепи от попытки пойти назад и, ворвавшись в Кронштадт третьей группой, ожесточенно дрался с мятежниками. Орден Красного Знамени № 2124».

Да, я в гостях у бывшего помощника коменданта 3-го подрайона революционной охраны Петроградской стороны Василия Николаевича Афанасьева.

В комнате появляется Елизавета Семеновна. Она подозрительно посматривает на дверь — не сквозит ли. Достает плед, кладет его на колени мужу.

Я привез с собой выписки, которые сделал в архиве и библиотеке, показываю их Василию Николаевичу. «Коменданту Центральной Комендатуры Революционной Охраны гор. Петрограда. Рапорт. Доношу, что Комендант 3-го подрайона Револ. Охр. Петерб. Стор. РУДОЛЬФ ЛЕПНИК с 9 сего апреля ввиду его смерти уволен. Прошу вышеназванного Коменданта исключить из списка служащих. Район. Комендант В. Курочкин».

В апреле девятнадцатого года газета «Северная коммуна» публиковала объявление в траурной рамке: «12 апреля на Смоленском кладбище похороны жертв белогвардейских взрывов на городской водопроводной станции: коменданта 3 подрайона революционной охраны Петроградской стороны Рудольфа Лепника...»

— Рудольф Карлович был тяжело ранен, ноги ему особенно исковеркало, прожил он после этого всего лишь несколько дней,— вспоминает Афанасьев.— Был я у него в больнице на второй либо на третий день после взрыва. Говорил, что чувствует себя нормально, только жар сильный, температура высокая. На врачей жаловался — перевязки не делают. Один раз перевязали — и все. В то время медицинский персонал по большей части нелоялен был. Петропавловская больница хоть и в нашем районе находилась, но повлиять на врачей я все равно не мог. Умер Рудольф Карлович от заражения крови.

На похоронах его я не был. Что стряслось в тот день — не припомню, но, видно, не смог, занят был... Три месяца мы вместе с ним работали, и днем и ночью рядом были, а вообще-то ничего друг про друга не знали. Все некогда было. Не помню, чтобы хоть раз один на свободную тему беседовали, просто так, по душам

поговорили. Неизвестно мне было, что у него родители живы, наверное, так и не узнали, когда и где сын их погиб. И о том, что женат был Рудольф Карлович, впервые от вас услышал.

Теперь не только вам, а и мне понять трудно, как это я мог на похороны своего коменданта не явиться. Все то время, начиная со штурма Зимнего дворца, я в нем участвовал; да нет, раньше, пожалуй,— в первый же день Февральской революции мы полицейский участок подожгли, четвертый участок на Большой Зеленина, дом 27. Одним словом, все годы революции одним днем теперь представляются. Мы как-то с Елизаветой Семеновной старались припомнить: был ли в нашей молодости хоть один вечер, когда бы мы его вместе без дела провели. Не было такого вечера. Если попал домой — так поспать, сомкнул глаза — будят.

Мы вспоминаем прошлое, вспоминаем вместе: Афанасьев — то, что пришлось пережить, я — то, что удалось узнать. Но и Василий Николаевич как бы со стороны смотрит на события былых времен, как бы комментирует эпизоды — точно, без труда называя имена, фамилии, даты, легко вспоминая названия улиц и номера домов. Эта безукоризненная точность еще более укрепляет ощущение отстраненности в его рассказе, словно говорит не о себе, а о хорошо ему знакомом юноше из революции Васе Афанасьеве. Мне кажется это странным, я не могу пока объяснить...

— О том, как гонялись за бандитами, я вам уже прежде рассказывал. Всякое тогда бывало, случалось и комическое, не обходилось без недоразумений. Представьте себе, однажды самого Горького задержали, Алексея Максимовича. В июне 1919 года это было. Революционную охрану незадолго перед тем в милицию преобразовали, и я начальником отделения стал.

По городу ходить тогда до девяти часов вечера разрешалось. Вот и задержали Алексея Максимовича на Каменном острове за нарушение комендантского часа. Были с ним две особы. Не я задерживал, сотрудники. Привели в отделение. А там на проверку документов очередь выстроилась. Он и его спутницы тоже в эту очередь встали. Я раз прошел мимо, два. Он мне все

документы протягивал, молча, ни слова не говоря. А я отмахивался: «Обождите в очереди. Придет время, у всех документы посмотрим». В шляпе он был, не узнал его. Потом стал подниматься на второй этаж, взглянул вниз, усы увидел, тут и дошло — Горький.

Подошел, извинился — можно, мол, вас на минуточку. Он смеется: «Ничего, ничего, я доволен даже, что получил возможность познакомиться с вашей работой, она действительно трудная». Даю ему пропуск на свободный проход по городу, а он говорит: «Мне на одного пропуск не нужен, на троих давайте».

Мне хочется узнать еще об одном человеке, связанном с комендатурой 3-го подрайона Петроградской стороны, и я пользуюсь паузой.

— Василий Николаевич, в архиве хранится документ об отчислении коменданта, который был предшественником Лепника. Его уволили из революционной охраны за нарушение законности. Вы никогда не слышали, что стало с ним потом?

— Нет, не слыхал. Последний раз видел Василия Никитовича тогда на Московском вокзале — и все. Сгинул куда-то. А вот вспомнить о нем пришлось, и случилось это, признаюсь вам, в те минуты, когда мне очень стыдно за себя было. Помните, когда-то мы с Василием Никитовичем о политике и совести горячо потолковали. Он еще сказал тогда, мол, побываете за Охтой, где приговоры приводят в исполнение, иными глазами на мир смотреть станете. Как будто накликал этот тип, пришлось и мне там однажды быть.

Связано это было с делом, о котором вы знаете, Матроса и Заломаева к высшей мере приговорили. И девчонке той, Верочке, тоже расстрел. Я сам за такое решение ходатайствовал: восемнадцать лет ей было, а уже со вторым налетчиком жила, много людей погубила, только по нашим подсчетам — за ней семнадцать грабежей числилось.

Вскоре после того, как вынесли приговор этой троице, вызывают меня в Кресты. Собрался было, а где находятся Кресты — и не знаю: сколько арестованных туда направлял, а сам не был. На Выборгской стороне они оказались. Там комиссия ожидала, в которую и меня назначили. Я должен был перед расстрелом опознать бандитов, которых арестовывал. Бывали случаи,

когда приговоренные к смерти уголовники ночью вместо себя других из камер выталкивали.

Осужденных за Охту отвезли, место глухое, когда-то там узкоколейка проходила. И комиссия приехала. Вызывают осужденного, член комиссии опознает его, после этого приговор приводится в исполнение.

Вызвали Верочку, внешне она удивительно симпатичная была особа. Я подтвердил, что это она и есть. А Верочка говорит мне: «Как же вам не совестно. Вы же мне свидание с Заломаевым обещали, честное слово давали...»

Не сдержал я слово. Столько крови эти бандиты пролили, такая ненависть у меня к ним была, что не выполнил я свое обещание.

Председатель комиссии спрашивает: «Вы действительно ей свидание обещали?» «Да,— отвечаю,— обещал». «Как же вы могли слово свое нарушить?»

Привели Заломаева. Они постояли вместе, обнялись, ни слова друг другу не сказали...

Жуткая была ночь, и понял я тогда для себя очень важное. С бандитами, врагами нашими, по-разному приходилось воевать, при этом хитрость нужна была, изворотливость. А все-таки грань человеческой порядочности никогда переступать нельзя. С кем бы ни боролся ты — есть такая грань, и в каждом случае вполне определенная. Я ее в том случае переступил, потому и пришлось о Василии Никитовиче вспомнить. Если потерял совесть, нечего тут на политику ссылаться: не врагу, а самому себе урон наносишь и политике той, которую тебя проводить поставили.

Василий Николаевич хотел еще что-то добавить, но не смог, махнул рукой — хватит об этом. Волнение сдавило горло, не хватает воздуха, никак не может вздохнуть. Я распахнул окно. Елизавета Семеновна привычными движениями отмеривает лекарство мужу. Потом она расставляет чашки, угощает нас чаем. Мы молчим.

За чаем Василий Николаевич показывает старый номер многотиражной газеты. В нем напечатан портрет Афанасьева, есть и заметка о том, как наладил он работу бухгалтерии комбината. Из Петроградской милиции Василий Николаевич ушел еще в двадцатых годах. Плохо себя чувствовал, врачи опасались, как бы не начался туберкулез. Они поддержали Афанасье-

ва в его решении переехать жить на Кольский полуостров. Там начал Василий Иванович трудиться бухгалтером. Спустя несколько лет вернулся в Ленинград — стал главным бухгалтером комбината.

Василий Николаевич как-то заговорил об этом периоде своей жизни, но меня занимали иные события, и мы все время возвращались к ним. Теперь я собирался в обратную дорогу, это была наша последняя встреча, и я решил послушать Афанасьева.

Василий Николаевич вспоминал о том, как нелегко давались ему премудрости бухгалтерии, как ночами просиживал над финансовыми отчетами и промфинпланами, каких трудов стоило добиться исправной отчетности на комбинате и особенно в его филиалах. Теперь он говорил иначе, чем прежде, вовсе не отстраненно, вновь мне доказывая то, что сумел доказать когда-то прежде. Это была его жизнь, его увлечение. Он искренне гордился старым номером многотиражной газеты, опубликованная в нем заметка в несколько строк была признанием его труда, свидетельством его победы.

— В самый канун Отечественной войны поехал я наши филиалы ревизовать. Война и застала меня на Кольском полуострове. Еле выбрался из-под бомбежки. Вернулся домой — повестка ждет. Собрал вещмешок, явился к военкому, докладываю: «Разрешите на час отлучиться, должен материалы ревизии сдать». Когда узнал военком, что я с Кольского полуострова приехал, удивлялся все: кому теперь нужны эти материалы? Однако отпустил...

Признаться, я тоже недоумевал, многое представлялось мне непонятным и странным. Участник штурма Зимнего, отважный сотрудник революционной охраны, герой Кронштадта — и все последующие годы бухгалтер всего лишь. В этом я видел нечто обидное, неуважительное, испытывал даже чувство неловкости, которое переживаешь всякий раз, сталкиваясь с несправедливостью по отношению к хорошему человеку, хоть и произошла несправедливость эта не по твоей вине. Неужели сам Афанасьев не ощущает, как велик разрыв между его молодостью и последующей жизнью, неужели никогда не страдал из-за этого? Как бы спросить его поделикатней, не обижая.

— После такой трудной, но интересной работы в

прежние годы бухгалтерская деятельность не казалась вам скучной?

— Ну, что вы, эту работу я очень любил. Потом вы, наверное, не представляете, какая ответственность огромная. Я же в Петроград деревенским мальчишкой приехал. Помню, увидел в первый раз красную икру и решил, что это сладкое блюдо. А вот стал главным бухгалтером.— Афанасьев взглянул на меня, ему вдруг стал очевиден смысл моего вопроса, и он сказал очень серьезно:— Разве можно скучать о времени, когда тебя могли каждую минуту убить и ты должен был убивать.

Мне казалось, что я начинаю понимать собеседника — юношу из революции Васю Афанасьева, главного бухгалтера Василия Николаевича, кавалера ордена Красного Знамени, пенсионера Афанасьева.

Среди других документов бывший помощник коменданта сохранил ордер — он лежит теперь на столе, отпечатанный на пишущей машинке, скрепленный подписями и печатью. Это ордер, выданный В. Н. Афанасьеву на право ареста — от руки вписано: «любого лица в пределах Петрограда» — и обыска квартиры — снова от руки: «в пределах Петрограда». Особые полномочия! К ним вынуждало особое время. Революция — это взрыв, в такие минуты люди могут и должны поступать согласно создавшимся обстоятельствам. Так поступал Афанасьев и ровно столько, сколько была в том необходимость. А когда отошла она — легко и без сожаления расстался с особыми полномочиями.

Да, Афанасьев — участник штурма Зимнего.

— В ночь заступили мы на охрану Троицкого моста,— рассказывал он мне.— Потом снялись и бегом через Марсово поле, по Миллионной улице. Заняли позицию на Дворцовой площади, неподалеку от Александрийской колонны. Несколько часов провели здесь и снова за работу. Настроение было великолепное.

В ту ночь — ночь исторического штурма, когда отряд Василия Николаевича занял позицию подле Александрийской колонны, он, наверное, не отдавал себе отчета, что участвует в событии, которое станет великим примером, разделит все человечество на тех, кто будет рукоплескать ему, и тех, кто проклинать. Но и

позже, когда все это стало очевидным, он не высчитывал своей доли, не требовал и не ждал вознаграждения, которое хоть в самой мизерной части могло бы сравниться с тем, что вкладываем мы в понятие — штурм Зимнего. Иначе он отравил бы себе жизнь, старость — все и всегда были бы перед ним в неоплатном долгу.

У людей, подобных Афанасьеву, не было какого-то отдельного, персонального счета к революции, отягощенного надеждами на личное процветание и благополучие. Он совпадал с общенародным. И все происходившее в последующие годы — ликбезы, рабфаки, первенцы пятилеток, тракторы в деревню,— все это было подтверждением того, что счет их постоянно оплачивается. Они никогда не теряли из виду этого счета, и потому ошибки, несправедливости, которые часто их самих и касались, не могли поколебать убеждений.

* * *

Расследование диверсии, которая была совершена 30 марта 1919 года на водопроводной станции Петроградской стороны — Заречной, было поручено лучшим сотрудникам Петроградской чрезвычайной комиссии Михаилу Васильевичу Васильеву и Николаю Максимовичу Юдину. Они закончили свою работу 8 апреля. В заключении по делу Юдин писал:

«Мною, совместно с товарищем Васильевым, были приняты все меры к раскрытию злодейского заговора, но, опросив массу лиц, как рабочих, так и служащих, мы пришли к выводу, что виновников этих взрывов найти не представляется никакой возможности, ибо никаких следов, ни тени подозрения ни на кого не падает... Раскрыть настоящее преступление может только какая-нибудь случайность, а посему мы решили дело следствием окончить, дабы не отрываться от других дел».

Не отрываться от других дел... Спустя три с половиной месяца, 13 июля 1919 года, газета «Петроградская правда» опубликует — «Памяти товарищей Васильева и Юдина».

«Еще два имени честных коммунистов прибавилось к именам товарищей, сделавшихся жертвами борьбы за коммунизм. 9 июля члены коллегии Петроградской

Чрезвычайной Комиссии Михаил Васильевич Васильев совместно со следователем Николаем Максимовичем Юдиным, разбирая вещи, отобранные у белогвардейцев, почувствовали себя дурно и через несколько часов скончались. После расследования оказалось, что товарищи Васильев и Юдин сделались жертвой удушливого газа, находившегося среди разбираемых ими вещей в одной из склянок... Не случайно склянка удушливого газа белогвардейца вырвала из наших рядов товарища Васильева и товарища Юдина, она предназначалась для революционеров и достигла своего назначения.

Их смерть усилит только нашу энергию в борьбе с врагами пролетариата, и на могилах их мы скажем: спите спокойно, дорогие товарищи, не законченное вами дело в надежных руках».

СУДЬБА КАРТЫ ГОЭЛРО

С победой Октябрьской революции электрификация России станет скорее всего самой заветной, самой трепетной мечтой Владимира Ильича, если хотите, его романтическим устремлением. Он отдаст этому великому делу столько энергии, воли, так бурно будет радоваться успехам и так тяжело переживать неудачи, что строительство каждой из наших первых станций — неотъемлемо от жизни Ленина, неразделимо с его биографией.

Вспомним факты, связанные лишь с Волховской ГЭС. Через месяц после победы Октября Ленин обсуждает возможность использования демобилизованных солдат для строительства этой станции. Весной восемнадцатого, присутствуя на заседании электротехнического отдела и комитета хозяйственной политики ВСНХ, Владимир Ильич делает пометки, определившие в конечном счете судьбу Волховстроя. «Волхов строить». И чуть ниже: *«Проекты в печать NB»*. Он станет постоянно оказывать поддержку, требуя и добиваясь снабжения стройки в самые тяжелые годы. Вспомнит о Волхове в своих последних диктовках: будет настаивать в статье «Лучше меньше, да лучше», чтобы ценой величайшей экономии собрать средства для достройки Волховстроя. И в самые последние дни своей жизни, в Горках, увидит фильм, посвященный Волховской ГЭС.

...На «вертушке», в кабинете Владимира Ильича около письменного стола среди самых необходимых книг, тех, что удобней всего держать под рукой, толстый том — «ПЛАН ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ РСФСР. ДОКЛАД 8-му СЪЕЗДУ СОВЕТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ РОССИИ».

В соседстве с богато изданными словарями и справочниками этот том отличает скромность светло-картонной обложки. Но выделяется он и другим: среди книг, собранных в кабинете, эта, пожалуй, самая потрепанная, постоянно открывал ее Владимир Ильич, подолгу держал в руках, делал все новые и новые пометки на ее страницах.

Поля книги хранили ленинские замечания, многие абзацы подчеркнуты рукой Владимира Ильича. Среди них: «Советской России впервые представляется возможность приступить к более планомерному хозяйственному строительству, к научной выработке и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяйства».

Да, план ГОЭЛРО был устремлен в будущее: определял экономическое развитие страны, а вместе с этим как бы втягивал в себя судьбы очень многих людей. Он стал глубоко личным фактом их жизни. Перелистывая страницы плана, я тогда же вспомнил два документа, сперва попытался сопоставить их мысленно, а теперь делаю это на бумаге — депеша из года 1913 и газетная заметка, опубликованная в самом конце 1920 года.

Июня девятого дня 1913 года епископ Самарский и Ставропольский телеграфировал графу Орлову-Давыдову в Сорренто: «Ваше сиятельство! Призываю на вас божью благодать, прошу принять архипасторское извещение: на ваших потомственных, исконных владениях прожектеры Самарского технического общества совместно с безбожным инженером Кржижановским проектируют постройку плотины и большой электрической станции. Явите милость своим прибытием восстановить божий мир в жигулевских владениях и разрушить крамолу в зачатии».

А теперь заметка из газеты «Коммунистический труд». Опубликована она 24 декабря 1920 года — это был отклик на работу VIII Всероссийского съезда Советов, где председатель комиссии ГОЭЛРО Глеб Максимилианович Кржижановский выступал с докладом, обращая внимание собравшихся на расцвеченную лампочками карту электрификации России.

«Где кончается сказка, где начинается действительность? Там ли, в глубине подполья девяностых годов

девятнадцатого столетия, когда молодой Кржижановский мечтал о низвержении веками установленного порядка политических отношений, или здесь, в двадцатых годах двадцатого века, когда поседевший тот же Кржижановский с высоты всероссийской трибуны вещает о коренном изменении хозяйственных отношений.

Сказка переплетается с действительностью. Сила самодержавия царя стала сказкой, сказка о победе пролетариата стала действительностью.

Ну, а настоящее? Настоящее в смысле хозяйственном есть горькая печальная действительность разрухи, обнищания, холода, недоедания.

Так что же тогда значат сказки Кржижановского? К чему это он занимает внимание съезда световыми эффектами и, указывая на зажигающиеся лампочки, восклицает: «Вот загорелась перед вами электростанция «Штеровка» на донецких углях, вот загорелась электростанция «Александровка», берущая энергию с днепровских водопадов, вот — «Новоузенск», питающаяся горючими газами, исходящими от земли!

Ведь это все сказки? Разве мы, голодные, вшивые, отгороженные от всего мира железной решеткой, можем настроить столько станций?»

И вдруг:

«Вот загорелась «Шатурка», сжигающая торф, предназначенная к обслуживанию Москвы, вот электростанция Кашира, питающаяся подмосковными углями»,— это Кржижановский продолжает свою сказку о той счастливой поре, когда «загорится» вся Россия.

Позвольте, это уже не сказка. Шатурка действительно «горит» и даже нынешним летом чуть не сгорела от нашей неосмотрительности.

Шатурка — это факт. Каширка — тоже. Так где же сказка и где факты?

Ответ один:

В мире есть только один чародей, претворяющий свои сказки в действительность.

Имя ему пролетариат, силы его неисчерпаемы. И сказку о красном электричестве, рассказанную вчера седым Кржижановским, он осуществит. Ибо сказка юного Кржижановского уже осуществлена».

Поразительно соединились эти два документа, словно высоковольтная линия истории протянулась между ними. Впрочем, что касается истории — мы поговорим

о ней несколькими строками ниже, а сейчас, как журналист, хочу отдать должное газете «Коммунистический труд».

Будь моя воля, включил бы заметку во все учебники журналистики: вот как надо комментировать события, писать отклики на них. И в ту пору можно было поступить иначе: написать, скажем, цепь громких, сотрясающих воздух слов об электрическом будущем страны, или же, забыв о читателе, приняться выводить формулы на газетной странице: если революция победила, то победит и электрификация. Здесь же, в заметке, идея России электрической отстаивается при самой трезвой оценке общественного мнения. А оно еще не готово до конца разделить эту идею, полностью в нее поверить. И нужно не молчать о сомнениях читателей, не делать вид, будто их нет, ты о них и слыхом не слыхал — надо постараться постичь без предубеждений основу этих сомнений: она же существует, если рождаются сомнения. («Настоящее в смысле хозяйственном есть горькая печальная действительность разрухи, обнищания, холода, недоедания... Разве мы, голодные, вшивые, отгороженные от всего мира железной решеткой, можем настроить столько станций?»). А постигнув основу сомнений, начав с нее — пойти дальше. («Шатурка — это факт. Каширка — тоже. Так где же сказка и где факты?»). Тогда тебя услышат, запомнят, тебе поверят.

Отступление первое

ИСТОРИЯ

Удивительные вольности она себе позволяет. Иной писатель и не решится никогда на подобные совпадения: подумает, что непременно упрекнут его в выдумке — так, мол, в жизни не бывает. Историю же попреками не смутишь.

Представьте себе: читаете вы, скажем, повествование о темнице. Через камеры ее из века в век проходили все лучшие сыны государства, в котором безраздельно господствует деспотизм. Холодная и жуткая темница, где каждый камень слышал кандальный звон и стоны тех, кому уже никогда не испить и глотка свободы. Из поколения в поколение одно упоминание о ней вселяло ужас, холодило кровь

в жилах. И пробил час, народ взялся за оружие, а сигнал к восстанию был подан именно из этой темницы, словно сама история призвала к отмщению...

Требовательный читатель непременно заметит: «Все это весьма романтично, но к чему такие совпадения — именно из этой темницы был подан сигнал к восстанию. В жизни все проще, естественней, а это от писательского мудрствования, желания во что бы то ни стало связать концы с концами».

Историю между тем, повторюсь еще раз, подобными замечаниями с толку не собьешь.

Петропавловская крепость — на ее кронверке были повешены Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев, Каховский.

Петропавловская крепость — через ее казематы прошли декабристы, петрашевцы, народовольцы, большевики. В каменных мешках темницы были заключены Радищев, Чернышевский, Бакунин, Горький, Бауман.

Петропавловская крепость — именно отсюда вечером 25 октября 1917 года был подан условный сигнал к началу вооруженного восстания в Петрограде. И, услышав выстрел, сделанный из ее сигнального орудия, на «Авроре» скомандовали: «Пли!» Правда, произошло это позже, чем было оговорено: у солдат в крепости не нашлось под рукой веревки, чтобы подтянуть на мачте фонарь...

А представьте себе такой сюжет: фантазия принесла человеку всеобщую известность, славу. Он обладает таким поразительным полетом мысли, что без труда погружается в бесконечно далекое прошлое нашей планеты и поднимается к вершинам ее туманного будущего. И вот случай — да, его величество случай — открывает перед нашей знаменитостью план строительных работ, рассчитанных всего лишь на пять — десять лет. И он утверждает: это немыслимо, это невозможно! В результате оказывается не прав, продемонстрировав тем самым, сколь ограниченны запасы его фантазии.

И вы вновь не согласитесь, опять скажете: зачем стараться сделать все поинтересней, чем бывает на самом деле: непременно человек недюжинной фантазии должен был споткнуться на реальности жизни. Подобное чаще происходит с самыми обычными смертными. И это типичней.

У истории меж тем свои представления о типическом. Взяла же она самого популярного фантаста своего времени — Герберта Уэллса и сыграла с ним именно такую шутку.

Впрочем, что произошло с Гербертом Уэллсом, когда он приехал в Москву, беседовал с Владимиром Ильичем, а потом назвал Ленина в своей книге «Кремлевским мечтателем», написав: «Дело в том, что Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех «уто-

листов», в конце концов сам впал в утопию, утопию электрификации», — все это известно в нашей стране каждому мальчугану. История эта упоминается настолько часто, так полюбилась многим моим коллегам, что хочется порой вступиться за английского фантаста, оградить его от нападок, не всегда справедливых.

К тому же заметим: во времена, когда буржуазные газеты не называли план ГОЭЛРО иначе, как «парадная выставка русского коммунизма» и писали, что «весь план электрификации представляет собой при данных условиях фантастическое и вредное начинание», Герберт Уэллс отнюдь не отвергал на корню электрическое будущее России. Писатель лишь позволил себе признаться: «В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром... И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего предвидения».

Но еще важней, пожалуй, другое: неверие гостя в возможность осуществления плана ГОЭЛРО отнюдь не раздражало Владимира Ильича, не вызывало у него возмущения, в ином случае Ленин, очевидно, не обратился бы к Уэллсу с предложением: «Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время». Уэллс пишет: «Ему хотелось услышать от меня побольше о моих впечатлениях от России». И, как бывало лишь при встречах с интересным собеседником, Ленин близко подсел к Уэллсу, наклонился к нему, по свидетельству самого писателя — «перешел на конфиденциальный тон». И дальше: «Мы тепло распрощались с Лениным...» А на обратном пути из Кремля у писателя не было настроения разговаривать со своим спутником: «Мне хотелось думать о Ленине, пока память моя хранила каждую черточку его облика...»

Когда Уэллс спрашивал Ленина: «И вы возьметесь за все это с вашими мужиками?..» — подобные вопросы не вызывали у Владимира Ильича ни смеха, ни сарказма, ни улыбки. В отличие от нынешних публицистов, которые так любят поиронизировать над английским недотепой: тоже нам фантаст — не поверил в план ГОЭЛРО, да сегодня мощность одной Братской ГЭС в три раза превышает весь тот проект.

А что, собственно говоря, в этом зазорного, почему бы и не посмеяться над недальновидностью Уэллса. Да потому, что история эта свидетельствует не о слабости фантазии английского писателя, а о величии социалистических преобразований в революционной России. Потому что, отправляя саркастические стрелы, как нам кажется, в адрес Уэллса, мы принижаем тем самым план электрификации страны. Уэллс совершенно закономерно не смог разделить план

ГОЭЛРО. Произойди обратное — вот это было бы действительно невероятным.

Удивительное дело: всякий раз, как только решаемся чуть подрисовать, чуть улучшить историю, ну, скажем, сделать ее более интересной и впечатляющей, мы неминуемо ослабляем тот конфликт, который существовал на самом деле. И непременно проигрываем: хотели, казалось бы, сделать прошлое поэффектней, а произошло обратное — прошлое предстало более ординарным. Ничто не может быть драматичней самой истории.

Вернемся все к тому же проекту электрификации России. Пошло же с легкой руки беллетриста и перекочевало затем во множество книг, статей, брошюр, например, такое утверждение: в дни работы VIII съезда Советов понадобилось сосредоточить всю энергию московской электростанции, чтобы на коротенькие мгновения освещать карту с изображением плана ГОЭЛРО, даже в Кремле, в кабинетах народных комиссаров, были вывинчены все лампочки, кроме одной — в шестнадцать свечей. Действительно, нужна была электроэнергия, чтобы осветить Большой театр, где проходил съезд — его фойе и лестницы, его партер, ярусы и сцену. А на самой же карте было не больше трех десятков лампочек и зажечь их поочередно или же все вместе даже по тем временам не составляло особых трудностей... Не надо, не воспринимайте это, как уточнение недаита,— оно имеет смысл.

В нетопленном и полутемном зале Большого театра всего лишь три десятка ярко мигавших на карте лампочек предстали перед делегатами съезда заревом будущего. Мы знаем уже, что, выступая с докладом, Кржижановский говорил: «Вы видите, как вспыхнула лампочка, отмечающая расположение этой станции... Под № 16 загорающаяся лампочка показывает вам Шатурскую государственную станцию...» И, заканчивая доклад, как свидетельствуют те, кто были на этом съезде, Глеб Максимилианович воскликнул: «А теперь зажгите свет над всей Россией!». И вспыхнули тридцать лампочек, и поднялся рукоплещущий зал, и делегаты запели «Интернационал».

Да, о плане электрификации делегатам съезда докладывал Кржижановский, и светящаяся карта была установлена подле трибуны лишь на время его выступления. Между тем мы привыкли к известной картине — Ленин на VIII съезде Советов. От края и до края сцены — вширь и ввысь натянута огромная карта электрификации. И здесь же в тесном кольце делегатов съезда Владимир Ильич рассказывает собравшимся об электрическом будущем России. Есть и справедливое в этой картине: на VIII съезде Советов было очень тесно, в зале Большого театра набилось столько людей, что в конце концов решили отменить все гостевые билеты...

Быть может, художник и имел право на домысел — не знаю, но истина не просто дороже — она значительней. Это теперь при упоминании имени Кржижановского мы думаем сразу же об авторе «Варшавянки», о соратнике Владимира Ильича по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», товарище по сибирской ссылке. А тогда для большинства делегатов, приехавших в Москву, инженер Кржижановский был лицом неизвестным — настолько, что спустя несколько дней после его выступления «Правда» опубликовала биографию Глеба Максимилиановича, рассказав о давнем участии в революционной борьбе этого «первого инженера, выступившего с докладом на съезде Советов».

Да, появление на трибуне съезда инженера было новостью, и принципиальной, как нов был лозунг, обращенный к участникам этого собрания: «Молот впереди, винтовка позади». Позже на съездах Советов будут выступать инженер Графтио, другие специалисты. Позже произойдет то, о чем и говорил Ленин на VIII съезде Советов: «На трибуне Всероссийских съездов будут впредь появляться не только политики и администраторы, но и инженеры и агрономы. Это начало самой счастливой эпохи, когда политики будет становиться все меньше и меньше, о политике будут говорить реже и не так длинно, а больше будут говорить инженеры и агрономы». Первым — был Кржижановский. Впрочем, специалист-энергетик, он всегда оставался и поэтом, и в своем докладе, посвященном лишь проблемам электрификации, Глеб Максимилианович говорил: «...мы переживаем такие великие дни, в которых люди проходят, как тени, но дела этих людей остаются, как скалы».

На этом съезде Советов — VIII Всероссийском — все должно было быть так, как было. Верили в электрификацию, голосовали за нее и тут же решали закупить за границей косы и серпы. Все должно было быть так, как было, чтобы в материалах съезда осталась записка одного из делегатов: «Если через пятьдесят лет выживет хоть один из нас, здесь присутствующих, пусть он расскажет внукам об этом съезде и о людях, которые боролись, жили и мучительно творили в великие годы русской революции».

А какой, собственно говоря, была эта общеизвестная, знаменитая, так часто упоминаемая в связи с ленинским планом электрификации карта ГОЭЛРО? Что сталось с ней после того, как закончилась в Большом театре работа VIII Всероссийского съезда Советов? Судьба карты ГОЭЛРО?

Вопросы эти появились в общем-то случайно, возникли, когда просматривал материалы VIII съезда Советов. Но, родившись однажды, они начали долгую жизнь: на многие годы определили мои интересы, втянули в поиск, обусловили встречи с людьми, привели в читальные залы библиотек, открыли подшивки старых газет. И если бы мои поиски вообще не дали никаких результатов, они все равно бы имели смысл, потому что одарили меня десятком новых тем, сотнями интереснейших фактов...

Первый, к кому я обратился с вопросом о судьбе карты ГОЭЛРО, был Глеб Максимилианович Кржижановский. Сейчас и самому не верится, что не так уж много лет назад — и двух десятилетий не прошло — можно было сесть на троллейбус, проехать по Большой Калужской, выйти у Второй градской больницы, перейти на другую сторону улицы, открыть дверь красивого особняка, серого гранита с остроконечными окнами и крышей, подняться по ступеням — и вот ты в приемной директора Энергетического института. А отсюда всего лишь шаг в кабинет Кржижановского. И тебе навстречу поднимается седовласый человек — он знал Ленина, общался с ним так же, как знаем и общаемся мы со своими ближайшими друзьями. Глеб Максимилианович принимал охотно и многих.

Услышав, однако, что меня привело, Кржижановский развел руками:

— За эти годы столько было утрачено, а вы о карте вспомнили. Сгинула она скорее всего... Посмотрите лучше вот этот весьма занимательный документ.

И Кржижановский подарил мне фотокопию телеграммы — да, той самой, графу Орлову-Давыдову в Сорренто от епископа Самарского и Ставропольского. Сам же Глеб Максимилианович получил ее в подарок от работников куйбышевских архивов...

Встреча с Кржижановским, прямо скажем, не вдохновляла к дальнейшим поискам. Но вскоре выяснилось, что судьба карты ГОЭЛРО занимала не только меня. Услышал я о киносъемках трилогии «Хождение по мукам» — той первой экранизации романа Алексея Толстого. Работа подходила к концу, оставалось отснять лишь финал — Катя и Даша, Рощин и Телегин

на самом верхнем ярусе Большого театра, на заседании VIII съезда Советов. В глубине сцены, писал Алексей Толстой, «с колосников свешивалась карта Европейской России, покрытая разноцветными кружками и окружностями,— они почти сплошь заполняли все пространство». Докладчик держал в руках длинный кий и «указывал время от времени концом кия на тот или иной цветной кружок, загоравшийся тотчас столь ярким светом, что тусклое золото ярусов в зале начинало мерцать и становились видны напряженные, худые лица, с глазами, расширенными вниманием».

Но какой же была эта карта, какой формы и каких размеров, как выглядела — заинтересовались постановщики, прежде чем сооружать декорации. Ответить на это оказалось весьма затруднительно. Да и как ответишь, если нет самой карты, не сохранилось ни одной фотографии, кинокадра или хотя бы эскиза. В конце концов обратились к старейшему картографу, делегату VIII съезда Советов Д. П. Егорову. Он согласился помочь, сделать правдоподобный макет карты. Впрочем, к советам Дмитрия Петровича не прислушались, следуя масштабам киноэпопеи, размахнули карту и вширь, и ввысь.

Дмитрий Петрович — первый, от кого я услышал, что карта ГОЭЛРО была совсем не гигантских размеров, имела прямоугольную форму и легко умещалась в промежутке между кафедрой докладчика и столом президиума съезда. Но как подтвердить эти воспоминания, неужели и правда не сохранилось никаких изображений этой знаменитой карты? Поиск надо было начинать с азов — с того, как создавалось это наглядное пособие по электрификации России.

Утром, в понедельник 22 декабря 1920 года, открылся VIII съезд Советов. За четыре дня до этого Ленин на бланке Председателя Совета Народных Комиссаров подписал распоряжение коменданту Большого театра: «Предлагаю не препятствовать и не прекращать работ художника Родионова, инженера Смирнова и монтеров, приготовляющих по моему заданию в помещении Большого театра к VIII съезду Советов карты по электрификации. Работу кончат в воскресенье. Отнюдь их не прогонять».

Наглядно, популярно, увлекательно, ярко и ясно — к этим словам Владимир Ильич прибегает всякий раз,

как только заходит речь о пропаганде плана ГОЭЛРО. Мероприятия Советского правительства должны быть не только глубоко продуманы, хорошо организованы, но и пользоваться популярностью в массах, встречать у них поддержку — и Ленин думает над тем, что мы называем ныне обратной связью, а в прежние времена определялось как умение держать руку на пульсе жизни.

Можно с уверенностью сказать, что создание карты ГОЭЛРО было идеей Владимира Ильича. Сам он и следил за ходом работ. Но что же побудило Председателя Совета Народных Комиссаров адресовать предписание коменданту Большого театра, какие трения там возникли? Об этом могли бы рассказать те, кто выполнял поручения Ленина.

Узнать об «инженере Смирнове» труда не составляло. Михаил Алексеевич Смирнов — видный русский энергетик, один из первых секретарей комиссии ГОЭЛРО. Это он, находясь в кулисах сцены Большого театра, следил за докладом Кржижановского, попеременно включая на карте то одну лампочку, то другую. Михаил Алексеевич умер во время Отечественной войны. В его бывшей квартире давно уже живут другие люди. Судьба же личного архива Михаила Алексеевича — в нем могли оказаться очень ценные документы,— к сожалению, не известна.

Разыскивая тогда же «художника Родионова», я обратился за помощью к Сергею Васильевичу Герасимову. Он сразу же назвал имя Михаила Семеновича Родионова — надо полагать, что именно этот художник работал над картой. Родионова нет в живых, но в Москве работает его дочь, Елена Михайловна, возможно, она сможет чем-нибудь помочь... И снова неудача:

— В декабре 1920 года моего отца не было в Москве,— говорит Елена Михайловна,— так что придется вас огорчить — он не мог работать над картой.

Знать хотя бы, кем он был, Родионов,— живописцем, графиком, а мог быть и картографом? Не удалось мне выяснить и имена монтеров.

Но что же произошло с этой картой после съезда Советов? Проект резолюции съезда по докладу об электрификации был написан Владимиром Ильичем, и в нем говорилось: «Съезд поручает далее правительст-

ву и просит ВЦСПС и Всероссийский съезд профсоюзов принять все меры к самой широкой пропаганде этого плана и ознакомления с ним самых широких масс города и деревни». Трудно предположить после этого, что карта ГОЭЛРО — столь необходимая для пропаганды плана — была погребена под старыми декорациями Большого театра.

Продолжал читать документы и воспоминания тех лет, просматривал московские газеты — и нигде ни слова не находил о карте. А быть может, раздвинуть границы поиска, не ограничиваться только Москвой?

В январе 1921 года Петроградский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов заслушал на своем пленарном заседании доклад Кржижановского об электрификации. «Государственная комиссия по электрификации России прибыла в Петроград в полном составе для того, чтобы дать отчет красному Питеру о своих работах»,— говорил в этом выступлении Глеб Максимилианович. Он подробно охарактеризовал план и, переходя от одной станции к другой, вновь просил собравшихся обратить внимание на зажигающиеся лампочки.

«Петроградская правда» 19 января 1921 года сообщала: «...в четверг 20 января, в 6 часов вечера во Дворце Урицкого состоится заседание пленума Петроградского губернского Совета. Порядок дня: Доклад тов. инженера Кржижановского об электрификации... На заседании будет демонстрироваться карта электрификации России». Пленум работал два дня, и в сообщении о втором дне заседания вновь говорилось: «Будет демонстрироваться карта. Трамвай обеспечен». Значит, снова карта ГОЭЛРО? Да, можно предположить, что вскоре после VIII съезда Советов ее перевезли из Москвы в Петроград.

С планом электрификации знакомилась общественность Петрограда, на заседание приглашались «представители правлений всех профсоюзов, фабзавкомов, бюро коллективов РКП и Союза Коммунистической молодежи, секции работниц, представители красноармейских и краснофлотских частей». Но закончился пленум Петросовета, исполком перешел к очередным делам, уже на следующем заседании обсуждали сообщения о закрывающихся заводах, о нехватке спичек

и мыла, о том, что совсем прекратилось производство галош... А вместе с этим оборвалась нить поиска, словно, оказавшись однажды в Петрограде, карта навсегда закончила свой путь.

Прошло еще немало времени, и я, совсем по другому поводу, заинтересовался Рижской международной выставкой земледелия и промышленности. Попалась на глаза заметка в подшивке «Известий» за 1921 год: «21 августа открылся советский павильон на Рижской выставке. Павильон по своим размерам превосходит все остальные, несмотря на то, что построен был в одну неделю. В первый день павильон пользовался большим успехом у посетителей. Всего за день в нем побывало до 24 тысяч человек. Местная печать, ранее доказывающая, что отсутствие русских экспонатов на выставке означает полный застой экономической жизни России, теперь молчит о павильоне вовсе или ограничивается хроникерскими заметками, в которых сообщает, что посетители остались разочарованными».

Прежде об этой выставке не приходилось слышать. Первый раз услышали о ней и в архиве Министерства внешней торговли СССР, куда я решил обратиться. Там не оказалось никаких документов. Между тем именно в Риге впервые в истории международных выставок появился советский павильон. В докладе на VIII съезде Советов Ленин говорил: «Есть серьезная надежда, что в ближайшее время мы будем в тесных экономических сношениях с Латвией...» И советский павильон на Рижской выставке был прямым следствием развития этих экономических отношений.

Отправился в Ригу, но оказалось, что и там не так-то просто навести справки об этой давнишней выставке. В конце концов библиографы Латвийской фундаментальной библиотеки разыскали для меня «Вестник выставки». Выставка размещалась на большом пустыре близ пригородной станции Браса — теперь это место уже давно перешагнула латвийская столица. Двадцать государств представили более 700 тысяч экспонатов. Выставка проходила под девизом: «Мост между Западом и Востоком». Ее устроители писали: «Задачи выставки — обратить внимание иностранных предпринимателей на естественные ресурсы Латвии и

их использование, а также послужить посредником для торговых связей между Западной Европой и Россией... Однако Россия воздерживалась от участия, и это рассматривалось как серьезный пробел выставки. Теперь началось строительство русского павильона. Перед глазами посетителей предстанут образцы первосортного русского табака, меха, шелка, кружева, восточные ковры, щетина, конский волос, лен, дерево и новый предмет экспорта — пропеллеры к самолетам. Несмотря на то, что устройство павильона делается в очень быстрых темпах, заинтересованные лица смогут ознакомиться с русской промышленностью, народным хозяйством, деятельностью Народного Комиссариата внешней торговли, с планами русской электрификации и т. д.».

Советский павильон знакомил с планами электрификации — это становилось интересным, стоило поподробней узнать об экспонатах. Пришлось снова взяться за газеты — теперь буржуазной Латвии. Но о советской экспозиции писали мало, неохотно. И чтобы пробить брешь в стене молчания, бюро печати предстазительства РСФСР в Латвии пригласило журналистов местной и зарубежной прессы. Об этом посещении и рассказывала газета «Новый путь» в одном из своих августовских номеров: «Заграничных корреспондентов заинтересовал также вопрос и объяснения, данные специалистом, по электрификации России. Демонстрация по вывешенной в павильоне грандиозной карте электрификации Европейской России с зажигающимися электрическими лампочками, указывающими пункты построенных и строящихся электрических станций, вышла очень удачной».

Впрочем, столь доброжелательная информация была редкостью. Например, в газете «Яунайс Вардс» под заголовком «Выставка у русских» анонимный автор писал: «...На задней стене павильона — большой транспарант. Карта России. Сплошь электролампочки. Горят днем. Одни синие, другие красные, коричневые, некоторые белые, самые различные. Какой-то товарищ орудует указкой и что-то заманчиво рассказывает. Миллионы ватт, сто миллионов ватт. Еще миллионы ватт и еще, еще... Они текут и текут без конца. Я теряюсь: если эти миллионы когда-нибудь начнут действовать, то земля распадется на атомы и Вселенная рассыплет-

ся на молекулы... Прощайте, родные, друзья и знакомые! На, жена, последний поцелуй, пусть наш последний вздох замрет вместе с нашей любовью... Я спрашиваю, что означают разноцветные лампочки и кольца на карте. Синие лампочки означают электростанции, которые действуют еще со старых времен. Я считаю: в Петрограде — 2, в Москве — 1, в Киеве — 1. Вместе — 4. Немного! Раньше было больше. А красные? Это проектируемые силовые станции, которые якобы покроют всю Советскую Россию, которые дадут миллионы ватт, сотни миллионов гекто-ватт, миллиарды киловатт, тра-та-та-та-та-та... Но пока,— я говорю,— это только несколько лампочек, купленных в Риге. Товарищ вдруг теряет нить своего выступления и начинает ее искать по всем карманам...»

Не правда ли, бойкий фельетонист из рижской газеты в чем-то сродни епископу Самарскому и Ставропольскому. Один полагал, что с возвращением графа Орлова-Давыдова в его исконные владения крамола будет ликвидирована в зачатии; другому кажется, что преуспеть в диалоге с экскурсоводом это все равно, что выйти победителем в споре истории. Спор решало время...

Я еще продолжал поиск: знакомился с материалами Всероссийского электротехнического съезда — октябрь 1921 года, выяснял, не была ли карта ГОЭЛРО на выставке, устроенной для делегатов III конгресса Коминтерна; старые работники Мосэнерго высказывали предположение, что одно время карта была установлена в их клубе. И вдруг все оборвалось. Неожиданно и печально.

В одном из московских музеев с превосходством доверительно осведомленных людей мне сообщили: «Между прочим, вы совершенно напрасно занимаетесь поисками этой карты. Судьба ее нам достоверно известна. Карта находилась в кабинете народного комиссара, а потом министра электростанций Жимерина. А когда Жимерин был переведен на другую работу, с его уходом карту за ветхостью выбросили». Это казалось невероятным, я не мог в это поверить, но мне заявили со всей определенностью: «Здесь и двух мнений быть не может, мы разговаривали с комендантом здания министерства, который сам уничтожал эту карту — стащил в подвал и там разрубил».

Эти зверские подробности совсем меня доконали Я возненавидел даже своего собеседника — работника музея, как бывает со всяким, кто приносит недобрую весть. Мне представлялся долгий-долгий путь этой легендарной карты, а в начале и в конце его стояло по коменданту — от коменданта Большого театра до коменданта министерства. И не было, не существовало для меня более ненавистного человека, чем этот последний комендант — чудовище с топором в руках. И не нашлось никого, кто распорядился бы — отнюдь не уничтожать!

Отступление второе

ХАРАКТЕР

Записка-распоряжение Владимира Ильича коменданту Большого театра — карту ГОЭЛРО делают по заданию Председателя Совета Народных Комиссаров — была отпечатана на машинке. А последняя фраза: «Отнюдь их не прогонять» вписана Лениным от руки. Смотришь на этот документ и сразу же говоришь себе: первые годы Советской власти, время ограниченных возможностей — это оно вынуждало главу правительства диктовать и подписывать подобные распоряжения, да еще и править от руки, вносить добавления: «Отнюдь их не прогонять».

Время? Нет, Ленин. Начав свой путь с письменного стола Владимира Ильича, записка, адресованная непосредственно коменданту Большого театра, в тот же день — 18 декабря 1920 года — попадает к секретарю ВЦИК А. С. Енукидзе. Он, в свою очередь, пересылает распоряжение коменданту — нет, не Большого театра, а Кремля, пометив на ленинской записке: «Тов. Петерсону. Прошу сделать распоряжение, чтобы означенным работам не мешали...» И в тот же день на документе появляется еще одна надпись: «Передано лично Снигиреву. Петерсон. 18 XII». Вполне возможно, такой путь — от Енукидзе к Петерсону, от Петерсона к Снигиреву — и был более надежным, однако Владимир Ильич предпочел сразу и непосредственно обратиться к коменданту Большого театра...

Известно, характер человека проявляется в отношениях с людьми, близкими и далекими, в работе и в отдыхе, в больших сочинениях и крохотных записках — в общем, во всем. Но в жизни каждого из нас бывают такие события, такие переплетения обстоятельств, когда характер проявляется особенно полно, выражается

всестороние. Вот и во всем, что связано с первыми шагами электрификации России, сказался характер Владимира Ильича, отразились особенности его мышления, во многом определяющие ленинский стиль работы.

Сказалось прежде всего умение Ленина соединить мечту и реальность — как бы далеко одно ни отстояло от другого,— навести мосты в будущее талантом мыслителя, дальновидностью политика, силой организатора. План ГОЭЛРО, пожалуй, один из ярчайших примеров того, как искал и находил Ленин главное звено в цепи — звено, за которое можно вытянуть всю цепь. Поразительно умел совмещать космический размах и скрупулезную конкретность. Человек, поставивший целью сделать отсталую Россию Россией электрической, выдвинувший лозунг — коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны,— этот же человек обдумывает, как «в *каждом* уезде создать *срочно* не менее одной электрической станции», как привлечь население к сбору необходимого количества меди для проводов—«пусть собирают *д о б р о в о л ь н о* колокола, ручки и проч.; затем *столбы* и т. д.»; предлагает «выработать *план* освещения электричеством каждого *д о м а* в РСФСР»; настаивает, чтобы были электрифицированы в каждом селе «в первую очередь — изба-читальня и совдеп (2 лампочки)».

А вместе с этим проявились и еще более личные черты Владимира Ильича, определяющие неповторимость ленинской натуры. Заговорив об этом, обратимся к работе И. И. Скворцова-Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» — книга эта хранится в библиотеке Владимира Ильича. На титуле посвящение, написанное автором: «Дорогому тов. В. И. Ленину-Ульянову автор, засаженный за работу в порядке беспощадного «принуждения» и неожиданно нашедший в ней свое «призвание». Да здравствует такое «принуждение»! И. Степанов, 23/X 1921—29/III 1922».

С октября двадцать первого по март двадцать второго — пять месяцев трудился Скворцов-Степанов над этой книгой по поручению Ленина и при его непосредственном участии. Владимир Ильич следил за тем, как продвигается работа, поручал собрать для автора необходимую литературу. И Скворцов-Степанов постоянно обращался к Владимиру Ильичу, писал ему: «Надо увидеть Вас, когда будете в Москве, по обыкновению на пять минут, чтобы подвинтить себя».

Наконец работа завершена. Рукопись отвозят Владимиру Ильичу, автор волнуется, ждет оценки своего труда. И Ленину хочется поскорее прочесть рукопись, он тоже волнуется: состоялась ли задуманная книга? И вот открыта первая страница, наступает сосредоточенная тишина. Читает час, другой. Берет перо, склоняется над

столом, бегут строки, заполняя один лист, другой. Ленин пишет предисловие к этой книге: «От всей души рекомендую настоящую работу... Автору удалось дать замечательно удачное изложение труднейших и важнейших вопросов».

А следом — записка автору. В 54-м томе Собрания сочинений Владимира Ильича этот документ занимает половину страницы, а как много говорит о настроении Ленина в ту минуту и о характере вообще. Ленин пишет Скворцову-Степанову, никак не стесняя выражения своих чувств: «...от этой книги я в восторге. Вот это дело!» «...привет и поздравление с великолепным успехом».

Радость, которую испытывает в эту минуту Владимир Ильич,— счастливая особенность подлинного редактора. Такой редактор действительно трудится вместе с автором, шаг за шагом еще во время работы над рукописью обсуждает все положения, стремясь передать свои мысли, свое видение проблемы. А когда книга написана и мысли редактора возвращаются к нему в законченном труде, начав самостоятельную, а быть может, и долгую жизнь, это настоящий праздник. Для такого редактора успех автора дороже его собственного признания...

А ленинская записка между тем вновь зовет к себе, и начинаешь задумываться уже над первой строкой: «Сейчас кончил просмотр 160 страниц Вашей книги». Ленинская определенность во взаимоотношениях с людьми: кто-то мог бы и избежать упоминания количества страниц — просмотрел рукопись, и точка, а Владимир Ильич указывает — 160.

Однако в книге Скворцова-Степанова, изданной отнюдь не малым форматом, 392 страницы, Ленин просмотрел, очевидно, не более половины рукописи. Быть может, он закончил чтение после того, как написал письмо автору? Но в конце письма говорится: «Предисловие посылаю секретарше». Выходит, и предисловие «от всей души рекомендую», и восторженное письмо автору Владимир Ильич пишет, познакомившись лишь с частью рукописи. Не странно ли это? Как объяснить?

Первое предположение — скорее всего торопился, худо было со временем. Да, со временем, как всегда, было худо. Рукопись книги Скворцова-Степанова Ленин читал не в своем кабинете, как обычно, а под Москвой, в бывшем имении «Корзинкино», куда уехал с 6 по 25 марта 1922 года, как говорилось, на отдых. На самом же деле работал над статьей «О воинствующем материализме», готовился к выступлению на XI съезде партии.

Кроме того, на протяжении все тех же двадцати мартовских дней Ленин обращается в Политбюро ЦК РКП(б), предлагая поста-

вить на обсуждение вопрос о финансовом положении высших учебных заведений и признать неправильной публикацию в газетах одной из зарубежных телеграмм; пишет письмо об отношении партийных и судебных органов к членам партии, привлеченным к судебной ответственности; обращается к развитию кооперации и деятельности Наркомвнешторга, постановке кинофотодела и работе Центральной радиотелеграфной станции; просит ассигновать средства на возвращение из-за границы группы актеров Московского Художественного театра, наладить работу Публичной библиотеки и ликвидировать завал книг в Румянцевском музее. Обширность этого далеко не полного перечня ленинских дел в дни так называемого отдыха — еще одно подтверждение, как стеснен был временем Владимир Ильич. И на просьбу Г. В. Чичерина написать статью отвечал решительно: «Статьи дать не могу. Прошу на меня совершенно не рассчитывать». А вот Скворцова-Степанова прочел. Но почему 160 страниц, не меньше и не больше? Окажись в запасе еще часок — листал бы и дальше? Но в занятиях Владимира Ильича, в рассматриваемых им делах фактор случайного практически сведен на нет. Должна быть иная, более мотивированная причина для того, чтобы отложил он долгожданную рукопись.

Пора, однако, открыть и саму книгу «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства», посмотреть по тексту, где оборвал Владимир Ильич просмотр рукописи. В предисловии Ленин пишет: «Особо отметить надо начало VI главы, где автор дает прекрасное изложение значения новой экономической политики...» Шестая глава называется «Электрификация РСФСР». Предшествующие ей главы, которые наверняка читал Владимир Ильич, посвящены развитию техники с древнейших времен и до наших дней, электрификации в Западной Европе и Америке, борьбе капиталистических интересов. Иными словами — проблемы рассматриваются глазами политика-марксиста, перспектива электрификации совмещается с общим планом построения социализма. И Ленин дает высокую оценку этой части труда.

А вот уже VII глава посвящена специфическим вопросам — «Что такое «установленная мощность» и «условное топливо». И последующие главы, где рассматривается, например, энергетическое хозяйство, конкретизируется план электрификации по районам страны,— все эти главы либо раскрывают технический аспект электрификации, либо популяризируют план ГОЭЛРО. И становится ясно, отчего оборвал Ленин свое чтение именно на 160-й странице, ограничился первыми шестью главами: он политик, государственный деятель и не считает для себя возможным ни углубляться в специальные вопросы, ни судить тем более об их изложении. Предисловие к этой книжке напишет и Кржижановский — вот пускай Глеб Максимильянович и

выскажется, насколько квалифицированно рассказано о том, что касается электротехники.

Да, фактор случайного в работе Владимира Ильича был сведен на нет, и каждое принятое им решение носило принципиальный характер — не только в своей сути, но и в самом подходе к нему. Так и эти 160 страниц: они еще раз подтверждают — Ленин всегда отделял общие политические представления от специальных знаний, он никогда не позволял себе диктовать специалистам решения по вопросам, которые были их профессией.

Скворцов-Степанов писал Владимиру Ильичу: «Вы, как умный эксплуататор, превосходно повышаете работоспособность». Ленин не только следил за тем, как продвигается работа, но интересовался и в каких условиях трудится автор, предлагал «сослать его... в один из подмосковных совхозов, на молоко...» И после выхода книги Владимир Ильич внимателен к жизни автора. Узнав, например, что Скворцова-Степанова хотят мобилизовать на проведение агиткампании по изъятию церковных ценностей, Ленин пишет: «Дать отдых». Вновь сказалась свойственная Ленину, проникающая во все подробности быта забота о тех, кто был подле него, работал вместе с ним.

Зимой двадцатого года комиссия ГОЭЛРО занимала две комнаты в большом, полупустом и нетопленном доме на Мясницкой — дом 24, квартира 98. Входил в комиссию и секретарь ЦК профсоюза строительных рабочих Н. П. Богданов. Сам маляр, Николай Петрович в дни Октябрьской революции был комиссаром красногвардейского отряда, объединявшего плотников, кровельщиков, маляров. Отряд этот занял на Литейном проспекте юсуповский особняк и здесь же открыл биржу труда... Познакомиться с Николаем Петровичем мне довелось, когда он был уже в преклонном возрасте. Однако решительность жестов, зычность голоса, нелицеприятная манера разговора — все это давало возможность представить себе Николая Петровича в пору его революционной молодости. Значительно труднее было вообразить Богданова во времена работы комиссии ГОЭЛРО. Каждое утро он появлялся на Мясницкой, волоча за собой салазки с аккуратно уложенными на них дровами. Это Владимир Ильич предложил ему, как человеку наиболее практичному, взять на себя решение топливной проблемы в период разработки плана ГОЭЛРО. Спустя время Богданов назовет цифру: зимой 1920 года в Москве было разобрано на топливо пять тысяч деревянных домов. Надо полагать, Николай Петрович не только занимался подсчетами, но и сам повыдергал немало бревен.

И отсюда же, с Мясницкой, 24, в феврале 1920 года, покинув заседание комиссии, Кржижановский отправился в Кремль по срочному вызову Владимира Ильича. А комиссия продолжала заседать, внося в протокол один пункт за другим. И когда раздался телефон-

ный звонок, об этом тоже записали в протоколе: «Получается телефонное сообщение от Г. М. Кржижановского, что от т. Ленина получено согласие на то, чтобы члены Государственной комиссии и их семьи были включены на усиленный паек, такой же паек могут получать, кроме членов комиссии, еще 10—15 сотрудников по выбору самой комиссии».

...И еще раз обратимся к книге Скворцова-Степанова. Написав на титульном листе посвящение Владимиру Ильичу, автор поставил дату — «29/III 1922». Значит, 29 марта книга с предисловиями Ленина и Кржижановского тиражом в 10 тысяч экземпляров, как указывается на титульном листе, вышла уже из печати. Между тем предисловие к этой книге Владимир Ильич датировал 18 марта, а следующим днем пометил письмо автору. Но постойте: получается, что книга в 392 страницы, с тридцатью иллюстрациями и картой была издана за десять дней? Выходит, что так — подобные сроки и сегодня представляются скорее всего невероятными.

Но вспомним еще одну счастливую особенность характера Владимира Ильича — увлеченность, которая передавалась другим людям, расходилась словно бы самыми широкими кругами. И если в 1922 году, когда увидела свет книга Скворцова-Степанова, условия были уже полегче, то в двадцатом — они были неимоверно тяжелы, но работы по электрификации издавались с той же быстротой.

В феврале собирается сессия ВЦИК VII созыва, Ленин намерен провести на ней решение о начале работ над планом электрификации и уговаривает Кржижановского — за два дня подготовить брошюру «Основные задачи электрификации России». Глеб Максимилианович делает это. Теперь надо столь же срочно издать брошюру. Коммунисты наборщики 17-й типографии в шубах и шапках, дуя на застуженные руки, за один день вручную набрали текст. Еще труднее далось приложение к брошюре — карта; по этому поводу секретарь комячейки типографии писал:

«Условия, при которых нам пришлось выполнять работу для тов. Владимира Ильича, создались настолько ужасные, что мы смогли сделать только пять экземпляров. При 5 гр. мороза в мастерской машины совершенно не могли ходить. Вертеть руками литографскую машину нет возможности. Камень на машине, смачиваемый кипятком, возвращался после прохода, покрытый льдом. Валики затвердели, краска замерзла, смоченная бумага ломалась, замерзая. Наши усилия не привели ни к чему». Но все-таки карту отпечатали в срок: перевезли литографический камень в другую типографию.

Позже, в декабре двадцатого, готовясь к VIII съезду Советов, так же спешно выпускали план ГОЭЛРО. Работу разделили между пятью типографиями, труд в пятьдесят печатных листов со множеством графиков, схем и карт был издан за 19 дней!

Именно азартность Владимира Ильича, о чем писал Горький, позволяла Ленину не соглашаться с ритмами того времени, не принимать их, а сообщать свои. Но и в самые горячие минуты Ленин не забывает о людях, которые трудятся подле него, старается не обходить их, а значит, и не обижать. Просмотрел брошюру Кржижановского, передал ее Бонч-Бруевичу — скорее, скорее в типографию! И тут же пишет: «Может быть, Государственное издательство обидится, что я не через него сдал брошюру Кржижановского? Может быть, я нарушил правила? Я очень спешил». И далее: «...очень извиняюсь, что послал брошюру прямо в типографию, ибо очень спешил».

Сколько же энергии надо было вложить, сколько людей привлечь, уговорить, убедить, заинтересовать, чтобы на VIII съезде Советов, взяв в руки план ГОЭЛРО, сказать, обращаясь в зал: «Мы имеем перед собой результаты работ Государственной комиссии по электрификации России в виде этого томика, который всем вам сегодня или завтра будет роздан. Я надеюсь, что вы этого томика не испугаетесь. Я думаю, что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого томика. На мой взгляд, это — наша вторая программа партии». Трудно далась Владимиру Ильичу эта работа и дорога была безмерно, если вопреки своим привычкам вдруг стал употреблять уменьшительный суффикс, говорить, словно поглаживая рукой по обложке,— «томик».

Прошло время, и я почти свыкся с мыслью, что карта ГОЭЛРО закончила свой путь в подвалах Министерства электростанций. Но сомнения, а с ними и надежды, очевидно, все-таки теплились, потому что, встретившись как-то с Дмитрием Георгиевичем Жимериным, спросил:

— Дмитрий Георгиевич, скажите, пожалуйста, в вашем кабинете, в министерстве, действительно висела подлинная карта ГОЭЛРО, та самая, что была на VIII съезде Советов?

— Никогда! В кабинете была светящаяся карта электрификации, но сделанная значительно позже. На ней был изображен план ГОЭЛРО и его последующее развитие...

Признаюсь, нелегко было преодолеть желание — немедленно отправиться в музей, повидать тех, кто раньше времени похоронил карту ГОЭЛРО,— на том и успокоились. Но стоит ли поминать людей, чья самоуверенность покоится на безразличии. Я же вновь ока-

зался у самых истоков поиска, хоть с начала его прошло немало лет.

И тогда я решил перенести вопрос, который меня занимал,— судьба карты ГОЭЛРО? — на газетную страницу. Рассказал читателям «Известий» о своих злоключениях и попросил у них помощи. Посвятило этому передачу и ленинградское телевидение в своей известной программе «Горизонт».

Понятно, что в историческом поиске рассчитывать на быстрый результат не приходится. Но здесь все происходило словно вопреки этой истине. Не миновало и трех дней после публикации статьи, как мне сообщили: «В редакцию заходил доцент Стефанов. Он приехал из Ленинграда и утверждает, что карта электрификации — та самая, с VIII съезда Советов — и сегодня хранится на хорах актового зала Ленинградского политехнического института имени Калинина». Все ясно и совершенно определенно: не просто в Ленинграде, и даже не в Политехническом институте, а именно на хорах актового зала! Впрочем, это было лишь начало, а вскоре мой телефон уже не замолкал: звонили из отдела писем редакции, передавали новости, которые приходили одна за другой.

Москвичка Е. И. Крюкова видела карту сразу же после закрытия VIII съезда Советов. «Я работала в техническом секретариате съезда,— писала Екатерина Ивановна.— Мне поручили заниматься легковым автотранспортом... Съезд закончился. С несколькими пакетами в руках ко мне подошел Гриша Лебедев, он тоже работал в секретариате. «Катя, дай машину отвезти материалы в Наркомвнудел»,— попросил Лебедев. Наркомат находился в том же помещении, где гостиница «Гранд-отель», в нескольких шагах от Большого театра. Я отказала Лебедеву: «Совсем избаловались с машинами. Несколько папок не можешь в наркомат донести». Лебедев объяснил: «У меня не только папки, приказано отвезти в наркомат карту ГОЭЛРО».

Карта была достаточно громоздкая, и я удивилась, как же они смогут отвезти ее на легковой машине. Но, оказывается, она складывалась. Карту погрузили на машину и отвезли в наркомат. Не знаю, поможет ли вам это в поиске, но из Большого театра карту отправили в Наркомвнудел».

Что произошло с ней дальше и где искать теперь карту, Екатерина Ивановна не знала. Но зато она подробно описала, как выглядела карта, и описание это совпадало с рассказом старого картографа Егорова — карта была невелика, умещалась в промежутке между кафедрой докладчика и столом президиума. Впрочем, по мнению читателя Р. Б. Минасова, все это можно подтвердить и документально.

«Не знаю, удастся ли напасть на след исчезнувшей карты ГОЭЛРО, но восстановить ее исторический облик с помощью хроникальных кинокадров, мне думается, шансов значительно больше,— пишет Роберт Багратович.— В Центральном государственном архиве литературы и искусства, в фондах Госкино имеется любопытный документ. Называется он — «Список позитивов, находящихся на складе хроники у тов. Болтянского». В этот список включены «документы по сдаче инвентаря и прочей наличности подотдела социальной хроники за май — сентябрь 1921 года». Среди прочей наличности здесь упоминается фильм «Электрификация». Содержание его излагается так: «Карта Кржижановского, хлебопекарня, электростанция, электроплуг — 174 метра».

Очень интересный адрес называет читатель, и фильм такой действительно существовал. Больше того — встретился с монтажницей этого фильма Е. И. Свиловой. Елизавета Ивановна отчетливо помнила, что было несколько планов с изображением карты ГОЭЛРО. Все это прекрасно, нет только одного — самого фильма «Электрификация». Его следовало бы искать в Красногорском архиве кинофотодокументов. Но обнаружить там пленку пока не удалось. Она, возможно, утрачена, а скорее всего изрезана, использована в более поздних фильмах, и теперь уже трудно определить, где документ, а где инсценировка последующих лет.

Между тем все больше приходило писем читателей. Известный ленинградский ученый профессор М. Д. Каминский вспоминал, что видел карту в октябре 1921 года на Всероссийском электротехническом съезде. Публицист, автор книг, посвященных деятельности Владимира Ильича, Ю. М. Юров обнаружил упоминание о карте ГОЭЛРО в материалах постоянной выставки ВСНХ, которая в 1921 году была открыта на Пет-

ровке. Он не без оснований предполагал, что именно с этой выставки были позаимствованы многие экспонаты, в том числе и карта ГОЭЛРО, для советского павильона в Риге.

Пришло письмо из деревни Алексеевки Тульской области, С. Н. Мосин писал: «В зимние месяцы начала 1922 года я был в Москве, в Колонном зале Дома союзов. Там демонстрировалась большая карта ГОЭЛРО. На карте загорались лампочки». Действительно, комиссия по электрификации организовала в Колонном зале чтения лекций об электрификации. Демонстрировалась и карта, расцвеченная лампочками,— быть может, та самая.

И совсем уже неожиданный адрес назвала в своем письме В. Р. Красильщикова: «В 1923 году я была студенткой, училась в Симферополе. Однажды я пошла в клуб. На стене висел какой-то план. Люди с интересом его рассматривали. Слышались голоса: «Да это же план ГОЭЛРО». Конечно, не берусь утверждать — прошло много лет,— что это и есть карта, которая вас интересует».

Адреса продолжали множиться, и в многообразии свидетельств очевидцев растворялась сама задача поиска: узнать судьбу карты, которая была на VIII съезде Советов. Становилось очевидным, что в письмах шла речь не об одной, а о многих картах, сделанных примерно в одно и то же время.

Январским вечером двадцатого года Владимир Ильич писал Кржижановскому о необходимости «увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой...»,— первый ленинский документ, посвященный плану ГОЭЛРО. В декабре того же года Ленин еще сам следит за работой над первой наглядной картой ГОЭЛРО. А спустя всего лишь несколько месяцев такие же большие, наглядные карты электрификации появились во многих городах. Рождение их — словно вехи победоносного шествия по стране идеи электрификации. Рабочие и крестьяне были увлечены великой программой. И сегодня, спустя много десятилетий, люди вспоминают в своих письмах подробности, удивительные детали: у них навсегда остался в памяти тот день, когда впервые услышали о плане электрификации, увидели схему будущих станций...

И лишь один адрес был абсолютно конкретен: Ле-

нинград, Политехнический институт, хоры актового зала. Его назвал не только заглянувший в редакцию ленинградец. В 1929 году в Москве снимался фильм «Звено энергетики». Съемки консультировал Кржижановский, занимался ими и М. А. Шателен — крупнейший ученый-электротехник. Михаил Андреевич был уполномоченным комиссии ГОЭЛРО по северному району. Один из создателей этого фильма—режиссер И. В. Венжер. С Ириной Владимировной мы встретились в Лиховом переулке на Центральной студии документальных фильмов, и она рассказала:

— Помню, что нам нужно было снять для этого фильма карту ГОЭЛРО. Но с этим отчего-то возникло множество сложностей. В Москве ее так и не смогли разыскать...

Значит, уже в 1929 году в Москве не было этой карты. Как же вышли из положения?

— ...Пришлось ехать в Ленинград к Михаилу Андреевичу Шателену. Он взялся помочь нам. Помнится, что снимали карту в каком-то институте, на ней загорались лампочки... Но и тогда уже карта была весьма ветхой.

Карту для фильма снимали в каком-то институте... Михаил Андреевич был одним из организаторов Политехнического института и преподавал в нем более полувека. Значит, снова — Ленинградский политехнический...

А вот еще строки из писем читателей:

«Я окончил Ленинградский политехнический институт в 1927 году. В аудитории № 75 (1 этаж) нам читал лекции по общей электротехнике профессор М. А. Шателен. В правом верхнем углу аудитории — большая карта электрификации с разноцветными лампочками. Мы, студенты, считали, что эта карта демонстрировалась на VIII съезде Советов»,— писал из Днепропетровска инженер В. Н. Коновалов.

«В Ленинградский политехнический институт я поступила в 1954 году,— сообщала из Солнечногорска Э. А. Лыкова.— Пела в студенческом хоре. Однажды во время выступления наш хор разместился на антресолях над сценой актового зала. Как мне сказали, здесь был музей электротехнического факультета. Но больше это походило на заброшенный склад, где свалены приборы, стенды — все в пыли, в паутине. Кто-то ука-

зал мне на электрифицированную карту, сказав, что это и есть та самая знаменитая карта ГОЭЛРО. Меня очень удивило, что карта такой большой исторической ценности находится в столь неподходящем месте. С тех пор я все время хотела куда-нибудь написать, но откладывала».

Все дороги вели в Ленинград, в Политехнический институт...

Актовый зал Ленинградского политехнического института прекрасен: высокие окна, красивые карнизы, старинные люстры, изящная балюстрада на хорах. Туда мы и поднимаемся по боковой узкой лестнице вместе с заведующей лабораторией кафедры общей электротехники. Все, что собрано там, наверху, числится в ее хозяйстве. Заведующая уже в годах, но не потеряла, однако, способности смущаться, краснеть и оттого еще больше конфузиться. Вот и сейчас не знает, куда отвести глаза, повторяет все время, словно извиняясь заранее:

— Уж очень там все заброшено. А после ремонта совсем стало страшно заходить...

На хоры актового зала ведет дверь с табличкой: «Музей общей электротехники».

— Существует такой музей?

— Существовал, но уже давно заброшен.

Еще одна дверь — между полками, уставленными электросчетчиками разных систем. Шагаем за порог, и мы — на хорах актового зала. Внизу чистота, свежая побелка стен, блеск паркета, а здесь творится бог знает что — нагромождение рухляди, покрытой вековой пылью, залитой побелкой после ремонта. Искореженные старые электромоторы, искалеченный макет какой-то электростанции. Что за чепуха, разве может быть свалена здесь карта ГОЭЛРО.

— Вот она,— говорит моя спутница, и в полумраке видно, как пылают у нее щеки.

Посреди хоров, со всех сторон зажатая хламом, возвышалась фанерная рама, обклеенная пожелтевшей, кое-где прорванной бумагой. С нее давно уже никто не стирал пыль, обильно лилась на нее краска с кистей маляров. Кое-где торчали искореженные, с разбитыми фарфоровыми обручами патроны для лампочек — не нынешние, из пластмассы, а прежние, латун-

ные. Нет, никому и в голову не могло бы прийти, что это и есть карта ГОЭЛРО.

Стирая пыль и подтеки известки рукавами пальто, удалось различить условные обозначения будущих станций, названия городов, выведенные крупным шрифтом,— Петроград, Самара, Царицын, красная линия — электрификация железных дорог, разноцветные окружности по границам энергетических районов. «Если бы еще *примерную* карту России с центрами и кругами?..» — писал Владимир Ильич уже в первом письме, посвященном разработке плана ГОЭЛРО.

Не знаю, как передать в словах тот прилив гордости, восторга, вдруг захлестнувший меня: поиск увенчался успехом, вот она, искомая карта — та самая, которую видели делегаты VIII съезда Советов! И радовался я от души довольно-таки долго...

Отступление третье

ЛЮДИ

Самарская газета «Коммуна» в 1921 году писала: «В честь недели помощи голодающему ребенку открывается музей голода. Вход платный — кто сколько может». Экспонатами в этом музее были хлеб из липовой муки, из гнилушек, из березовой коры, из конского щавеля, из горной глины, из листьев, из корнеплодов с мякиной.

И та же газета в том же номере сообщала: состоится лекция инженера Богоявленского об использовании энергетических ресурсов Волги. На лекции демонстрировалась карта электрификации.

Инженер Богоявленский — больше ничего не удалось мне узнать о нем — о человеке, который во времена ужаснейшего голода в Поволжье читал лекцию об электрическом будущем России. Немало было в те годы среди технической интеллигенции людей, влюбленных в идею электрификации с той же силой, с какой преданы были революционные массы идее мировой революции. Немало рассказов сохранилось об этих энтузиастах, с годами они все больше походят на легенды.

Слышал, например, рассказ о том, как приехали из Самары в Москву во времена все того же голода в Поволжье трое энтузиастов. Быть может, инженер Богоявленский был среди них? Побывали у Кржижановского, а затем их принял Владимир Ильич. Ленин хотел расспросить о делах в Самаре, а они говорили лишь о том,

что привело их в Москву: надо строить в Жигулях гидроэлектростанцию. Но Кржижановский, тот Кржижановский, что покушался когда-то на исконные владения графа Орлова-Давыдова, теперь и обсуждать не захотел: сейчас нет возможностей для такой стройки. Молва гласит, что, провожая самарских ходоков, Владимир Ильич усмехнулся: «Ничего, потерпите. Мы все-таки обманем Глеба Максимилиановича и непременно построим гидроэлектростанцию в Жигулях».

Об этой истории вспоминали лет двадцать назад, когда выше Куйбышева, подле нового города Жигулевска, дала ток Волжская ГЭС. Рассказ заканчивался тем, что на торжественном пуске станции был очень старый, почти ослепший человек — один из тех, кто был когда-то у Ленина в Кремле. Заработали турбины Волжской ГЭС — грандиозный финал забытой телеграммы епископа Самарского и Ставропольского, стремящегося «восстановить божий мир в жигулевских владениях и разрушить крамолу в зачатии».

...Планом ГОЭЛРО было занято двести специалистов. Еще не каждый из них принял решение, определил свое отношение к Советской власти. Но они работали над перспективой, которая воплощала самые дерзновенные мечты русской технической интеллигенции. И сотрудничество в Государственной комиссии помогало сделать выбор. Специалисты, занятые планом ГОЭЛРО, скорее всего, были первыми, на чьих судьбах идея электрификации сказалась самым непосредственным образом.

И тогда же Ленин писал Кржижановскому: «У нас не хватает как раз спецов с размахом или «с загадом». Характерно, в письмах, выступлениях, работах, посвященных электрификации, Ленин размышляет о строительстве станций, о том, как преобразит электроэнергия лицо страны, и почти не говорит о судьбах людей, которые свяжут себя с этой работой. Не говорит потому, что для Владимира Ильича это само собой разумеющееся.

— С того времени, как начали работать на Россию электрическую, вырос рабочий класс, инженеры, специалисты — они бесконечно преданы своей профессии и живут этим делом. А оно действительно заслуживает того, чтобы им заниматься. Создаются уникальные неповторимые гидроэлектростанции. И одну такую станцию построить на своем веку — можно за счастье посчитать. А на долю современного гидроэнергетика приходится примерно три станции, и каждая — новое слово в строительстве, в конструкциях, буквально во всем.

Это говорит С. И. Садовский. Закончилось выездное заседание коллегии Министерства энергетики и электростанций СССР, и мы поднялись со Станиславом Ивановичем на смотровую площадку. Вглядываемся с высоты утеса в панораму строительства Саяно-Шу-

шенской ГЭС. Не так-то легко разобраться в частоколах кранов, в лабиринтах переходов, в разновысотности бетонных кубов, в переплетении арматуры, труб, рельсов. Взывает сирена, и над блуждающими повсюду огоньками электросварки движется рука крана, поднявшего на воздух двадцатипятитонную бадью с бетоном. Пятясь к обрыву, ссыпает гравий самосвал — сегодня же здесь лягут рельсы, а уже назавтра по ним двинется мощный кран. И всем, что здесь происходит, руководит Садовский. Он начальник стройки.

Размах работ, обилие механизмов, астрономические объемы бетона, который закладывается в плотину новой электростанции,— все это свидетельствует о развитии ленинской идеи электрификации всей страны. Но есть и другие приметы, по которым можно проследить тот же путь.

Федор Георгиевич Логинов начинал в двадцатые годы — рабочим на строительстве первых каскадов Чирчикских ГЭС. А когда пришел начальником строительства Сталинградской ГЭС — это уже в начале пятидесятых,— Садовский был студентом Сталинградского механического института. Логинов приехал в институт, рассказал студентам, какой будет станция.

— Он настолько заразил нас своим выступлением,— вспоминает Садовский,— что не только наш выпуск, но другие поколения студентов посвятили себя гидроэнергетике. Хотя, казалось бы, наш институт к этому не имел отношения: он готовил специалистов прежде всего для тракторного завода...

Позже строительством станции у Сталинграда — Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС — руководил А. П. Александров. Он и стал для Садовского первым начальником стройки. Приходилось и мне там же, на Волге, встречаться с Александром Петровичем. На счету у Александрова было немало завершенных строек, а он все еще оставался человеком, который еще никогда в жизни не имел постоянной прописки. И с берегов Волги уехал на берега Нила строить Асуан. И характер у Александрова под стать профессии. Умеет постоять за свое мнение, приходилось и в правительстве доказывать. И если повышали на него голос, отвечал тем же, отстаивая необходимость строительства гидростанций. А на наш обычный журналистский вопрос, модный по тем временам (сейчас и вспоминать стыдно) — о чем мечтает на ближайшее десятилетие? — ответил сразу же, ни на миг не задумываясь: мечтаю, чтобы жил наш строитель как человек...

Александр Петрович стал заместителем министра энергетики и электростанций СССР. А министр — Петр Степанович Непорожний — начинал тоже на Чирчикских каскадах, правда, уже в тридцатых, инженером. Теперь профессор, доктор технических наук, действительный член Академии строительства и архитектуры. А но

характеру похож на других гидростроителей: в суждениях определен, в словах суров и та же подвижность — на стройках, особенно в Сибири, времени проводит больше, чем в кабинете. Прилетел утром на Саяно-Шушенскую ГЭС, провел выездное заседание коллегии министерства, а после обеда летел уже к Богучанам, там будет новая станция и новый город.

На выездном заседании коллегии министерства, обсуждая вопрос о пуске первого агрегата Саяно-Шушенской ГЭС, вместе с руководителями главков, стройки, предприятий-поставщиков выступали и бригадиры: монтажников — Вячеслав Демиденко, плотников и бетонщиков — Валерий Позняков, Сергей Коленков. Говорили резко о том, что наболело, обращались и в адрес министерства, и к руководству стройки. Позицию рабочих-бригадиров разделил министр. Выслушав выступление Демиденко, Непорожний спросил:

— У вас какое образование? Все ваши предложения достойны инженера-специалиста высокого класса.

— Образование у меня среднее, Петр Степанович,— ответил бригадир. — Но кое-какой опыт имеется: строил Красноярскую ГЭС, был и в Братске, и в Усть-Илимске.

Опыт Валерия Познякова складывался на Красноярской и Нурекской ГЭС, а Сергей Коленков был плотником в одной из прославленных бригад на строительстве Красноярской ГЭС. В Саяногорске сам возглавил коллектив, стал лауреатом премии Ленинского комсомола. Кем встретит он стройки XXI века?

...И вспоминаю Каширскую ГРЭС. Впервые приехав туда с четверть века назад, застал еще тех, кто был в двадцать втором году на торжественном открытии станции. Лучшим строителям присвоили звание Героев труда — было такое звание и в те времена, подтверждалось хоть и не Золотой Звездой, но весьма внушительным нагрудным знаком... Старожилы рассказывали о братьях Зубановых — электриках из Симбирска, рабочих редкой специальности для тех лет, а потому и запомнившихся из многих тысяч других людей. Вспоминали каменщиков — мужа и жену,— взялись они сложить трубу и поднимались вместе с ней все выше и выше над землей. Сложили и ушли. Куда? А кто знает. На новую стройку, за новым подрядом...

И сегодняшние рабочие-бригадиры, поднявшие плотину Саяно-Шушенской ГЭС на 245 метров, сровняв ее с енисейскими утесами. Впрочем, о несхожести этих поколений и говорить нечего — всем ясно. Меня же занимает общее, связывающее — оно не только в том, что строительную площадку нынешним подготовили те, кто был первым: построили и ушли, как та пара — каменщиков на Каширке.

И те, и эти были на передовой. Прибегаю к этому слову не оттого, что хочу по избитой журналистской привычке заимствовать

термин из военного словаря, подчеркнув тем самым тяготы мирной жизни. Нет. Просто без передовой на этот раз не обойтись — она выражает саму суть и буквальный смысл того, чем заняты все эти люди. На передовой в том смысле, что именно здесь проходит черта завершенного созидания, все же остальное: проекты, чертежи, расчеты, поставки — все это за их спиной.

Худо было с продовольствием на строительстве Каширской ГРЭС, срывался подвоз кирпича, задерживалась доставка оборудования — многого, очень многого постоянно не хватало. И все это предстояло преодолеть им — строителям. Потому что продовольствие, кирпич, оборудование были необходимы им, а от них ждали лишь одного: ждали станции, которая будет давать ток Москве.

Заседала выездная коллегия Министерства энергетики и электростанций на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС. Говорилось, например, о качестве бетона, сетовали, что не все предприятия-поставщики соблюдают сроки, обращали внимание на неполадки у монтажников «Электросилы». Говорилось о том, что мешает строителям в декабре 1978 года пустить первый агрегат. Но агрегат они должны пустить. И они пустили его — в декабре 1978-го Саяно-Шушенская дала первый ток. Электрификация шла и идет впереди, открывая путь нашей экономике, созданию новых промышленных районов.

Вот она — та самая карта. И радовался я от души довольно-таки долго, потому что не сразу удалось очистить карту от наслоений времени. А когда это сделали, то оказалось — перед нами была все-таки другая карта.

«Проект электрификации России. Карта выполнена отделом сильных токов Государственного научно-технического института. Январь. 1921 год» — помечено на карте. VIII съезд Советов проходил в декабре 1920 года, а карта датирована январем двадцать первого.

Разница в месяц, а то и меньше его. Надо полагать, что карта эта полностью повторяла свою предшественницу, различия были самыми незначительными — например, в левом углу врезана карта Петроградского района. Именно Петроградского. Помните, в январе 1920 года во Дворце Урицкого состоялось заседание пленума Петроградского губернского Совета, выступая на котором Кржижановский говорил: «Государственная комиссия прибыла в Петроград в полном составе, чтобы дать отчет красному Питеру

о своих работах». И я ошибся, когда предположил, что карту доставили из Москвы в Петроград. Ее сделали на месте, повторив ту, что была в Москве, и специально выделив Петроградский район. А занимался этим уполномоченный комиссии ГОЭЛРО по северному району Шателен. Позже Михаил Андреевич перевез карту в Политехнический институт.

Строились электростанции, дал ток Днепрогэс, а на старой карте по-прежнему светились разноцветные лампочки. Карта пережила войну, блокаду, стала со временем реликвией революционной истории Ленинграда. И не только Ленинграда. Мы не имеем пока другого, более раннего наглядного изображения проекта электрификации.

И в электротехнический музей карта попала не сразу. Долгие годы висела в аудитории, напоминая студентам лучше всяких учебников, с чего начиналась электрификация. В 1957 году скончался М. А. Шателен. А чуть позже карту списали в музей — сочли, что она никому не нужна, впрочем, как и экспонаты музея.

Ученик Шателена и его преемник — заведующий кафедрой общей электротехники В. С. Равдоник рассказывал:

— Вдохновителем музея был Михаил Андреевич, а создавали его в двадцатые годы студенты электротехнического кружка. Мы написали письма в зарубежные фирмы и получили кое-какие приборы. И, бывая на практике, собирали экспонаты. Так со временем сложился довольно-таки обширный музей. Начиная свой путь в институте, студенты непременно бывали в нем. Но постепенно сокращалось помещение, отведенное под музей. А после смерти Михаила Андреевича все экспонаты сложили на хорах актового зала. Многие приборы пришли в негодность, другие утеряны...

Тяжело начиналась электрификация России, но уже с первых ее шагов думали о том, как собрать, сберечь все, что напомнит поколениям о великих днях, «в которых люди проходят как тени, но дела этих людей остаются как скалы». Создал музей и сохранил карту ГОЭЛРО Шателен. Из книги Бориса Галина «В грозу и бурю» узнаем, как раздумывали на Волховстрое, что оставить для истории: товарный вагон, прозванный «коробочкой», старую мельницу на Волхове, а быть

может, бездонный портфель, с которым никогда не расставался Генрих Осипович Графтио?

И они были правы, рассчитывая на благодарную память поколений. С каждым днем мы все острее ценим любое свидетельство, любое напоминание — с чего начинали. Обнаружилась в Политехническом институте карта ГОЭЛРО, и к ней был проявлен живейший интерес: сообщение обошло газеты, о ней просили рассказать подробней, карту показали еще в одной телевизионной передаче. От души и громогласно радовались тому, что нашлась карта, и работники Политехнического института, преподаватели кафедры общей электротехники. Между тем карта не находилась, она всегда была здесь. Просто забыли о ней, перестали ощущать ее ценность и спохватились вновь, когда заговорили об этом другие. Постоянная историческая ценность карты оказалась для кого-то величиной переменной. Реликвии создают время и люди, а сберегают их, времени вопреки, только люди, лишь они...

Студенты Политехнического института осторожно вынесли карту ГОЭЛРО с хоров актового зала. Хлебным мякишем они очищали листы от грязи и заново монтировали проводку. На торжественном вечере института вновь, как и много лет назад, вспыхнули разноцветные лампочки.

И еще позже пришло письмо от Юлии Михайловны Рутковской из Нарвы.

«В 1920 году мне было пятнадцать лет, мы жили в Петрограде у нашего родственника инженера-электротехника Владимира Федоровича Булгакова. Он работал в институте, который называли у нас дома «ГОНТИ».

В один из декабрьских вечеров 1920 года — я помню, к нам на квартиру уже завезли рождественскую елку — к В. Ф. Булгакову приехал профессор Шателен (имени его и отчества я не помню) и долго о чем-то беседовал. После его ухода в семье сразу же заговорили, что надо срочно готовить карту электрификации.

На следующий день где-то раздобыли большую складную карту. Встал вопрос о ее раскраске. Красок не было, и купить их было негде. Наконец достали акварельные краски в фарфоровых чашечках и малень-

кие кисточки. Карту положили на пол в кабинете В. Ф. Булгакова. Раскраску ее поручили молодому инженеру Сергею Ивановичу. Но вскоре Сергею Ивановичу надоело ползать на коленях по карте, и он охотно уступил работу мне и моему братишке Мише (погиб в бою при героической защите Ленинграда в 1941 году). Помню, что много красила по указанию Сергея Ивановича зеленой краской, а Миша — моря в сиреневый цвет, так как у нас синей краски не было. Когда вся карта была покрашена, у нашей елки отобрали все электрические лампочки (они были несколько крупней обычных елочных лампочек), а также все провода для них. Потом, очевидно, для монтажа карту отнесли в институт. Мы долго ждали, что нам возвратят лампочки, но их так и не вернули».

Если вы будете в Ленинграде и захотите взглянуть на карту ГОЭЛРО, она находится теперь в Музее революции. Обратите внимание, как аккуратно, тонкой кисточкой раскрашены моря в сиреневый цвет. Топографы называют эту работу — поднять карту.

Сначала был чистый лист бумаги или даже обрывок его. Был карандаш в руке художника, которым он набрасывал один вариант за другим. А теперь созданное им не воспринимается как рисунок, где можно что-то изменить, дополнить, исправить. Это неизменный символ первой в мире социалистической державы. Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик, о котором в Конституции СССР, в ее 169-й статье, говорится:

«Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик представляет собой изображение серпа и молота на фоне земного шара, в лучах солнца и в обрамлении колосьев, с надписью на языках союзных республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В верхней части герба — пятиконечная звезда».

И перед глазами возникает яркое, законченное до каждой черточки, знакомое изображение — молоткастый и серпастый герб. Он на свидетельстве о рождении, паспорте и трудовой книжке гражданина СССР. Герб на аттестате зрелости и дипломе об окончании института. Он на заработанных тобою советских деньгах. Герб на трибуне Верховного Совета СССР. Им скрепляются законодательные акты и многочисленные соглашения о дружбе и сотрудничестве, которые заключены Советским Союзом с другими странами.

Теперь он известен всему миру. А шесть десятилетий назад — в октябре 1918 года — советский посол в Скандинавии Вацлав Воровский писал в Народный комиссариат иностранных дел по поводу первого советского герба: «...Будьте добры прислать мне изображение его в сравнительно крупном масштабе, вершка четыре в диаметре и по возможности в красках.

Закажите нарисовать какому-нибудь молодому художнику. Мне он нужен и для щита на здании посольства, а потому важно иметь в красках». Как знать, возможно, это было первое путешествие нашего герба за рубеж...

А теперь приведу письмо, которое пришло в редакцию «Известий» из города Тосно Ленинградской области от инженера-путейца Леонида Николаевича Кондакова:

«В июле 1941 года мне исполнилось 16 лет, я получил паспорт и мечтал идти работать на завод. Но стремительное развитие военных действий нарушило мои планы. Приближающиеся к Ленинграду фашистские войска отрезали наш город. Отец ушел в партизаны, а я с матерью и сестрой остался в Тосно — на оккупированной территории... В конце 1943 года меня вместе с другими моими сверстниками угнали на работу во Францию. К этому времени во Франции активно действовало движение Сопротивления. Сначала я выполнял поручения разведывательного характера. А в 1944 году был принят в коммунистический отряд. В нашем отряде были бойцы многих национальностей — поляки, французы, бельгийцы, сербы, чехи... Были и те, кто сражался раньше в рядах интернациональных бригад в республиканской Испании. Каждый боец отряда носил нарукавную повязку цвета своего государственного флага. Нас, русских, советских граждан, в отряде было двое, и мы носили красную повязку.

В отряде был поляк-художник. Мы попросили его нарисовать на наших повязках герб Советского Союза. Герб получился очень красивый: золотисто-желтого цвета, с буквами под ним «USSR». Многие иностранцы восхищались нашим гербом.

После освобождения города Клермон-Феррана нам с Василием, так звали моего товарища, буквально не давали прохода на улицах. Все встречные незнакомые мужчины поднимали руку, приветствуя: «Рот фронт!»

Однажды на одной из городских площадей собрался митинг. Когда стали говорить об успехах Советской Армии, нас с Василием начали качать, подкидывая в воздух. Мы пытались объяснить, что наш вклад в эти победы невелик. Но нам показывали на герб, и этим все было сказано».

И этим все было сказано!

* * *

Вопрос о символах нового, рожденного революцией государства стал обсуждаться вскоре же после победы Октября. Народный комиссариат просвещения РСФСР вместе с художественными коллегиями Петрограда и Москвы начал заниматься разработкой государственной эмблемы. Весной 1918 года Петроградская коллегия по делам искусства и художественной промышленности объявила конкурс на проекты серебряных монет, флага, герба и печати республики.

Сама мысль о создании герба встречала поддержку далеко не у всех.

Слишком велика была многовековая привычка к тому, что гербом владели лишь дворянские фамилии да рыцарские ордена. И давно ли писали столичные газеты: «Во всем Петрограде убираются по требованию народа и солдат императорские гербы и вензеля». В театрах «капельдинерам велено снять ливреи с бывшими императорскими гербами и одеться в простые пиджаки». «Маляры замазывают на аптеках рисунки двуглавых орлов, и по всему городу снимаются царские медали и ордена». (Кстати, немало велось споров и о первых советских орденах, были и те, кто не хотел их принимать,— еще жила память о царских орденах и сильна была ненависть к ним.)

Автор первой брошюры, посвященной описанию советского герба, начинал ее словами: «Герб вопреки общепринятому мнению не только дворянско-империалистический атрибут». Сама мысль, что не у царской фамилии и не у дворянского рода, а у рабочих и крестьян должна быть своя государственная эмблема, казалась неожиданной.

Советский герб, когда состоится его рождение, воплотит в себе самые поэтические мечты многих поколений борцов за свободу и социальную справедливость. Лучи восходящего солнца из века в век были символом нового дня и новой жизни. Так и называл свою коммунистическую утопию Томмазо Кампанелла «Город Солнца» — произведение, к которому не раз обращался Владимир Ильич, обдумывая свой план монументальной пропаганды. Было это весной восемнадцатого года — время, когда и рождался первый советский герб.

Революционная поэзия всегда воспевала царство труда. «Владыкой мира будет труд...», «...водрузим над землею Красное знамя труда»,— пели русские революционеры. И повторяли пролетарии всех стран слова «Интернационала»: «Лишь мы, работники всемирной, великой армии труда...» Создателем и творцом новой жизни чаще всего выступал кузнец с молотом в руках: «Вздымайся выше, наш тяжкий молот...», «Крестьянину руку протянет рабочий, рабочему руку протянет солдат...» Пролетарские революционеры мечтали о союзе трудящихся своей страны и рабочих всего мира: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь в дружный стан...»

С первых дней рождения Советская Республика принуждена была с оружием в руках отстаивать свое право на существование. И неудивительно, что одной из самых ранних наших эмблем стала эмблема Красной Армии. Ее утвердили в апреле 1918 года — пятиконечная красная звезда с изображением плуга и молота.

«Смотри, товарищ,— говорилось в листовке, выпущенной по этому поводу,— вот красная звезда. Красная звезда — знак Красной Армии... Она есть звезда счастья всех бедняков, крестьян и рабочих. Вот что означает красная звезда Красной Армии». Современники вспоминали о том, как объясняли этот символ сами красноармейцы: «Наша звезда на пять частей света светит». Это объяснение звезды вскоре было подхвачено всеми. Понравилось оно очень и Владимиру Ильичу.

Лучи восходящего солнца; пятиконечная красная звезда; серп и молот — символ союза рабочего класса и крестьянства; призыв Коммунистического манифеста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и, конечно же, хлебные колосья, хлеб от века был на Руси мерилом труда,— все это и предстояло соединить в советском гербе.

* * *

Само рождение герба было сугубо деловым: он был необходим для государственной гербовой печати. Созданием такой печати занялось Управление делами Совета Народных Комиссаров. На первых же порах пользовались печатью временной, по краю которой была

надпись: «Крестьянское и рабочее правительство республики России», а в центре: «Управление делами».

И сегодня продолжаются споры о том, кем же был создан рисунок первого советского герба. Часто называли имя ученика Репина, известного русского графика и живописца по фарфору, портретиста и декоратора С. В. Чехонина. Сергей Васильевич не раз изображал эмблему — серп и молот в заставках, которые рисовал для журналов весной восемнадцатого года. Другие упоминают К. И. Камзолкина: художник рисовал скрещенные серп и молот на красных полотнищах, прикрепленных к мачтам трамвайных линий в дни первомайских празднеств 1918 года. Большинство, однако, склоняются к тому, что автором герба был А. Н. Лео. В документах Совнаркома за апрель 1918 года сохранилась запись об уплате художнику Лео за образец государственной печати. Более тридцати лет работал в Петрограде, в типографии Р. Голика и А. Вильборга, художник-график Александр Николаевич Лео. И ему, лучшему художнику типографии, вероятно, и поручили этот важный заказ.

В условиях конкурса, объявленного весной восемнадцатого, говорилось, что в композиции герба «необходимы эмблемы рабочей и крестьянской республики — орудия труда (например, серп и молот)». И художник, рисовавший герб, отразил в нем те символы, которые уже существовали в рабоче-крестьянском государстве. Впрочем, это не помешало выдвигать самые различные, порой совершенно неожиданные проекты герба. Один из создателей Ленинианы, известнейший художник Николай Андреевич Андреев, был членом жюри конкурса. Он рассказывал: «Как-то раз, помню, приходит художник и приносит «изумительный» проект: взят тот же самый двуглавый орел, причем у орла повыщипаны перья, вместо маленьких корон на головах поставлены красные звезды, а вместо большой короны, которая высится над двумя головами орла, надета шапка красноармейца; в лапах вместо скипетра и державы камень и палка. И в этом чудовищном, ужасном виде все это должно было изображать герб...»

Наконец в Управлении делами Совнаркома остановились на рисунке, изображавшем герб, похожий на

тот, который и сегодня. Он был с теми же эмблемами, но имел посредине обнаженный длинный меч. Меч уходил рукояткой в перевязь снопов внизу герба и врезался все суживающимся концом в солнечные лучи, которые заполняли верхнюю часть общего орнамента.

Увидев проект, писал В. Д. Бонч-Бруевич, Ленин сказал:

— Интересно!.. Идея есть, но зачем же меч? Мы бьемся, мы воюем и будем воевать, пока не закрепим диктатуру пролетариата и пока не выгоним из наших пределов и белогвардейцев и интервентов, но это не значит, что война, военщина, военное насилие будут когда-нибудь главенствовать у нас... Из герба нашего социалистического государства мы должны удалить меч...— И Владимир Ильич тонким черным карандашом зачеркнул меч корректурным знаком, повторив его на правом поле рисунка.

Однако этот эпизод, рассказанный В. Д. Бонч-Бруевичем, имел продолжение. Начиная с апреля 1918 года проект государственной печати, а значит, и герба обсуждался при самом непосредственном участии Владимира Ильича на десяти заседаниях Совета Народных Комиссаров. Ленину еще не раз приходилось отстаивать свою точку зрения: меч — это не наша эмблема, оставляя пометки на протоколах заседаний: «Отложить до выяснения вопроса о мече», «...выкинуть из рисунка меч». В июне восемнадцатого года Совнарком под председательством Владимира Ильича заслушал сообщение Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова «О советской печати». И вновь читаем в постановлении: «Вопрос о мече, оставшийся спорным, решить после предварительного маленького совещания, имеющего быть завтра».

Говоря словами Владимира Ильича, это было время, «когда война изранила все тело России, так что народ похож на избитого до полусмерти человека...» Немцы — на Украине, в Прибалтике и Белоруссии, англичане, французы — на Севере, турки и англичане — в Закавказье, японцы — на Дальнем Востоке, Деникин — на юге, Краснов — на Дону, банды Дутова — на Урале... А Владимир Ильич по-прежнему настаивает: меч— не наша эмблема. Так велика была его вера в торжество мирной политики Страны Советов, которая найдет

поддержку во всем мире. И ленинская точка зрения победила...

В июле 1918 года в Москве открылся V Всероссийский съезд Советов. Ему предстояло принять первую Конституцию РСФСР, а с ней и первый советский герб. Делегат этого съезда, член партии с 1913 года Василий Мефодьевич Верховых рассказывал мне:

«Большинство делегатов съезда были большевики, среди них и я — председатель Бердеевского волостного Совета из моей родной Тамбовской губернии. Съезд собрался в Большом театре. С трибуны съезда Ленин говорил, обращаясь к нам, делегатам:

— Если теперь этому съезду нами может быть предложена Советская конституция, то лишь потому, что Советы во всех концах страны созданы и испытаны, потому, что вы ее создали, вы во всех концах страны испытали...

Да, Советы успешно действовали к этому времени во всех концах страны. Но все больше наглела контрреволюция, и все труднее становилось бороться с ней. Посмотрите запись выступления Владимира Ильича на V съезде Советов. Как многократно прерывается речь Председателя Совнаркома шумом, выкриками, репликами из зала. Это безобразничали с первой минуты открытия съезда левые эсеры. Они то предлагали выразить недоверие Советскому правительству и расторгнуть Брестский мир, а то просто бесновались, стараясь сорвать нашу работу.

Понятно, что мы — люди тогда еще совсем молодые — не оставались безразличными к их действиям. Обстановка накалялась. В довершение ко всему на верхнем ярусе Большого театра грохнул взрыв: у кого-то из присутствующих разорвалась граната. Совершенно спокойным, просто невозмутимым оставался, пожалуй, лишь Яков Михайлович Свердлов — и в эти минуты, и на следующий день, когда пришло известие о начале мятежа левых эсеров. Мы еще не знали об этом предательстве, когда нам сказали, что большевистская фракция собирается на совещание в театре Зимина — в этом помещении теперь Центральный детский театр. Помнится, я так и не успел дойти до этого дома. Выходя из Большого театра, получил винтовку и отправился на подавление эсеровского мятежа.

В первую перестрелку мы попали уже подле Центрального телеграфа.

А разбив мятежников, снова собрались на съезде Советов. Единогласно приняли Конституцию РСФСР, герб и флаг республики.

Понимали мы в те минуты, какой акт глубочайшего исторического значения совершаем? Мне кажется, что понимали. Мы принимали Конституцию, утверждали государственный герб — и мы видели в этом торжественное подтверждение наших завоеваний и наших побед. Нет и не будет больше в России ни дворян, ни купцов — есть лишь гражданин, и живет он в Республике Советов.

А у многих еще, да и у меня, стояли перед глазами бесконечные коридоры Смольного. Я был там в дни вооруженного восстания. Спорили, решали вопросы, спали прямо на полу, завернувшись в шинели,— все в Смольном. В одной из комнат я увидел Александру Михайловну Коллонтай. Выгадывая буквально на каждом кусочке черного хлеба, она делала бутерброды — думаю, что для членов военно-революционного комитета. Я отдал ей свои запасы — буханку черного хлеба, шматок сала, головку сыра. «Спасибо, товарищ»,— кивнула Коллонтай. Для новой власти, которая должна была прийти буквально с минуты на минуту, эти скромные припасы были, очевидно, ценностью.

Спустя два месяца, в январе восемнадцатого, я оказался на галерке Таврического дворца: мне дали гостевой билет на открытие Учредительного собрания. Там я впервые услышал ленинскую «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Ее прочел Свердлов, предлагая как проект постановления Учредительного собрания. Однако «люди с того света» (так назвал Владимир Ильич членов Учредительного собрания) не пожелали даже обсуждать Декларацию — первый в истории человечества законодательный акт, ставящий задачей государства уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы и установление его социалистической организации. Спустя несколько дней Декларацию приняли мы — делегаты III Всероссийского съезда Советов.

И вот теперь, на V съезде Советов, мы видели, что республика рабочих и крестьян, которая складывалась

на наших глазах, все больше приобретает черты государства — утверждается Конституция РСФСР, принимаются герб и флаг республики. У истории есть свои неповторимые и непередаваемые минуты. О них нельзя рассказать, их можно лишь пережить».

В августе 1918 года «Известия» публиковали постановление Совнаркома. В нем говорилось: «Употребление старого герба безусловно воспретить под личную ответственность подписывающего бумаги. Обязать все советские учреждения обзавестись печатями с новым гербом Советской республики».

И тогда же Владимир Ильич дал письменное распоряжение секретарю Совнаркома Н. П. Горбунову:

«1) Отбить оттиски новой печати и раздать *каждому* народному комиссару под его расписку.

2) Заказать такие печати (в меньшем размере) для *всех* советских учреждений или внести в Малый Совет для объединения практических шагов (может быть, выработать общий тип малого размера печати с надписями *отдельных* комиссариатов)».

Настало время первой годовщины Октябрьской революции. В канун этого торжества газеты писали: «После митинга на 11 московских площадях состоится сожжение эмблем старого строя и грандиозная иллюминация Москвы. Главные фейерверки будут пущены из Кремля. В 9 часов 30 минут будут подняты эмблемы, олицетворяющие собой новый строй». Среди них и советский герб.

Надежда Константиновна Крупская вспоминала: «Октябрьские дни первой годовщины были одними из наисчастливейших дней в жизни Ильича».

* * *

Минует четыре года, и в последний день уходящего 1922-го «Известия» вышли под шапкой — «Создание Советского Союза — новогодний подарок мировому пролетариату». Газета публиковала материалы I Всесоюзного съезда Советов, провозгласившего образование Союза Советских Социалистических Республик. От Российской Социалистической Республики к Союзу Советских Социалистических Республик — таков путь, пройденный за это время.

Закрывая I Всесоюзный съезд Советов, М. И. Калинин говорил:

— Мы избалованы за последние годы исключительными по важности историческими событиями. Но мы не можем не отметить, что сегодняшний день сыграет огромную роль для народов всего мира. Может быть, сегодня мы еще не сознаем этого в достаточной степени, но мы здесь закладываем первый камень действительно братского общежития.

До сих пор был герб РСФСР. Теперь возник вопрос о гербе Союза Советских Социалистических Республик.

Герб СССР был утвержден в январе 1924 года II Всесоюзным съездом Советов, принявшим Конституцию СССР. Страницы изданной тогда же стенограммы съезда обрамлены черными траурными полями. Умер Ленин.

Принимая Конституцию Советского Союза, утверждая герб СССР, делегаты продолжали одно из величайших дел Владимира Ильича — создателя первого в мире социалистического многонационального государства.

С тех пор в изображении нашего герба происходили, казалось бы, самые незначительные изменения— лишь на золотистых колосьях возрастало число витков кумачовой ленты. Но какой огромный исторический процесс стоит за этими поправками времени! Каждый новый виток кумачовой ленты — это еще одна союзная республика, вошедшая в социалистическую семью советских людей. И на языке этого народа пишется призыв, которому он следует: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В первой Конституции СССР, в ее 70-й статье, посвященной гербу, говорилось, что надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» воспроизводится на шести языках — русском, украинском, белорусском, азербайджанском, армянском и грузинском. Вскоре союз республик пополнили узбеки, туркмены, таджики, и на гербе появились надписи на их языках. С утверждением Конституции 1936 года прибавилось еще два красных витка — Казахская и Киргизская автономные республики были преобразованы в союзные. Шли годы, и в состав СССР по воле своих народов входили все новые союзные республики: Латвийская, Литовская, Эстонская, Молдавская... На 15 языках национальных республик повторяется сегодня призыв осно-

воположников научного коммунизма «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Каждый виток алой ленты на колосьях — это подтверждение исторического предвидения Владимира Ильича, высказанного им еще в восемнадцатом году, на III съезде Советов, где была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

«...я глубоко убежден, что вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима. Лучший залог ее несокрушимости — те законы, тот государственный строй, который мы творим у себя».

Герб СССР всегда символизировал юридическое равенство Советских Социалистических Республик. Но надо было совершить большой и нелегкий путь, чтобы покончить с неравенством фактическим — экономической и социальной отсталостью ранее угнетенных народов, чтобы в преамбуле нынешней Конституции СССР было записано, что на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ.

* * *

Над изображением герба СССР работали многие художники. Комиссия ЦИК остановилась на варианте, выполненном В. П. Корзуном и И. И. Дубасовым.

«Мне передали эскиз, по которому поручено было сделать рисунки нового герба — цветные и штриховые...— вспоминал И. И. Дубасов.— Серп и молот я рисовал с натуры. Помню, достали настоящий крестьянский серп. Рисуя его, я точно передал форму ручки, утолщенной к лезвию... Земной шар рисовал по фотографии, сделанной с глобуса, поставленного в нужное положение. Такой прием позволил совершенно точно перевести на рисунок расположение материков. Форма ленты осталась почти неизменной, но я несколько расширил ленту, чтобы нанести на нее шесть текстов. Этот вариант рисунков нам был возвращен. Рисунок герба стали перекомпоновывать зано-

во. Теперь лента с надписью на шести языках трижды обвивала колосья с каждой стороны герба, а концы ее уходили за земной шар. Форма герба стала более округлой...»

Художник попросил, и ему привезли из деревни настоящий крестьянский серп. Серп был повсюду в ходу. А газеты в те времена публиковали сенсационный снимок. Диковинная, невиданная прежде машина и подпись под ней: американская установка для уборки хлеба — «Комбайн».

А еще раньше, в самом конце 1920 года, VIII Всероссийский съезд Советов специально обсуждал вопрос о закупке за границей кос, серпов и топоров. Как видите, серп и молот на нашем гербе самым непосредственным образом отражали ту ступень хозяйственного развития, с которой началось наше восхождение.

С годами серп и молот все меньше напоминали об орудиях производства и все больше становились символами страны, нашего общества, в котором, как записано теперь в Конституции СССР, «созданы могучие производительные силы, передовая наука и культура, в котором постоянно растет благосостояние народа, складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности».

...В 1936 году во время обсуждения проекта прошлой Конституции СССР поступало немало предложений об изменении герба. Заменить устаревший серп и молот на комбайн, блюминг, электрогенератор. В письме из Магнитогорска говорилось: «Предлагаем установить такой герб: земной шар с воткнутым в него красным знаменем н пятиконечной звездой над ним... Ввести в герб трактор, отбойный молоток и подъемный кран».

И тогда же ленинградские рабочие писали: «Дело не в том, что серп — устаревшая техника, а комбайн — современная.. Серп и молот символнзируют не технику, а вечный союз рабочего класса и крестьянства... Наши матери на куске кумача вышивали серп и молот, вышивали «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и кумач становился знаменем, под которым умирали и побеждали наши отцы. Мы видели в музее знамя Первой Конной. На нем вышнты серп и молот; существуют наши пролетарские традиции, и негоже их менять, как платье. Герб не надо менять. Пусть он

осеняет наших детей, внуков, как осенял отцов наших и матерей».

Ныне действующая Конституция СССР вновь закрепила известное нам изображение Государственного герба СССР. И в этом еще раз сказалась историческая преемственность — преемственность коммунистических идей и ленинских принципов. Само слово «герб» означает в славянских языках наследство, то, что передают от отца к сыну, из поколения в поколение. Мы, нынешнее поколение советских людей, приняли советский герб, рожденный революцией, освященный творчеством тех, кто начинал неповторимый путь нашей социалистической государственности.

...Сначала был чистый лист бумаги или лишь обрывок его. Был карандаш в руке художника, которым он набрасывал один вариант за другим... А вместе с этим были дух революции, ее подъем и ее идеалы. Они владели вдохновением художника и навсегда воплотились в изображении герба СССР.

ЧАС ПОСТИЖЕНЬЯ

А все-таки приходилось ли вам задумываться, почему так стоек, так неисчерпаем интерес человечества в целом и каждого из нас в отдельности к выдающимся историческим и легендарным личностям?.. Почему проходят годы, столетия, тысячелетия, а мы все всматриваемся в их черты, по штриху исследуем их портреты, собираем даже вскользь оброненные слова? Потому, вероятно, что через них мы всматриваемся в себя, через них каждое поколение постигает свое назначение, свою цель. Приходит час, и мы вынуждены ответить на вопросы, которые задаем себе всю жизнь.

Интерес, а может быть, и увлеченность при чтении этой книги объясняется двумя вещами: во-первых, личность Ленина продолжает волновать воображение каждого из нас, а во-вторых, время Ленина — не прошлое и совсем уж не прошедшее время, оно продолжается и сейчас. Более того, дело его — социалистическая революция — имеет не только общечеловеческое значение, в нем начало нашей личной судьбы, где бы мы ни жили на планете, судеб наших детей и внуков. Рано или поздно, но однажды в жизни мы это осознаем. Книга Егора Яковлева — итог такого осознания, остро современного, публицистического освоения ленинской темы.

Однако время тут и помощник, и оппонент. Взяться за такую тему, взяться за книгу о Ленине, когда написаны уже тысячи книг о нем,— для этого нужно быть уверенным, что можешь сказать нечто новое. Новое о Ленине?.. Сотни людей и десятки исследовательских учреждений в разных странах заняты поисками материалов о Ленине, и каждый вновь найденный документ, каждый вновь обнаруженный факт его жизни становится сенсацией. Можно ли в таких условиях рассчитывать на открытие? Так что же остается

писателю и публицисту в этой столь ответственной теме?.. Что заставляет его взяться за перо?

Гений, как известно, чем к нему ближе, тем труднее отличим от других людей, а чем дальше от него, тем менее он воспринимается как обыкновенный человек. И Егор Яковлев признается: «...что же сказать тогда о моем поколении, о тех, кто вступал в самостоятельную жизнь с началом пятидесятых годов? Фигура Ленина предстала перед нами в граните и бронзе, в строчках поэзии и томах прозы, в игре артистов театра и кино — и все это само по себе уже было осенено крылом классики»... «Мы слышали, читали о Владимире Ильиче с тех пор, как помнили себя и уразумели алфавит. Как ответить, например, когда впервые услышал о Ленине? Поди-ка скажи, когда увидел белый свет... А встреча с Владимиром Ильичем была все еще впереди — встреча с собеседником, которую сам ищешь потому, что многое не дает покоя, многое надо понять и только у него найдешь ответы».

Встреча с Лениным, глубоко личное постижение его характера, свое собственное прочтение его трудов,— она предстоит каждому мыслящему человеку каждого нового советского поколения, как пережили ее в разное время Маяковский и Горький, Твардовский и Казакевич и многие другие люди, чьи чувства они выражали. И для поколения Егора Яковлева встреча эта была неминуема и насущна.

Ленинские нормы во всех сферах партийной и общественной жизни — мерило самых высоких ценностей эпохи, их животворное влияние на духовный мир современника трудно переоценить... В 1964—1965 годах вышло 5-е издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина, включившее много неопубликованных ранее ленинских документов и комментарии к ним. Как жадно читались эти тома! Факты, события, проблемы полувековой давности воспринимались с остротой близкой к ним сопричастности. Ленин входил в наш день, становился властителем дум людей 60—70-х годов века. Не только журналистика, но и театр, и кинематограф, забыв, казалось, самое себя, впрямую обратились к ленинскому документу, к строке, к архиву. Что касается журналистики, то ее подвижный инструмент оказался как нельзя более применяем в разведывании и осмыслении ленинской темы... Впрочем, Егор Яковлев вряд ли задумывал книгу о Ленине, только о Ленине; складывалась она

постепенио, годами, начиная с тех еще ученических пор, когда студент историко-архивиого института решил во что бы то ни стало найти карту ГОЭЛРО, по которой Кржижановский знакомил делегатов съезда Советов с планом электрификации России.

Из очерка о поисках знаменитой карты видно, как первое побуждение, азарт искателя, идущего по следам пропавшей карты ГОЭЛРО, сменяется у автора более глубоким интересом к обстоятельствам рождеиия и осуществления дерзостиого н фантастнческого по тем времеиам плана электрификацин Росснн, к истокам ленииской мечты, осиованием его веры в будущее своей страны, ставшее нашими буднями, нашим настоящим.

Егор Яковлев — журиалист, и зтим объясиены особенности его книги. Для автора немыслимы академически бесстрастные изыскаиия, хотя пришлось ему, иавериое, переворошить не один десяток томов Лениииаиы, исторической литературы. Как журиалист, ои ищет сиюминутной пользы, ищет ответа иа то, что ему, да и ие ему одному ие дает покоя. Один вопрос влечет за собой другой, попытка портрета требует осмысления времени, в котором автор ищет и иаходит предпосылки ленинского характера, нравственных основ его личности.

Казалось бы, книга Яковлева — о стнле работы Ленина, о чертах его как государствениого деятеля, политика, подход автора к материалу совсем не «биографический», однако он ие избегает касаться частных, казалось бы, подробностей стаиовления личности Владимира Ульянова, воспитания чувств.

Фигуры, равные Ленину, рождаются не каждое столетие. Но случайно ли, что все шестеро детей Ульянова, кандидата физико-математического факультета, провинциального педагога, иистектора иародных училищ, вырастут революционерами? Говорят, дети больше похожи на свое время, чем на своих родителей, это так. Но дети Ильи Николаевича и Марии Александровны Ульяновых были похожи и иа родителей н очень похожн друг на друга. Круг чтения отца — Белннский, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, его истовая забота о просвещении народа, ннтеллигентность матери, весь уклад дома Ульяновых с его благородным культом труда и знания и были той ранней и благоприятной атмосферой, в которой раскрывались способности детей, складывались их первые убеждения.

Принятые в семье Ульяновых нормы и разделяемые идеалы, верно замечает Е. Яковлев в одном из очерков, продолжали то, что было выстрадано героями и мучениками русского революционного движения: кристальная чистота помыслов и отношений, стремление к самоусовершенствованию и совершенствованию окружающей жизни. Это воспитание заложило в Ульяновых-младших чувство обостренной гражданской совестливости, несомненно, предопределившее их судьбы. Автор приводит замечательные слова Александра Ульянова на процессе по делу 1 марта 1887 года: «Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь...».

В главе «Брат» собраны пятьдесят отрывков из разных документов. Кто не знает о судьбе Александра Ульянова? Но часто документ дает толчок воображению куда более сильный, чем хрестоматийный рассказ, даже хорошо выписанный литературный портрет. Талантливо подобранные документы — это сюжет, да иногда такой, что дух захватывает... И вот словно впервые видишь и самого Александра Ульянова, и самодовольного в своей жестокости Александра III, и высокотрагическую фигуру матери — Марии Александровны, и разом повзрослевшего младшего брата. Ленин, пишет Егор Яковлев, никогда публично не высказывался о своем брате. Он вообще был сдержан в проявлении интимных, задушевных чувств. Но по тому эмоциональному напряжению, которое испытываешь при чтении «рассказа в документах», можно понять, сколь сильны и значительны были чувства близких Александра Ульянова, сколь сплотила их пережитая ими трагедия, сколь жестко опалила и отформовала она характер Владимира Ульянова.

Пройдет три десятилетия, и гимназист Владимир Ульянов станет вождем пролетарской революции Лениным. Самый динамичный, самый насыщенный из очерков книги вобрал в себя полугодие из жизни Владимира Ильича. Вся энергия, весь смысл этого отрезка времени для человечества сфокусировались в десяти днях, потрясших мир. Для Ленина, чья личность и так без остатка была растворена в революции, каждые сутки лета и осени 1917 года были заполнены титаническим трудом по подготовке вооруженного восстания, стро-

ительству нового государства. В самом названии очерка — «Повесть о Константине Петровиче Иванове» — как бы подчеркивается мысль об отрешенности человека от себя, от собственной судьбы, о полном слиянии с историческими событиями, уже не о растворении — с воплощении личности в истории.

Между тем именно в эту пору личность Ленина, его судьба были поставлены под угрозу, реальность физического уничтожения была очевидной, Ленину пришлось скрываться в Разливе. Он отдавал себе отчет в опасности своего положения: «меня «ловят»...»

Все мы знаем эту фотографию непохожего на себя Ленина: картуз, парик, бритое лицо. «Штатива не было. Владимиру Ильичу пришлось стать на колени: иначе никак не втиснешься в объектив...» — так начинается «Повесть». С первых строк взята тональность предельного внимания к факту, к событию. Это — хроника, но хроника по-прежнему — публицистическая, пропущенная через себя. Фотографией удостоверялась личность Константина Петровича Иванова, которому разрешается вход в магазинную часть Сестрорецкого оружейного завода до 1 января 1918 года. «1 января восемнадцатого! — констатирует автор. — Кто мог подумать тогда, предсказать, предвидеть, предположить, кем станет обладатель этого пропуска спустя полгода — к тому дню, когда истечет его срок...».

Конспирация, жизнь под чужой фамилией и по чужим документам, условия личной безопасности, которым Константин Петрович Иванов беспрекословно подчинялся, те атрибуты революционного подполья, способные придать яркий драматизм любой судьбе, в ленинской судьбе остаются как бы в тени. А ведь все это было — аресты, ссылки, одиночка, охота на Ленина, смертельная опасность быть схваченным, впоследствии — покушение, тяжкая болезнь. Интересны размышления автора по этому поводу, исследование им природы личного мужества Ленина, полагавшего, что опасности и лишения тяжелое, но известное заранее, едва ли не неизбежное условие жизни революционера. Тут нет ни бесчувствия, ни малейшей рисовки. Просто от Ленина требовалось мужество более высокого свойства, до которого не дожил ни его брат, вообще ни один из предшествующих Ленину революционеров: в дни октябрьского переворота Ленин взял на себя ответственность за судьбы миллионов людей, судьбы пролетариата, судьбы мира.

Удивительны его решительность, непоколебимость, бескомпромиссность в эти дни! Умение, даже оставаясь в меньшинстве, убедить, настоять на своем. Колебания, промедление для революции смерти подобно! Говоря об этих уникальных качествах ленинской личности, автор прибегает к свидетельству А. М. Горького: «Должность честных вождей народа — нечеловечески трудна».

По жанру «Повесть о Константине Петровиче Иванове», как мы уже говорили, — хроника, последовательный репортаж о самых насыщенных и напряженных днях в жизни Ленина, самых решающих— в жизни нашего государства.

Егор Яковлев, историк по образованию, знает цену факту, документу. Конечно, публицистики в книге более всего — профессия журналиста, как говорится, обязывает, но жанровые различия глав подчеркнуты самим автором с откровенностью газетных рубрик: «штрихи биографии», «рассказы в документах», «репортаж из года восемнадцатого». Эти жанровые различия — счастливая находка автора, она позволяет видеть фигуру Ленина с разных точек зрения и весьма увеличивает «емкость» небольшой книги.

Однако не спорят ли в авторе публицист с историком? Возможность такого спора он, кажется, допускает и сам. В одной из своих работ он размышляет о конкретных деталях и подробностях прошлого, которые осложняют, затуманивают общую картину исторического события, как бы снижая его величие. Как к ним относиться, к этим деталям и подробностям, не повлиявшим, казалось бы, на смысл происшедшего? Яковлеву они дороги, как неповторимая принадлежность того времени, без них и воспроизведение окажется менее достоверным и убедительным. Вот почему «рассказ в документах» свободно соседствует в его работе «Портрет и время» со «штрихами биографии».

«Штрихи биографии» — наиболее значительные главы, вся проблемная нагрузка книги — в них. Именно здесь много сказано не только о Ленине, но прямо или косвенно — о современности.

Вот он пишет о цельности характера и мировоззрения Ленина, об отсутствии в нем внутренних противоречий и компромиссов, и вдруг настолько неожиданный переход к современности, к очень известному несколько лет назад политическому деятелю, что останавливаешься даже в некотором недоумении. Их и противопоставлять-то

нечего, настолько несоизмеримы эти личности — Ленин и Никсон! Но послушаем автора, вернее, приведенное им признание одного из приближенных бывшего американского президента — Джеба Стюарта Магрудера: «Мы были морально устойчивыми людьми в личной жизни, но не имели понятия о морали гражданской. Вместо того, чтобы руководствоваться в государственных делах принципами своей личной морали, мы приняли принципы политического поведения, продиктованные президентом, и результат был трагичным для него и для нас». И на той же странице слова В. В. Воровского о Ленине: «В общественную жизнь он ушел весь без остатка, спаяв с нею и свое личное существование. Вся его личная жизнь — рабыня его общественной деятельности». Размышляя о самых острых вопросах современности, о проблемах, волнующих всякого думающего человека, Егор Яковлев ищет и находит ответ на эти вопросы у Ленина. Обнажая ход своих мыслей, он делает и нас, читателей, сопричастными их движению. И поэтому глубоко естественным кажется итог размышлений, видимый так: невозможно быть нравственной личностью, когда твоя личная и гражданская мораль не совпадают.

Если принять за истину, что каждый человек, будть то гений или посредственность, проживает две жизни — одну, значимую для общества, вторую, частную, для себя,— то иногда (см. вышеприведенную цитату из Воровского) может показаться, что этой «второй» жизни у Ленина просто не было, что вся его личность без остатка растворена в революции. Так, да не так... Были привязанности, азарт, была нетерпимость. Не случайно на страницах книги часто звучит глагол «любить». Любил мать. Любил Кремль. Детей. Не любил «новых» поэтов. Позерства... Многого не любил.

Литературный портрет, как и портрет, создаваемый графиком, состоит из штрихов. Только штрихи на гравюре — это тонкие, мелкие линии, сливающиеся в единое целое, а портрет, который стремится воссоздать Яковлев, состоит из глубоких черт личности В. И. Ленина. Некоторые главы так и названы: «Убеждения», «Достоинство», «Мужество», «Характер».

Часто автор возвращается к одной и той же ленинской черте — к его трудолюбию. Мы привыкли применительно к Ленину повторять выражение «титанический труд». Но за этим словосочетанием поразительное качество выдающейся личности: умение, нет, не толь-

ко умение, желание, необходимость работать все свое время и, отдыхая, тоже работать. «У меня ничего другого нет»,— обронил как-то Владимир Ильич в ответ на просьбы домашних поменьше работать во время болезни. В этом не аскетизм, а серьезная человеческая потребность. Все, что делал Ленин, он делал с азартом, замечает Е. Яковлев. Не могу не привести выдержку из книги, которая, думается, объясняет интерес автора к этой черте Ильича:

«Постоянно натянутая струна мыслей и чувств кому-то представляется ненужной растратой энергии: зачем отдавать каждому поступку столько страсти, для чего принимать так близко к сердцу каждое дело, которым занят? Но в той же мере и людям противоположного характера нестерпимо безразличие, спокойная отстраненность от всех дел — все это представляется для них почти смертельной остановкой...»

И так — по всей книге: рассматривая факты биографии Владимира Ильича, иногда редкие, новые для читателя, иногда общеизвестные, автор стремится найти для них свое объяснение. Много, например, всегда говорилось о скромности В. И. Ленина, в настоящей книге приводится тоже немало примеров, свидетельствующих об этой его черте. Однако примеры влекут за собой авторскую мысль, ее движение. «Скромность? Между тем нравственные законы нашей партии убеждают, что коммунист не может достичь такого служебного положения, при котором принятые для всех установления ему не обязательны, а соблюдение их — свидетельство скромности. А в основе эпизодов, о которых шла речь,— суровая, чрезвычайно жесткая требовательность Ленина к неукоснительному исполнению существующих законов и порядков...»

Широко известен эпизод: весной восемнадцатого года Председатель Совета Народных Комиссаров объявил строгий выговор управляющему делами Совнаркома Бонч-Бруевичу за повышение жалованья ему, В. Ульянову (Ленину). Версия «скромности» Яковлева не удовлетворяет, ему хочется представить случившееся во всей реальности. В пятом томе «Биографической хроники» накануне 23 мая, когда и было написано распоряжение Председателя СНК, он находит упоминание о докладе секретаря Совета Горбунова Ленину об изменении в размерах жалованья — в сторону повышения — наркомам и членам коллегий в связи с ростом индекса цен, обесценива-

нием денег. Однако размеры вознаграждения утверждены Совнаркомом, как быть? В числе прочих зарплата повышена и ему. Ленин и начинает с себя: объявляет выговор Бонч-Бруевичу, наказывает и Горбунова. Наркомы прочтут распоряжение, поймут...

Ленин бывал и суров, и взыскателен, чаще всего по отношению к «своим». Так было, когда он узнал, что в Москве пытаются защитить руководителей, которые допускали злоупотребления с распределением жилья. Ленин был особенно резок, нелицеприятен. «...Чем же я сейчас занят? — размышляет автор книги.— Уж не стараюсь ли я обезопасить Владимира Ильича от нападок? Да нет, просто от души разделяю и колкости и издевки, которых немало в ленинских документах. И не будь всего этого, образ Ленина лишился бы, как мне кажется, очень важных, привлекательных, естественно принадлежащих ему черт».

Искренность, доверительность интонации, выверенность авторской позиции, прямота, небоязнь поделиться с читателем своими наблюдениями и догадками — несомненное достоинство книги Е. Яковлева. В соперничестве историка и журналиста, несомненно, побеждает журналист.

Книга написана человеком, который, о чем бы ни писал, как бы ни углублялся в прошлое, заряжается от настоящего, от живого импульса, конкретного впечатления... Историку, чтобы описать ночь на 25 октября 1917 года и появление Ленина в Смольном, вовсе не обязательно самому мерить весь путь Ленина от конспиративной квартиры до смольненских дверей; Яковлев же прошел по тем же улицам в тот же час суток.

Для того чтобы написать о Ленине в восемнадцатом году, исследователю иного плана вовсе незачем обходить Кремль по стене. Не для того же, чтобы убедиться — «здесь не то что часовой — колесница пройдет, ни за что не задевая», или ощутить под ногой стертость ступеней, а под ладонью, какая она, «холодная изнутри старая кирпичная кладка», или увидеть над головой «квадрат неба весенней голубизны».

Библиотеку Ленина в Кремле он откровенно обозревает глазами человека наших дней. Замечая среди книг Ильича стихи Эриха Мюзама «Земля в огне», напоминает о том, чего уж не мог знать Ленин — Мюзама замучили в фашистском концлагере. Шагнет в га-

зовую камеру вслед за детьми Януш Корчак, чья книга «Как любить детей» тоже стоит на полке в личном собрании Владимира Ильича. Ну, а разве нет тут «обратной связи», которую воспринимаешь скорее чувством, чем умом, разве подлинность идей Мюзама и Корчака не подтверждена их героическим концом, разве идеи Ленина и вся его жизнь — не единое целое?

Однако, смею думать, без столь личного авторского восприятия и «участия» в событиях не было бы этой книги; другая была бы, а этой не было бы. Несомненное обаяние очерков Яковлева для читателя как раз в соприсутствии, в свежести и непосредственности восприятия, во внутреннем толчке, который ведом каждому хорошему репортеру, потому что без этого пережитого, пусть малого, но обязательного потрясения репортаж останется бледным, бесстрастным. Здесь же, в книге Е. Яковлева живая цепочка от автора к читателю действует безотказно. Ею, кстати сказать, искупаются и некоторые недостатки книги — неровность стиля, в иных местах облегченность комментария в сравнении с фактом...

«Случается,— замечает Е. Яковлев,— приводишь эпизод из самых, пожалуй, известных воспоминаний, говоришь об этом не с первым встречным — с человеком читающим, а в ответ: «Интересно... Я никогда об этом не слышал...» Книга предназначена для широкого читателя. Особенно интересно будет прочесть ее человеку молодому, у которого вторая, «взрослая» встреча с Лениным еще впереди.

Есть в этой журналистской книге еще одно качество — ее как бы незавершенность, открытость для продолжения. При втором прочтении это особенно очевидно: многое выглядит фрагментами, записями, заготовками для новой книги. Надо сказать, что при всей обширности мировой Ленинианы, настоящая биографическая книга о Ленине, наиболее полно отражающая его личность, еще не написана. Может быть, ее со временем напишет Егор Яковлев. Может быть, другие. Но тот, кто напишет,— уже не обойдет вниманием эту очерковую, разведческую книжку, вышедшую из-под живого пера, рожденную горячим, насущным вниманием и любовью к личности Владимира Ильича Ленина.

И. ДЕМЕНТЬЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

Егор Владимирович ЯКОВЛЕВ

БЫЛОГО СЛЫШУ ШАГ

Приложение к журналу «Дружба народов»

Оформление «Библиотеки» **Ю. Алексеевой**

Редактор **Е. Абрамович**

Художественный редактор **И. Смирнов**

Технический редактор **В. Новикова**

Корректор **Л. Сухоставская**

●

ИБ № 917

Сдано в набор 05.10.84. Подписано в печать 30.01.85. А 03917.
Формат 84×108[1]/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Балтика».
Печать высокая. Печ. л. 14,5. Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 24,57.
Уч.-изд. л. 24,34. Тираж 275 000 экз. Заказ 3604.

Цена 1 руб. 80 коп.

●

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР».
103791 ГСП. Москва, Пушкинская пл., 5.

Ордена Трудового Красного Знамени типография «Известий
Советов народных депутатов СССР» имени
И. И. Скворцова-Степанова.
Москва, Пушкинская пл., 5.

В 1985 году
издается 15 книг
библиотеки

«ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

А. Айлисли. Сказка о серебряных щипчиках. Перевод с азербайджанского.

А. Беляускас. Тогда, в дождь. Роман. Перевод с литовского.

К. Ваншенкин. Графин с петухом. Повести. Рассказы.

Современный грузинский рассказ. Перевод с грузинского.

А. Ильченко. Козацкому роду нет переводу. Роман. Перевод с украинского.

В. Кондратьев. На поле овсяниковском. Повести. Рассказы.

А. Коптяева. Дерзание. Роман.

Я. Кросс. Императорский безумец. Роман. Перевод с эстонского.

М. Магауин. Голубое марево. Роман. Повести. Рассказы. Перевод с казахского.

В. Распутин. Век живи — век люби. Повести. Рассказы.

В. Тендряков. Шестьдесят свечей. Роман. Повести.

А. Чаковский. Победа. Политический роман в 3-х книгах. Том 1.

А. Чаковский. Победа. Политический роман в 3-х книгах. Том 2.

Ю. Шесталов. Синий ветер каслания. Повести.

Е. Яковлев. Былого слышу шаг.

Яковлев Е. В.
Я 47 Былого слышу шаг. — М.: Известия, 1985.— 464 с., ил.

Книга писателя-публициста Егора Яковлева повествует о фактах из жизни и деятельности Владимира Ильича. Автор рассказывает о В. И. Ленине как о коммунисте, руководителе, товарище, человеке.

Я $\frac{4702010000-035}{074(02)-85}$ 77—85 подписное

ББК 84Р7
Р2

